

С.Л. АГАЕВ

ИРАН

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ

СОБЫТИЯ
ЛЮДИ
ИДЕИ

ПОЛИТИЗДАТ

С.Л.АГАЕВ

ИРАН

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ

СОБЫТИЯ
ЛЮДИ
ИДЕИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

Агаев С. Л.

- А23 Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи.— М.: Политиздат, 1987.— 319 с.

В книге доктора исторических наук С. Л. Агаева на основе публикаций в советской и зарубежной печати воссоздается картина острой внутриполитической борьбы в Иране после революции 1978—1979 гг. Большое внимание уделяется международному положению Ирана, событиям, связанным с ирано-иракской войной.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

А $\frac{0804000000-177}{079(02)-87}$ 199—86

ББК 66.2(5Ири)

*Что развивается в трагедии?..
Человек и народ —
Судьба человеческая,
судьба народная.*

А. С. Пушкин

ИДЕАЛЫ И ИДОЛЫ

(ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ)

Возможно, кое-кому из читателей настоящей книги ее подзаголовок — «События. Люди. Идеи» — покажется не во всем точным. «Конечно, события и люди в книге изображены достаточно широко,— скажут такие читатели,— но вот идей в ней что-то маловато». И они, думается, будут в какой-то мере правы. Но только в какой-то.

Можно было бы ответить, что основное содержание книги имсет не философский, а историко-политический характер, и уже одним этим оправдать преимущественный акцент на событиях и людях, а не идеях. Однако такое оправдание было бы не совсем правомерным и уж, во всяком случае, совершенно недостаточным, ибо в процессе крупных исторических событий люди всегда выдвигают какие-то идеи. Но какие? В этом вся суть.

Есть идеи и есть идеи. Одни — отрываются от реального предмета и представляются как нечто самостоятельное, независимое, другие — отражают материальный мир, и потому их собственное развитие определяется развитием общественного бытия. Конечно, идеи первого рода

тоже могут по-своему, в превратной форме отражать какие-то стороны реального мира, но уже этой своей формой они служат интересам отживающих общественных сил и тем самым тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Идеи же второго рода выражают интересы передовых сил, отражают насущные потребности исторического прогресса общества, способствуют его развитию, продвижению вперед.

Пойдем дальше. Из совокупности идей и того и другого рода вырастают идеалы — как образцы, как высшая цель, определяющая стремления, поведение, деятельность людей. Но в зависимости от того, как идеалы соотносятся с действительностью, насколько полно и правильно отражают тенденции ее развития, они могут быть несбыточными, ложными или же реальными, осуществимыми.

Идеалы первого рода — это образы желаемого, вынесенные за пределы существующей действительности, с которыми ее, действительность, хотят заставить сообразоваться, это канонизированные, закостеневшие схемы. Это уже, собственно, не идеалы, это всего-навсего идолы — холодные, неподвижные, пустые. Правда, борьба за такие идеалы-идолы не исключает героизма и самопожертвования отдельных лиц и даже больших групп людей, но она, как правило, влечет за собой обман и бессмысленное истребление громадных по численности и ни в чем не повинных масс народа.

Идеалы второго рода — это подлинные идеалы, ибо за ними сама действительность, рассматриваемая с точки зрения перспектив ее развития, ибо это опережающее отражение реального бытия, опирающееся на научный анализ его поступательного процесса. Они не могут пребывать в неподвижности, они изменяются вместе с жизнью и для жизни.

В современных условиях борьба идей приняла более ожесточенный характер, чем когда-либо в прошлом. Не на жизнь, а на смерть схватываются идеалы ложные и реальные, точнее идолы и идеалы. И бывают короткие — с точки зрения исторического процесса — периоды, когда идолам в силу ряда причин удается овладеть воображением масс. Общественное бытие временно топчется на месте или иногда даже отбрасывается назад. В такие периоды «судьба человеческая, судьба народная» становится подобна трагедии. В конечном счете, однако, всегда торжествуют не идолы, а идеалы.

В настоящей книге освещаются события именно такого «смутного времени», когда народ Ирана простился с прошлым, но еще не обрел будущего. Перед читателем пройдет картина борьбы — то открытой, то скрытой — между идеалами освободительной, национально-демократической революции 1978—1979 гг., отражавшими вековые чаяния трудящихся масс страны, и теми идеалами, в которых воплотились узкокорыстные, социально ограниченные, сословно-групповые, корпоративные устремления некоторых участников революции, объективно выражавших интересы пробуржуазных и буржуазных сил и в то же время пытавшихся удержать под контролем широкие народные массы. Читатель увидит, как последним удалось постепенно оттеснить, но отнюдь не вытравить из людских душ гуманистические идеалы. Вот в таком контексте и фигурирует в подзаголовке книги понятие «идеи».

И еще одно. Исход происходящей в современном Иране борьбы идей пока еще вряд ли можно считать окончательным. Хотя в последнее время политическая обстановка в стране в значительной мере стабилизировалась, нельзя сбрасывать со счетов и возможности развития иных тенденций, связанных, в частности, с подспудной внутренней борьбой в рядах правящих кругов и продолжающейся эволюцией сложившегося в Иране режима. Учитывая это, автор видел свою основную задачу не столько в исчерпывающей интерпретации, сколько в первичном обобщении накопившегося фактического материала, что позволяет сделать пусть предварительные, но достаточно определенные выводы.

ЗАПРОГРАММИ- РОВАННАЯ КАТАСТРОФА

КРАХ
ШАХСКОГО РЕЖИМА

Он мечтал совершить при жизни одного поколения «прыжок через столетия», перевести Иран «из средневековья в ядерный век», превратить страну в «пятую индустриальную державу мира», привести ее «к великой цивилизации» — название предпоследней книги его мемуаров. В этой книге, опубликованной в 1977 г., накануне всколыхнувшей всю страну подлинно всенародной антимонархической революции, он утверждал, что «удивительная сила иранского монархического порядка» и «непоколебимая солидарность шаха и народа» уже позволили Ирану осуществить «чудо», которого не удалось добиться «столь здоровым и гуманным путем» ни одной другой стране, ни одному другому обществу.

Шах Мохаммед Реза Пехлеви под «чудом» имел в виду свою «белую революцию» — так назвал он предыдущую книгу мемуаров. Ей предшествовал, кстати сказать, другой мемуарный опус — «Мое служение родине».

Нет, Мохаммед Реза-шах не был пустым мечтателем. С 1963 г. он активно претворял в жизнь свою «белую революцию», или, как окрестил ее позже, «революцию шаха

и народа». Результаты серии крупномасштабных социально-экономических и политико-административных реформ, проведенных в течение последующих полутора десятилетий за счет колоссально возросших доходов от нефти, поражали воображение не только многих западных наблюдателей, но и самого монарха.

Нефть позволила Ирану испытать почти невиданные ранее темпы экономического роста и окунуться в фантастические по своей амбициозности проекты. В отсталой аграрной стране появились новые отрасли современной индустрии — металлургические и машиностроительные заводы, нефтехимические комплексы, автомобильные и тракторостроительные предприятия, газовая и алюминиевая промышленность, заложены основы национального судо- и самолетостроения и даже сделаны шаги к созданию атомной энергетики. Наблюдатели констатировали быстрое превращение Ирана из аграрной в индустриально-аграрную страну. Шах едва успевал заказывать за границей наряду с атомными электростанциями и самые совершенные вооружения из американских арсеналов.

Нефтяная манна вызвала потребительскую лихорадку, охватившую все более и менее состоятельные слои населения. В стране, еще недавно прозябавшей в условиях социального и экономического застоя, стали утверждаться эталоны современного «общества потребления».

Головокружительный экономический рост был предметом особой гордости шаха Мохаммеда Резы еще и потому, что сопровождался относительной социальной и политической стабильностью. Шах подчеркивал это обстоятельство чуть ли не в каждом своем публичном выступлении. Разве не он установил субсидии для поддержания постоянных цен на продовольственные товары, ввел бесплатное восьмилетнее образование и даже бесплатную раздачу школьникам молока? Не он ли уделял внимание мероприятиям по расширению системы просвещения и здравоохранения, повышению заработной платы рабочим и служащим, борьбе с безработицей — даже путем создания мнимых рабочих мест? Он был инициатором полной ликвидации полуфеодалальных отношений в деревне и перераспределения земель в пользу крестьянства. Почему же народ не должен любить своего монарха, проявляющего отеческую заботу о нем?..

Шах медленно расхаживал по дворцовому залу, дик-

туя машинистке последние страницы книги, название которой должно было отразить его новый идеал, — «К великой цивилизации». Задумчиво скользнув взглядом по зеркалам — спереди, сбоку, сзади, он вдруг увидел себя в окружении миллионных толп людей, благоговейно, с трепетным восторгом взирающих на своего властелина и благодетеля. Довольный, шах Мохаммед Реза одарил верноподданную массу широкой улыбкой и приветственным взмахом руки. Но тут неожиданно заметил совершенно другое, новое выражение устремленных на него взглядов: они были искажены яростным негодованием, лютой ненавистью, неистребимой злобой...

Спустя полтора года, уже лишившись трона, смертельно больной Мохаммед Реза опубликует последнюю книгу воспоминаний — «Ответ истории». В ней он пытается понять сам и объяснить другим, почему «приходит в беспорядок, разрушается, разваливается то, что было создано с помощью всевышнего, благодаря энтузиазму и труду целого народа...» Первопричиной всему, оказывается, было то, что «отсталые» массы Ирана не смогли «идти в ногу» с «белой революцией». Недовольством «несознательных» слоев населения умело воспользовались группы «заговорщиков», превративших «белую революцию» в «черную контрреволюцию», имеющую целью отбросить страну на несколько веков назад.

В своем «ответе истории», а если точнее — в историческом споре с представителями антишахской оппозиции он исходил не только из собственных субъективных намерений, но и из высоких количественных показателей, действительно достигнутых Ираном в течение полутора пореформенных десятилетий. Однако количество имеет своей антитезой качество, субъективные намерения (даже самые искренние) — объективные результаты.

Сравнительно высокие количественные показатели роста иранской экономики не отражали реальный прогресс в экономическом развитии страны. Значительные темпы этого роста были обусловлены в основном возможностью использования нефтяных доходов для привлечения научно-технических достижений развитых капиталистических стран. Но ускоренная модернизация по западному образцу, проводившаяся в условиях довольно низкого исходного уровня, вызвала крайнюю неравномерность и диспропорциональность всего экономического развития страны. Уже в середине 70-х годов выявились резкий рост дефицита платежного баланса и инфляция,

которая сильно отразилась на доходах большинства трудящихся.

Политика индустриализации Ирана, по мысли шаха, должна была способствовать ликвидации архаичных, традиционных и расширению новых, современных социально-экономических укладов. На деле же эта политика привела к возникновению государственно-монополистических общественных структур, на которых паразитировала горстка удачливых коммерсантов и коррумпированных чиновников, а огромная масса населения, выбитого из традиционных жизненных укладов, в подавляющей своей части осталась вне процесса социальной модернизации. Поощряемая шахом «революция растущих ожиданий», хотя и дала определенные плоды, в целом обернулась для этих общественных слоев «революцией обманутых надежд».

Не достигла своих целей и аграрная политика шахского режима. Ликвидация полуфеодалных отношений в деревне и перераспределение земель в пользу крестьянства, хотя и привели поначалу к довольно существенному увеличению числа мелких собственников, в конечном счете вызвали рост крупных капиталистических хозяйств. Вновь созданные акционерные сельскохозяйственные компании и агропромышленные общества получили возможность «легальной экспроприации» мелких землевладельцев. Крестьяне массами бросали или продавали свои земельные участки и устремлялись к «благам» городской жизни, в которой большинство из них так и не смогло найти себе место.

Еще сильнее сказались результаты шахской политики на социально-психологическом уровне. Форсированное промышленное развитие, ускоренное городское строительство, вторжение иностранных товаров, растлевающее влияние буржуазной массовой культуры, одним из побочных продуктов которой является распущенность нравов, взломав традиционные структуры общества, вызвали острый кризис самосознания. Вырванные из привычной деревенской среды и брошенные в сумятицу бездушных городов с их хитросплетениями забитых автодорог, небоскребами и универсами, иранцы ощущали себя не дома. И они обрушились на все, что было чуждо их устоявшемуся жизненному укладу.

Бурная ответная реакция широких слоев населения на навязываемую им извне модель развития в конечном счете была обусловлена особенностями современного ка-

питализма. Насаждаемые «сверху» новейшие формы капиталистического производства не могли преобразовать всю традиционную социальную структуру и, следовательно, создать жизнеспособную буржуазную систему хозяйства — они лишь воздвигали дополнительные преграды на пути широкого и массового развития капитализма «снизу». Наличие в руках государства колоссальных нефтяных доходов, используемых в качестве мощного рычага буржуазных преобразований, создало возможность относительно эффективной технико-экономической модернизации, но в то же время ускорило вызревание тех внутренних противоречий, которые характерны для капиталистической эволюции всего азиатско-африканского мира. Тем самым в весьма яркой форме проявилась неспособность современного капитализма решить основные задачи общественного прогресса в интересах широких слоев населения.

В то же время проводимая шахским режимом политика классового и военно-политического союза с Западом открывала широкие возможности для неокOLONиалистской экспансии империалистических держав, прежде всего США. Используя в своих интересах гегемонистские, великодержавные амбиции шаха, они добились превращения Ирана в «жандарма» Персидского залива и Индийского океана, «стража» нефтяных интересов империализма на Среднем Востоке, главную силу по борьбе с национально-освободительным движением в этом районе. Благодаря поставкам в Иран ультрасовременного американского оружия, сопровождаемого огромной массой военных советников — «наемников в белых воротничках», иранская армия, по существу, превратилась в гаранта зависимости страны от США. Общим объективным последствием практического претворения в жизнь официально провозглашенного шахом курса «независимого национализма» стала тесная привязка иранской экономики к мировому капиталистическому хозяйству, а иранской политики — к империалистическим интересам западных держав...

В то время как шах Мохаммед Реза упивался идеями «белой революции», один из его злейших врагов постоянно высказывал абсолютную уверенность в том, что час возмездия грядет, народ восстанет и сметет монархию. Этого часа он готов был ждать столько, сколько понадобится. Ибо аятолла Рухолла Мусави Хомейни свято верил в житейскую истину, облеченную в стих священно-

го Корана: «У всякого народа — свой предел; и когда придет их предел, то они не замедлят ни на час и не ускорят».

Вдохновляла же его не только идея личной мести — за вынужденную с 1964 г. эмиграцию, за предполагаемое убийство агентами шахской охраны САВАК его старшего сына. Он всеми фибрами души ненавидел «белую революцию», открывшую страну разлагающему влиянию «бездушного материализма», «постыдного атеизма» и «неверных иностранцев», способствовавшую разрушению религиозных и национальных традиций народа, превращению людей в бессмысленных подражателей «западного образа жизни» с его жаждой потребления и господством чистогана.

Идолу «белой революции» он противопоставил свой идеал «исламского правления» и «исламского общества», прообраз которых восходил к временам пророка Мохаммеда и имама Али, живших тринадцать с половиной веков назад. «Исламское правление» должно подготовить людей ко времени пришествия шиитского мессии — 12-го имама Махди, сокрытого от органов чувств непосвященных, но зримого сердцами верующих. В «исламском обществе» все слои населения будут жить, как братья, единой мусульманской общиной, где богач обязан помогать бедняку и каждый — проявлять заботу о соседе. «Не будь угнетателем, не будь угнетенным» — вот девиз, которым будут руководствоваться все члены общины.

Путь к созданию общества «исламской социальной справедливости» пролегает через внедрение ислама во все поры жизни людей, восстановление исламских моральных отношений, всеобщий возврат к непреходящим ценностям мусульманской религии — благочестию, скромности, воздержанности. Для этого необходимо осуществить «исламскую революцию» (начинающуюся свержением шахского режима и завершающуюся установлением власти духовенства) и — как ее составную часть — «исламскую культурную революцию» (предусматривающую борьбу против всех противников мусульманских религиозно-культурных и социальных программ, продавцов и потребителей алкогольных напитков и наркотиков, женщин, отказывающихся носить предписываемую канонами ислама одежду, и других нарушителей: исламского «морального кодекса»). Только с помощью таких мер можно добиться морального усовершенствования

ния мусульманской общины, очистить ее от разлагающего влияния насаждавшегося десятилетиями «западного образа жизни».

Не меньшее значение имеет уничтожение иностранного, и особенно американского, влияния, искоренение последствий проникновения в страну буржуазной массовой культуры, способствующей распространению западной вседозволенности и упадку традиционных моральных устоев. Но, поскольку опасность для мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и от «атеистического Востока», в борьбе против одной из «сверхдержав» не следует опираться на поддержку другой. Спасение мусульман в самоизоляции, в поисках собственного, «третьего пути» развития.

Многие зарубежные наблюдатели в те дни задавались вопросом: что вызвало к жизни эти взгляды, как бы вырвавшиеся из средневековья и со скоростью пули ворвавшиеся в XX в.? Вопрос этот мучил и шаха Мохаммеда Резу Пехлеви после того, как он понял, что «исламская революция» — не химера, а реальный исторический факт. (Но шах не осознавал главного, а именно, что «исламская революция» духовенства, хотя и поднялась на гребне народной революции, отнюдь не тождественна ей.) Ответ на вопрос Мохаммед Реза искал в чем угодно, только не в своей собственной политике. А между тем именно она, его политика, создала благоприятную почву и для подъема всенародного движения, и для «исламской революции» в частности.

В современных условиях в результате победоносных национально-демократических революций эстафету власти из рук эксплуататорских классов и слоев принимают обычно либо средние слои, либо рабочий класс. В Иране практически и то и другое было исключено.

На формировании иранского рабочего класса особенно сильно сказалась обусловленная научно-технической революцией специфика современного производства, когда увеличиваются роль и значение сложного оборудования и соответственно уменьшается потребность в «живом труде». В таком производстве, усиленно насаждавшемся шахом, было занято менее трети рабочего класса, остальная же часть его трудилась в кустарных и полукустарных мастерских ремесленно-торгового типа. Здесь среди пролетариата преобладали традиционалистские настроения, тогда как его промышленное ядро подвергалось усиленной идеологической обработке в реформист-

ском духе. Росту политической зрелости рабочих препятствовало и лишение их шахскими властями права на создание политических партий и даже самостоятельных профсоюзных организаций.

Еще сложнее было положение в рядах образованной части средних городских слоев, находившейся под строгим надзором САВАК. Политика систематической политической стерилизации, проводившаяся шахским режимом в отношении интеллигенции, способствовала разобщению и распылению ее сил, дезориентации и дезорганизации ее рядов, лишения ее политической зрелости, самостоятельности и чувства политической ответственности. Неудивительно, что в течение полутора пореформенных десятилетий из среды иранской интеллигенции не выдвинулся ни один сколько-нибудь влиятельный лидер, и с началом революции на политическую арену вышли в основном изрядно постаревшие либеральные политики 40—50-х годов.

Неспособные на какие-либо активные действия, если не считать критических высказываний в адрес режима, представители либерально настроенной интеллигенции, принимая позу бескомпромиссной позиции, отказывались принять эстафету власти, даже когда шах сам стал умолять их взять в свои руки бразды правления государством, и почти без борьбы уступили политическое руководство верхушке шиитского духовенства. «Религиозный истеблишмент», всегда относившийся с пренебрежением к этой части интеллигенции, позже искусно использовал ее для закрепления своей власти и затем преспокойно убрал — группу за группой — с политической арены.

Молодые кадры иранской интеллигенции, будучи продуктом шахской политики расширения системы образования, в основной своей массе также не проявили способность к руководству антимонархической борьбой народных масс. Даже происламски настроенные интеллигенты, получившие образование на Западе и долгое время готовившие себя там в выпрепанных разговорах о «прогрессивном духе ислама» к кооптации в будущее государственное правление, оказались со временем под пятой «религиозного истеблишмента». Получив позже возможность посидеть некоторое время в государственных офисах в качестве номинальных правителей, а точнее — объектов для порицания, многие из них были затем осуждены либо за некомпетентность, либо как «агенты ЦРУ».

Оказались неспособны принять эстафету власти и

близкие к шахскому двору группы высшей бюрократии и армейских чинов. Благодаря усердным стараниям монарха, громоздкий государственный аппарат и мощные по численности и оснащению вооруженные силы могли более или менее нормально функционировать только под его неусыпным и бдительным оком. Без ведома шаха никто не осмелится бы постричь газон в районе дворца, передвинуть воинскую часть из одного пункта в другой. Не случайно с отъездом шаха из страны громадное государственное здание сразу как бы опустело и стало разваливаться, а в армии, верховным главнокомандующим которой он был, начался интенсивный процесс разложения и дезинтеграции.

Не смог создать Мохаммед Реза прочную опору монархии и в тех социальных группах, которые более всех выиграли от политики индустриализации и проведения аграрных реформ: крупной (в основном монополистической) буржуазии и зажиточного крестьянства. Складывается впечатление, что в течение полутора десятилетий шах тем только и занимался, что готовил свое падение и приход к власти тех, чье возвышение пытался всячески предотвратить.

Заигрывая с религией и пытаясь поставить ее на службу монархическому режиму, шах вынужден был допустить какую-то степень оппозиционной деятельности духовенства, хотя и ограниченную пределами мечетей. Но именно в мечетях религиозные круги поддерживали тесную и повседневную связь с широкими слоями населения. Конечно, на открытые антишахские выступления духовенства власти отвечали репрессиями, начиная с разгона религиозных собраний и кончая расстрелами духовных лиц. Однако тем самым они давали возможность духовенству укрепить в народе мысль о тесной взаимосвязи политической и религиозной борьбы. И где уж было шаху предвидеть, что политика ускоренной модернизации по западному образцу может вызвать в качестве ответной реакции стремление к ее амортизации и даже возврату к традиционным общественным и культурно-правственным устоям. В таких условиях в традиционалистских представлениях консервативное по своей природе духовенство, естественно, выглядело во многих отношениях идеальным руководителем антишахской борьбы, тем более что левые организации, всегда бывшие главным объектом шахских репрессий, находились в глубоком подполье.

Мало того что шах невольно способствовал выдвижению духовенства на авансцену политической жизни — он подготовил для него и социальную и политическую опору. Первую составили концентрирующиеся на городских базарах представители мелкого торгово-предпринимательского капитала и традиционной, торговой буржуазии, интересы которых наиболее сильно задела шахская политика индустриализации. Эти слои населения, всегда имевшие тесную связь с духовенством, взяли на себя финансирование его антишахских выступлений. Вторую — огромная армия обездоленного населения, возросшая в результате быстрого процесса урбанизации, происходившего на фоне запустения сельской местности. В ходе аграрных преобразований в деревне были разрушены старые формы взаимной помощи и поддержки, выполнявшие функции своеобразного социального обеспечения. Огромные массы сельского населения лишились тех преимуществ, которые вытекали из традиционных отношений, получив взамен лишь отчужденность городской жизни в условиях капиталистической индустриализации. Стремительная ломка устоявшихся духовных традиций и самобытных культурных ценностей создала вакуум, который, естественно, стал заполняться последним из того, что оставалось у народа, — его религией.

Для широких масс населения в духовных ценностях ислама воплотился тот комплекс факторов морального, этического, гуманистического и социального порядка, в котором выразился их протест против беззакония и произвола, аморальности и коррупции, деградации личности и отчуждения власти от масс, культа наживы и роста социального неравенства. Массовые выступления в религиозной форме, свойственные всем народам на известной ступени их развития, в Иране с начала 1978 г. вылились в подлинно народную революцию. В ходе ее широкие слои населения проявили неукротимую тягу к кардинальному общественному переустройству на самобытной национальной основе, их участие наложило отпечаток на весь ход революционных событий. Выдвинутые духовенством лозунги «исламского правления» и «исламской республики» в тот момент объективно отразили глубоко выстраданные народом вековые идеалы равенства и социальной справедливости.

Что касается самого духовенства, волею судьбы оказавшегося во главе всенародной борьбы, то оно в первую очередь выступало за увековечение социально-экономи-

ческих условий своего существования и утверждение своей политической гегемонии. В течение 1978 г. «исламская революция» духовенства, призванная осуществить эти нерекламируемые цели, еще выступала в качестве одного из потоков в общей струе всенародной борьбы и не могла изменить народного характера революции.

Аятолла Хомейни, лидер духовенства, вставший в ходе антишахской борьбы во главе народной революции, полагал (и не без оснований), что основные задачи «исламской революции» могут быть поставлены и решены только после свержения монархического режима. Но ислам, считал он, понадобится и для этой цели.

Шаха Мохаммеда Резу аятолла Хомейни в своих бесчисленных посланиях народу из эмиграции обличал как живое олицетворение того «сатаны», который, согласно Корану, безуспешно пытался противостоять воле всемогущего Аллаха. Ирония же судьбы состояла в том, что именно этот «сатана» не только «запрограммировал» собственную катастрофу, но и вызвал к жизни, сам того не ведая, духов «исламской революции».

Всенародное революционное движение в Иране было направлено не только против монархического режима, но и против политики американского империализма. Империалистические круги США сразу же увидели в этом движении серьезнейшую угрозу своим военно-стратегическим и нефтяным интересам и потому поспешили любыми средствами затормозить развитие массовой борьбы, направить ее в нужное им русло. Внешняя политика США, процесс формирования их отношения к событиям в Иране стали фактором, активно воздействующим на иранскую внутриполитическую ситуацию.

...Когда в один из июньских дней 1977 г. Уильяма Салливена, нового посла Соединенных Штатов Америки в Иране, провели в дворцовый зал, где должна была состояться церемония представления шаху, ему показалось, что он попал на грандиозный театрализованный карнавал. К Мохаммеду Резе, восседавшему на троне, вел узкий проход, образованный двумя рядами придворных в сверкающих галунами мундирах. В ярком солнечном свете, падавшем на шаха из расположенного позади окна, ослепительно блестели монаршьи регалии, и стоявший в полумраке посол вынужден был щуриться, глядя на его императорское величество. Однако, вопреки ожиданиям, в самом монархе Салливен не увидел ни помпезности, ни высокомерия, разве что некоторую резкость.

Одной из первых серьезных забот нового посла стала организация визита шаха Ирана в Вашингтон и ответного визита президента США в Тегеран. Такого рода встречи на высшем уровне были обычным явлением в истории отношений двух стран. Лестничная клетка канцелярии американского посольства в иранской столице была увешана фотографиями шаха с каждым из американских президентов, начиная с Франклина Рузвельта. Они символизировали тесный союз между двумя странами, становившийся с каждым годом все сильнее и крепче. В Вашингтоне к Мохаммеду Резе относились как к «просвещенному монарху» и надежному союзнику, оберегающему весь район Персидского залива и Юго-Западной Азии от «распространения коммунизма».

Джимми Картер, вступивший на пост президента США в 1977 г., был восьмым главой американской администрации за период царствования Мохаммеда Резы. Если раньше Картер публично заявлял, что отстаиваемая им концепция «защиты прав человека» распространяется на Иран так же, как и на другие страны, то теперь он коснулся этого вопроса лишь в ходе частной беседы во время визита шаха в США в середине ноября 1977 г. Слезы, вызванные у глав двух государств и их жен слезоточивым газом, с помощью которого американская полиция разгоняла антишахскую демонстрацию обучающихся в США иранских студентов, никак не омрачили «особые отношения» Ирана и США, еще раз подтвержденные этой встречей.

Спустя полтора месяца президент США и шах Ирана встречали вместе новый, 1978 год в величественном дворце Ниаваран в Тегеране. Картер танцевал с шахишей Фарах и сестрой-близнецом шаха принцессой Ашраф. Возбужденный обстановкой, он забыл не только о «правах человека», но и об официальном — сдержанном и корректном — тексте выступления, который подготовил ему Салливан. Вместо этого Картер, благоверный христианин, произнес пылкий тост с использованием выражений, которые он обычно приберегал для всевышнего. «Иран,— говорил он,— благодаря замечательному руководству шаха является островком стабильности в одном из наиболее беспокойных районов мира... На свете нет такого государственного деятеля, к которому я питал бы большую признательность и личную привязанность».

Это была вторая — и последняя — встреча Картера и Мохаммеда Резы. Вскоре в Иране началась революция,

противоречивый ход развития которой роковым образом сказался на отношениях двух союзных государств. Во главе подлинно народной революции оказалась самая консервативная общественная прослойка — шиитское духовенство, проявлявшее, помимо прочего, резкое недовольство западным, и особенно американским, влиянием. Его лидеры иногда выдвигали лозунги, до которых народное движение еще не доросло, а подчас так отставали от развития массовой борьбы, что потом едва успевали подстроиться к ней, поэтому они казались наблюдателям то бесспорными вождями революции, то всего лишь ее бесплотными символами. Могучие приливы революционного движения сменялись настолько сильными отливами, что большинство наблюдателей отмечали лишь трудности положения шаха, но не видели начала революции.

Среди тех, кто долго верил в способность шаха Ирана сохранить власть, был и Салливен. Даже летом 1978 г. в телеграммах в США он неизменно отмечал, что шах твердо держит в своих руках бразды правления. Правда, понимая ограниченность своих сведений об антишахской оппозиции, он по собственному почину дал указание сотрудникам посольства и персоналу центра ЦРУ в Иране установить с нею непосредственные контакты минуя шахскую тайную полицию САВАК. И тут шах получил возможность показать послу, что пока еще действительно держит в руках бразды правления.

Делая представление Саллиvenu, Мохаммед Реза спросил его, не являются ли санкционированные им контакты указанием на намерение США переориентировать свою политику в Иране. Ведь недавно Нельсон Рокфеллер заверил его по телефону в неизменности поддержки США, обещая подтверждение из Белого дома, и действительно, вскоре ему звонил помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Какова же политика США? Салливен заявил, что шах по-прежнему может рассчитывать на американскую поддержку. В свою очередь Мохаммед Реза дал ясно понять, что любые контакты посольства США с оппозиционными группировками будут рассматриваться им как ослабление лояльности.

Выехав в июле в отпуск на родину, Салливен поставил вопрос о контактах с иранской оппозицией перед Дэвидом Ньюсомом, заместителем госсекретаря по политическим делам, руководившим работой всех послов

в кризисных ситуациях. Ньюсом, как сообщалось позже в американской печати, согласился с Салливенем, что такие контакты следует поддерживать несмотря на возрастания шаха.

Вернувшись, Салливен нашел внутривполитическую обстановку в Иране крайне обострившейся. Обеспокоенный распространявшимися в Тегеране слухами о плохом состоянии здоровья шаха, он поспешил встретиться с Мохаммедом Резой. Шах, также недавно вернувшийся из отпуска, выглядел здоровым и отдохнувшим. Между ними завязался непринужденный разговор о летнем отдыхе. Но как только посол попытался перевести беседу на вопросы политического положения в Иране, Мохаммед Реза сразу помрачнел и погрузился в угрюмое молчание. После нескольких неудачных попыток вывести его из этого состояния Салливен позволил себе бесцеремонно уставиться на монарха и в упор спросить его недопустимо озабоченным тоном:

— Что с Вами?

И тут шаха прорвало. Целых 10 минут он перечислял все случаи выступлений оппозиции, а затем охарактеризовал их как «следствие тайных иностранных прожектов». Монарх не скрыл, что подозревает в содействии оппозиции британские и американские службы, в том числе и ЦРУ. Почему США изменили отношение к нему? Может, между США и СССР достигнуто соглашение о разделе Ирана на «зоны влияния»?

Салливен был поражен всем, что услышал. Он старался убедить монарха в поддержке его Соединенными Штатами и в национальном характере внутренней оппозиции.

— Откуда же тогда диссиденты достают деньги? — спросил шах.

— Очевидно, на базарах, — ответил посол.

Мохаммед Реза отказывался верить. Напряженный разговор утомил шаха, и, когда Салливен поднялся, чтобы уйти, он почувствовал себя свободнее...

В начале сентября 1978 г. почти во всех крупных городах Ирана прошли массовые демонстрации. 8 сентября в Тегеране и еще в 11 городах шах велел ввести военное положение. Спустя несколько часов новые демонстрации в Тегеране были потоплены войсками в крови («черная пятница»). После этих событий Картер связался с Мохаммедом Резой по телефону. Группа американских бизнесменов, находившаяся в это время на приеме

у шаха, отметила, что он был весьма доволен президентским звонком. По словам Салливена, позже он уже не жаловался на ЦРУ и правительство США. Сам же Мохаммед Реза спустя год в своих мемуарах будет делать упор на то, что Картер выразил ему сожаление по поводу гибели людей и потребовал возобновления начатой еще до революции программы политической «либерализации». Показательно, что 16 сентября премьер-министр Великобритании Джеймс Каллагэн в личном послании шаху, выразив сочувствие по поводу «беспорядков» в Иране и гибели людей, также призвал его продолжать политику «либерализации» во имя сохранения «устойчивого и процветающего Ирана».

В целом же, по имеющимся данным, администрация США восприняла проявленную шахом готовность использовать силу как хороший знак. Даже Салливен, начавший было сомневаться в способности иранского монарха овладеть положением в стране, расценил введение военного положения как свидетельство того, что шах вновь обрел уверенность в своих силах. Однако уже в октябре Мохаммед Реза начал «заигрывать» с оппозицией путем незначительных уступок и, в частности, отдал распоряжение войскам перейти от расстрелов демонстраций к их «сдерживанию». Эту новую тактику иранского монарха, проводившуюся в условиях военного положения, Салливен назвал «кормлением крокодилов». Посол снова стал опасаться выхода событий из-под контроля.

Уильям Салливен и английский посол в Иране Антони Парсонс теперь чуть ли не ежедневно посещали шаха, в большинстве случаев по его инициативе. Мохаммед Реза без конца говорил им о своей решимости стать конституционным правителем и не возвращаться к диктатуре, ибо монарх не может управлять своими подданными, основываясь исключительно на силе, он должен убедить их принять цели режима. Шах выразил надежду, что технократическая молодежь, имеющая западное образование, осознает безрассудный характер своих связей с «исламскими фундаменталистами» и поднимется до осознания своей «политической ответственности», поймет, что «революция мулл» будет всего лишь вспомогательным средством для «революции коммунистов».

Новый поворот в тактике шаха, вынужденного чуть ли не ежедневно делать выбор между репрессиями, которые подрывали его собственные позиции, и уступками, которые постепенно ослабляли его власть, по-видимому,

вполне импонировал Картеру. В конце октября, принимая в Белом доме учившегося в американской военно-воздушной академии наследного принца Ирана Резу по случаю его 18-летия, президент публично заявил, что дружба и союз с Ираном — это один из столпов, на которые опирается внешняя политика США. Спустя несколько дней Белый дом опубликовал опровержение по поводу заявления телекомпании Эй-би-си о том, что Картер бросил шаха на произвол судьбы.

Усиление антишахских выступлений в конце октября — начале ноября 1978 г. поставило на повестку дня вопрос о возможности создания в Иране военного правительства. 28 октября Салливен запросил у Вашингтона инструкции по поводу курса действий в новой ситуации. Как писал в своих мемуарах Картер, посол убеждал правительство США, что «шах — единственная наша надежда на сохранение стабильности в Иране». С одной стороны, он может «сдерживать военных», с другой — способствовать «контролируемым переменам». «Я буду против любых официальных контактов с Хомейни».

«К моему глубокому удивлению, — отмечал Салливен в своих мемуарах, — через 48 часов пришел быстрый и ясный ответ. Мне было передано, что правительство Соединенных Штатов считает, что политическое выживание шаха крайне важно для нас и что шаху следует предпринять все необходимые меры для сохранения своего положения. Если это потребует создания военного правительства, то Соединенные Штаты примут точку зрения шаха по этому вопросу и окажут ему полную поддержку».

Вскоре выяснилось, что Бжезинский в телефонном разговоре с шахом, интерпретируя инструкции Картера, сказал, что президент поддержит любые меры, которые он, шах, сочтет необходимыми. И если придется пустить в ход силу, то соображения, связанные с защитой «прав человека», не следует больше считать столь уж важными. Позже Картер, кажется, и сам вступил в контакт с шахом. В своих мемуарах он писал: «Я отправил ему послание, в котором говорилось, что какой бы шаг он ни предпринял, вплоть до создания военного правительства, я поддержу его». Вместе с тем публично президент США продолжал повторять свои советы о необходимости политических мер и предостерегал от использования армии.

Шах, все больше впадавший в отчаяние и все сильнее

подвергавшийся давлению со стороны своих генералов, которые требовали полной свободы действий в подавлении революции, пребывал в нерешительности. 4 ноября, встретившись с Салливером и Парсонсом, он в недоумении спросил: какова же в действительности политика Соединенных Штатов? Хочет ли президент, чтобы он проводил умеренный курс? Не мнение ли это самого Бжезинского — дать армии возможность силой подавить демонстрации? Мохаммед Реза не постеснялся, подобно растерявшемуся чиновнику, признать свое полное бессилие. Шах заявил, что не знает, как дальше себя вести, но твердо решил, что не следует делать. Сам он не станет применять силу, иначе придется до конца жизни «подавлять свой народ», и после его смерти трон не перейдет к сыну, ибо народ сметет династию. Мохаммед Реза фактически подтвердил распространившиеся в Тегеране слухи, что он болен раком и проживет в лучшем случае всего несколько лет.

Не вполне удовлетворенный сигналами из Вашингтона, шах попросил Салливерна затребовать более определенные инструкции, желательно послание, требующее от него использования военной силы для подавления революции. Однако полученный послом ответ был весьма сдержанным и не оправдал ожиданий Мохаммеда Резы. Картер же в своих мемуарах отмечал, что хотя шах становился все более «подавленным и неуверенным в себе, но у него была своя голова на плечах и он не имел желания руководствоваться чьими-либо указаниями. Временами он обращался за советом, но совсем не обязательно пользовался им».

Всечером следующего дня, 5 ноября, когда весь Тегеран был охвачен пламенем пожаров, монарх вновь вызвал к себе Салливерна. Посол нашел его странно спокойным. Незадолго до этого Мохаммед Реза совершил над столицей обзорный полет на вертолете. Город выглядит опустошенным, сказал он и попросил посла подтвердить заверения Вашингтона в отношении поддержки идеи создания военного правительства. Затем он предложил Салливеру дожидаться английского посла Парсонса, который задержался в связи с пожаром в британском посольстве. Это нападение на посольство, утверждал шах, вызвано деятельностью Би-би-си, критиковавшей режим и поддерживавшей его противников. Салливер счел нужным передать монарху городские слухи о том, что поджоги — дело рук «профессионалов

из САВАК». Таким способом они дают-де шаху повод создать военное правительство. Вопрос о личной ответственности монарха он, разумеется, не поставил. Мохаммед Реза устало взглянул на посла и пожал плечами.

— Кто знает? В эти дни я готов верить всему,— сказал он и тут же по телефону вызвал к себе начальника генерального штаба Голям Резу Азхари.

Прибывшему Парсонсу был задан вопрос: выражало ли его правительство свою точку зрения по поводу создания в Иране военного кабинета? Ответ был отрицательным. Тем не менее шах заметил, что такое правительство будет образовано сегодня же вечером.

По дороге из дворца послам встретился генерал Азхари, они подтвердили его предположение о причине вызова и пожелали удачи. Однако и новое, военное правительство, сформированное начальником генштаба, оказалось неспособным сдержать поток народного гнева.

Неожиданное решение шаха создать военное правительство явилось результатом того, что как раз 5 ноября его попытки ввести в состав кабинета министров представителей оппозиции зашли в тупик. Информировав Салливена и Парсонса о новых настойчивых советах его американских друзей — Нельсона Рокфеллера и бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера — проявить твердость, шах сказал, что идет на создание военного правительства вопреки собственной точке зрения. Он уверен отныне только в одном: если военное правительство не восстановит «порядок», для него, шаха, все будет кончено. В мемуарах, написанных год спустя, Мохаммед Реза будет сваливать вину за создавшееся положение главным образом на Картера. Но нельзя не учитывать те объективные факторы в международной обстановке вообще, в ходе развития иранской революции в частности, которые обуславливали противоречивый характер иранской политики США.

В последние месяцы 1978 г. разведывательные донесения американских спецслужб и дипломатические послания из революционного Ирана объединяла одна становившаяся привычной черта: сегодня положение шаха представлялось стабильным, завтра неизбежным представлялось его падение. Порой один и тот же специалист сначала приходил к выводу, что шах «конченный человек», а через некоторое время менял свою точку зрения и утверждал, что будущее шаха не внушает опасений. Не составлял в этом исключения и Салливен.

Немалое влияние на положение дел оказывала также инерция длительной безоговорочной поддержки правительством США иранского монарха. Хотя отдельные сотрудники низшего и среднего звена госдепартамента, ЦРУ и американских дипломатических и иных представительств в Иране еще раньше пришли к твердому убеждению об опасности, грозящей шаху и интересам США в этой стране, их взгляды не доходили до президента и его стратегов, продолжавших придерживаться официальной точки зрения — «шах надежно контролирует страну». Более того, анализы, основанные на реальных фактах, игнорировались даже высшим эшелонам соответствующих ведомств, поскольку расходились с правительственной политикой.

К концу 1978 г. в кругах администрации Картера, объединявшей как тех, кто числился в «ястребах», так и тех, кто тяготел к «голубям», сложилось своеобразное положение. Одно ведомство или какая-то его организация рисовали будущее шаха в розовых красках, а другие — в черных.

Совет национальной безопасности во главе с Бжезинским настаивал на поддержке всех, в том числе и самых «жестких», акций, необходимых для восстановления «порядка» в Иране. Действуя с помощью друзей шаха в США (Нельсона и Дэвида Рокфеллеров, Генри Киссинджера и Джона Макклоя), используя официальные каналы, а также членов конгресса и средства массовой информации, Бжезинский убеждал Картера до конца поддерживать шаха. При этом он ссылался на настойчивые призывы королевских домов Саудовской Аравии и Марокко помочь шаху и беспокойство таких союзников США, заинтересованных в получении иранской нефти, как Япония, Израиль и ЮАР. Но главным козырем Бжезинского была «коммунистическая угроза» Ирану, исходившая якобы не только изнутри, но и извне. Он постоянно подчеркивал опасность перехода контроля к «коммунистам», если «религиозные фанатики» приобретут власть в стране.

Государственный секретарь Сайрус Вэнс, напротив, доказывал, что, несмотря на усиливающееся влияние «левых радикалов» в общинных и рабочих организациях Ирана, следует учитывать, что «сам Хомейни — ярый антикоммунист». Он может стать «самым надежным оплотом против коммунистического режима и даже, возможно, будет сотрудничать с Вашингтоном». Вэнс убеж-

дал Картера, что использование в Иране «жестких» мер может привести либо к продолжительной гражданской войне, либо к распаду вооруженных сил, что было бы на руку только «иранским коммунистам». Исходя из этого, госсекретарь ратовал за «умеренный» и «сдержанный» подход.

Расхождения между Советом национальной безопасности и государственным департаментом по вопросам политики в отношении Ирана с течением времени привели к тому, что каждое из этих ведомств действовало в Тегеране по собственным каналам. Бжезинский установил прямые контакты с иранским послом в Вашингтоне Ардеширом Захеде, который по его предложению вернулся в Иран и стал фактическим связным между Белым домом и шахским двором. «Кто является американским послом?» — с раздражением спрашивал в одном из посланий в Вашингтон Салливен.

Трезвые взгляды на положение в Иране с трудом пробивали себе дорогу в высших эшелонах власти США. Так, в конце лета 1978 г. в ЦРУ был составлен проект анализа «Иран: перспективы до 1985 г. включительно», в котором утверждалось, что «в Иране нет революционной или даже «предреволюционной» ситуации». Ввиду несогласия с этим анализом отдельных сотрудников госдепартамента он был изъят из обращения. В начале осени разведуправление Пентагона подготовило доклад, в котором говорилось, что, «как полагают, шах останется у власти в ближайшие десять лет». Но вскоре события в Иране заставили авторов доклада положить его под сукно. А в конце ноября в ЦРУ составили новый анализ, отмечавший, что «именно Хомейни пользуется сильнейшей поддержкой со стороны демонстрантов и участников беспорядков, которые ввергли Иран в состояние хаоса». Сотрудники госдепартамента, консультировавшиеся со старым специалистом по Ирану Кермитом Рузвельтом, получили сведения, что шах, в сущности, человек слабый, «неполноценная личность», что он дрогнет в трудных обстоятельствах и проявит «безволие».

9 ноября 1978 г. Салливен направил в Вашингтон секретный доклад-телеграмму под названием «Мысли о немыслимом». Посол выражал сомнения в способности нового, военного правительства справиться с «беспорядками» и предлагал незамедлительно приступить к разработке планов защиты и обеспечения интересов США, выразившихся главным образом в необходимости сох-

ранения в Иране влиятельной, эффективной и проамерикански настроенной армии. Салливен считал опасным вмешательство иранских вооруженных сил в революционный процесс и потому призывал Вашингтон выступить в роли посредника в секретных контактах между ними и возможным новым, «революционным» правительством с целью достижения соглашения, гарантирующего сохранение их целостности. По его мнению, первое такое правительство было бы создано в результате неизбежной победы революции только с благословения Хомейни, который, возможно, поручит сформировать его представителю либерального течения Мехди Базаргану. Один из сотрудников политического аппарата Салливена за неделю до этого встречался с Базарганом и вынес впечатление, что среди ближайшего окружения Хомейни именно он сулит наибольшие шансы на сохранение отношений с США.

Посол не получил ответ ни на это, ни на некоторые другие свои послания. По словам одного из сотрудников Белого дома, президент говорил, что устал от «идиотского отношения Салливена и его идиотских телеграмм». Все более ожесточаясь, посол в очередном донесении в Вашингтон заявил, что Картер проводит «близорукую политику и не понимает, в чем заключаются интересы США». «Уберите его», — сказал Картер Вэнсу. Госсекретарь возразил: это было бы расценено как «отречение» Соединенных Штатов от шаха. Президент согласился повременить с «наказанием».

Между тем в низшем и среднем звеньях администрации США у иранского монарха оставалось все меньше и меньше сторонников. Даже помощник Бжезинского Гэри Сик, специалист по Ирану из Совета национальной безопасности, соглашался с тем, что на шахе «можно поставить крест». Генри Пречт, ведавший делами Ирана в госдепартаменте, был особенно обескуражен. Он докладывал помощнику госсекретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии Гарольду Сондерсу, что США продолжают плыть по воле волн, придерживаясь прежней политики в условиях обреченности шаха. Пречт предлагал потребовать от шаха отречься от престола и принять первые меры для передачи власти оппозиционной коалиции, приемлемой для Соединенных Штатов и для аятолы Хомейни, который, несомненно, будет руководить новым правительством. Какие-либо иные действия приведут к тому, что США будут лишены возможности воз-

действовать на «конечный исход». Сондерс отказался поддержать эту рекомендацию ввиду стремления президента поддерживать иранского монарха, но на совещании руководящих сотрудников госдепартамента выступил с докладом о всеохватывающем характере оппозиции против шаха. Пресс-секретарь госдепартамента Ходдинг Картер спросил его:

— Вы только что перечислили буквально все группы общества. Кто же за него?

— Военные,— коротко ответил Сондерс.

Еще раньше Пречт предпринял попытку воздействовать на заместителя Бжезинского Дэвида Аарона, считавшего, что организаторами «беспорядков» в Иране являются лишь «мусульманские экстремисты» и «левые радикалы», которых можно «устранить». Представитель госдепартамента разъяснял, что гораздо легче назвать тех, кто выступает в Иране за шаха, потому что их куда меньше, чем тех, кто выступает против него. Аарон прервал Пречта:

— И все-таки, Генри, кто же против шаха?

— Народ, Дэвид, народ,— без обиняков ответил Пречт.

В высших эшелонах администрации США курс на поддержку шаха по-прежнему ослаблялся колебаниями и неуверенностью в выборе конкретных методов действий. Министр энергетики Джеймс Шлесинджер, бывший министр обороны, предложил послать в Иран для встречи с шахом высокопоставленного представителя президента, вроде Бжезинского, чтобы подтвердить неизменность политики США в отношении монарха и тем укрепить его решимость. Бжезинскому эта идея понравилась, но он рекомендовал послать самого Шлесинджера. Решение вопроса было отложено.

Директор ЦРУ Стэнсфилд Тэрнер со своей стороны выдвинул программу тайных действий — кампанию «черной пропаганды», призванную вызвать замешательство среди противников шаха и разобщить их. Рекомендовалось изобразить Хомейни как «невольную пешку» в руках левых сил, добивающихся «неисламских целей». В качестве же «источников» этих сведений предполагалось указать на окружение Хомейни в Париже, которое, таким образом, можно было выставить как «агентуру САВАК», тайно работающую на шаха. Хотя этот план обсуждался на заседании кабинета и не встретил возражений, он также был отложен.

Единственное, что предпринял Картер в сложившихся условиях,— это отправка в Тегеран различных эмиссаров, с тем чтобы они на месте оценили положение. Но доклады тех из них, кто не дал увлечь себя нереальными надеждами в отношении будущего шаха, не достигли цели.

7 декабря, накануне запланированных в Иране грандиозных манифестаций по случаю поминования шиитских мучеников, Картер на встрече с журналистами высказал необычное предположение, что шах Ирана может не перенести продолжающихся «беспорядков» и что США могут поддержать новое правительство, руководимое другими политическими силами. Затем он выступил с критикой по поводу политики шаха в области «прав человека». Однако сотрудники Белого дома и госдепартамента официально и в частном порядке заявляли, что высказывания президента не означают изменения политики США в отношении Ирана и что правительство по-прежнему поддерживает шаха.

Газета «Нью-Йорк таймс» от 14 декабря 1978 г., комментируя действия администрации США, писала в редакционной статье: «Президент Картер продолжает балансировать в Иране на туго натянутом канате. Он отдает свои симпатии шаху, но ему приходится смотреть и дальше шаха. Если он проявит интерес к оппозиции, это может окончательно решить судьбу шаха, если он будет слишком активно поддерживать шаха, это может привести к ослаблению американского влияния в случае утраты им своей власти... Что же остается делать президенту?.. Картеру нужно и дальше балансировать на канате, проявляя при этом немного больше заботы о равновесии, чем он это делал в последнее время, судя по характеру его высказываний. Ему, несомненно, и впредь следует говорить о том, что «выбор должен сделать сам иранский народ» и что «мы не бросили шаха на произвол судьбы». Ему нужно и впредь осуждать кровопролитие, но отказаться от всяких сомнений по поводу аятоллы Хомейни, перестать принижать его мусульманских союзников и дать возможность американцам как-то маневрировать в лагере оппозиции».

Исход массовых манифестаций 10—11 декабря в Иране по случаю поминования шиитских мучеников, казалось бы, подтвердил мнение Бжезинского и его единомышленников относительно устойчивости шахского режима. Вопреки оценкам, содержавшимся в донесениях

разведки, народные шествия носили мирный характер, а шах остался на троне. На следующий день, 12 декабря, Картер выступил на пресс-конференции:

— Я думаю, что шах останется у власти в Иране, что сегодняшние трудности будут разрешены. Предсказания катастрофы, с которыми выступали различные деятели, совершенно не оправдались. Шах пользуется нашей поддержкой, он также пользуется нашим доверием.

Не удовольствовавшись этим, президент высказал критические замечания в адрес не только Хомейни, но и Советского Союза, обвинив его в «притязаниях в этом районе». Дело в том, что еще 19 ноября советское руководство сделало заявление о недопустимости вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом. Это заявление резко сковывало действительную активность администрации США, компенсировавшей теперь себя столь частыми публичными выражениями поддержки шаха, что сам Мохаммед Реза вынужден был сказать Салливену, что такие выражения поддержки позволяют оппозиции выставлять его марионеткой США.

20 декабря у руководителя иранского военного правительства случился небольшой сердечный приступ. Больной генерал Азхари пригласил к себе Салливена. «Режиму грозит крах вследствие нерешительности шаха», — сказал он. Посол снова предложил Вашингтону срочно послать в Париж высокопоставленного представителя для встречи с Хомейни.

Государственный секретарь США Вэнс убеждал президента принять эту рекомендацию. Картер колебался, считая, что шах может расценить попытку связаться с аятоллой как предательство. Вэнс предлагал сделать это осторожно, может быть, даже с ведома и при согласии шаха. Президенту такой шаг представлялся чересчур «смелым».

28 декабря 1978 г. Вэнс сказал Картеру, что шаха надо уговорить отречься от престола или, на худой конец, уехать в «отпуск». Президент отказался пойти на это. Тогда Вэнс заметил, что, поскольку шах просит дать ему совет и англичане вот-вот порекомендуют ему уехать в «отпуск», США, по крайней мере, не должны мешать этому. В конце концов Картер согласился на следующее: шаху будет предложено вовлечь умеренных

руководителей оппозиции в правительство и дать им реальную власть над внутренними делами, ему также скажут, что Сосдиненные Штаты «не возражают» против его отъезда из Ирана. В отношении прямого контакта с Хомейни президент хотел бы сначала выяснить, согласен ли на это шах.

Салливен поставил вопрос перед Мохаммедом Резой, который к этому времени вступил в контакт с представителем умеренной оппозиции Шахпуром Бахтияром. Как считал Салливен, такой шаг иранского монарха делал еще более необходимым установление прямого контакта США с Хомейни. «Это было особенно важно потому, что Бахтияр самодовольно решил, что не Хомейни и не победоносная революция, а он сам будет осуществлять верховную власть в государстве, хотя у него не было никакой поддержки ни среди избирателей, ни вообще среди народа», — писал позднее Салливен.

В ответ на запрос американского посла шах одобрил идею прямого контакта США с Хомейни, считая, что это позволит сохранить единство среди военных, нуждающихся в гарантиях относительно их будущего. Сам Мохаммед Реза уже принял решение покинуть страну.

Получив сообщение Салливена, Вэнс снова поставил вопрос перед президентом. Теперь, несмотря на возражения Бжезинского, Картер одобрил идею контакта с Хомейни. Госсекретарь выбрал для этой цели отставного дипломата «с убедительным христианским прошлым» — Теодора Элиота, ранее служившего в Иране, в совершенстве владеющего персидским языком и понимающего нюансы шиитских верований. Элиот прибыл в Вашингтон для инструктажа.

Тем временем в Тегеран тайно приехал бывший английский министр иностранных дел лорд Джордж Браун, имевший дружественные отношения с шахом с первых лет его царствования. Он прямо заявил Мохаммеду Резе, что тот должен уехать из страны, чтобы не подвергать ее угрозе «хаоса» и дать новому правительству возможность принять дела. Шах согласился с ним и в тот же день, 29 декабря, попросил Бахтияра взять на себя функции премьера.

Однако главные проблемы для шаха и США еще только начинались. Предстоящий приход к власти в Иране нового, «умеренного» правительства и продолжающиеся в кругах американских политиков споры в

отношении действий в этой стране означали для Картера новый водоворот противоречивых рекомендаций и все более ограниченных альтернатив.

Положение Бахтияра, оказавшегося единственным представителем либерального лагеря, рискнувшим принять эстафету власти от шаха, было весьма сложным. Руководители ведущей либеральной организации Национальный фронт Карим Санджаби и Дариуш Форухар, демонстрируя непримиримое отношение к монарху и незыблемую верность союзу с исламским движением, руководимым Хомейни, поспешили отречься от Бахтияра, исключив его из рядов организации. В этих условиях Бахтияр обратился к Салливену с просьбой, чтобы США воздержались от официального одобрения его правительства, поскольку это еще больше ослабило бы шансы нового кабинета на успех. Салливен передал просьбу в Вашингтон, но там с ней не посчитались. На следующий день Бахтияр получил публичное официальное благословение Белого дома.

Незадолго до этого Бжезинский предложил перебросить из филиппинских вод в район Персидского залива авианосец «Констеллейшн» с 80 самолетами и 5 тысячами моряков и летчиков на борту, чтобы продемонстрировать американское присутствие и заинтересованность в делах Ирана. Вэнс высказался против. В конце концов Картер приказал авианосцу бросить якорь в Южно-Корейском море, неподалеку от Сингапура.

Позднее, в октябре 1980 г., газета «Вашингтон пост» писала: «Шах оставался всего лишь важным символом. Главная цель, которая стояла перед творцами американской политики, заключалась в достижении того, чтобы иранские военные сохранили свое влияние и смогли гарантировать проведение Ираном и в будущем проамериканской политики».

К концу декабря 1978 г. некоторые иранские командующие строили не зависящие друг от друга планы военных переворотов с целью беспощадного применения вооруженной силы против революции. В составлении таких планов участвовали генералы Манучехр Хосроудад, командующий армейской авиацией и парашютно-десантными силами, Амир Хосейн Рабии, командующий ВВС, и Голям Али Овейси, командующий сухопутными войсками и глава военной администрации Тегерана. Если убить всего несколько демонстрантов,

говорили они, то этим будут созданы лишь мученики, а если — 100 тыс. человек, то в стране по-прежнему останется 35 млн., и к тому же им будет преподнесен «наглядный урок».

Однако шах, впавший в фатализм и нравственно парализованный, считал необходимым «сдерживать» военных по крайней мере до своего отъезда из Ирана. По свидетельству очевидцев, его снедала одна мысль — как «достойно покинуть страну». Генерал Голям Реза Азхари, тогдашний премьер-министр, позже рассказывал, что он столько раз мешал шаху уехать, что последний однажды пришел к нему и почти жалобно спросил: «Я что, под домашним арестом?» В конце декабря шахские генералы усилили разработку собственных планов действий. Соответствующее донесение, полученное Вашингтоном, имело пометку, означавшую высокую степень достоверности.

В период переговоров шаха с Бахтияром среди иранских генералов резко усилились расхождения во взглядах на положение в стране. Хосроудад открыто говорил о неприемлемости какого-либо гражданского правительства и о существовании плана государственного переворота с целью сохранить шаха у власти, предотвратить установление над страной «коммунистического контроля». Аналогичным образом высказывался и Овейси, требовавший принятия энергичных мер по уничтожению оппозиции. Рабии и несколько молодых генералов соглашались на отъезд шаха, но также требовали «раздавить» оппозицию, дабы укрепить позиции Бахтияра. Некоторые настаивали на том, чтобы военные взяли всю власть в свои руки и сохранили шаха в качестве номинального главы государства. Каждый из сценариев, разрабатываемых генералами, требовал поддержки США, и иранские военные руководители один за другим стали обращаться к Соединенным Штатам за соответствующими заверениями. Между тем в самом Иране войска при подавлении демонстраций все больше расползались.

Картеровских стратегов заботило не только сохранение единства иранского генералитета. Перед ними вставал вопрос разработки на случай необходимости планов вывоза из страны или уничтожения новейшей американской военной техники, дабы она не попала в «недружественные руки», демонтажа засекреченных электронных постов подслушивания, расположенных на

границе с Советским Союзом, а также эвакуации оставшихся в Иране американцев.

Мнения о методах достижения целей американской политики по-прежнему расходились, и Бжезинскому вновь удалось взять верх над Вэнсом. В начале января 1979 г., после того как Картер, находившийся на Гваделупе на совещании по экономическим вопросам с западноевропейскими руководителями, остался там порыбачить в сопровождении только Бжезинского, из Вашингтона Саллиvenu пришло срочное уведомление, что миссия Элиота для установления контактов с Хомейни и его приближенными отменяется и что президент просит сообщить об этом шаху. Салливен послал госсекретарю взволнованное письмо, в котором умолял его добиться пересмотра решения, казавшегося ему «непоправимой ошибкой». В ответ он получил резкий отказ с перечислением всех членов кабинета министров, согласных с позицией президента. Когда Салливен рассказал об этом шаху, тот только спросил:

— Каким образом рассчитывают США повлиять на этих людей, если они даже не хотят разговаривать с ними?

У Картера уже сложился новый подход к делу, предложенный министром обороны Гарольдом Брауном и казавшийся президенту «средним» решением между предложениями «ястребов» и «голубей».

Министерство обороны рекомендовало направить в Иран генерала Роберта Хайзера, который ранее ездил в эту страну с заданием координировать «планы обороны» НАТО и Ирана, проводить реорганизацию местных вооруженных сил с целью помочь им использовать новейшую американскую военную технику и лично знал деятелей иранской военной иерархии. Считалось, что шахский генералитет, все сильнее раздиравшийся противоречиями, прислушается к его мнению. Картер в своих мемуарах объяснял отправку Хайзера в Иран желанием иметь на месте своего военного представителя ввиду, как он считал, необъективной информации, поступающей от Салливена.

Между тем всенародное антимонархическое и антиимпериалистическое движение в Иране продолжало расширяться. К концу 1978 г. аятолла Хомейни уже превратился из символа революции в ее реального вождя. Он молчаливо согласился на то, чтобы его величали «имамом» — исключительным в истории иранского

шиизма титулом. Как и ранее, аятолла (он же имам) недвусмысленно заявлял, что ни сам лично, ни другие представители духовенства не будут непосредственно управлять страной, они будут только направлять гражданское правительство. Это способствовало еще большому сплочению под зеленым знаменем ислама большинства представителей либерального лагеря, надеявшихся со временем полностью отстранить религиозных деятелей от руля государственного правления.

Наиболее последовательную и решительную борьбу с монархией и империализмом вели подпольные левые организации. Среди них выделялись старейшая партия страны — Народная партия Ирана (Туде), стоящая на марксистско-ленинских позициях, и две полувоеннизированные молодежные организации, эволюционирующие от левого радикализма к революционному демократизму. Это — Организация жертвующих собой партизан иранского народа (федайны), называвшая себя марксистско-ленинской, и Организация борцов за святое дело иранского народа (моджахедины), облекавшая идеи социализма в исламские «одежды». Бывшее ранее главным объектом шахских репрессий, левое движение уже в ходе революционной борьбы начало восстанавливать свои ряды, залечивать полученные раны.

Возможность выезда шаха из страны, становившаяся все более реальной, лишала революционную борьбу ее общей центральной мишени, и широкая река народной революции постепенно начала растекаться на отдельные потоки. Самым сильным из них, как и прежде, оставалось исламское течение, опиравшееся на доверие и поддержку масс. Либеральное течение, выбросив на берег одиночку Бахтияра, послушно текло вслед за исламским. Левое течение рвалось вперед, стараясь не отрываться от других и показывать им нужное направление.

В этих условиях начинающегося разобщения всенародного революционного движения важное значение приобретала позиция американского империализма — главного союзника Мохаммеда Резы за рубежом. Но своими периодическими публичными заявлениями о поддержке шаха США только раздували народный гнев, чем способствовали претворению в жизнь «запрограммированной» им катастрофы.

Духи «исламской революции» ждали своего часа.

НЕВОЛЯ ПУЩЕ ОХОТЫ

АМЕРИКАНСКИЕ ЭМИССАРЫ В ИРАНЕ

3 или 4 января 1979 г. в охваченном пламенем революции Тегеране инкогнито появилась грузноватая фигура заместителя верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерала ВВС США Роберта Хайзера. Он прилетел в Иран в кабине транспортного самолета, перевозящего грузы для миссии американских военных советников, в гражданском платье, надетом поверх пуленепробиваемого жилета. На месте ему были приданы четыре личных телохранителя из следственного отдела ВВС, бронированный автомобиль и дополнительная машина с вооруженной охраной. Генерал предполагал пробыть в Тегеране несколько суток, но задержался на целый месяц.

В течение многих дней около 10 часов утра в воздухе над зданием генерального штаба Ирана появлялись вертолеты «Белл», садившиеся на площадку к северо-западу от этого нервного центра шахских вооруженных сил. Из них выходили иранские генералы и поднимались на второй этаж в совещательную комнату начальника штаба, где присутствовал и их высокопоставленный американский коллега.

Какую особую миссию выполнял в Тегеране специальный эмиссар президента США Джими Картера?

4 января 1979 г. государственный департамент США официально объявил, что генерал Хайзер направлен в Тегеран с целью обеспечить поддержку иранской армии новому гражданскому правительству Шахпура Бахтияра и что через три дня он отбудет в Саудовскую Аравию.

Задержка Хайзера в Иране дала повод органам печати для выдвижения самых различных версий о характере его миссии. Американский еженедельник «Ньюсуик» от 29 января 1979 г. назвал ее целью «предостережение военных руководителей Ирана от совершения переворота», а журнал «Нью рипаблик» от 3 февраля — «заботу о единстве иранских вооруженных сил... чтобы сохранить для Соединенных Штатов возможность способствовать военному перевороту». Тайна, которая окружала пребывание американского эмиссара в Тегеране, и в дальнейшем вызывала все новые и новые ее толкования.

Первоначальные инструкции, данные Хайзеру, излагаются участниками событий и осведомленными наблюдателями почти одинаково. По словам С. Армстронга, опубликовавшего в октябре 1980 г. в «Вашингтон пост» серию основанных на документальном материале статей под общим названием «Падение шаха», «генералу было велено дать оценку положению в Иране и обратиться к верховному командованию шаха с двумя просьбами: во что бы то ни стало сохранять единство и, по возможности, избегать «военного решения» проблемы». Салливен пишет: «Миссия Хайзера в том виде, в каком она была изложена в полученном им лаконичном официальном приказе, заключалась в том, чтобы не допустить развала иранской армии и обеспечить, чтобы после отъезда шаха армия поддержала правительство Бахтияра». Вместе с тем посол, видевший «краткие инструкции» Хайзера, отмечал «туманную» форму их выражения.

Это было вполне в стиле Картера. Поддержку правительства Бахтияра, создание которого явилось результатом не только политических маневров монарха, но и вынужденной уступкой силам революции, можно было рассматривать одновременно и как прошахскую, и как антишахскую меру. Более того, поскольку это правительст-

во олицетворяло не более чем переходный момент в неизбежном изменении характера политической власти, отказ от «военного решения проблемы» в тот период объективно играл на руку скорее шиитскому духовенству, рвавшемуся к власти, нежели монарху, уже фактически отказавшемуся от значительной доли ее. Деятели иранской оппозиции, в том числе и Хомейни, открыто заявляли, что хотят избежать кровопролитной гражданской войны, которая могла бы вызвать вмешательство «извне». В любом случае принятый курс действий, казалось бы, еще сохранял для администрации США возможность альтернативных решений.

Эта старая политика в новом виде вступила в силу с трансатлантического телефонного звонка председателя комитета начальника штабов генерала Дэвида Джоунса верховному главнокомандующему объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генералу Александру Хейгу (непосредственному начальнику Хайзера) в его штаб-квартиру в Касто (Бельгия). Хейг, впервые узнавший тогда, что правительство Картера собирается послать в Тегеран Хайзера, чтобы, как было сказано, позаботиться о «сохранении единства и эффективности иранских вооруженных сил», счел такое объяснение попыткой скрыть задуманную операцию смещения шаха. Считая намерения администрации Картера «двусмысленными» и «расплывчатыми» и опасаясь, что практическим последствием предполагаемой сомнительной миссии будет «обескровливание иранской армии», Хейг уведомил Джоунса о нежелательности участия кого-либо из американских военных в подобном предприятии. На следующее утро Хейг получил из Вашингтона предписание о беспрекословном подчинении, а министерство обороны передало Хайзеру прямой приказ о поездке в Иран.

Хайзеру в Иране пришлось иметь дело с военным командованием, расколовшимся на «ястребов» и «голубей». Наиболее ретивые из «ястребов» грозились убить Хомейни, если он вернется в Иран, а некоторые из «голубей» уже составили делегацию для отправки в Париж, чтобы вступить в контакт с Хомейни в попытке избежать столкновения. Хайзер, как сообщалось, «приструнил» и тех и других. Но с «ястребами» он обошелся особенно круто. «Хайзер просто насел на них,— констатировал американский военный представитель.— Он не давал им опомниться». Один иранский генерал рассказывал: «Я видел лицо Хосроудада, когда он выходил после ин-

формационных совещаний. Он выглядел, как рядовой». Хайзер прямо заявил шахским генералам, что единственный способ сохранить целостность армии и предотвратить приход к власти «коммунистов» — это лояльность в отношении Бахтияра; в противном случае они не могут рассчитывать на США и им придется действовать на свой собственный страх и риск. Будучи осведомлен о боязни генералов, что новый режим начнет расследование дел о коррупции, Хайзер соглашался на то, чтобы желающие покинули страну.

Одновременно с прибытием генерала Хайзера в Иран американский посол в Тегеране получил из Вашингтона инструкцию, предписывающую ему безоговорочно поддерживать правительство Бахтияра. «В ответ, — пишет Салливен, — я указал, что правительство Бахтияра — химера, что шах его создал только для того, чтобы обеспечить себе возможность удалиться с достоинством, что сам Бахтияр — донкихотствующий чудак и что, когда Хомейни и его сторонники придут в Тегеран, его уберут. Кроме того, я доказывал, что было бы безответственно заставлять вооруженные силы присягать на верность Бахтияру, потому что это привело бы к пагубному противоборству между вооруженными силами и революционерами, тогда как мы надеялись избежать такого противоборства. Следствием этого, указывал я, будет развал вооруженных сил и в дальнейшем развал самого Ирана, что идет вразрез с интересами Соединенных Штатов.

К тому времени тон посланий, которыми я обменивался с Вашингтоном, начал становиться все более резким: на вышеупомянутое послание я получил ответ, который содержал оскорбительное, с моей точки зрения, сомнение в моей лояльности. Мне в самых недвусмысленных выражениях предписывалось поддержать Бахтияра, каковы бы ни были мои личные взгляды. Тогда я, подобно Хейгу¹, решил подать в отставку. Однако я все еще отвечал за безопасность 1500 американцев, остававшихся в Иране, перед лицом надвигавшегося хаоса. Поэтому я решил не давать волю своему ирландскому темпераменту, отправил жену на родину, приготовился к самому худшему, но в то же время решил подождать с

---

¹ Вышел в отставку с поста верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в июле 1979 г., а затем из вооруженных сил вообще.

уходом в отставку, пока не начнется ожидаемая схватка». Такая «схватка», по мнению Салливена, была неминуема в результате принятой США политики.

Хайзер во время своего пребывания в Тегеране жил в посольском особняке вместе с Салливером. Недовольный возложенным на него заданием, он, однако, скрупулезно выполнял инструкции, хотя чуть ли не ежедневно получал письма с угрозами расправиться с ним. Почти каждый вечер он проводил в спорах с Салливером по поводу реальной мощи иранских военных руководителей. Дело доходило до того, что оба иногда одновременно передавали в Вашингтон по телефону свои противоположные оценки обстановки в Иране из одной и той же комнаты посольства в Тегеране. «Бывало, нам казалось,— пишет Салливер,— что мы разговаривали с двумя разными городами».

Посол считал, что иранская армия находится на грани развала и что, если бы рядовым военнослужащим был отдан приказ стрелять в своих соотечественников, они, по всей вероятности, не подчинились бы ему. Салливер не верил, что иранские военные смогут в случае обострения кризиса действовать успешно. Время для «успешного разгрома» давно упущено, писал он.

Иначе оценивал ситуацию Хайзер. Он был убежден, что генералы пользуются большой властью и что их можно убедить держаться вместе во главе сплоченных вооруженных сил. Он доносил: командование шахской армии невредимо; оно может рассчитывать на то, что 80 процентов личного состава поддержит его; если развязать генералам руки, они смогут «раздавить» оппозицию.

5—6 января 1979 г. на Гваделупе происходило совещание по экономическим вопросам с участием Джимми Картера, французского президента Валери Жискар д'Эстена, британского премьер-министра Джеймса Каллагэна и западногерманского канцлера Гельмута Шмидта. Здесь Картеру пришлось убедиться в том, что все его западноевропейские коллеги уже отреклись от Мохаммеда Резы. Президент Франции высказался за то, чтобы послать в Иран эмиссара, который рекомендовал бы шаху немедленно покинуть страну (последний откладывал свой отъезд до проведения в парламенте мероприятий, необходимых для конституционной инвеституры Бахтияра). Картеру это предложение пришлось не по душе, но тем не менее он сказал, что вместе с англичанами поста-

рается принять меры к тому, чтобы облегчить отъезд шаха в ближайшем будущем. Каллагэн и Шмидт согласились с американским президентом.

Салливен получил инструкцию проинформировать шаха, что, по мнению администрации США, в его личных интересах и «в интересах Ирана» ему лучше покинуть страну. Посол, по его словам, попытался передать эту необычную рекомендацию коронованному главе иностранного государства «по возможности просто и мягко». Но Мохаммед Реза воспринял сообщение спокойно. Человек, носящий титул шахиншаха — «царя царей», немного помолчал, а потом, протянув в мольбе к послу руки, сказал:

— Что ж, но куда я поеду?

В телефонограмме, полученной Салливером, об этом ничего не говорилось.

— Как насчет Вашего дома в Швейцарии? — спросил посол.

Шах немедленно отверг это предложение, заметив, что в Швейцарии небезопасно. Затем, очевидно предвидя другое предложение, он проговорил:

— У нас также есть дом в Англии, но погода настолько плохая...

И умолк, глядя печально на посла. Салливер спросил:

— Хотите ли Вы, чтобы я добился для Вас приглашения в Соединенные Штаты?

Мохаммед Реза, показавшийся в эту минуту послу маленьким мальчиком, наклонился вперед и сказал только:

— О, неужели?

Администрация Картера, с готовностью откликнувшись на просьбу, известила Салливерна, что шах от имени президента США будет временно приглашен в поместье мультимиллионера Уолтера Анненберга в пустынном районе в Калифорнии.

В ставке Хомейни под Парижем в это время усиленно говорили об отъезде шаха из Ирана, и аятолла даже сделал заявление, что руководство революции будет приветствовать действия, предпринятые любой страной в целях обеспечения безопасности шаха, и не будет предпринимать в отношении этого государства никаких санкций. «Таким образом,— пишет Салливер,— при данной конъюнктуре США не рисковали ничем, предлагая шаху убежище у себя. Напротив, казалось, что мы можем

даже завоевать доверие аятоллы, облегчая выезд шаха».

Утром 12 января Салливен посетил шаха вместе с Хайзером. Это была первая и последняя встреча с Мохаммедом Резой американского генерала в дни его специальной миссии в Иране. Хорошо информированный египетский журналист Мохаммед Хейкал пишет, что «шах не знал о присутствии Хайзера в Тегеране в течение нескольких дней со времени его прибытия. В тот момент ни американцы, ни начальник его собственного секретариата генерал Афшар Амини уже не заботились о том, чтобы держать его в курсе происходящих событий». Это подтвердил в своих мемуарах и Мохаммед Реза.

Встреча Салливена и Хайзера с шахом проходила в тягостной атмосфере. «Единственное, о чем оба думали,— писал шах в своих мемуарах,— это в какой день и в какой час я покину страну». Несколько иначе описал встречу Салливен. По его словам, он и Хайзер были более всего заинтересованы в обсуждении вопросов целостности армии и путей передачи функций шаха как верховного главнокомандующего иранской армией премьер-министру Бахтияру. Мохаммед Реза, напротив, не считал эти вопросы заслуживающими большого внимания и все время старался переключить беседу на выработку детального плана своего выезда из страны.

16 января 1979 г. шах Мохаммед Реза навсегда покинул Иран. За два дня до этого он получил приглашение египетского президента Анвара Садата остановиться в Асуане по пути в США. Шах принял это предложение, но следующей промежуточной станцией на пути его скитаний по миру стала не Америка, а королевство Марокко.

Накануне отъезда шаха Салливен, по его словам, предпринял последнюю отчаянную попытку убедить свое правительство в том, что «целостность Ирана и его сохранность от коммунистов требуют быстрого примирения между военными и религиозными силами, разделяющими антипатию к коммунизму». Посол отмечал, что правительство США и лично президент более чем достаточно доказали свою лояльность шаху. «Мы не можем, непрерывно следуя этой лояльности, сделать для шаха то, что он оказался не способен или не захотел сделать для себя... Мы должны отодвинуть шаха на второй план и прежде всего заботиться о наших национальных интересах в Иране».

Ответа на это донесение Салливен не получил. Более того, Бжезинский, позвонив в посольство, спросил: когда лучше совершить переворот — сейчас, чтобы обезопасить режим Бахтияра, или позднее, чтобы вернуть шаха к власти? Салливен высказался против обоих вариантов, но Бжезинский настаивал на конкретном ответе. Пусть шах уедет, а потом посмотрим, сказал наконец Салливен. Бжезинский согласился.

17 января, на следующий день после отъезда шаха, советник Бжезинского по Ирану Гэри Сик собрал в Белом доме совещание с участием сотрудников госдепартамента и ЦРУ с целью выяснить, каковы шансы на успех различных планов государственного переворота. Сотрудники Бжезинского оказались неподготовленными к ответу, который они услышали: единственный способ ослабить влияние Хомейни в Иране — это позволить ему захватить власть.

Тем не менее генералу Хайзеру в Тегеран стали поступать указания подбадривать вооруженные силы Ирана к конфронтации с революцией, даже если это приведет к массовому кровопролитию. Этому способствовали и оптимистические прогнозы самого Хайзера, утверждавшего, что в случае противоборства с народом армия возьмет верх, что уже сейчас некоторые генералы, невзирая на его прошлые рекомендации, находятся на грани решения предпринять самостоятельные действия и что он поэтому не уверен в своей способности предотвратить государственный переворот. С точки зрения Хайзера, было бы разумно предоставить иранским офицерам свободу действий. Генерал явно спешил уехать из Тегерана, ссылаясь на то, что сделал все возможное. К тому же его грозили убить.

Однако у министра обороны Гарольда Брауна родилась новая идея для Хайзера — организовать захват военными нефтепромыслов с целью прекращения забастовок рабочих, уже экономически удушивших режим. Хайзер попытался убедить генералов выполнить план Брауна, даже если бы для этого пришлось заставить солдат работать на промыслах. Но ему не удалось добиться их согласия: стоило склонить к этому делу одного генерала, как другой отказывался пойти на такой шаг и настойчиво предлагал иной вариант.

Хайзер, судя по некоторым данным, начал постепенно менять мнение об иранских генералах. Особенно сильно его поразило, как отмечал Салливен, нежелание «серь-

езного планирования на случай непредвиденных обстоятельств или подготовки необходимых мер предосторожности для выполнения задач, которые могут возникнуть». Так, вооруженные силы не имели даже запасов дизельной нефти, бензина и других нефтепродуктов, и тем не менее иранское командование исходило в своих планах из расчета, что нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы страны будут функционировать, как и в мирное время. Когда же американский танкер с нефтепродуктами подошел к порту Бендер-Аббас, иранское командование, очевидно, из боязни вызвать новый взрыв антиамериканских настроений не разрешило ему разгрузку горячего.

Однако в целом Хайзер продолжал считать, что «военные все же имеют желание действовать в случае необходимости». В зашифрованной телеграмме от 23 января на имя генерала Хейга он писал:

«...2. Относительно параграфа 2 Вашего послания. Я прокомментирую оба Ваших пункта А и В для дальнейшего уточнения. Как мне представляется, мы здесь делаем то, о чем Вы говорите в пункте 2А. Шаг за шагом набирается ход, при котором, как мы полагаем, это может быть сделано без того, чтобы вызвать всеобщее восстание фракций, выступающих против правительства Бахтияра. Мне хотелось бы несколько ускорить темп, и я побуждаю их к этому. На них приходится оказывать значительное давление, чтобы заставить действовать с желательной скоростью, но я полагаю, что в ближайшем будущем они поймут необходимость этого, когда совместно оценят положение. Действия, на которых я настаиваю, состоят в том, чтобы покончить с забастовками на таможнях, нефтепромыслах и в банках с применением военной силы. Мы добились определенного прогресса во всех трех областях. Но еще многое предстоит сделать. Теперь в отношении Вашего пункта 2В. Этот вариант не исключается. Я уточню слово «теперь» в Вашем заявлении. Принимаемые мною меры в отношении этой проблемы, по сути, соответствуют пункту 2В, но под руководством Бахтияра. Я уговариваю его принять эти меры. Он проявляет готовность сделать это, но я хотел бы ускорить темпы. Если это закончится неудачно, то тогда я рекомендую им приступить к прямому военному перевороту. Как Вы можете убедиться, планирование — одно и то же, каким бы путем мы ни шли. Мы работаем над планами в самом срочном порядке, круглосуточно.

3. Относительно Вашего параграфа 3. Мне представляется, что вариант В более не является осуществимым. Но все относительно. И я думаю, они имеют достаточно широкие возможности справиться с задачей. На деле мы планируем этот вариант на случай необходимости. Я хотел бы, чтобы Вашингтон понял, что у военных нет возможности, после выполнения первоначальной задачи, взять в свои руки дело управления государством и контролировать такое сложное правительство, какое они ныне создали. Здесь просто нет способных людей, поскольку они всегда удерживали своих военных в строго военной роли. Но это не исключает успеха...

4. Вопрос о возвращении Хомейни сейчас является одним из тех, которые не позволяют достичь достаточной стабильности, чтобы справиться с эмоциональным действием и противодействием. Я думаю, что начнутся широкие выступления. Тогда все полетит к черту. Крайним случаем, возможно, был бы Ваш вариант В, однако без Бахтияра у руля власти. Я также думаю, что имеются некоторые элементы вне правительства, которые выступают за широкую гражданскую войну».

Письмо заканчивалось так: «Если Хомейни не возвратится в этот уик-энд и если субботняя активность не выйдет из-под контроля, я буду просить разрешения уехать в воскресенье».

Ближайшее воскресенье приходилось на 28 января. Однако точную дату отъезда Хайзера из Ирана установить трудно. Картер и Салливен в своих воспоминаниях пишут об этом весьма кратко, не называя дня. Но из логики их рассказов вытекает, что генерал покинул Тегеран накануне или вскоре после приезда туда Хомейни 1 февраля. В американской прессе приводились различные даты — от 2 до 11 февраля, причем большинство наблюдателей указывало на первую половину в пределах этого срока. В то же время обращает на себя внимание полное отсутствие сведений о какой-либо активности Хайзера после возвращения в страну Хомейни. Исходя из всего сказанного, можно предположить, что скорее всего он вылетел из Тегерана между 30 января и 2 февраля.

В кругах администрации США тем временем все шло своим обычным чередом. Хайзер информировал Картера, Брауна и Вэнса, что военное командование еще держится и готово подавить демонстрации, если будет дан такой приказ. В то же время Салливен доносил, что правительство Бахтияра вот-вот падет. В госдепартаменте

просто не знали, как быть с публичными заявлениями: сказать об обреченности Бахтияра — значило ускорить его падение. Однако соответствующие сведения просочились в органы массовой информации, и Джоди Пауэллу, пресс-секретарю Белого дома, пришлось выступить с опровержением. Президент не считает, что правительство Бахтияра падет, заявил Пауэлл корреспонденту Си-би-эс.

Картеру, как видно, не очень было приятно сделать это вынужденное заявление. И он распорядился пригласить в Белый дом тех самых сотрудников госдепартамента, которые в течение многих месяцев до этого не имели никакой возможности донести до него свое мнение о событиях в Иране. В несвойственной ему резкой форме президент сказал:

— Нужно прекратить утечку информации, и именно это я собираюсь сделать. Если произойдет утечка информации, относящейся к вашей сфере, о чем бы ни шла речь, я вас уволю. Справедливо это или нет — а я вижу, что некоторые из вас, возможно, считают это несправедливым, — но этому надо положить конец. — И снова повторил:

— Итак, в случае утечки информации, относящейся к вашей сфере деятельности, независимо от того, по чьей вине это произойдет, я вас уволю.

В течение первой недели февраля 1979 г. конфронтация между силами революции и контрреволюции в Иране вступила в решающую фазу, хотя временами ситуация характеризовалась такой же неопределенностью и неразберихой, как и раньше. Число людей, участвовавших в демонстрациях, заметно поуменьшилось, а разговоры о возможности военного переворота, еще недавно раскалявшие политическую атмосферу столицы, почти прекратились. Некоторые наблюдатели стали приходить к выводу о замедлении темпов развития революции, зашедшей в «тихую гавань». Но в наступившей тишине рождалась буря.

5 февраля в Тегеране произошло важное событие: аятолла Хомейни назначил премьер-министра Временного революционного правительства. Это был, как и предсказывал Салливен, Мехди Базарган, представитель либерального лагеря, возглавлявший Движение за свободу Ирана.

Гром грянул спустя четыре дня, вечером 9 февраля. Ночью в Тегеране уже полыхало пламя вооруженного

восстания, охватившее к утру весь город. Салливен, в течение многих дней не получавший почти никаких инструкций из Вашингтона, позже писал: «...схватка, которой мы опасались, стала реальностью. Она началась, когда младшие офицеры ВВС и новобранцы на авиабазе Душан-Тапе взбунтовались и разоружили бронетанковую часть имперской гвардии. Захваченные мятежниками танки были повернуты против генерального штаба вооруженных сил, где находились тогда многие американские военные офицеры, в том числе и генерал, возглавлявший американскую консультативную группу по оказанию военной помощи Ирану».

10 февраля военный администратор столицы генерал Мехди Рахими издал приказ о продлении комендантского часа с 16.30 до 5.00 утра. Приказ не возымел действия. Бахтияр в телефонном разговоре с Базарганом стал высказывать готовность начать упорядоченную передачу власти. Но было поздно — Тегеран взорвался, как пороховой погреб.

11 февраля Высший военный совет вооруженных сил Ирана, проведя короткое совещание в составе 50 высших офицеров во главе с новым начальником генерального штаба генералом Аббасом Карабаги, объявил о «нейтралитете» армии в происходящих событиях и отводе войск в казармы. Это была, по существу, капитуляция шахских вооруженных сил перед революционным народом. Робкие попытки генералов Рахими и Рабии начать осуществление военного переворота провалились, не успев развернуться.

В этот день, 11 февраля, предпринявший полную победу вооруженного восстания в Тегеране, Салливен до глубокой ночи занимался вызволением 26 американских советников из бункера под зданием иранского генерального штаба, где они, укрывшись от атаки вооруженного народа, оказались, как в ловушке.

В самый разгар этих событий в комнате посла раздался телефонный звонок по международному каналу связи. На проводе был Вашингтон. Заместитель госсекретаря США Дэвид Ньюсом сообщил Салливену, что звонит из Белого дома, где под руководством Бжезинского успешно проходит совещание относительно обстановки в Тегеране, и попросил его дать оценку ситуации.

Посол ответил коротко, сделав особый упор на свою озабоченность проблемой вызволения из бункера 26 американцев.

Спустя 15 минут раздался новый международный звонок. Ньюсом и другой заместитель госсекретаря, Уоррен Кристофер, опять же говорившие из комнаты заседания в Белом доме, просили дать более подробную оценку событий. Затем Саллиvenu открытым текстом была передана телеграмма от Бжезинского: удался ли бы военный переворот? смогли бы военные захватить власть и сокрушить революцию?

В ответ посол нецензурно выругался и спросил:

— Перевести на польский?

Бжезинский не унимался.

«Несколькими минутами позже...— продолжает Салливен,— моя линия вновь была перекрыта звонком из Вашингтона, и в который раз на проводе был Ньюсом. Он сказал, что получил указание узнать, имеется ли у меня связь с главой группы военных советников и могу ли я получить от него и сообщить в Вашингтон его мнение о возможности военного переворота. Я саркастически спросил Ньюсома, понял ли он, что генерал в ловушке в бункере и что я пытаюсь спасти его жизнь. Ньюсом ответил, что понимает, но ему приказано получить оценку генералом возможности переворота. Спустя несколько секунд после того, как я положил трубку, раздался звонок главы группы из бункера... Я с некоторой неуверенностью пересказал ему разговор с Вашингтоном и чрезвычайную просьбу Белого дома... Он дал 5 процентов шансам государственного переворота. Позднее я попросил кого-то сообщить его оценку в Вашингтон, но почти уверен, что в начавшейся суматохе она вряд ли достигла назначения».

В этом фактически уже не было надобности. Органы массовой информации всего мира были переполнены сообщениями о победоносном исходе всенародного восстания и разгроме передовых отрядов шахских вооруженных сил. Военный переворот стал пустой мечтой. Но интересовала ли всерьез творцов тогдашней американской политики идея такого переворота?

Настойчивость, проявленная Бжезинским в телефонных разговорах с послом 11 февраля, причем через посредников в лице высокопоставленных сотрудников госдепартамента, да к тому же не в зашифрованном виде, заставляет задуматься о многом. Во всяком случае, трудно отделаться от впечатления, что советник президента

ставил своей целью не столько получить компетентное мнение из самой гущи событий (такие мнения, как мы уже видели, он постоянно демонстративно игнорировал), сколько еще раз показать свою приверженность идее государственного переворота участникам заседания того дня в Белом доме и американским представителям в Иране (к мнению которых он также постоянно относился с пренебрежением), а возможно, и тем, кто мог прослушать инспирированные им телефонные разговоры. (Салливен пишет, что ежедневные переговоры между Захеди и Бжезинским, рекомендовавшим шаху подавить революцию, также велись по открытому международному каналу телефонной связи. В то же время любое послание самого Салливена в Вашингтон, какой бы секретный гриф на нем ни стоял, почти дословно воспроизводилось на страницах «Нью-Йорк таймс».) Было бы по меньшей мере наивным полагать, что, отказавшись использовать более «благоприятные» возможности, Бжезинский вознамерился склониться к проведению военного переворота в Иране в условиях фактической победы вооруженного восстания народа. Показательно, что последнюю статью из своей серии, посвященную событиям января — февраля 1979 г., С. Армстронг назвал весьма однозначно: «США отвергают возможность переворота».

В кругах администрации Картера Бжезинский считался ведущим «ястребом» и очень гордился этим. Однако, несмотря на вполне понятное желание поддержать свое реноме, он постепенно открывался наблюдателям с другой стороны. 8 сентября 1980 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Возможно, когда-то у кого-то возникла мысль, что Бжезинский стоит на полезных позициях «ястреба». Но сейчас ясно, что он не ястреб и не голубь, а сойка, тщеславная, болтливая и назойливая».

Бжезинский не мог в полной мере проявлять на деле свою «ястребиную» сущность не только в силу особенностей международной обстановки и внутривнутриполитической жизни США, но и ввиду обусловленного этими обстоятельствами неуклонного стремления президента Картера следовать некоей «средней линии» в политике. В конце апреля 1980 г. американская газета «Ньюсдей» писала, что, «когда дело доходит до внешней политики, Картер высказывается в духе своего «по-ястребиному» настроенного помощника по национальной безопасности Бжезинского, но действует в духе тяготеющего к «голубям» Вэнса».

Однако это замечание не совсем точно: влияние Бжезинского сказывалось не только на публичных выступлениях, но и на многих действиях президента. В результате политическая линия Картера, выглядевшая в ряде случаев довольно противоречиво, на деле была по-своему весьма последовательной. «Ястребиный» блеф и бряцание оружием, как правило, являлись прикрытием для достижения каких-то иных целей или особой формой воздействия на ситуацию с целью обеспечить ее развитие в нужном США направлении. Именно это делало политическую линию Картера приемлемой для тех, кто держал в своих руках действительную власть в Соединенных Штатах и рассчитывал использовать такую линию в качестве моста для перехода к правлению «настоящих ястребов» (которых на очередных президентских выборах в ноябре 1980 г. объединил и возглавил Рональд Рейган). Отмеченные особенности политики Картера проявились в его отношениях не только с шахским, но и послешахским режимами.

Не этими ли особенностями политики Картера объясняются весьма противоречивые действия американского генерала в Тегеране и столь же противоречивые оценки характера его миссии? Из того только факта, что он покинул Иран накануне или сразу после возвращения в страну аятоллы Хомейни, когда, по его же мнению, всякая попытка организации переворота неминуемо должна была «полететь к черту», невольно напрашивается вопрос: а был ли вообще «ребенок»? М. Хейкал, ссылаясь на документы, обнаруженные в досье генерала Афшара Амини после революции, утверждает, что план переворота существовал и в нем было даже определено число жертв — до 50 тыс. человек. Однако планирование «на случай необходимости» военного переворота, которым среди прочего занимался в Тегеране генерал Хайзер, далеко не может считаться доказательством наличия у администрации США серьезного намерения действительно провести в жизнь такие планы. По словам того же Хейкала, момент для начала переворота должны были выбрать американцы, а не иранцы. Поскольку же соответствующий сигнал с их стороны так и не последовал, можно сделать следующее заключение: объективно планирование переворота послужило целям дезориентации его сторонников в рядах иранского генералитета.

Во всяком случае, факт остается фактом: вопрос о военном перевороте в Иране не вышел за рамки каби-

нетных разговоров и публичных угроз. Случайно ли Бжезинский в то время постоянно стремился уверить всех, в том числе среднее и низшее звено творцов американской политики, в наличии у администрации намерения осуществить переворот? И случайно ли позже он упомянул в своих мемуарах о соответствующих инструкциях Хайзеру, тогда как сам Картер воздержался от такого «признания»?

Нет нужды доказывать, что Бжезинский носился с идеей военного переворота отнюдь не для того, чтобы сохранить шаха у власти, как утверждал Салливен. В своих мемуарах помощник президента писал: «Постепенно главный вопрос иранской политики Вашингтона трансформировался из того, как помочь шаху сохранить Иран, в то, как сохранить Иран даже без шаха... С конца ноября... внешнеполитический аспект иранской проблемы вызывал нашу растущую озабоченность. Мы были убеждены, что исход возможной гражданской войны в этой стране будет неблагоприятным для США и создаст значительные стратегические преимущества для СССР». Провоцируемые Бжезинским заявления о поддержке шаха имели совсем иное предназначение. В беседах с Картером, Вэнсом и другими он постоянно говорил: даже если шах падет, важно показать миру, что Соединенные Штаты во времена тяжелых кризисов верны своим друзьям. Газета «Вашингтон пост» еще в декабре 1978 г. обратила внимание на то, что ни Картер, ни Бжезинский не оказали никакого нажима на Францию, чтобы заставить ее отказаться от предоставления Хомейни максимального доступа к самой совершенной системе информации, в результате чего этот «заклятый враг шаха» пользовался небывалой свободой действий.

Так каким же еще целям служили разглагольствования отдельных деятелей администрации США и некоторые действия генерала Хайзера, связанные с планированием мифического переворота в Иране? Лучшим ответом на этот вопрос было бы, разумеется, освещение тех сторон деятельности специального эmissара США в Иране, которые тщательно скрывались творцами американской и иранской политики. Приведем основные из имеющихся данных.

По сведениям С. Армстронга, в первоначальных инструкциях Хайзера среди прочего был и пункт о необходимости рекомендовать иранским военачальникам вести переговоры с оппозицией шаху.

«Вашингтон пост» от 13 января 1980 г. сообщала: «Высокопоставленные должностные лица заявили, что Хайзер дал понять шахским генералам, что не может быть речи о вмешательстве в планы Хомейни (относительно возвращения в Иран и создания «исламского правительства». — С. А.). Он говорил на информационных совещаниях о том, что произойдет, когда Хомейни вернется, как об одном из возможных вариантов, сказал один сотрудник разведки. И он говорил без обиняков о том, что могут и что не могут делать иранские командующие».

Однако важно не только то, что говорил, но и то, что делал Хайзер. Французский еженедельник «Нувель обсерватёр» еще 15 января 1979 г. сообщил, как американский эмиссар разделался с наиболее рьяными приверженцами шаха: генерал Хосроудад был перемещен в удаленный от столицы гарнизон провинции Керман, а генерал Овейси был побужден выйти в отставку и уехать из страны. Реорганизация комсостава иранских вооруженных сил коснулась и других наиболее строптивых генералов.

«Нью-Йорк таймс» от 20 апреля 1980 г. обратила внимание на то, что, хотя Хайзер официально прибыл в Тегеран с целью обеспечить лояльность вооруженных сил Бахтияру, он лишь однажды встретился с премьер-министром. Последний постоянно опасался, что «за кулисами готовится какое-то предательство». (Иначе говоря, он фактически оказался в том же положении, в каком до него был Мохаммед Реза-шах. По словам М. Хейкала, хотя шах и не знал о готовности США признать установление в Иране республиканской формы правления, он чувствовал «возможность предательства с их стороны».) Американский еженедельник «Нью рипаблик» еще в номере от 3 февраля 1979 г. писал, что сотрудники госдепартамента США установили контакты с лидерами иранской оппозиции, включая помощника Хомейни, и пытаются найти решение в Иране «вне правительства Бахтияра».

Интереснейшие сведения о миссии Хайзера привел генерал Рабин в своей речи перед «исламским революционным судом» в конце марта 1979 г. Согласно его показаниям, 10 января на встрече с иранским командным составом Хайзер резко заявил о том, что шах «должен уйти». Иранский народ, патетически восклицал американский генерал, подобно многим другим народам на земном шаре, не желает больше принимать политическую

систему, основанную на авторитаризме; его, Хайзера, правительство разделяет это чувство, так же как и союзники США в Западной Европе. Рабии заключил:

— Генерал Хайзер взял шаха за шкуру и вышвырнул его из страны, как дохлую крысу.

Но это было далеко не все. Согласно тем же сведениям, на встрече с иранскими военачальниками, состоявшейся сразу после отъезда шаха из страны, Хайзер побуждал своих собеседников вступить в переговоры с оппозиционными силами. Более того, он дал им список некоторых абонентов представителей Хомейни, сказав, что последние «ждут их звонков и полны желаний обсудить соглашение», призванное предотвратить в дальнейшем «кровапролитие и хаос». Затем американский генерал пошел еще дальше, заявив, что военные должны побуждать и Бахтияра начать переговоры с представителями Хомейни.

По показанию того же Рабии, иранское верховное командование со своей стороны требовало от Хайзера добиваться уступок по следующим трем вопросам: Хомейни отложит свое возвращение в Тегеран до окончания переговоров с его представителями; Хомейни прекратит будоражащие обращения к народу; Би-би-си перестанет выступать в качестве канала связи между Хомейни и иранскими массами.

Как следует из показаний Рабии, по крайней мере, в его присутствии Хайзер никоим образом не подстрекал армию к перевороту. Более того, он требовал от генералов собраться в резиденции аятоллы Мохаммеда Бехешти, главного связного Хомейни в Тегеране, а позднее — в доме Базаргана для обсуждения проблемы мирного урегулирования кризиса. Но все это делалось таким образом, что военные руководители Ирана вплоть до утра 11 февраля не осознавали, что США примирились с развалом правительства Бахтияра, хотя некоторые публичные заявления Картера казались им подозрительными (17 января президент выразил надежду, что новое иранское правительство будет другом США, а 20 января призвал Хомейни предоставить «шанс» правительству Бахтияра).

Не менее интересные признания содержатся в мемуарных работах Салливена, который в ряде случаев, судя по этим же признаниям, несколько предвзято подходил к Бжезинскому и Картеру. В статье «Иран: путь, по которому не пошли», опубликованной в 1980 г. в жур-

нале «Форин полиси», Салливен отмечал, что в конце декабря 1978 г., после болезни и отставки премьер-министра генерала Азхари, он доложил Вашингтону о своем намерении действовать в духе рекомендаций, изложенных им в докладе-телеграмме от 9 ноября «Мысли о невымыслимом» и предусматривавших установление контактов с представителями Хомейни в Иране, в частности с Базарганом.

«Никаких инструкций, возбранявших это, я не получил,— пишет далее Салливен,— и поэтому под моим руководством сотрудники посольства предприняли ряд действий, призванных подготовить основные условия, на которых иранские вооруженные силы, после устранения некоторых наиболее спорных руководителей, стали бы приемлемыми для правительства Базаргана.

В то же время мы пытались прощупать, на каких условиях сами вооруженные силы пойдут на такое соглашение. Поскольку многие лица, которые из патриотических побуждений участвовали в этих беседах, все еще находятся в Иране и поскольку в наэлектризованной атмосфере Тегерана сегодняшние руководители могут не поверить их патриотическим побуждениям, я не стану описывать эти переговоры в деталях.

Достаточно сказать, что между вооруженными силами и революционными руководителями в Тегеране было достигнуто соглашение, разработанное до всех мелочей: в рамках этого соглашения кое-кто из высокопоставленных офицеров должен был получить разрешение покинуть страну вместе с шахом, а остальные военачальники должны были принести присягу новым руководителям. Поскольку контроль над новейшей военной техникой находился в руках Соединенных Штатов, они располагали возможностью обеспечить претворение в жизнь этого соглашения».

Итак, Саллиvenu «не возбранялось» установление контактов с «революционными руководителями в Тегеране».

Но что же еще нужно было послу? В той же статье он пишет: «Из контактов с приближенными к Хомейни лицами мы уже знали о его опасениях, что, когда он вернется в Тегеран после запланированного отъезда шаха, в стране возникнут кровопролитные столкновения между революционерами и иранскими вооруженными силами. Мы предполагали также, что он в общих чертах одобряет вашу договоренность с революционными руководителями

в Тегеране, по считали необходимым услышать это от него лично».

В книге «Миссия в Иране», опубликованной спустя год после выхода статьи, Салливен привел и некоторые подробности о своих контактах с руководителями оппозиции в Иране. Уже в дни пребывания в Тегеране Хайзера он лично встречался с Мехди Базарганом и аятоллой Мусави. «Базарган повторил мне все, что его товарищи рассказывали сотрудникам посольства раньше,— пишет Салливен.— Им хотелось, чтобы вооруженные силы оставались нетронутыми и служили новому правительству. У них был список военных, которым следовало покинуть страну... Они хотели и в дальнейшем сохранить с Соединенными Штатами все военные и другие соглашения по обеспечению безопасности... К сожалению, аятолла, хотя был мил, внимателен и проявлял конструктивность во время всего разговора, ни разу не подтвердил заявлений Базаргана в таких точных формулировках, каких мне хотелось бы. Тем не менее это было удовлетворительное начало политики, которую я надеялся осуществить».

Следующим шагом Салливена, по его словам, была попытка склонить нового начальника генштаба генерала Карабаги, бывшего другом детства шаха и поддерживавшего тесные связи с американским послом, к переговорам с Базарганом. Последний говорил Саллиvenu, что состоит в дружеских отношениях с генералом и вступит в непосредственный контакт с ним.

В аналогичном ключе действовал и Хайзер. Мохамед Реза писал в своих мемуарах: «Генерал Хайзер настоятельно рекомендовал Карабаги, который держал меня в курсе событий, срочно вступить в контакт с Базарганом для обсуждения условий перехода армии на их (оппозиционеров.— С. А.) сторону».

Переговоры между Карабаги и Базарганом состоялись с участием руководителя САВАК генерала Насера Мокаддама. Имели место также контакты между Базарганом и Бахтияром. О результатах этих встреч Салливен не пишет, но, судя по опубликованному в иранской газете «Моджахед» от 29 сентября 1979 г. письму Карабаги Хайзеру, была достигнута договоренность о том, что руководство армии с целью облегчить налаживание отношений со сторонниками Хомейни будет подчеркивать исламский характер вооруженных сил и действовать под лозунгом «армия вне политики». В последней статье серии С. Армстронга содержатся такие сведения: после

имевших место бесед Карабаги заявил Бахтияру, что единственная надежда для военных действовать согласованно — это встать на сторону Базаргана, и затем подал премьеру прошение об отставке.

Историю этой отставки Салливен описал весьма подробно. Он отмечает, что, поскольку Хайзеру не удалось отговорить Карабаги от такого шага, ему пришлось, исходя из инструкций Вашингтона о полной поддержке правительства Бахтияра, взяться за это дело самому, в результате чего генерал забрал назад свое прошение. Подчеркивая, что вынужден был действовать вопреки своим желаниям и намерениям, Салливен использует эту историю, как и все другие факты, для критики правительства США. Однако, учитывая ту исключительно важную роль, которую Карабаги, как главный посредник между военными и руководством оппозиции, сыграл в дни февральского восстания, позицию Салливена в данном случае нельзя признать достаточно логичной и последовательной: уйдя с поста начальника генштаба, Карабаги не мог бы выступить инициатором «нейтралитета» армии в борьбе между антишахскими и прошахскими силами.

Короткие мемуарные рассказы Салливена, судя по всему, содержат немало недомолвок. Так, например, в них ничего не говорится о санкционированной им еще 13 января встрече сотрудника посольства с главным связным Хомейни в Тегеране аятоллой Мохаммедом Бехешти. С. Армстронг пишет, что последнему была предложена сделка: Соединенные Штаты дадут гарантию, что в Иране не произойдет государственного переворота или какой-либо массовой расправы военных с «инакомыслящими», если Хомейни призовет положить конец демонстрациям и забастовкам с целью укрепить правительство Бахтияра. По тем же сведениям, Бехешти сказал, что шахский генералитет не представляет реальной опасности и что никакой государственный переворот не имеет шансов на успех; единственной гарантией прекращения забастовок и демонстраций является отречение шаха от престола. Отсюда становится ясным, что, поскольку Вашингтон отказывался дать такую гарантию, ему, естественно, приходилось блефовать «государственным переворотом». Не случайно соответствующее указание отсутствовало в первоначальных инструкциях Хайзера и появилось на свет, как отмечает Салливен, много позже.

Бывший американский посол умалчивает и многие другие, несомненно, известные ему факты, в частности то, что администрация США, отказываясь санкционировать прямой контакт с Хомейни в Париже, вместе с тем еще в декабре 1978 г. разрешила установить связи с его тамошними представителями.

События развивались таким образом. В середине декабря 1978 г. видный деятель из окружения Хомейни Ибрагим Язди приехал в Вашингтон, как писал 29 января 1979 г. еженедельник «Ньюсуик», «с целью открыть канал связи». По сведениям С. Армстронга, специалист госдепартамента по Ирану Генри Пречт, встретившись «случайно» в одном доме с Язди, предложил его в качестве кандидатуры для контакта. В конце декабря 1978 г. руководитель политического отдела посольства США в Париже Уоррен Циммерман получил указание вступить в контакт с Язди. В январе 1979 г. Циммерман был уполномочен возобновить секретную связь. В западной печати сообщалось, что с Хомейни встречался бывший министр юстиции США Рамсей Кларк, совершивший перед этим «частную» поездку в Иран.

Книга Салливена, вышедшая в свет в 1981 г., не прояснила окончательные результаты переговоров. Но важно то, что он в ней повторил свое прежнее сообщение: в полученных им инструкциях из Вашингтона ни разу не выдвигалось возражений против его попыток достичь соглашения между вооруженными силами и руководителями оппозиции. По словам С. Армстронга, он «еженедельно санкционировал встречи с оппозиционными деятелями».

Чем же в таком случае был недоволен посол? Ведь генерал Хайзер, прибывший в Тегеран официально с целью обеспечить поддержку Бахтияра, неофициально действовал в духе его, Салливена, предложений. Если отвлечься от особенностей «ирландского темперамента» посла и его личных интересов, ущемленных параллельными акциями Бжезинского через «собственное посольство» в лице Ардешира Захеи и затем специального эмиссара — генерала Хайзера, то вывод будет один. Недовольство Салливена было вызвано главным образом тем, что администрация США прикрывала действия в духе его предложений разговорами о поддержке Бахтияра и намерении осуществить государственный переворот.

Такая двойственная политика, по-видимому, пред-

ставлялась Картеру более плодотворной, чем тот прямолинейный курс действий, который предлагал Салливен. Во всяком случае, она позволяла делать вид, что США идут на компромисс не через уступки противнику, а путем давления на него. Кроме того, администрация Картера получала возможность показать свою «благонадежность» как тем союзникам, которые еще требовали оказать помощь шаху, так и тем, которые уже отrekliсь от него. Естественно поэтому, что самое большее, на что мог пойти американский президент,— это санкционировать переговоры с представителями Хомейни или не препятствовать таким переговорам. К тому же линия политического поведения самого аятоллы не давала оснований надеяться, что он когда-либо позволит себе пойти на прямые контакты с США.

Но зато угроза военного переворота заставила Хомейни выступить с целой серией публичных заявлений, явно адресованных американскому президенту. Еще 2 января в интервью «Вашингтон пост» он сказал, что «со стороны правительства США было бы ошибкой бояться ухода шаха», и выразил возмущение теми, кто, называя его сторонников «коммунистами», «пытается запятнать нашу репутацию». Комментируя это, газета отмечала, что Хомейни «впервые сделал по отношению к Соединенным Штатам такой мирный дипломатический шаг». В интервью телекомпании Си-би-эс в середине января Хомейни прямо говорил:

— Мы прекратим всякую оппозицию Соединенным Штатам, если администрация откажется следовать своей нынешней политике и перестанет оказывать поддержку шаху и назначенному им правительству. После этого у нас не будет причин испытывать враждебность к США и американскому народу.

В конечном счете колебания и нерешительность администрации Картера определялись нарастающей силой революционного движения в Иране. Показательны заключительные строки из статьи Салливена «Иран: путь, по которому не пошли»: «Я не могу категорически утверждать, что, если бы США пошли по другому пути, это позволило бы предотвратить то, что произошло в Иране». Эта же сила революционной борьбы иранских народных масс, проявлявших неукротимые, хотя и стихийные, антикапиталистические устремления, и активное участие в революции левых групп и организаций, вполне осознанно выдвигавших требования выхода за рамки ка-

питализма, заставляли высшее религиозное руководство искать пути мирной передачи власти и — как следствие этого — санкционировать контакты своих представителей с США.

Суть имевших место контактов между генералом Хайзером и другими официальными представителями США, с одной стороны, и такими руководителями оппозиции, как аятолла Бехешти, Мехди Базарган, Ядолла Сахаби и Хашем Саббагян, — с другой, раскрыл иранец Сепехр Забих (живущий на Западе) в опубликованной им в 1982 г. книге «Иран после революции». На основе сведений, полученных от иранских генералов, эмигрировавших из страны, от Бахтияра и других лиц, автор установил, что лидеры иранской оппозиции в ходе этих контактов придерживались «крайне прагматичной позиции». В частности, они выразили «полное согласие» с США в том, что послереволюционному Ирану будет нужна хорошо организованная армия — для защиты территориальной целостности страны и гарантии того, чтобы события в Иране не были использованы какой-либо силой «извне». Со своей стороны они дали «клятвенные заверения» относительно безопасности американского военного и гражданского персонала и сохранности новейшей военной техники. В то же время контакты с Хайзером были использованы руководителями антишахского лагеря с целью убедить иранский генералитет в бесполезности поддержки правительства Бахтияра. Сам факт ведения американским эмиссаром переговоров с оппозицией, говорили они, является свидетельством того, что администрация Соединенных Штатов вынуждена признать обреченность кабинета Бахтияра.

В книге С. Забиха приводятся интересные материалы и относительно того, как руководители антишахского лагеря использовали контакты с генералом Хайзером в дни февральского вооруженного восстания. После объявления генералом Рахими приказа о продлении комендантского часа они связались с американским посольством, чтобы выяснить, находит ли эта акция поддержку у генерала Хайзера и правительства США. Получив подтверждение, что Соединенные Штаты не имеют отношения к действиям Рахими, Бехешти и Базарган настояли на том, чтобы Хомейни выступил с прямым обращением к народу о неподчинении приказу военной администрации и с предостережением армейского командования от насилия в отношении народных масс. В этой связи ин-

интересно отметить, что в соответствующем воззвании Хомейни еще раз публично подчеркнул свою заинтересованность в «мирном решении иранских проблем».

Далее автор сообщает, что некоторые военные руководители были намерены использовать продление комендантского часа с целью подавить антиправительственное выступление на авиабазе Душан-Тапе. Командующий сухопутными войсками генерал Бадрен согласился предоставить свои войска в распоряжение генерала Рахими. Но начальник генерального штаба Карабаги, постоянно поддерживавший тесные контакты с американцами и представителями Хомейни, воспрепятствовал этим планам. По словам С. Забиха, когда Карабаги спросили, знает ли Хайзер обо всех этих событиях, он в своем ответе ограничился указанием на то, что США получили «все необходимые гарантии» от такого высокопоставленного представителя оппозиции, как аятолла Бехешти. Последний в эти дни вновь использовал имя генерала Хайзера в целях предотвращения переворота. Вместе с Саббагином он сообщил американскому посольству, что если Хайзер не отговорит военачальников от осуществления их планов, то руководство оппозиции не сможет «гарантировать» ни безопасность американского персонала, ни сохранность военной техники.

Эти данные находят подтверждение и в ряде иранских источников, сообщающих, что еще за несколько дней до восстания Карабаги договорился с представителями Хомейни о капитуляции вооруженных сил, а затем от имени будущего правительства дал генералам «гарантии неприкосновенности». Сам Карабаги после восстания исчез со сцены, став тайным военным советником новых властей. Последний факт неоднократно отмечался и в западной печати.

Как же выполнили новые власти свои «заверения» о сохранении целостности армии и гарантии неприкосновенности генералов?

В книге С. Забиха приводится интересный материал и по этому вопросу. По его словам, решение о «нейтралитете» армии, дополненное призывом к солдатам и офицерам вернуться в казармы, было принято в 10.30 утра (по другим данным — в 9.30) 11 февраля, когда шли решающие бои между отдельными армейскими подразделениями и силами левых организаций. Однако соответствующее объявление было передано по радио только в 14.00. Ссылаясь на данные иранской газеты «Аяндеган»

от 27 февраля, С. Забих пишет, что это промедление предусматривалось планом, разработанным аятоллой Бехешти и генералом Карабаги. Целью плана были дезинтеграция армии и ослабление левых сил путем продления ожесточенных столкновений между ними.

Что касается «гарантий неприкосновенности», то и они во многих случаях не были соблюдены. Генерал Бадрей был убит при невыясненных обстоятельствах в собственном кабинете одним из офицеров. В числе первых новыми властями были казнены Хосроудад и Рахими, в апреле — расстрелян пулеметной очередью Раби. Предпринятая отдельными генералами робкая попытка переворота, очевидно, предоставила новому режиму свободу рук от данных им «гарантий».

В США, судя по всему, подобный исход считали наименьшим злом. 13 января 1980 г. «Вашингтон пост» писала: «В конечном итоге, по американским оценкам, «было убито 30 процентов из состава высшего командования». Один бывший американский посол (не Салливен ли? — С. А.) сказал: «Это была настоящая бойня». Но, как отмечают некоторые американские официальные лица, могло быть хуже — «дело могло вылиться в кровопролитную гражданскую войну, причем в основном с тем же исходом». Однако следует отметить, что основной костяк старой армии был все же сохранен новым режимом.

Вместе с тем «гарантии», касающиеся непосредственно США, в дни восстания и в первое время после него соблюдались безукоризненно.

В статье в «Форин полиси» Салливен писал, что принимал попытки вызволить 26 американских военных советников из бункера «вместе с нашими агентами среди революционеров». В опубликованной спустя год книге он привел более конкретные данные: аятолла Бехешти и Ибрагим Язди лично прибыли на место событий и освободили американский персонал из ловушки, в которой он находился целые сутки. Язди сам препроводил освобожденных американцев в посольство утром 12 февраля.

Когда спустя два дня в осаде оказалось и посольство, Ибрагим Язди, ставший к тому времени заместителем премьер-министра по делам революции, опять же лично возглавил вооруженный отпор нападавшим, которых он назвал «недисциплинированными элементами революции». Язди, сопровождаемый неким аятоллой и отставным полковником, от имени нового правительства принес глубокое извинение сотрудникам американского посоль-

ства за инцидент и обещал прислать для охраны посольства 40 солдат, а также предоставить послу личных телохранителей.

Спустя некоторое время Салливена посетил еще один аятолла, сопровождаемый молодыми муллами. Он сообщил, что послан аятоллой Хомейни, чтобы принести его извинения в связи с нападением на посольство и выразить радость по поводу того, что все остались в живых. Он заверил посла, что нападение было предпринято вопреки политике и воле аятоллы Хомейни и что он готов оставить в посольстве молодых мулл, чтобы те увещевали исламские группы, которые вознамерятся совершить новые нападения. Посланец также спросил, могут ли он или аятолла Хомейни быть чем-то полезны сотрудникам посольства.

В последующие два месяца Салливен в тесном сотрудничестве с новыми властями, и в особенности с премьер-министром Базарганом, провел целый ряд важных для США мероприятий. Так, ему удалось благополучно эвакуировать не только всех американцев, численность которых в то время составляла 8 тысяч, но даже граждан Израиля, находившихся с первого дня восстания на подпольном положении. Одновременно была обеспечена безопасность американских консульств в Тебризе, Исфагане и Ширазе. Из страны была в полной сохранности вывезена значительная часть засекреченного военного оборудования и аппаратуры со станций электронного шпионажа за территорией СССР. По просьбе Базаргана Салливен согласился оставить в Иране 25 американских советников, но, правда, из-за полной неразберихи в вооруженных силах они не могли нормально функционировать. 6 апреля, благополучно завершив все дела, Салливен тайком, под покровом ночи, с соблюдением всех возможных мер предосторожности и под защитой огромного вооруженного конвоя, составленного из иранцев, вылетел из Тегерана.

Характеризуя роль некоторых деятелей антишахской оппозиции в установлении власти духовенства, С. Забих пишет, что новые руководители страны, в особенности аятолла Бехешти, сделали все возможное с целью скрыть факт своих переговоров с Хайзером и военными верхами Ирана. «Многие из противников Бехешти, знавшие из первых рук о его роли в переговорах, пытались дискредитировать его, когда он стал вторым по значимости лицом в исламской республике. Но Хомейни всегда был

убежден, что в те критические дни революцию спасли в переговорах умение и проницательность таких личностей, как Бехешти, Саббагиян и на последней стадии д-р Ибрагим Язди». Впоследствии в руки иранцев попало много документов американского посольства, компрометирующих тех, кто вел переговоры с представителями США. Но полностью обнародованы были лишь те из этих документов, которые дали возможность устранить с политической арены некоторых умеренно настроенных деятелей бывшей антишахской оппозиции, выступавших против прямого правления духовенства.

Общий вывод С. Забиха гласит: «Ретроспективно очевидно, что победителями в этой драме были те хитрые посредники Хомейни, которым удалось добиться раскола в армии, застраховать себя от американского вмешательства, используя присутствие генерала Хайзера и заручившись молчаливым согласием американцев на капитуляцию армии в ответ на гарантию безопасности американских граждан... Как минимум, они добились успеха в том, что не допустили задержки победы революции и предотвратили бесчисленные потери, как материальные, так и людские. Что касается миссии Хайзера, нет никаких сомнений относительно того, что он точно отражал колебания и нерешительность своего правительства... Есть много других мнений относительно его миссии, большинство из которых отражают взгляды и предубеждения их авторов. Не вызывает споров лишь то, что эта миссия в Иран сопровождалась дезинтеграцией имперской армии в последние дни революции». Далее автор заключает, что, независимо от того, «случайна или нет причинная связь этих событий», «нейтрализация и дезинтеграция вооруженных сил сыграли чрезвычайно существенную роль в ускорении триумфа революции».

Эта оценка С. Забиха исходит из следующей довольно обоснованной посылки: хотя армейские генералы в силу положения в политической структуре шахского Ирана были не способны взять власть в свои руки, но и исламский режим вряд ли мог быть установлен в феврале 1979 г. при противодействии военных, поскольку разложение армии до приезда Хайзера находилось еще в самой начальной стадии. Однако конечный вывод, что практическим результатом миссии Хайзера было «ускорение триумфа революции», не может быть признан правильным в таком общем виде. Суть проблемы, вполне очевидно, заключалась в том, что само это «ускорение»

было необходимо творцам американской и иранской политики для того, чтобы предотвратить неизбежное в условиях длительной революционной антишахской и антиимпериалистической борьбы усиление и расширение влияния левых групп и организаций.

Известно, что февральское вооруженное восстание 1979 г. было начато левыми силами без ведома и участия религиозных кругов, почти утративших в те дни контроль над массовым движением. Но уже с утра 11 февраля, когда левые, фактически оказавшиеся во главе всенародной борьбы, вели решающие бои с шахскими войсками, исламские силы приступили к активному и планомерному захвату основных рычагов государственной власти и установлению над ними своего контроля. Утром 12 февраля народные массы во главе с левыми группами и организациями еще были заняты подавлением последних очагов сопротивления прошахских элементов, а религиозные круги уже держали в своих руках все рычаги правления и произвели первые назначения в новое правительство. В него не вошли представители левых сил, более того, правительство это с самого начала получило ярко выраженную антилевою направленность.

Верховный руководитель нового режима аятолла Хомейни с первых же дней победы февральского восстания стал выступать с настойчивыми требованиями называть это восстание не иначе как «исламской революцией» и не пользоваться такими определениями, как «народная», «демократическая» и т. п. При этом указывалось, что свержение шахского режима — не конец, а только начало «исламской революции». Последняя, как показали дальнейшие события, подразумевала установление теократической власти шиитского духовенства и исламизацию всей политической, общественной и семейной жизни граждан. Реализация соответствующих мероприятий сопровождалась постоянными целенаправленными антилевыми кампаниями, призванными убрать с политической арены и затем уничтожить все группы и организации, являвшиеся сторонниками углубления социального содержания народной революции.

С учетом этого приведенное выше краткое определение практического результата миссии генерала Хайзера — «ускорить триумф революции» — нуждается в уточнении. Речь может идти лишь об установлении и упрочении власти клерикальных антикоммунистических сил и ликвидации всех левых групп и организаций. Нет сом-

нений, что классовый инстинкт деятелей администрации США помог им разглядеть в русле внешне единого потока всенародной революционной борьбы весьма «перспективную» «исламскую струю», которая в конечном счете стала противовесом народной революции.

Развернувшаяся в США в ходе этих исключительно сложных, противоречивых событий дискуссия о характере миссии Хайзера вылилась в дальнейшем в поиски козла отпущения: «кто виновен в потере Ирана?»

Генерал Хейг, выйдя в отставку, обвинял в «потере Ирана» президента Дж. Картера, который, по его словам, послал Хайзера в Иран не для того, чтобы помочь Бахтияру, а для того, чтобы ускорить падение шаха.

Свергнутый монарх в своих мемуарах упрекал Картера за то, что тот постоянно вынуждал его к уступкам, стоившим ему трона. Так, американский президент настаивал на его, шаха, «временном» выезде из Ирана якобы с целью дать возможность армии восстановить в стране «спокойствие» и воспрепятствовать возвращению из эмиграции Хомейни. Однако затем Картер буквально выбил почву у него из-под ног, передав через Хайзера предупреждение его генералам: если они попытаются взять в свои руки контроль над страной и вернуть шаха, США прекратят всякие поставки и помощь Ирану. Таким образом, заключал шах, Хайзер приехал в Иран с «недвусмысленной целью» нейтрализовать иранскую армию и тем самым помочь его свержению.

Исходя из этого, газета «Вашингтон пост» от 13 января 1980 г. ставила под сомнение прежние заявления правительства Картера о его непоколебимой поддержке шаха, «просчете разведки» грандиозного масштаба, происшедшем из-за того, что США не сумели правильно оценить размах недовольства в иранском народе, об отсутствии у правительственных деятелей контактов со сторонниками Хомейни и о том, что приход к власти аятолы был неожиданностью для творцов американской политики. Автор статьи заключал, что именно «слабость» и «нерешительность» Картера помогли сторонникам Хомейни прийти к власти.

Уильям Салливан, вышедший через два месяца после возвращения из Тегерана в отставку с дипломатической службы, в конце июня 1979 г. в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» утверждал, что главной причиной провалов американской внешней политики в Иране являлась «межведомственная склока» между аппаратами

Вэнса в госдепартаменте и Бжезинского в Белом доме, которая «достигла такой степени, когда они уже были просто не в состоянии формулировать политику». Но основную вину бывший посол возлагал на Бжезинского, добившегося важного влияния на Картера и с порога отвергавшего все его, Салливена, предложения по урегулированию положения в Иране, в частности план прямых переговоров с аятоллой Хомейни.

Американский журналист Роберт Дрейфус в книге «Заложник Хомейни» (имеется в виду президент Картер) утверждал, что Хайзер, продолжив начатое Картером, Бжезинским и Вэнсом «предательство», сделал все возможное, чтобы удержать иранский генералитет от выступлений против Хомейни.

В феврале — марте 1981 г. в ходе слушаний в конгрессе США деятели ушедшей в отставку администрации Картера — бывший помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии Гарольд Сондерс и бывший заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер — заявили, что задача Хайзера состояла в выяснении «потенциальных» возможностей армии под руководством шаха и ее способности контролировать положение в Иране, а не в содействии «передаче власти».

Сам Хайзер во время слушаний в конгрессе в июне 1981 г. утверждал, что иранские вооруженные силы имели возможность сохранить «порядок и безопасность» в стране, и выразил удивление, почему они не попытались это сделать. Генерал отказался ответить на вопросы, касающиеся подстрекательства иранского командования на переворот или хотя бы на захват нефтепромыслов. Но на вопрос, имел ли он инструкции выступать против планов военного переворота, дал отрицательный ответ. Он показал также, что одной из его задач было убедить иранских генералов отказаться от намерения покинуть страну вслед за шахом, поскольку существовала опасность, что «левые партизаны заполнят вакуум и придадут революции левую ориентацию».

В 1982 г. со своими разъяснениями выступили бывший президент Картер и его бывший помощник Бжезинский. Последний в мемуарной книге «Власть и принцип» писал, что Хайзер был послан в Тегеран не только с целью уговорить военных руководителей Ирана поддержать премьер-министра Бахтияра, но и с инструкциями относительно подготовки иранских генералов к перевороту при поддержке США в случае, если Бахтияр

потерпит неудачу. Подготовка военного переворота, писал Бжезинский, составляла важнейший пункт в инструкциях Хайзера, а его осуществление могло начаться только по сигналу из Вашингтона. Картер в своих воспоминаниях, как уже отмечалось, не упомянул о таких инструкциях, ограничившись описанием фактической стороны событий в духе официальных версий.

«Большой сатана» — так позже будут называть США новые, исламские власти Ирана. Но это отнюдь не отменяет того факта, что позиция «большого сатаны» так или иначе благоприятствовала духам «исламской революции» обрести плоть. Произошло это по доброй воле или он был принужден к тому обстоятельствами, не суть важно: иногда неволя может стать пущо охоты.

ПОБЕДЫ БЕЗ ПРОСВЕТА

ТРУДНЫЙ ПУТЬ
РАЗВИТИЯ
«ИСЛАМСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»

На сцене актового зала духовного училища, расположенного в одном из беднейших кварталов Тегерана, восседали два человека, ничем не похожих друг на друга. Хомейни, невозмутимый и хмурый, был в длинной темной сутане, с тюрбаном на голове и в тапочках; Базарган, благообразный и добродушный, — в аккуратно сшитом костюме европейского типа, при галстукке (этом «отвратительном изобретении Запада», как сказал бы первый) и в хорошо начищенных ботинках. В зале находились представители прессы и телевидения различных стран, а улицы вокруг училища были заполнены шумным потоком одетых в черное женщин. Одни из них молились, другие пели политические песни, третьи, потрясая сжатыми кулаками, скандировали лозунги.

Представив собравшимся нового премьер-министра Мехди Базаргана, аятолла Хомейни объявил всякое противодействие ему нарушением исламских норм и богохульством. Фирман (указ) о назначении премьера был подписан самим имамом, но он сообщил, что Базарган избран Исламским революционным советом — высшим государственным органом с никому не известным соста-

вом, назначенным Хомейни за три недели до этого. Он считал, что массовые демонстрации являются своего рода референдумом в его личную пользу и что он поэтому имеет право назначить членов совета — «согласно нормам закона и волеизъявлению подавляющего большинства народа».

Для духовенства началась полоса непрерывных побед, для подавляющего большинства народа и его подлинных представителей — полоса отступлений и поражений.

Последовавшее менее чем через неделю после назначения Базаргана премьер-министром падение 2500-летней монархии в Иране, явившееся результатом героизма и самоотверженности народных масс во главе с левыми силами, для религиозных деятелей было первой крупной и в общем-то довольно легкой победой. Добившись отставки правительства Шахпура Бахтияра, представлявшего прозападно настроенное правое крыло либерального лагеря и отражавшего интересы крупного и отчасти среднего капитала, высшего чиновничества и примыкающей к нему части интеллигенции, духовенство получило возможность приступить к созданию в Иране исламской республики.

Шахская политика ускоренной буржуазной модернизации и в данном случае оказала неоценимую услугу духам «исламской революции»: передовые, сознательные слои трудящихся намного уступали по численности неграмотным массам, только что пробудившимся к активной политической жизни, но еще не искушенным в политике. Миллионы иранцев: скученные в городских трущобах выходцы из сельской местности и люмпен-пролетарии; занятые на мелких, в основном кустарных и полукустарных, предприятиях рабочие и поденщики; деревенские батраки и крестьяне; концентрирующиеся на городских базарах торговцы и ремесленники; неустроенные выпускники школ и недоучившаяся разночинная молодежь — все они, слушая речи Хомейни, полагали, что именно исламская республика обеспечит осуществление их идеалов. Как гласит персидская пословица, в мечети тепло — слепому спокойно.

В отличие от большинства идущего за ним народа, которое точно знало, чего не хотело, и не знало точно, чего хотело, имам Хомейни совершенно точно знал и чего не хотел, и чего хотел. Древние говорили: желаю-

щего судьба ведет, нежелающего тащит. Так случайно ли миллионы рядовых иранцев, доверив имаму и свои надежды, и свои иллюзии, стремились действовать в соответствии с желаниями Хомейни, чего бы он ни пожелал? Они и не успели заметить, как и когда апелляция к исламу превратилась из средства социального и политического протеста в инструмент подготовки клерикального господства.

Такое положение дел значительно сужало возможности как левых сил, которые были сразу же изолированы духовенством от реальных источников политической власти, так и оставшихся на политической арене течений либерального лагеря, связи которого с народом всегда были довольно слабыми и неустойчивыми. Происламски и реформистски настроенные центристы, так же как и левые либералы, вдохновлявшиеся идеалами национализма и социал-демократизма, не воспринимали всерьез намерение имама воссоздать идеальное исламское государство по образу того, которое якобы существовало в VII в. при пророке Мохаммеде и имаме Али. Опьяненные беспрецедентной свободой слова, установившейся в стране на первых порах после свержения монархии, либерально настроенные интеллигенты с головой ушли в бесконечные дискуссии о либеральной демократии, прообразом которой могли служить, естественно, только западные образцы. Хотя Хомейни никогда не скрывал двух своих целей — создание исламского государства и уничтожение влияния западной культуры, они все еще видели в нем современное воплощение национальной традиции.

Иллюзии развеются очень скоро. Такие руководители либеральных организаций, как Карим Санджаби, Дариуш Форухар и другие, которые 1 февраля при встрече Хомейни в Тегеране почтено целовали ему руку, довольно быстро канули в политическое небытие. Из руководителей политических организаций, близких к исламскому движению, только лидер моджахединов Масуд Раджави отказался прильнуть к перстам имама, прочитав ему стих Корана о свободе. Скрывая раздражение, имам сказал:

— Вы правы, нет ничего ценнее свободы.

— Посмотрим,— ответил Раджави.

На следующий день после восстания, поздравляя народ с торжеством «исламской революции», Хомейни призвал его как можно скорее покинуть улицы и пойти в мечети, где почтенные муллы и проповедники будут на-

ставлять верующих на путь благонравия и спасения душ и отвращать от смуты и таких противоречащих шариату действий, как демонстрации, поджоги, нападения на места пребывания властей и т. п. Аятолла подтвердил и свои прежние лозунги: «Не левым, не правым, а исламу», «Не Западу, не Востоку, а исламу». Важнейшая задача отныне, утверждал он, сохранить единство народа, которое может существовать только на основе ислама.

В мечетях последователи учения пророка на понятном простому народу языке религии обрисовали основные контуры будущего «исламского общества». Во-первых, это не капиталистический (но и не социалистический), а принципиально иной общественный строй, базирующийся на всенародной борьбе против «безбожников» и «идолопоклонников», с которыми, как известно из Корана, боролся еще Мохаммед и его ближайшие сподвижники. Во-вторых, цвет населения страны — «обездоленные» живут единой, тесно спаянной, дружной мусульманской общиной, не разделяемой никакими политическими конфликтами или противоречиями. В-третьих, в этом «царстве вечной добродетели и скромного довольства» разрыв между доходами людей настолько мал, что можно говорить об «исламском бесклассовом обществе».

Такова была программа духовенства — антизападно-изоляционистская по основной направленности, исламско-интегральная (т. е. призванная объединить всю социально разнородную мусульманскую общину) по политическому содержанию и мелкобуржуазно-популистская (т. е. претендующая на выражение интересов «всего народа») по социальной ориентации. Разве не могла она восприниматься массовым общественным сознанием как курс на последовательный антинимпериализм, укрепление союза всех народных сил и обеспечение всеобщего благоденствия? Да и кто дерзнет сказать, что солнце лживо?

Осуществление такой программы в условиях современного (и даже полусовременного) государства, переживающего к тому же период революционного подъема, было делом весьма непростым. Без помощи технократической интеллигенции духовенство не могло сразу и полностью овладеть основными рычагами управления гражданским обществом, а слишком открытые и прямые попытки установления в стране «порядка и безопасности», необходимых для перехода к исламскому правлению,

могли дискредитировать религиозных деятелей в глазах революционно настроенных масс и тем самым способствовать дальнейшему укреплению позиций левых сил.

Неофициальный глава государства аятолла Хомейни, пользовавшийся широчайшими, никем и ничем не ограниченными полномочиями, прекрасно понимал все опасности и — равным образом — возможности сложившейся ситуации. Назначение им еще 5 февраля 1979 г. премьер-министром инженера Мехди Базаргана, представителя происламски и реформистски настроенных центристских кругов либерального лагеря, дало духовенству целый ряд политических выгод. Базарган пользовался поддержкой не только большей части либеральной интеллигенции — как умеренной, так и близкой к левым кругам, но и массы базарных торговцев, средних и мелких предпринимателей, служащих государственных и частных предприятий, офицерского корпуса вооруженных сил. Это, несомненно, могло помочь сохранению общего контроля над положением в стране, тем более что новый премьер сразу же и без устали начал пропагандировать тезис о том, что со свержением шахского режима «революция должна закончиться».

Правда, общее и для лидера революции, и для премьер-министра стремление к восстановлению «порядка» имело разное назначение: для первого оно было средством, для второго — целью. Но это как раз и давало утвердившемуся у верховной власти высшему религиозному руководству возможность использовать политику гражданского кабинета министров в собственных интересах, не теряя при этом престижа «отца нации». Так, на базе попыток премьер-министра ликвидировать революционные комитеты и революционные трибуналы, возникшие в ходе антишахской борьбы в результате революционной самодеятельности масс, духовенство полностью подчинило себе эти низовые органы народной власти, превратив их в орудие «исламской революции». То же самое имело место в отношении самоуправленческих комиссий рабочих и служащих на предприятиях, которые во многих случаях были заменены смешанными комиссиями в составе мулл, предпринимателей и трудящихся. Вместе с тем, оказывая Базаргану негласную поддержку в восстановлении шахской армии и органов безопасности как орудий стабилизации общего положения, духовенство одновременно создало из безработной молодежи, до самопожертвования преданной идеям ислама и лично Хомейни,

собственную исламско-преторианскую гвардию — Корпус стражей исламской революции, который использовался в качестве противовеса не только старым вооруженным силам, но и военизированным формированиям левых организаций.

В социальной плоскости основные расхождения между верховной религиозной властью и гражданским кабинетом министров определялись характером и формой отражения ими интересов национального, и особенно мелкого и среднего, торгово-предпринимательского капитала, представители которого составляли их основную социально-классовую базу. Политика религиозных деятелей выражала эти интересы не прямо и непосредственно, не сознательно и целеустремленно, а лишь своим общим объективным содержанием; субъективно для духовенства как прослойки, стремившейся увековечить условия своего существования, более важным было обеспечение насущных нужд широких слоев народа, составлявших его главную политическую опору в борьбе за создание исламской республики, — без них оно было бы полководцем без армии. Возглавляемое же Базарганом правительство добивалось реализации средними и отчасти мелкими торгово-предпринимательскими кругами тех позитивных достижений революции, которым объективно в их интересах способствовало духовенство, но которыми они не могли воспользоваться в полной мере в условиях его интегретской, популистской политики.

При этих расхождениях исламский популизм Хомейни до поры до времени находил более или менее благополучное выражение в социальном реформизме Базаргана. Последний под давлением духовенства вынужден был провести целый ряд мероприятий патерналистско-благотворительного характера (в том числе увеличение зарплаты, введение пособий по безработице, предоставление бедноте дешевого или даже бесплатного жилья и т. п.), способствовавших удовлетворению самых неотложных нужд части трудящихся. В значительной мере благодаря этому многочисленные проявления социального протеста, имевшие место в стране после февральской победы, не носили характера оппозиции властям в полном смысле этого слова. Различные слои населения требовали лишь удовлетворения тех своих чаяний, которые они связывали с победоносной революцией и которые, по их представлениям, уже получили отражение в лозунгах религиозного руководства о «всеобщей исламской справедливости».

В то же время в рамках антизападных, изоляционистских устремлений духовенства в первое время после февральской победы был проведен ряд мероприятий объективно антиимпериалистического характера, способствовавших расширению суверенитета иранского государства, в частности установлению полного контроля над нефтяными ресурсами. Под давлением экономической необходимости, а также в порядке «перехвата» требований левых сил власти провели летом 1979 г. национализацию части крупной капиталистической собственности — промышленных предприятий, банков, страховых компаний, что ослабило позиции узкого слоя местной монополистической буржуазии. При этом иностранным акционерам было обещано выплатить полную компенсацию. В дальнейшем в политике правительства стали проявляться тенденции и к установлению более тесных экономических и политических связей с западными державами.

Но основные усилия властей были направлены на создание новой, исламской структуры государственной власти. 1 апреля 1979 г. — после референдума, на котором населению был предложен вопрос: «За монархию или исламскую республику?» — аятолла Хомейни провозгласил начало «правления Аллаха» в Иране. Страна получила официальное наименование — Исламская Республика Иран. В течение последующих месяцев при личном участии Хомейни был подготовлен проект исламской конституции, предусматривающий учреждение в стране института факиха — самого достойного духовного вождя, стоящего над всем государственным и правительственным аппаратом, и Совета по наблюдению за осуществлением конституции, призванного контролировать деятельность всех органов власти с точки зрения ее соответствия исламским нормам. Совет наполовину состоял из назначаемых Хомейни религиозных деятелей, наполовину — из утверждаемых парламентом юристов-теологов. Проект нового Основного закона, вызвавшего острые споры в политических кругах, религиозное руководство решило представить на одобрение всенародного референдума.

Одновременно власти усиленно претворяли в жизнь программу исламизации общественных и семейных отношений, сети образования и управления. В государственных учреждениях проводились одна за другой «чистки», имевшие целью изгнать из них лиц, скомпрометировав-

ших себя сотрудничеством с прошлым режимом и нарушивших тем самым основные каноны ислама. Наиболее видные из них приговаривались «исламскими революционными трибуналами» к смертной казни. В течение девяти месяцев было казнено более 700 приспешников шаха из числа военной и гражданской элиты. Суровым физическим наказаниям подвергались также нарушители исламского «морального кодекса». Последний предусматривал запреты на продажу и потребление алкогольных напитков (в том числе пива), показ кинофильмов с любовными сценами и даже танцами (одно время кинотеатры были вообще закрыты), трансляцию и слушание западной музыки (включая классическую), обязывал женщин носить на работе чадру или другое покрывало и т. п.

При этом религиозные лидеры утверждали, что, поскольку конечная цель революции — создание «исламского бесклассового общества» — может быть достигнута главным образом путем духовного возрождения людей в исламе, постольку основной задачей должна стать «революционная» перестройка моральных человеческих отношений по исламским канонам. Революция, говорили они, должна продолжаться вплоть до пришествия шиитского мессии — Махди, пока не будет уничтожено зло и не восторжествует «исламская справедливость», пока члены общины не пройдут «очищение кровью». В соответствии с этим все противники исламского режима рассматривались не как политические враги, а как вероотступники, мешающие маршу революции; рост их числа — лучшее доказательство праведности исламской республики.

Что касается экономики, то она, как утверждалось, имела целью «не процветание и развитие, а сближение человека с богом». В соответствии с этим важнейшими задачами государства считались регулирование потребления, с тем чтобы довести его до «разумных пределов», и борьба с «расточительством», что рассматривалось как главное средство не только морального совершенствования общества, искоренения нищеты и лишений, но и достижения экономической независимости страны. Выступая за «справедливое распределение» материальных благ между членами мусульманской общины, религиозные деятели объявляли критерием такого распределения не труд, а благочестие. От каждого — по способностям, каждому — по благочестию, аминь!

О влиянии подобных концепций на экономическое развитие свидетельствуют следующие данные. Промышленные предприятия работали менее чем наполовину своих производственных мощностей, инфляция достигла 40 процентов, а безработица охватила до $\frac{1}{3}$ всего самодеятельного населения. Более половины всех потребностей страны в продовольствии удовлетворялось за счет импорта, оплачивавшегося доходами от сбыта нефти. Но для купцов и лавочников, занявших ведущее место в экономической жизни страны и резко взвинтивших розничные цены на основные продукты питания, торговля, как говорят персы, благоухала мускусом (уже в 1980 г. их прибыли, по некоторым данным, в 3 раза превысили суммы, полученные в самый благоприятный год при прошлом режиме). Революция, по их мнению, дала положительные результаты. «Теперь нужно снова взять страну в руки, установить порядок и безопасность», — говорили торговцы на базарах.

«Порядка и безопасности» в том смысле, в каком его понимали торговцы и лавочники, в стране, действительно, не было. На городских улицах и площадях не прекращались митинги и манифестации разных групп населения, выступавших со своими специфическими требованиями, на заводах и фабриках — забастовки рабочих и служащих, в министерствах и различных учреждениях — сидячие демонстрации безработных, в университетах, многих вузах и школах — жаркие диспуты и дискуссии о республиканском будущем Ирана. Только в Тегеране число вновь образовавшихся политических и общественных организаций и ассоциаций — исламских, либеральных и левых — перевалило за сотню. Но авторитет и полномочия имама Хомейни оспаривали в основном только отдельные леволиберальные и левозкстремистские группы, постоянно твердившие, что не намерены менять «тиранию короны на тиранию тюрбана», и некоторые политические и религиозные организации национальных меньшинств, в особенности курдов-суннитов, поднявших с оружием в руках на борьбу за национальную автономию.

В августе 1979 г. с целью лишить политическую оппозицию возможностей противодействия принятию исламской конституции власти нанесли давно готовившийся упреждающий удар по леволиберальным и левым силам, а также активизировали начатую ранее «необъявленную войну» против автономистского движения в Иранском

Курдистане. Эти действия властей мыслились в виде операции по возвращению «заблудших душ» в лоно ислама. Но получилось так, что война в Курдистане стала постоянно действующим фактором политической жизни страны, а леволиберальная оппозиция, лишившись своих руководителей, вскоре вовсе сошла с политической арены Ирана. Как говорят персы, хотел подправить ему бровь, а выбил глаз. Что касается левых организаций, часть которых перешла на полуподпольное положение или же вступила в борьбу с режимом, то они почти полностью сохранили свои силы, хотя и не смогли преодолеть раскол в своих рядах.

Многие общественные и другие учреждения в столице постепенно начали переходить под контроль не только «стражей исламской революции» и отрядов «исламских революционных комитетов», но и фанатично настроенных банд погромщиков, вооруженных дубинками и ножами. То были члены организации, именовавшей себя «партией Аллаха», тщательно законспирированные штаб-квартиры которой размещались в тегеранских мечетях.

Сложное положение в стране усугублялось довольно часто прорывавшимися наружу разногласиями в государственно-административных сферах. Базарган, поначалу рассчитывавший добиться единовластия своего правительства, уже с марта 1979 г. неоднократно подавал прошения об отставке в знак протеста против ограниченности предоставленных ему полномочий. И действительно, работа всех министерств его кабинета не только контролировалась, но подчас и дублировалась различными органами, которые состояли из религиозных деятелей, но предпочитали действовать негласно. Все они подчинялись Исламскому революционному совету, игравшему консультативную роль при Хомейни, но формально олицетворявшему высшую власть в Иране (в период до учреждения конституционного правления). Деятельность совета с самого начала была окружена настолько плотной завесой секретности, что большинство его членов долгое время не были известны в стране. Постепенно выяснились имена 13—15 членов совета, среди которых было немало деятелей, облаченных духовными санами аятолл («божественное знамение») и ходжат-оль-эсламов («доказательство ислама»).

Хомейни всякий раз отклонял прошения премьера об отставке, чтобы не создавать благоприятных условий для

деятельности оппозиционных политических сил, относительная лояльность которых к самому имаму обеспечивалась именно наличием между ними буфера в лице правительства Базаргана. В то же время он воздерживался от оказания премьеру безусловной поддержки, поскольку это могло дать повод для отождествления имама с его правительством, которое общественность обвиняла в посягательстве на революционные завоевания. Но в конечном итоге оно оказалось всего лишь бесильным придатком правящего духовенства, прикрытием его фактического правления.

Прекрасно ориентируясь в диалектике «стабилизирующего конфликта», Хомейни, как истый интегрис, не позволял себе явно поддерживать ни одну из политических группировок (в том числе исламских), предоставляя им всем возможность бороться между собой за право интерпретации «курса имама». Ибо сказано в Коране: «Поистине те, которые разделили свою религию и стали партиями, ты — не из них. Их дело — к Аллаху; потом Он сообщит им, что они делали». Становился он на чью-либо сторону только тогда, когда чувствовал угрозу для институционального равновесия государственного управления.

С осени 1979 г. среди идущего за духовенством народного большинства начали проявляться чувства усталости и разочарования. Проведенные 12 октября выборы в городские советы показали резкое снижение числа избирателей, участвовавших в голосовании: во многих городах к избирательным урнам пришло не более 8—10 процентов лиц, имеющих право голоса, по сравнению с 92,5 процента участвовавших в мартовском референдуме по вопросу об исламской республике.

Экономический кризис, продолжающийся рост стоимости жизни и безработицы, коррупции и спекуляции способствовали углублению массового недовольства. Выступления молодежи за демократические свободы сливались с женским движением за равные права с мужчинами, с борьбой рабочих за превращение заводских и фабричных комитетов в реальное орудие защиты их интересов, с движением безработных за право на труд, с борьбой безземельных крестьян за землю. В последние дни октября по ряду городов Ирана пронесся шквал народных выступлений, авангардную роль в которых играли студенчество и вообще молодежь. Базарган часто восклидал:

— Мы ожидали дождя. Сейчас приближается буря.

Такого рода выступления сами по себе были не новым явлением в послефевральском Иране. Новым были их требования — антикапиталистические и в ряде случаев даже антирежимные по содержанию. Стало ясно: народное большинство стремится к углублению демократического, антиимпериалистического содержания революции, хотя в целом и не ставит под сомнение руководящую роль религиозных деятелей.

Эти настроения не могли не сказаться на духовенстве и вообще исламском политическом движении, чьи возможности манипуляции массовым общественным сознанием были еще далеко не исчерпаны. При этом различные группы многоликого по характеру и составу клерикального лагеря по-разному пытались трансформировать настроения масс в конкретные политические действия.

Наибольшую активность в те дни проявило радикально-экстремистское крыло исламского движения, представители которого подвергали резкой критике внутреннюю и особенно внешнюю политику кабинета Базаргана, дескать, противоречащую «курсу имама». Стремясь дискредитировать премьера как «либерала-буржуа», деятели клерикального лагеря указывали на присутствие в правительстве высших чинов старого режима, крупных землевладельцев и промышленников, а также на наличие у него самого акций одной из тегеранских компаний. Позже при молчаливом одобрении имама Базаргану была поставлена в вину и официально запланированная встреча в Алжире с Бжезинским, что расценивалось как пособничество антииранским проищим США. Используя эти обстоятельства в целях разрядки демократических, антиимпериалистических настроений народных масс, клерикалы выступали с громогласными призывами к «новой революции», «второй революции», «революции в революции» и т. п.

Имам шел «курсом ислама», его последователи — «курсом имама».

Продолжавшиеся в первые дни ноября 1979 г. студенческие демонстрации, еще недавно проходившие под ярко выраженными социальными лозунгами, в результате призывов религиозных лидеров, в том числе и самого Хомейни, усилить борьбу против Соединенных Штатов получили исключительно антиамериканскую направ-

ленность. На массовых молитвах теперь все чаще вспоминали, что две недели назад, 22 октября, беглый шах Мохаммед Реза прибыл в Нью-Йорк.

Темнее черного цвета нет. 4 ноября, в День учащегося, когда по всему Тегерану и, как обычно, около посольства США проходили антиамериканские демонстрации, ничем не проявившая себя ранее Организация мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни осуществила заранее запланированную акцию по захвату посольства. Члены этой организации, экипированные веревками и повязками для глаз, под видом мирных демонстрантов проникли на территорию дипломатического представительства и в течение трех с половиной часов преодолели сопротивление 13 американских морских пехотинцев, оборонявших здание посольства с помощью слезоточивых газов. Захваченный дипломатический и иной персонал студенты-последователи, руководимые молодым ходжат-оль-эсламом Мохаммедом Мусави-Хоениха, объявили заложниками впредь до выдачи Ирану бывшего шаха.

Хомейни назвал происшедшие события «второй революцией, еще более крупной, чем первая». Базаргану, ставшему козлом отпущения «второй революции», пришлось подать в отставку, и имам, еще недавно называвший послушание премьеру религиозным долгом, на сей раз незамедлительно удовлетворил его прошение. Это было началом конца последнего из оставшихся на политической арене течений либерального лагеря — центристского, а следовательно, и всего движения в целом.

С отставкой правительства Базаргана у руля правления в стране безраздельно утвердилось исламское движение. Сформирование нового кабинета Хомейни поручил Исламскому революционному совету, который немедленно декларировал начало осуществления коренных преобразований в экономической, социальной и культурной областях и обещал принять меры по улучшению жизненных условий трудящихся. Что ветер принес, говорят персы, то ветер и унесет. Но широкие массы обездоленных, преданно заучивших, что все беды страны — результат заговоров «иностранцев» и тех, кто уклоняется от «курса имама», — вне этого они не говорили на языке политики — пока еще верили посулам тех, кто призывал их бороться с «безбожниками», «идолопоклонниками», «оппортунистами» и т. п.

Подливая масло в огонь народного гнева, студенты-последователи, ставшие орудием и совестью «второй исламской революции», делали все, чтобы удержать массовое движение в «исламских берегах», направить выступления социального протеста в русло исламской радикализации всей общественной, политической и семейной жизни граждан. Так, сообщая в посланиях к народу о готовящихся «силами внутренней реакции и американскими наймитами» выступлениях в целях создания в стране обстановки «хаоса и беспорядков», они призывали население не поддаваться на «провокации» антиисламских сил, соблюдать «революционную бдительность» и еще теснее сплачиваться вокруг имама. Превращая следование «курсу имама» в критерий революционного духа и даже религиозной веры, студенты-последователи обеспечивали важный катализатор для поддержания исламских настроений и усиления всенародного движения против «безбожников» и «идолопоклонников», для окончательного превращения народной революции в «исламскую революцию».

В то время как мусульманские студенты закреплялись в роли главного дирижера народного оркестра, религиозные деятели, заправлявшие делами в Исламском революционном совете, занимались распределением министерских постов, ставших вакантными после отставки правительства Базаргана (за ним лично было сохранено членство в ИРС без конкретных функций). Новый кабинет, сформированный 9—16 ноября на временной основе, был составлен преимущественно из членов совета, на которых, таким образом, легла прямая ответственность за ту или иную сферу правительственной деятельности, причем должность премьера не предусматривалась.

Однако Исламский революционный совет фактически не был единым и монолитным органом власти. В нем выделялись две крайние соперничающие группы, между которыми располагалось центристское «болото». Одну из них составляли религиозные деятели во главе с секретарем совета (и его фактическим руководителем) аятоллой Мохаммедом Бехешти, бывшим в то же время генеральным секретарем Исламской республиканской партии — ведущей политической организации правящего страной духовенства. Другие религиозные деятели — члены совета также входили в руководящее партийное звено ИРП. Вторую группу в совете составляли такие беспартийные светские деятели, как бывший советник Хомейни по эко-

номическим вопросам Абольхасан Банисадр, назначенный теперь министром экономики и финансов и исполняющим обязанности министра иностранных дел, и директор-распорядитель иранского национального радио и телевидения Садек Готбзаде, сменивший вскоре Банисадра на посту главы внешнеполитического ведомства.

Такого рода соединение в рамках одного органа власти представителей различных, но в общем относительно близких идейно-политических позиций было приемом, хорошо зарекомендовавшим себя на практике предшествующих девяти месяцев существования Исламской Республики Иран. Верховному звену государственной власти это давало возможность выступать в роли некоего надправительственного арбитра, гарантировавшей иммунитет от каких-либо обвинений в ответственности за общий правительственный курс политики и в то же время способствовавшей практическому формированию такого политического курса, который медленно, но верно привел бы к воплощению в жизнь идеи исламской республики. Ибо сказано в Коране, что терпенье — ключ к радости.

Начавшийся конфликт с США из-за заложников не только не мешал, но, напротив, даже помогал высшему религиозному руководству Ирана в его битве за умы, сердца и души тех, кого должна была облагодетельствовать «исламская революция». Составной частью этой битвы было «умиротворение» национальных меньшинств (особенно курдов), продолжавших требовать права на автономию, и остатков либеральных политических сил, которые после ухода в отставку правительства Базарга на сгруппировались вокруг популярного в Иранском Азербайджане аятоллы Казема Шарият-Мадари.

Задача «умиротворения» приобрела особую важность, так как многие представители курдов и либералов, помимо прочего, открыто ставили под сомнение целесообразность захвата американских заложников. Религиозный лидер курдов шейх Эзеддин Хосейни в ряде интервью подчеркивал «псевдоантиимпериалистический» характер этой акции, называл ее «отвлекающим маневром», предпринятым с целью «подогреть» поддержку общественностью исламской конституции. Более того, он считал необходимым бойкотировать референдум — и не только потому, что в проекте Основного закона отсутствовали всякие упоминания об автономии национальных районов, но и потому, что он устанавливал «диктатуру духовенства», которое, по его словам, будет играть в

Иране такую же реакционную роль, как католическая церковь в средневековой Европе.

Сходные во многом позиции занимал и аятолла Шарият-Мадари. В интервью испанской газете «Паис» он прямо говорил, что «некоторые лица подстрекали толпу, чтобы она считала первостепенно важным выдачу шаха», хотя, по его мнению, этот вопрос не являлся «существенным». «Если бы я был на месте Хомейни,— заявил далее аятолла,— нападения на американское посольство не произошло бы». Кроме того, как и многие другие видные деятели умеренно-либерального толка, Шарият-Мадари не раз высказывался против активного участия религиозных деятелей в политике и под угрозой бойкота референдума об исламской конституции требовал внести в нее значительные изменения.

Накануне референдума, назначенного на 2—3 декабря 1979 г., имам Хомейни неоднократно обращался к оппозиционным группам с призывом сплотиться «в этот ответственный момент» в общей борьбе мусульманского народа Ирана против иностранных хищников во главе с США, поскольку любые противоречия могут пойти на пользу «врагам человечества». Курдам делались даже намеки на возможность удовлетворения их требования автономии. В сложившейся ситуации, когда основам ислама угрожают «безбожники», говорил имам, требования об отсрочке референдума даже на несколько дней в целях пересмотра отдельных статей конституции представляли бы опасность. Но возможность такого пересмотра в будущем не исключалась.

Со своей стороны Исламский революционный совет декларировал принятие ряда важных мер в интересах широких трудящихся масс. В частности, откликаясь на требования учащейся молодежи, выдвигавшиеся в ходе демонстраций, которые предшествовали захвату американского посольства, власти объявили о введении бесплатного обучения в государственных вечерних школах и о снижении платы за обучение в дневных. Широким массам сельского населения были даны многообещающие заверения о проведении в ближайшее время земельной реформы, конфискации собственности крупных землевладельцев в пользу безземельных и малоземельных крестьян.

Перед референдумом телевидение показывало рядовых иранцев, многие из которых заявляли, что с текстом конституции не знакомы или знакомы очень смутно, по

будут голосовать за нее, поскольку она «исламская». По официальным данным, в референдуме приняло участие около 75 процентов лиц, имеющих право голоса, а по оценкам западных средств массовой информации — лишь 40—50 процентов. Как бы там ни было, конституция была утверждена большинством голосов.

Сразу после референдума в «священном» городе Куме, а также в Тебризе и других городах Иранского Азербайджана вспыхнули ожесточенные столкновения между сторонниками Хомейни и Шариат-Мадари. В Тебризе дело фактически дошло до восстания против центрального правительства. В ответ на объявление имамом руководителей восстания «наемными слугами и шпионами США» Шариат-Мадари заявил в интервью газете «Техран таймс»:

— Увязывание всех происходящих событий с американским империализмом не поможет решить ни одну из проблем... Мужественную борьбу народа Иранского Азербайджана при предыдущем режиме также связывали с американским империализмом.

В переданном 11 декабря тегеранским радио тексте послания Шариат-Мадари религиозным деятелям говорилось, что «превращать антиимпериалистические лозунги в дубину, чтобы избивать друг друга, недостойно мусульман».

Однако либерал от духовенства не встретил поддержки основной массы своих коллег. В декабре 1979 — январе 1980 г. выступления его сторонников против центральных властей были подавлены. Сам Шариат-Мадари с этих пор практически был подвергнут домашнему аресту. Собиравшиеся время от времени у его дома в Куме толпы сторонников имама требовали захватить «это шпионское логово» и казнить «этого американского муллу» и «друга предателя-шаха». Критиковавшаяся им исламская конституция, ознаменовавшая рождение шиитской теократии, осталась незыблемой.

С этого времени светское либеральное движение в Иране фактически почти полностью сошло с политической сцены. Довершению его разгрома способствовали студенты-последователи, захватившие американское посольство. Обнаруженные ими записи бесед между сотрудниками посольства и многими из либеральных деятелей, свидетельствующие о приверженности последних к «ценностям» буржуазной демократии и «постепенному» осуществлению реформ, были использованы для

обвинения либералов в шпионаже в пользу американского империализма. Разоблачения студентов-последователей пользовались широкой популярностью в массах, инстинктивно чувствовавших связь между проведением антиамериканской политики и возможностями углубления социального содержания революции.

А тем временем в атмосфере антиамериканской риторики были заложены конституционные основы создания новой, исламской структуры государственной власти. Хомейни стал де-юре всевластным правителем Ирана от имени имама Махди, который, вернувшись на землю в день страшного суда, установит среди людей на вечные времена царство истины и справедливости. «Скажи: «Пришла истина, и ложь не появится и не вернется!»

Важной вехой на пути создания новой, исламской структуры государственной власти стали президентские выборы. Религиозные деятели — члены Исламского революционного совета и Исламской республиканской партии, надеясь прибрать к рукам президентский пост, развили бурную активность. Однако имам Хомейни, отнюдь не желавший ставить духовенство в положение, в котором еще недавно находился премьер-министр Базарган, имел свои, особые взгляды на сей счет. 25 декабря 1979 г. было объявлено, что ни один религиозный деятель, входящий в Исламский революционный совет, не должен выставлять свою кандидатуру на пост первого президента республики. За этим явно скрывалось желание имама (несколько позже выраженное и прямо) испробовать у руля государственного правления (после отставки правительства происламских либералов) светских деятелей исламского политического движения. Аятолла Бехешти был вынужден отказаться от намерения выдвинуть свою кандидатуру.

В то же время было сделано все возможное, чтобы не допустить к баллотировке на пост президента представителей левых сил. Так, по прямому приказу Хомейни запретили выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах лидеру моджахединов Раджави. В манифесте этой организации по случаю выборов содержалось 12 пунктов, в том числе: создание советов на всех предприятиях и в учреждениях в качестве основы для демократии; разрыв всех связей с империалистическими державами путем национализации их собственности в стране и отмены заключенных с ними ранее контрактов и договоров; обеспечение независимости, территориальной

целостности и суверенитета Ирана, в частности, посредством расширения внутреннего производства; установление полной свободы мнений, политических взглядов и религиозных верований; признание права всех национальных меньшинств, включая курдов, самим решать свои дела; контроль трудящихся за производством; ликвидация задолженности крестьян, предоставление им технической и финансовой помощи, создание крестьянских советов; введение нового законодательства, разработанного самими трудящимися. Ни одному из этих пунктов, как и требованиям других левых сил — организации федианов и Народной партии Ирана, не суждено было осуществиться.

Хомейни открыто и прямо не высказался ни за кого из допущенных к регистрации кандидатов. Но его выступления не оставили сомнений в благосклонном расположении к Банисадру, называвшему себя «духовным сыном имама»; в период эмиграции Хомейни он входил в число самых доверенных лиц изгнанника в парижском пригороде Нофль-ле-Шато.

Мировоззренческие установки Банисадра, всегда бывшего кем-то вроде политического иллюзиониста, отличались крайней расплывчатостью и неопределенностью. Они эклектически соединяли идею «исламской республики» с концепцией современного «технократического государства», исламско-радикальные взгляды на экономическое развитие — с либеральными представлениями о «демократическом плюрализме», острую критику транснациональных корпораций — с тезисами о необходимости создания оси Ближний Восток — Западная Европа — Япония (разумеется, во главе с Ираном). Несколько позже, на пресс-конференции 31 мая 1981 г., он следующим образом развил свои идеи о мировой революции:

— Первая эра человечества наступила с исламской революцией пророка, вторая — с европейским возрождением, третья может наступить с победой исламской революции, начатой в нашей стране.

Объективно Банисадр, почти так же как до него Базарган (хотя и с большей долей радикализма), выражал настроения мелких и отчасти средних торгово-предпринимательских кругов, все еще не утративших надежду полностью реализовать в своих интересах достижения народной, антиимпериалистической революции. Своеобразный политический выход имела и внешнеполитическая платформа Банисадра, которая, несмотря на подчас ост-

рую критику американского империализма, на деле могла привести к утверждению прозападной ориентации.

В состоявшихся 25 января 1980 г. президентских выборах приняли участие около 63 процентов лиц, имеющих право голоса (на национальных окраинах — примерно 40—50 процентов). Банисадр получил более 75 процентов голосов, тогда как кандидат Исламской республиканской партии — всего около 6 процентов.

Убедительная победа на выборах Банисадра, одного из ведущих теоретиков «исламской экономики божественной гармонии», несомненно, отразила, помимо прочего, надежды широких слоев населения на то, что в стране наконец-то будут проведены обещанные экономические и социальные преобразования. Ежедневное участие в демонстрациях, как видно, не ослабило у простых иранцев тягу к кардинальному изменению условий своей жизни. Наклеенные на стены американского посольства плакаты уже успели выгореть, а прилегающими улицами и площадями — по мере того как они освобождались от народа — начинали завладевать «профессионалы манифестаций» из членов «партии Аллаха», содержащейся духовенством не только за счет религиозных пожертвований, но и на государственные средства. Доставляемые к посольству на грузовиках из населенных беднотой районов столицы, они должны были демонстрировать поддержку «народом» исламского режима.

Получив второй по значению пост в государстве, хотя и ограниченный в основном церемониальными функциями, Банисадр сразу же приступил к укреплению своих позиций. Уже 27 января в первом после выборов публичном выступлении он заявил о необходимости упразднения Исламского революционного совета (после избрания парламента), всех «исламских революционных комитетов» (после реорганизации полиции и жандармерии) и Корпуса стражей исламской революции (после преобразования вооруженных сил в «подлинно народную армию»). Провал попыток Исламской республиканской партии противодействовать его избранию, по словам Банисадра, означал, что эта партия «умерла» в день выборов. В этой связи он объявил о намерении бороться с ее преобладанием во всех сферах общественной и политической жизни страны. Духовенство, говорил президент, не будет занимать никаких постов в новых институтах государства — оно должно стоять над ними. Он декларировал намерение всячески добиваться возвращения в ме-

чети религиозных деятелей под предлогом того, что «всякие ришелье и мазарини» должны пользоваться лишь «надправительственной властью». Студентов-последователей он обвинил в создании «правительства», соперничающего с официальными властями.

Это был курс на создание «прочной центральной власти» и установление «порядка и безопасности» в стране. И хотя провозглашенная первым президентом Исламской Республики Иран программа действий очень и очень напоминала платформу смещенного менее трех месяцев назад первого премьер-министра этой же республики, она получила поддержку имама. 7 февраля указом Хомейни Банисадр был назначен председателем Исламского революционного совета, а 19 февраля имам передал ему полномочия верховного главнокомандующего вооруженными силами страны.

Политика «стабилизирующего конфликта», в рамках которого гражданская по происхождению президентская власть пользовалась высочайшим покровительством, предоставляла вполне определенные возможности и духовенству, относившемуся теперь к Банисадру как к своему злейшему врагу. В конце февраля имам назначил аятоллу Бехешти председателем Верховного суда и произвел ряд других важных назначений такого же рода. В созданный указом Хомейни Высший совет обороны были введены представители имама, главным образом из религиозных деятелей, в результате чего Банисадр оказался в меньшинстве в этом совете, хотя и стал его председателем. В армию, полицию, жандармерию и Корпус стражей исламской революции также были направлены представители Хомейни, которые были обязаны еженедельно представлять ему (а не президенту) доклады о «моральном духе» этих воинских формирований. Таким образом, верховный руководитель страны вновь, как и в первые дни после февральской победы, подтвердил курс на установление политической власти духовенства не только путем выдвижения на передний план светских деятелей, призванных обезопасить его политическое верховенство, но и непосредственно на самых важных и в то же время «теневых» постах.

В результате всего этого усилия президента Банисадра, стремившегося расширить свои ограниченные конституцией полномочия и отстранить духовенство от основных рычагов управления страной, были обречены на неудачу. Назначение президента председателем ИРС

оказалось формальным актом, поскольку господствующее положение в нем продолжали занимать религиозные деятели во главе с Бехешти, а создание Высшего совета обороны означало, что духовенство фактически восстановило свой контроль над вооруженными силами, хотя формально Банисадр сохранил функции верховного главнокомандующего.

Следующим шагом на пути создания в Иране новой, исламской структуры государственной власти стали выборы в парламент (меджлис). Банисадр, упоенный успехом на прошедших в январе президентских выборах, явно переоценил собственные силы и возможности. Не располагая действительной политической организацией, способной противостоять Исламской республиканской партии, он пытался компенсировать ее отсутствие бесконечными речами, в которых без устали проповедовал свои весьма путаные и непонятные широким массам экономические теории. Но как бы ни растекался иранский президент мыслью по древу, все его рассуждения на экономические темы имели в виду в конечном счете защиту интересов мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала в условиях «порядка и безопасности». Хотелось того первому президенту Ирана или нет, но он фактически оказался в положении первого премьера Исламской Республики — Базаргана, которого он сам и раньше и теперь называл реформистом, открывающим путь к реставрации шахского режима. Из-за склонности к длинным речам и неспособности что-то сделать, Банисадру, чья фамилия в грубом переводе означает «сын лидера», в народе дали прозвище «Банихарф» — «сын болтовни». В свою очередь функционеры Исламской республиканской партии стали презрительно называть Банисадра «либералом», а его молодых последователей — «стэнфордской мафией» (по названию университета в США, в котором некоторые из них учились).

Выборы в парламент, проходившие в два тура — 14 марта и 9 мая — при участии немногим более половины имеющих право голоса, принесли большинство коалиции, созданной и возглавленной Исламской республиканской партией. На ее членов и сторонников пришлась львиная доля депутатских мест — около 70 процентов. Примерно $\frac{1}{3}$ всех кресел в парламенте заняли люди в тюрбанах. Сторонники Банисадра оказались в меньшинстве. Представители левых организаций не получили ни одного места.

Убедительная победа клерикальных сил была достигнута главным образом благодаря поддержке имама Хомейни, чьи симпатии на этот раз оказались именно на их стороне. В своих выступлениях он призывал народ отдать голоса за тех кандидатов, кто «на сто процентов» является приверженцем ислама, и не слушать «уклонистов», а неграмотным избирателям рекомендовал заполнять бюллетени с помощью духовенства.

В ходе парламентских выборов власти резко активизировали свою деятельность по исламизации страны, в частности, через вновь созданное при генеральной прокуратуре Бюро по борьбе с непристойностями.

18 апреля с целью обеспечить «культурную независимость от Запада и Востока» Хомейни утвердил принятое Исламским революционным советом решение об исламизации всех вузов страны. Ее составной частью должна была стать ликвидация в высших учебных заведениях, являвшихся важными центрами активности левых сил, отделений всех политических партий и организаций, идеологические платформы которых не являются исламскими. С того же дня во многих вузах страны начались кровопролитные столкновения между левыми студенческими организациями и исламскими группами студентов, к которым в ряде случаев подключались городские жители, главным образом члены «партии Аллаха». В результате столкновений десятки людей были убиты, сотни получили ранения.

Эти события власти объявили началом «великой исламской культурной революции», в рамках которой вновь начали проводиться народные шествия и манифестации под лозунгами поддержки «курса имама», укрепления «единства народа» перед лицом «заговоров» американского империализма и «внутренней реакции» (под ней, как правило, имелись в виду левые силы). При этом демонстранты всех возрастов, в том числе дети, подростки и женщины, шли зачастую строевым шагом. В обращениях Хомейни к народу содержался, в частности, призыв к отказу «в этот ответственный момент» от критики исламских организаций и органов безопасности. Его ближайший сподвижник аятолла Монтазери в свою очередь называл имама «зачинателем нового движения — своеобразной революции в революции». И было почему.

14 июня аятолла Хомейни издал декрет, в котором официально объявил о начале «исламской культурной революции», призванной ликвидировать наследие бывше-

го режима во всех областях культуры и образования и оградить их от «заражения идеями, находящимися в противоречии с принципами ислама». Начался новый тур «крестового похода» за «очищение» страны от неисламских влияний.

Кампания исламизации не обошла и женщин. Хомейни утверждал, что иранская женщина, превращенная шахским режимом в «товар», теперь должна стать активным членом общества путем возвращения в «лоно ислама».

Во исполнение указаний имама Исламский революционный совет в начале июля 1980 г. издал циркуляр об обязательном ношении во всех государственных учреждениях и министерствах мусульманских головных уборов с целью искоренения «разложения и разврата», внедрения «исламских норм поведения», «сохранения человеческого благородства женщины и создания серьезной и здоровой атмосферы вокруг нее». Женщин, отказавшихся подчиниться циркуляру, не только увольняли с работы, но и преследовали как лиц, «выполнивших таким образом распоряжения, отданные в американских и израильских радиопередачах».

Борьбу за исламизацию страны религиозные круги вели под флагом нарастающей с каждым днем критики «либералов», к числу которых относили не только членов бывшего правительства Базаргана, но и окружение президента Банисадра. В этих условиях Банисадр, столкнувшийся с провалом своего проекта построить «динамичную исламскую республику», который он столь блестяще излагал после избрания президентом, оказался в весьма затруднительном положении. Пытаясь предотвратить дальнейшее ослабление своих позиций, он еще в начале мая, т. е. до созыва парламента, стал добиваться возможности назначить премьер-министра. Таким путем президент надеялся предупредить негативные для себя последствия установления религиозного контроля над меджлисом, который должен был утверждать премьера. Однако большинство Исламского революционного совета сорвало этот план.

Неудача Банисадра в деле создания контролируемого президентом кабинета министров свидетельствовала о дальнейшей утрате им политического влияния. Становилось ясно, что религиозное большинство в ИРС если и не добивается полного отстранения Банисадра от власти, то, во всяком случае, стремится свести его роль в политиче-

ской жизни страны к чисто протокольным функциям. В конце мая аятолла Бехешти неожиданно для всех высказал мнение, что исполнительная власть в стране должна принадлежать премьер-министру, а не президенту. Однако Банисадр не оставлял надежд назначить собственного кандидата на пост премьера: после создания 19 июля Совета по наблюдению за осуществлением конституции ИРС самораспустился.

Банисадр и на этот раз переоценил свои силы и недооценил возможности противной стороны. В сложившихся условиях выдвижение премьер-министра президентом, по существу, было формальностью, поскольку любой кандидат должен был быть утвержден меджлисом, в котором преобладала Исламская республиканская партия. При таком положении Банисадр мог выбирать лишь из числа лиц, приемлемых для ИРП. В конце июля руководитель этой партии аятолла Бехешти в ультимативной форме потребовал от Банисадра поддержать его кандидата; в противном случае, сказал он, президенту придется уйти в отставку.

7 августа Банисадр был вынужден назвать кандидатом в премьер-министры Мохаммеда Али Раджаи, бывшего учителя, не имевшего высшего образования, но почти с первых же дней создания Исламской Республики занимавшего пост министра просвещения. Воинственный приверженец ислама, Раджаи получил известность радикальной «чисткой» во вверенном ему министерстве (из которого уволил 25 тыс. человек, однако при этом не чувствовал себя «полностью удовлетворенным») и активной деятельностью в комиссии по проведению «исламской культурной революции». Он не раз похвалялся тем, что не прочел ни одной книги, написанной «неисламским автором». Один из западных дипломатов в Тегеране следующим образом характеризовал Раджаи: «Это полностью запрограммированная личность... Высказав свою точку зрения, он замыкается. Он совершенно не способен понять какую-то иную точку зрения». 11 августа меджлис утвердил Раджаи в должности премьер-министра.

Однако на этом конфликты в «верхах» отнюдь не прекратились. Новый премьер считал единственным условием назначений на посты министров безусловное признание руководящей роли имама; вопрос о компетентности обходился стороной. 31 августа после длительных консультаций с руководством ИРП и таких исламских группировок, как Организация мусульманских студен-

тов — последователей курса имама Хомейни, он наконец представил список министров. Последний, однако, не получил одобрения президента. В результате процесс формирования кабинета затянулся еще на некоторое время.

В начале сентября Хомейни потребовал представить парламенту хотя бы тех министров, в отношении которых между Раджаи и Банисадром достигнуто полное согласие. 7 сентября был выработан взаимоприемлемый список 14 кандидатов в члены кабинета (из 21), и 10 сентября меджлис вынес вотум доверия правительству Раджаи. Но важные посты министров иностранных дел, экономики и финансов, просвещения, торговли, труда и социальных дел, нефти остались вакантными. Производившиеся в последующем назначения на каждый из этих постов сопровождались ожесточенными спорами, выходившими за рамки государственных и правительственных учреждений; во многих городах страны проходили бурные манифестации сторонников и противников президента, выливавшиеся подчас в рукопашные схватки.

В дальнейшем фракционная борьба в рядах иранского руководства протекала в условиях начавшейся 22 сентября 1980 г. войны между Ираном и Ираком. Возникшая на почве систематических пограничных столкновений и территориальных конфликтов, она имела своими глубинными причинами противоречия политико-идеологического порядка между руководством двух стран. Политические трения между Ираном и Ираком, где шиитская община составляет около 60 процентов населения, имели и религиозную подоплеку. Тегеран обвинял Багдад в притеснении шиитов из боязни распространения из Ирак «исламской революции»; Багдад, со своей стороны, обвинял Тегеран в продолжении экспансионистской политики шахского режима. Иранская печать постоянно призывала «братьев-шиитов» в Ираке к восстанию против правительства.

Предприняв массированное наступление на территорию Ирана, иракские войска, пользуясь фактором внезапности, в течение одной недели заняли большой приграничный район, углубившись в ряде мест на 50—60 км. Развернулись упорные бои на подступах к Хорремшехру и Абадану, центрам иранской нефтяной промышленности в провинции Хузестан. Хорремшехр был взят иракскими войсками после упорного сопротивления иранцев, боровшихся за каждый район и квартал, но занять Абадан так и не удалось. В середине октября иранская регулярная

армия, Корпус стражей исламской революции и отряды народного ополчения, созданные на средства Фонда обездоленных, остановили иракское продвижение. Постепенно линия фронта стабилизировалась, и война приняла затяжной позиционный характер.

Многочисленные мирные усилия, предпринимавшиеся в рамках Организации Объединенных Наций, Движения неприсоединения и Организации Исламская конференция, не увенчались успехом ввиду неуступчивости иранской стороны. Определив конфликт с Ираком как «священную войну между исламом и богохульством», Иран заявил о намерении вести ее до «полной победы», сколько бы времени и жертв она ни потребовала, и отказывался даже от принятия предложений о временном прекращении огня. А миротворческие миссии, подобно артиллерийским снарядам, без конца летали из Ирака в Иран и обратно.

Дух самопожертвования, культивируемый в массах в обстановке общей мистической экзальтации, побуждал иранскую молодежь, не прошедшую серьезной военной подготовки, добровольно идти на смерть в надежде «попасть прямо в рай». Ведь сам имам, провозгласив «священную войну», призвал каждого жителя страны «пролить кровь для оплодотворения революции», воспользоваться возможностью стать мучеником. При этом Хомейни постоянно повторял, что ислам будет продолжать свое победное шествие и распространится по всему миру. А тем временем радио и телевидение воспевали павших за святое дело ислама.

Президент Банисадр, фактически отстраненный от участия в решении большинства государственных дел, с началом войны нашел себе занятие на поприще главнокомандующего. Он постоянно разъезжал по фронтам, поднимая «моральный дух» бойцов 200-тысячных регулярных вооруженных сил и вызывая беспокойство своих противников, опасавшихся роста их политического влияния. Банисадр добился не только ограничения «чисток» в армии, но и освобождения из тюрем многих солдат и офицеров, арестованных по обвинению в антигосударственной деятельности.

В свою очередь религиозные круги добились подчинения преданному им Корпусу стражей исламской революции «ополчения обездоленных», а затем и предоставления корпусу права проводить набор из числа призывников. В результате 200 тыс. относительно опытных коман-

дос-«стражей» получили мощный резерв — около 1 млн. ополченцев. Состоящий преимущественно из духовенства Высший совет обороны направил на различные участки фронта своих представителей. Их задача, по словам французской газеты «Монд», состояла в том, чтобы всякая победа принадлежала «народу», а всякое поражение — регулярной армии. Другие большие группы духовенства, облачившись в солдатскую форму, также отправились на театры военных действий воодушевлять ополченцев на борьбу с врагом: сегодня — внешним, а завтра — внутренним.

Одновременно активисты ИРП продолжали укреплять свои позиции во всех административных и правительственных органах. В конце ноября им удалось провести на пост министра просвещения одного из основателей и руководителей партии — ходжат-оль-эслама Мохаммеда Бахонара. Хотя из-за противодействия президента посты министров иностранных дел, экономики и финансов, а также торговли так и остались незанятыми, активисты ИРП без особого шума устранили своих сторонников на такие ответственные должности, как заместитель министра, начальник управления или отдела и т. д. Протесты Банисадра попросту игнорировались. В итоге под контролем Исламской республиканской партии оказались практически все звенья законодательной, судебной и исполнительной власти. Партия и контролируемое ею правительство, поначалу стремившиеся свести роль Банисадра к «роли королевы Елизаветы», теперь практически поставили его в положение «третьего лишнего».

Имам Хомейни, как и прежде, содействуя всеми способами претворению в жизнь своей идеи «исламского правления», в то же время продолжал занимать наиболее выгодную для него позицию, позволявшую ему по-прежнему фигурировать в роли «отца нации», незапятнанного и безупречного, уставшего от интриг, ведущихся вокруг него, но отнюдь не ответственного ни за одну из них. Сохранив в целом уважение всех тех, кого благоразумно предпочитал не называть прямо во время частых вспышек негодования, он вместе с тем давал возможность обеим враждующим группировкам истолковывать свои высказывания в желательном им духе.

Банисадр, уже не раз демонстрировавший способность стойко переносить все унижения, не сдавался. Упиваясь своим положением первого в мире президента, став-

шего, как он говорил, «лидером оппозиции», Банисадр, однако, ограничивал оппозиционную деятельность публичной полемикой со своими оппонентами, которую мог позволять себе лишь до тех пор, пока она не нарушала олимпийское спокойствие имама. В числе вопросов, бывших предметом особенно острых дискуссий между президентом и его противниками, заметное место занимала акция по захвату американского посольства в Тегеране.

Эту акцию США использовали в интересах своей глобальной стратегии (а затем и в целях компенсации огромных финансовых потерь американских монополий в Иране). Лишившись в лице шахского режима верного «стража» позиций империализма в богатом нефтью бассейне Персидского залива и решив установить собственное военное присутствие в этом регионе, США воспользовались захватом посольства в Тегеране в качестве предлога для переброски в район залива крупных военно-морских сил. Более того, согласно выдвинутой в начале 1980 г. «доктрине Картера», Персидский залив был объявлен «сферой жизненных интересов США». Одновременно события в Иране использовались для нагнетания международной напряженности и разжигания милитаристского ажиотажа.

Акция студентов-последователей на время вновь помогла сплотить на единой, антиамериканской платформе разнородные социально-политические силы бывшей антишахской оппозиции. Это позволило решить ряд внутриполитических задач, связанных со стабилизацией общей обстановки в стране и созданием новой, исламской государственной структуры.

Затянувшийся на четырнадцать с половиной месяцев, до января 1981 г., ирано-американский конфликт из-за заложников завершился лишь тогда, когда Иран согласился немедленно выплатить шахские долги и проценты за хранение иранских авуаров в банках США. В то же время не было удовлетворено ни одно из требований, выдвигавшихся первоначально Ираном, включая и требование о выдаче бывшего шаха (умер в июле 1980 г. в Египте).

Тем не менее большинство иранских руководителей расценивали достигнутое соглашение как «новую победу ислама» и «полную капитуляцию американской сверхдержавы». Однако президент Банисадр, с самого начала выступавший против задержания заложников, а затем

отстраненный от участия в выработке соглашения, рассматривал его как поражение.

Обострение внутренней борьбы в рядах исламского политического движения сказалось и на положении в левом лагере. Среди феодалов в июне 1980 г. произошел открытый раскол между «меньшинством», выступавшим против поддержки правящего режима и даже за вооруженную борьбу против него, и «большинством», которое пришло к выводу о неприемлемости вооруженной борьбы и необходимости реалистичного отношения к объективно антиимпериалистическим тенденциям политики религиозного руководства. Такая позиция «большинства» феодалов способствовала сближению его политической линии с тактико-стратегическим курсом Народной партии Ирана. Это значительно облегчало обеим организациям координацию их политической платформы и совместных действий.

Особенно напряженные отношения с правящим режимом сложились у моджахединов, которых верхушка религиозного руководства именovala не иначе как «вероотступниками» и «лицемерами» (последнее прозвище приняло официальный характер). По словам Раджави, лидера моджахединов, до лета 1981 г. власти казнили под разными предлогами 85 членов организации. В начале мая 1981 г. руководство моджахединов направило в адрес Хомейни письмо с просьбой о встрече с целью урегулировать отношения с режимом. Несмотря на совет Банисадра принять делегацию «во избежание гражданской войны», имам отказался от встречи, призвав организацию сдать властям имеющееся у нее оружие. В ответ на это моджахеды распространили в печати «открытое письмо», в котором подчеркнули, что владение оружием соответствует исламской культуре и традициям джихада («священной войны»), а в данном случае является, кроме того, «гарантией продолжения революции и препятствием для деятельности контрреволюционеров». Позиция властей и деятельность погромщиков из «партии Аллаха» способствовали еще большему ужесточению отношения организации к правящему режиму.

«Исламская революция» готовилась окончательно поглотить народную революцию.

После освобождения американских заложников острая междоусобная борьба в руководстве Исламской

Республики Иран приняла еще более ожесточенный характер. В последние дни января 1981 г. в ряде провинциальных центров (Исфагане, Мешхеде и др.) дело дошло до погромов и рукопашных столкновений между сторонниками президента Банисадра и Исламской республиканской партии. Имевшие место инциденты обсуждались на заседании Высшего совета обороны и в генеральной прокуратуре республики.

Несмотря на призывы Хомейни к единству и проявлявшиеся отдельными деятелями ИРП попытки к компромиссу, Банисадр резко активизировал свои выступления против правительства и религиозных лидеров в руководстве Исламской республиканской партии. 27 января в очередном выпуске «Рабочего дневника президента» на страницах издававшейся им газеты «Энгелабе эслами» Банисадр сообщил о полученных разведпунктом в Хузестане сведениях относительно заговора, предусматривающего его убийство в автокатастрофе или посредством нападения с использованием реактивных противотанковых гранатометов. В последующие дни он обвинял духовенство в «угнетении и деспотизме», парламент — в дискриминационной политике по отношению к президенту (выразившейся, в частности, в принятии закона об администрации радио и телевидения), а своих противников в целом — в нежелании победы Ирана в войне с Ираком из боязни усиления власти президента и его авторитета в вооруженных силах. В «Рабочем дневнике», опубликованном 1 февраля, он позволил себе и такое заявление: его политика — в соответствии с традициями ислама от пророка Мохаммеда до имама Хомейни — не обязательно должна соответствовать мнению лидера страны.

Стремясь взять на себя непосильную ему миссию лидера антиправительственной и антиклерикальной оппозиции, президент Банисадр, как и в прошлом, пытался привлечь на свою сторону широкие слои народа периодическими заявлениями о катастрофическом положении страны. Однако «молчаливое большинство», на которое уповал Банисадр, уже давно успело убедиться в том, что он может только говорить и не способен ничего делать. Настроения разочарованности проявлялись даже среди представителей мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала, которые составляли основную социальную опору президента. В беседе с корреспондентом английской «Санди таймс» молодой управля-

ющий фабрики, некогда с надеждой смотревший на Банисадра, заявил:

— Где же действия? Я почти уверен, что президент втайне вошел в сговор с муллами. Когда напряженность усиливается, он вдруг выступает с речью, высказывая мнение народа для того, чтобы разрядить обстановку, а затем так же внезапно умолкает.

Выступив 1 февраля 1981 г. с речью по поводу второй годовщины возвращения Хомейни из эмиграции, Банисадр призвал иранцев подняться на борьбу, «если они не хотят, чтобы ими управляли те, кто желает вернуть мрачные дни прошлого с помощью лжи, обмана, клеветы, тюрем и пыток».

Речь Банисадра была одним из наиболее резких заявлений, которые когда-либо за прошедшие два года делались публично в отношении внутренних споров в исламском руководстве. Газеты, поддерживающие ИРП, обвинили президента в поддержке контрреволюции и создании напряженной обстановки в стране. 2 февраля председатель меджлиса ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани призвал аятоллу Хомейни вмешаться в обостряющийся конфликт и «вынести собственное решение» по этому вопросу.

6 февраля, выступив перед высокопоставленными должностными лицами, направляемыми в 30 зарубежных стран с целью пропаганды идей «исламской революции», Хомейни признал, что в государственных институтах республики до сих пор сохраняется коррупция, ввиду чего «кое-кто» считает, что при правлении шаха положение было лучше. Но аятолла потребовал, чтобы те, кто выступает с критикой, перестали играть на руку иностранной пропаганде, делая упор на трудностях революции. И добавил:

— Мы знаем о существующих трудностях. Мы знаем, что некоторые продажные элементы проникли в революционные организации. Но почему те, кто выступают с критическими замечаниями, никогда не упоминают о наших заслугах перед народом?

Однако Хомейни, как обычно, не ограничился критикой одной стороны. Он высказал упреки в адрес всех, кто ослабляет единство народа и тем самым стремится «погубить страну». Некоторые видные религиозные деятели восприняли речь имама даже в том смысле, что главный акцент в критике следует сделать на Исламской республиканской партии. А 9 февраля Хомейни

принял Банисадра, который проинформировал его не только о развитии событий на фронте, но и о внутривнутриполитическом положении в стране.

В связи с предстоящим по случаю второй годовщины антишахской революции новым публичным выступлением Банисадра некоторые представители духовенства приняли срочные меры с целью сгладить разногласия с президентом. Последний после встречи с «примирительной комиссией» из 5 человек заявил, что праздничный митинг «станет выражением единства». В интервью корреспонденту «Энгелабе эслами», опубликованном 11 февраля, он рассказал, что обращался к имаму с просьбой положить конец антипрезидентской кампании и что Хомейни просил его подождать неделю, прежде чем начать действовать (речь шла о намерении Банисадра «навести порядок» в Хамадане, где при попустительстве религиозных руководителей города была устроена расправа с его сторонниками).

Вечером 11 февраля жители иранских городов и деревень в ознаменование второй годовщины антишахской революции в течение 15 минут кричали с крыш домов: «Аллах велик!» Но основным мероприятием дня был торжественный митинг на площади Азади в Тегеране, собравший около полутора миллионов человек.

В обращении имама к народу, зачитанном его сыном Ахмедом, выдвигались следующие важнейшие задачи: 1) армия и силы безопасности не должны втягиваться в «политические игры» различных групп; 2) духовенство, принимающее участие в работе «революционных органов власти», не должно вмешиваться в те дела государства, в которых оно некомпетентно.

Это была явная уступка Банисадру, и президент в целом ограничил свою речь сухим цифровым отчетом. Иран, сказал он, за прошедшие два года не смог ликвидировать трудности, унаследованные от шахского режима. Основная вина за это была возложена на «сверхдержавы», которые предлагалось «прогнать из жизни человечества». Далее были приведены следующие данные: за последний год валютные резервы страны сократились с 10 до менее чем 4 млрд. долларов, бюджетный дефицит достиг 800 млрд. риалов (по сравнению с 250 млрд. при шахском режиме), выделенные на проекты развития 1000 млрд. риалов не были использованы и наполовину; производство хлопка снизилось на 58 процен-

тов, сахарной свеклы — на 19 процентов, за год было импортировано почти 2 млн. тонн пшеницы, производство промышленной продукции упало на 30—40 процентов, темпы инфляции выросли на 30—35 процентов, резко возросли цены и безработица. Упомянув далее об изоляции Ирана на международной арене, Банисадр не удержался от того, чтобы не закончить свою речь обычной для него сентенцией: кто хочет насадить в стране деспотизм, тот выполняет волю «сверхдержав».

Причины непоследовательности, проявленной Банисадром, были вскрыты, в частности, в опубликованном 16 февраля заявлении 38 видных представителей иранской интеллигенции. В этом заявлении, распространявшемся в виде листовок на улицах Тегерана, утверждалось, что через два года исламского правления страна вернулась к временам репрессий, пыток и несправедливости. Исламское руководство обвинялось в нарушении прав человека, презрительном отношении к народу, подавлении национальных меньшинств и создании обстановки экономической катастрофы. Основную вину за «потерянные возможности прошедших двух лет» авторы заявления возлагали на обе соперничающие в борьбе за власть группировки, которые, «поливая друг друга грязью», вместе с тем всегда объединялись в «нечестивый союз», чтобы остановить революционное движение масс.

Наметившееся примирение обеих соперничающих групп в исламском руководстве способствовало временному снижению накала словесной перепалки между ними. Однако скрытая полемика продолжалась. Показательна большая речь премьер-министра Раджан, с которой он выступил по радио и телевидению 23 февраля. Говоря об экономических проблемах страны, премьер призвал население осуществлять режим экономии и не поощрять рост цен «излишними покупками», а рабочий класс — повышать производство и не слушать агитаторов, «подстрекающих к забастовкам». Указав, что состояние валютных ресурсов страны «не внушает никаких опасений», глава правительства добавил:

— Кроме того, мы располагаем большими запасами золота, которое может длительное время охранять страну перед лицом дьявольских происков. Но опираемся мы не на валюту или золото, опорой нам служат наше учение и исламская мораль.

Далее премьер изложил свою программу вывода стра-

ны из экономических трудностей. В этой связи он отметил:

— Война может быть для нас благом. Введение системы справедливого распределения возможностей может стать первым шагом для построения подлинно исламского справедливого общества равенства. (Под «справедливым распределением возможностей» имелось в виду вынужденное военной обстановкой введение карточной системы на некоторые продовольственные и другие товары.)

Отдав затем дань политике самоизоляции страны, Раджаи указал, что элементы, устраивающие несанкционированные демонстрации, организующие беспорядки, взрывы, на деле являются «верными пособниками Рейгана и преследуют одну с ним цель — свержение исламского правительства и подрыв веры народа в цели революции». В заключение премьер призвал неназванных оппонентов не выносить на газетные полосы и на трибуны митингов разногласия, решать споры за столом переговоров, думать об успехах «революции, которая за два года добилась того, чего не достигала ни одна революция в мире».

В тот же день, 23 февраля, имам предпринял очередную попытку закрепить шаткое единство в высших эшелонах власти. Выступив перед большой группой работников политико-идеологических отделов иранской полиции, он вновь призвал к сплоченности, назвав все распри в стране «плодами происков сверхдержав и их внутренних агентов». От армии и сил охраны порядка он потребовал не участвовать в политике, сохранять единство и стремиться к тесному сотрудничеству. Указав на опасные последствия действий активизировавшихся в последнее время погромщиков, Хомейни вместе с тем отметил, что «дубинки перьев и речей страшнее деревянных дубин», и в этой связи заявил о необходимости отказа от полемических выпадов в печати и на митингах. Если исламская республика потерпит провал, подчеркнул аятолла, «это будет провалом для всех мусульман мира во всех областях».

— Окончательная победа, к которой мы стремимся,— провозгласил имам,— это счастье всех народов мира на этом и на том свете.

Однако наступившее, казалось бы, затишье в борьбе между сторонниками Банисадра и Исламской республиканской партии оказалось весьма кратковременным.

Под прикрытием призывов к единству деятели ИРП и правительства фактически готовились открыть новую фазу в этой борьбе. Очередной ее взрыв произошел в связи с правительственным законопроектом, предложенным парламенту в конце февраля и предусматривавшим назначение временных руководителей для тех министерств, в отношении которых президент и премьер так и не смогли прийти к взаимному согласию. В опубликованном по этому поводу заявлении Банисадр подчеркнул, что подготовка и обсуждение подобного законопроекта «являются полным игнорированием голосов тех миллионов людей, которые поддержали президента на выборах».

В высших эшелонах власти по всем признакам назрело новое открытое столкновение. И аятолла Хомейни, верховный арбитр сложившегося соотношения сил в правящем лагере, вынужден был вмешаться в конфликт. Выступив 5 марта перед большой группой представителей духовенства, он сказал:

— Некоторые вносят раскол в отношения между армией и «стражами», в отношения их обоих с жандармерией, в отношения внутри самой армии. Некоторые идут под видом доброжелателей к президенту с жалобами на премьер-министра, а к премьеру — с жалобами на президента. Политический разум повелевает, чтобы вы оставили разногласия и в спокойной обстановке трудились ради победы подлинного ислама в стране.

Но, несмотря на заинтересованность в сохранении президентской власти за диссидентствующим Банисадром, имам не оставил сомнений в том, на чьей стороне могут оказаться в конечном счете его симпатии. Указав на недопустимость «несправедливых» и «неисламских поступков» со стороны духовенства, он подчеркнул, что против священнослужителей плетутся заговоры и происки, направленные на отделение их от народа, на их всеобщую дискредитацию на основании недостойных поступков отдельных лиц. И здесь имам дал едва замаскированную отповедь Банисадру, заявив, что духовенство должно активно вмешиваться во все дела государства.

— А те, кто твердит о диктатуре духовенства, — сказал Хомейни, — говорят ложь ради другой лжи. И с таких людей следует строго спросить: откуда тянутся корни подобных обвинений? Разве председатель парламента — диктатор? Разве другие деятели государства — дик-

таторы? Или кто-то просто хочет ослабить духовенство и республику, убрать духовенство со сцены...

«Стабилизирующий конфликт», получив новый импульс, начал быстро раскручиваться по уже пакатанной колее. В тот же день, 5 марта, Банисадр выступил на митинге в Тегеранском университете, посвященном памяти националистически настроенного премьер-министра М. Мосаддыка, сыгравшего в 1951—1953 гг. большую роль в борьбе за национализацию иранских нефтяных ресурсов. Митинг собрал около 100 тыс. человек, в основном приверженцев президента, но в их среду вклинились небольшие толпы его противников, которые выставили плакаты с фотографиями Мосаддыка, целующего руку шаха.

Начав свое выступление с вопроса о войне с Ираком, президент заявил, что «некоторые» иранские деятели, в том числе в Высшем совете обороны, не хотят победы в войне, ибо она станет победой президента. Отвечая на широкую пропагандистскую кампанию своих противников, Банисадр подверг критику правительство за неспособность найти достойных кандидатов на вакантные министерские посты, а группу из 129 депутатов меджлиса, направившую ему накануне письмо с множеством обвинений, — за недалекость и нелогичность. В пылу полемики президент назвал своих оппонентов «бандитами, действующими силой и предательством».

Присутствовавшие на митинге противники Банисадра неоднократно пытались прервать его выступление криками: «Исламская республика не пойдет по пути Мосаддыка!», «Националисты, от которых мы вытерпели столько ударов, нам не годятся!», «В национализме — корень бедствий мусульман!», «Авторитет духовенства — это антинационализм!», «Смерть либералам!», «Продолжим борьбу до гибели второго шаха!», «Да здравствует имам!».

Банисадр несколько раз безуспешно обращался по микрофону за помощью к полицейским, находившимся в районе университета. Высказав затем уверенность, что срыв митинга идет организованно, поскольку полицейские не вооружены ни дубинками, ни другими средствами разгона провокаторов, он призвал своих сторонников самостоятельно расправиться с «хулиганами и погромщиками». На огромной территории университета началось настоящее побоище, которое Банисадр подогрел демонстрацией со своей трибуны изъятых у провокаторов

оружия (ножей, кастетов, цепей и револьвера) и удостоверений личности, свидетельствующих об их принадлежности к Корпусу стражей исламской революции, Исламской республиканской партии, «ревкомам» и другим организациям, связанным с духовенством. Зачитывая данные этих документов, президент призывал своих сторонников «искоренить» все те организации, которые их выдали.

Неистовствующие толпы скандировали: «Палки, дубинки и пытки на нас уже не действуют!», «Слава Мосаддыку, да здравствует свобода!», «Разоблачим партию погромщиков!», «Банисадр, Банисадр, продолжай разоблачать!», «Срыв митингов — дело партии!», «Погромщик, дубинщик, настал твой смертный час!», «Смерть партии — обманщику народа!», «Бехешти — главарь дубинщиков!», «Смерть погромщикам, смерть Бехешти!», «Банисадр, Банисадр, ты только дай приказ о выступлении!». В ходе трехчасовых столкновений более 40 человек получили увечья.

События в Тегеранском университете вызвали в стране политическую бурю. Сторонники ИРП повсюду, и в том числе во дворе министерства юстиции, проводили шумные демонстрации. Участники попыток сорвать митинг 5 марта по призыву генерального прокурора аятолы Мусави-Ардебилли подали иски в суды. Канцелярия Хомейни, парламент и другие органы государственной власти были завалены письмами с жалобами и свидетельскими показаниями. Все политические и общественные организации считали нужным высказывать свое мнение по поводу столкновений в университете. ИРП, канцелярия премьера, руководство «стражей» требовали провести расследование. 6—7 марта радио неоднократно передавало сообщения об указании Хомейни следственным органам тщательно разобраться в происшедшем и сурово наказать преступников и нарушителей «исламской морали». Вслед за тем канцелярия имама объявила, что лидер страны прекращает всякие приемы.

Воспользовавшись всем этим, противники Банисадра начали свое контрнаступление на позиции президента. Официальный представитель правительства государственный министр по административным вопросам Бехзад Набави квалифицировал события в университете как «часть американского и контрреволюционного заговора по ликвидации исламской революции». Банисадра он на-

звал участником этого заговора, ударную силу которого, по его словам, составляли вооруженные отряды моджахединов, стремящихся использовать президента в целях захвата власти. Заметив далее, что 5 марта «контрреволюция в один момент оказалась в преимуществе перед революцией», государственный министр подчеркнул: если правительство прежде относилось спокойно к попыткам подрыва его авторитета, то «теперь, когда под угрозой оказалась сама исламская революция и ее органы, оно не станет более молчать».

Со своей стороны Исламская республиканская партия устами ее лидера аятоллы Бехешти, являвшегося одновременно председателем Верховного суда, обвинила президента в том, что он сознательно и преднамеренно спровоцировал столкновения в университете, продемонстрировав поддельные удостоверения личности. Банисадр отрицал эту версию, но передать следственным органам подлинники документов отказался.

Практическим результатом контрнаступления деятелей и сторонников ИРП на Банисадра явилось принятие меджлисом 11 марта решений, утверждавших в должности «уполномоченных» руководителей министерств экономики и торговли, назначенных главой правительства без санкции президента. В результате исламские активисты резко упрочили свои позиции в борьбе с Банисадром. И хотя посты министров юстиции и иностранных дел по-прежнему остались вакантными, решения парламента, фактически передававшие часть полномочий президента премьер-министру, создали прецедент для дальнейшего сокращения функций, принадлежавших, согласно конституции, Банисадру.

Тем временем генеральный прокурор Мусави-Ардебилли продолжал расследование событий в Тегеранском университете, о чем ежедневно сообщал в ходе телевизионных интервью. 9 марта он заявил, что намерен привлечь к суду «всякого виновного, включая первое и второе лицо в государстве, вызвав его непосредственно или через представителя для дачи показаний».

Получив таким путем предупреждение, что он не имеет иммунитета от судебного преследования, Банисадр объявил через свою газету «Энгелабе эслами» о возможности выхода в отставку в случае, если расследование будет иметь пристрастный характер. Сославшись на парламентские решения по поводу министерских назначений, он вновь обвинил своих политических противни-

ков в «заговоре с целью свержения или отстранения президента».

— Это не та республика, в которой следовало бы дорожить президентским постом,— заявил Банисадр.

Над страной, казалось бы, навис призрак гражданской войны. Но такой метод решения конфликта не входил в расчеты ни одной из соперничающих фракций в руководстве Исламской Республики — обе предпочитали иные средства борьбы. И 13 марта ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хамеен, руководитель пятничных молитв в Тегеране, на очередном богослужении призвал всех «к спокойствию», сопроводив этот призыв предостережением к тем, кто хочет вызвать в Иране «всеобщий кризис». Одновременно появились сообщения о возможности открытой дискуссии по радио и телевидению между президентом, с одной стороны, и премьер-министром и председателями меджлиса и Верховного суда — с другой. 14 марта канцелярия Хомейни впервые за неделю возобновила приемы, а спустя два дня имам провел чрезвычайное совещание со всеми главными руководящими деятелями страны — Банисадром, Раджан, Бехешти, Хашеми-Рафсанджани, Мусави-Ардебили, Хосейни-Хамеен и др.

После совещания канцелярия имама распространила заявление Хомейни, в котором он требовал, чтобы все официальные органы в пределах своих, зафиксированных в конституции полномочий «решали проблемы в духе сотрудничества и братства». В целях урегулирования существующих разногласий предусматривалось создание комиссии «из представителя президента, представителя другой стороны и моего представителя». Конфликтующим группам запрещались всякие публичные выступления, за исключением «здоровых и наставительных интервью». В заключение имам предложил руководителям пятничных молитв и собраний верующих приложить силы к тому, чтобы в стране установилось спокойствие, дабы не «вызвать беспокойство масс. Народ необходимо вдохновлять на поддержку революционных органов и вооруженных сил страны».

Позиция верховного руководителя Ирана вызвала недовольство в среде наиболее радикально настроенных секторов исламского движения. Газета «Оммат», орган Движения борющихся мусульман, писала 17 марта, что острый политический кризис в стране «невозможно урегулировать посредничеством, вмешательством мудрецов

и призывами к единству и спокойствию». Корни разногласий между двумя фракциями иранского руководства слишком глубоки, чтобы их можно было урегулировать таким путем, подчеркивала газета. Аналогичное мнение высказывали и многие органы западной печати. Английская «Санди таймс» от 22 марта назвала предложенный способ урегулирования разногласий «великим трюком балансирования».

Недовольство заявлением Хомейни, высказывавшееся и в ряде других групп исламского движения, было вызвано, очевидно, тем, что оно в общем и целом играло на руку Банисадру. В частности, в этом заявлении прямо подтверждались полномочия президента в качестве назначенного имамом верховного главнокомандующего и дважды говорилось об обязательности выполнения его приказов всеми командующими вооруженных сил. Иначе говоря, Хомейни настаивал на незыблемости тех весьма важных функций, которые Банисадру еще удавалось сохранить от посягательств со стороны враждующей с ним клерикальной фракции.

Грызню и перепалки в правящем лагере временно удалось приглушить, тем более что с 20 марта, в связи с началом нового года по иранскому календарю, газеты в стране не выходили в течение недели. Стремясь закрепить вновь сложившееся положение, аятолла Хомейни в обращении к народу по случаю национального праздника — Дня Исламской Республики, торжественно отмеченного 1 апреля многотысячным митингом (состоявшимся несмотря на сильный дождь), обязал прессу воздерживаться от нагнетания распрей, ораторов и докладчиков — от провокационных и раскольнических заявлений, а всех остальных — не обращать внимания на слухи, призванные посеять в народе сомнение в избранном им исламском пути. Контроль за соблюдением всего этого возлагался на генеральную прокуратуру. В целях водворения в стране «порядка» всем неисламским политическим организациям и группам было предложено «раскаяться в содеянном» и сдать имеющееся у них оружие; при этом условии, как отмечалось, они будут «прощены» и смогут жить в стране «по-братски».

Но по логике вещей «порядок» не мог существовать без «безопасности». И имам в том же обращении обязал председателя Верховного суда и генерального прокурора учредить специальные комиссии по расследованию деятельности всех судов в стране и «чистке» судебного

аппарата от некомпетентных судей и прокуроров, а руководителей Корпуса стражей исламской революции — препятствовать «недостойному поведению» своих подчиненных и их вмешательству в дела других органов и судов. Особое внимание обращалось на недопустимость «нарушения прав» и «посягательств на собственность».

Таким образом, в обращении получила отражение программа «порядка и безопасности», которую уже более года безуспешно пропагандировал Банисадр. Имам рекомендовал правительству оказывать большую, чем раньше, помощь крестьянам, а генерал-губернаторам провинций предложил «понять», что сельскому хозяйству сейчас отдается приоритет.

Позиция Хомейни была сразу же использована Банисадром для начала нового тура острой публичной полемики со своими политическими противниками. В нарушение распоряжения имама о запрете подстрекательских выступлений газета «Энгелабе эслами» 1 апреля возобновила публикацию «Рабочего дневника президента». Называя действия главы правительства антиконституционными, Банисадр квалифицировал их как «ползучий переворот» и попытки «свержения президента». Перейдя к вопросу о военных действиях, Банисадр заявил:

— Продолжение войны приветствуется некоторыми людьми, которым кажется, что такой фактор делает страну спокойной и что его можно использовать как прикрытие для того, чтобы затыкать людям глотки. Это лишь самообман вроде забывания о боли от рака в результате действия сильного медикамента. Хотя истинное положение таким путем удастся скрыть, рак распространяется внутри.

Сам президент отнюдь не был активным сторонником прекращения войны, которая увеличила его возможности политического выживания. Но в борьбе с противниками он решил использовать и это средство. Очередной выпуск «дневника» он закончил словами:

— Сейчас не время беспокоиться о соблюдении высокого уважения к президентскому посту — народу надо раскрывать глаза на правду.

3 апреля имам принял меры к созыву трехсторонней комиссии, о необходимости создания которой объявил после чрезвычайного совещания 16 марта. Банисадр, избравший в качестве своего представителя в комиссии зятя Хомейни влиятельного аятоллу Шахабеддина Эш-

раги, сумел добиться того, что первым вопросом ее расследований стали разногласия вокруг проблемы освобождения американских заложников. Клерикальные круги компенсировали себя широкой кампанией против издаваемой группировкой бывшего премьер-министра Базаргана газеты «Мизан», которая активно поддерживала президента Банисадра. 6 апреля распоряжением генерального прокурора был арестован ответственный директор газеты Реза Садр, бывший в свое время министром торговли в базаргановском кабинете. Ему были предъявлены обвинения в разжигании распри между различными группировками путем оскорблений и клеветы, подрыве безопасности страны и публикации не соответствующих действительности материалов.

Новое обострение борьбы внутри правящего лагеря произошло спустя полтора месяца, в течение которых Банисадр постоянно публично обличал своих противников, а последние, не отвечая на его обвинения, методично готовились к полному лишению президента власти.

19 мая премьер-министр Раджаи представил в парламент законопроект об отмене в законах страны, относящихся к назначениям на некоторые государственные должности, формулировки «высочайшим повелением». Раджаи не скрыл, что требует принятия законопроекта ввиду стремления заменить в руководстве Центрального банка Ирана и Общества Красного Льва и Солнца сторонников президента своими ставленниками. Банисадр, расценивший этот шаг как составную часть «программы устранения президента», предложил поставить все конфликтные вопросы на всенародный референдум. Он, как видно, упустил из виду тот факт, что новый режим прибегал к такого рода плебисцитам лишь в целях создания исламской власти в лице духовенства. На следующий день, 20 мая, меджлис утвердил в принципе предложенный премьером проект. Таким образом, еще одна часть полномочий президента перешла к главе правительства.

В последующие дни Банисадр публиковал письма и интервью с обвинениями парламента и правительства в попытках устранить его с политической арены. Раджаи со своей стороны прямо заявил, что отказывается признать за президентом право вмешиваться в дела правительства. Сторонники Банисадра в ответ потребовали роспуска меджлиса.

В дело опять же вынужден был вмешаться имам.

27 мая, приняв депутатов парламента, Хомейни в выступлении перед ними подчеркнул, что против этого органа — «избранника народа» — не вправе выступать никто — ни президент («даже если его поддержит весь народ»), ни премьер.

— Если это не конструктивная критика, а безответственные обвинения, то виновного следует привлечь к ответственности как сеятеля разврата и врага ислама, — заявил имам, тем самым невольно давший возможность противникам президента довести до логического конца антибанисадровскую кампанию.

Новый повод к тому дал и сам Банисадр, заявивший 30 мая на пресс-конференции, что вправе «обратиться к мнению народа, т. е. референдуму».

— Я буду говорить народу все, что сочту правильным, — упрямо заявил президент, вновь высказавшись против попыток «превратить страну в государство послушных овец».

1 июня трехсторонняя примирительная комиссия, занимавшаяся расследованием разногласий среди иранского руководства, сообщила: виновным в разжигании споров и противоречий признан президент страны Абольхасан Банисадр. Мотивировка: в последних интервью и выступлениях он допустил выпады против других руководителей, нарушив тем самым указания имама; отказываясь признать принятые парламентом решения, он нарушил конституцию; кроме того, разжиганию споров способствовали и публикации издаваемой им газеты «Энгелабе эслами». Подобное поведение не имеет никаких оправданий, тем более что оппоненты президента не опускались до оскорблений и ни разу не выходили за рамки законов в отношении Банисадра. Материалы своих расследований комиссия направила генеральному прокурору.

Президент тем не менее продолжал отстаивать свои взгляды. В открытом письме в адрес комиссии Банисадр оспорил ее мнение о нарушении им конституции. Последняя в ответ устами своего представителя от ИРП, выступившего 3 июня по тегеранскому радио, привела конкретные факты, подтверждающие, как она считает, сделанный ранее вывод. Накануне в Хамадане сторонники ИРП, скандируя «Смерть Банисадру!», «Да здравствует Бехешти!», избili известного сторонника президента депутата парламента А. Саламатияна. В Тегеране был арестован советник Банисадра по юридическим вопросам

Манучехр Масуди; ему было предъявлено обвинение в незаконных валютных операциях, взяточничестве, пособничестве деятелям шахского режима и злоупотреблении служебным положением.

2 июня Хомейни, явно пытаясь ослабить напряженность в борьбе между враждующими группировками, заявил в беседе с руководителем газетно-журнального объединения «Кейхан»:

— Все руководители страны — не враги; они всего лишь действуют в соответствии с различными взглядами, а печать раздувает эти разногласия.

Однако раскрутившуюся спираль внутривнутриполитической борьбы остановить уже было невозможно. Активисты ИРП решили использовать годовщину состоявшихся 5 июня 1963 г. по призыву Хомейни антишахских выступлений для открытых нападок на сторонников Банисадра и организацию моджахединов, начавшую оказывать им в последнее время поддержку. (Этот новый альянс газета «Оммат» назвала тактическим союзом, в котором один партнер использует другого исключительно для того, чтобы пробраться к власти.) Опубликованные заранее лозунги гласили: «Либерал, лицемер — руки одного туловища. Они — враги страны, следующие курсом чужеземцев», «Либеральный соглашатель, твоя Мекка — Европа. А для тебя, лицемер, учитель — Америка», «Закон нашего парламента — критерий для народа. Сокрушитель идолов Хомейни — символ нашего единства».

Что касается самого Хомейни, то он опять же ясно дал понять, что хочет по-прежнему оставаться «символом нашего единства». В его обращении к народу, зачитанном перед участниками многотысячного митинга на территории Тегеранского университета Ахмедом Хомейни, практически ничего не говорилось об актуальных проблемах внутривнутриполитической борьбы, если не считать выпадов против «наемных борзописцев», которые, дескать, выступая под маской «защитников народа», хотят убрать с политической арены «исламские слои» и установить такие «западные свободы», как сексуальная развращенность. Но «независимость и свобода Ирана достижимы только под сенью ислама», заявлял имам. В этой связи он призвал бороться против «восточной сверхдержавы и коммунистического блока» и «западной сверхдержавы и капиталистического блока», за ислам.

В комментарии тегеранского радио по поводу демонстраций 5 июня в Тегеране отмечалось, что они стали

«референдумом», на котором народ выразил свое отношение к «либералам-западникам». Массовым участием в манифестации, подчеркнул комментатор, тегеранцы опровергли заявления о том, что страна зашла в тупик и что народ не выпускают на политическую арену.

В последующие дни деятели ИРП и правительства усилили наступление на позиции Банисадра. 7 июня в меджлис был внесен новый законопроект, согласно которому глава кабинета должен был получить возможность самостоятельно осуществить назначения временных руководителей на вакантные посты министров, если президент в 5-дневный срок не подпишет соответствующий закон, принятый ранее парламентом. В выступлениях ряда депутатов меджлиса звучали открытые обвинения Банисадра и его сторонников в «стремлении повести Иран по американскому пути» и «использовать революцию в корыстных целях».

Рано утром 8 июня решением генеральной прокуратуры были объявлены закрытыми газета Банисадра «Энгелабе эслами», орган группировки Базаргана «Мизан», а также четыре другие газеты, в том числе орган Народной партии «Намее мардом» (последняя — за участие в ползучем заговоре против исламских ценностей).

Банисадр, однако, не сдавался. В ответ на закрытие своей газеты он выступил с заявлением, распространенным агентством Парс, в котором подчеркнул, что эта мера является новым «звеном в цепи движения, направленного на устранение избранного президента», и снова обрушился на «чужовищность диктатуры и угнетения, которым вновь хотят подвергнуть восставший народ». Далее президент объявил о намерении распространять свои заявления в виде листовок и магнитофонных записей.

И действительно, в тот же день в Тегеране на заборах и стенах домов появились расклеенные «воззвания президента», призывавшие молодежь к «стойкости перед лицом поборников угнетения», а весь народ — к проведению на тегеранском базаре демонстрации протеста против действий правительства и Исламской республиканской партии. Министерство внутренних дел сразу выступило с категорическим запретом этой и других подобных демонстраций.

На призыв Банисадра откликнулись главным образом организация моджахединов, опубликовавшая при-

ветственное послание в связи с его разоблачениями действий правительства, ряд экстремистских группировок, распространивших листовки с открытыми обвинениями в «антинародной политике» не только правительства, но и самого Хомейни, а также значительное число учащих школ. В районе площади Фирдоуси и улицы Энгелаб прошли демонстрации сторонников и противников президента. В течение нескольких часов по всему пути следования шествий слышались выстрелы.

В тот же день, 8 июня, официальный представитель правительства Набави устроил пресс-конференцию. Выразив «сожаление» по поводу отказа президента достичь договоренности о сотрудничестве и его призывов к народу «выступить против монополизаторов власти», он назвал выступления сторонников Банисадра в Тегеране и других городах «последней агонией врагов революции».

Набави, очевидно, уже имел сведения о новой позиции имама. Поддержка, которую Хомейни на протяжении шестнадцати с половиной месяцев оказывал президенту и которая помогала последнему столь длительное время удерживаться на своем посту, начинала медленно, но неуклонно таять. Стремление сохранять на высших официальных государственных должностях относительно близких к «религиозному истеблишменту» светских деятелей (используемых в качестве прикрытия политической гегемонии духовенства и громоотвода возможного народного недовольства) день ото дня подрывалось активной оппозиционной деятельностью Банисадра. В конечном счете она стала подтачивать саму основу новой власти — нормальное функционирование государственного и правительственного механизма Исламской Республики. Дело довершили попытки президента использовать в борьбе против сторонников прямого правления духовенства регулярную армию и вооруженные отряды организации моджахединов, т. е. две основные силы, способные составить реальную угрозу исламскому режиму.

Интересную (хотя вряд ли точную) версию событий изложил французский еженедельник «Вандреди — самди — диманш» в номере от 25 июня 1981 г. Ссылаясь на «сведения из весьма достоверных западных источников», еженедельник сообщил, что в мае Банисадр вместе с группой своих сторонников составил следующий план захвата власти. Предполагалось пригласить на линию

фронта якобы для консультаций по вопросу о контрнаступлении против Ирака и затем арестовать Бехешти, Раджаи и Хашеми-Рафсанджани. В тот же день и час близкие к Банисадру сотрудники вновь созданной охраны САВАМА должны были убить своего начальника — генерала Хосейна Фардуста (контролировал при шахе деятельность САВАК и обеспечивал безопасность двора); считалось, что без него Хомейни стал бы всего-навсего беззащитным человеком, вынужденным вести себя примирительно. Одновременно моджахедины под командованием Масуда Раджави и Мусы Хиябани, подружившихся с президентом, приступили бы к осуществлению партизанских операций в различных районах страны. Затем руководители восстания отправились бы в Тегеран к имаму, чтобы получить его благословение, а в случае отказа — заставить его уйти в отставку. Однако Банисадру не удалось организовать задуманное, и он в начале июня полностью отказался от своего плана. Но обо всем этом стало известно противникам президента.

И вот тогда, рассказывает далее французский еженедельник, к Хомейни направилась другая делегация — в составе злейших врагов президента: Бехешти, Раджаи, Хашеми-Рафсанджани, Фардуста. Они потребовали смещения Банисадра с его поста, ареста, публичного суда, казни. Хомейни возражал, но затем, уступая давлению Бехешти, предложил для начала лишить Банисадра поста главнокомандующего. Бехешти довольствовался этим первым успехом, зная, что сумеет в дальнейшем нанести и последний удар.

Было все это так или не совсем так, но Хомейни с 8 июня действительно довольно резко изменил свое отношение к Банисадру, хотя в целом пока еще не оставлял попыток методами усиленного давления вернуть своего заблудшего «духовного сына» в «лоно ислама».

Выступив 8 июня перед большой группой медицинских работников, имам с беспрецедентной резкостью подверг критике тех, кто нагнетает напряженность в стране. Хотя Хомейни, как обычно, не называл никаких имен, вся критическая часть его высказываний явно относилась к сторонникам президента и к нему самому. Имам был в гневе, но ни разу не вышел за рамки поставленной им перед собой задачи. Он заявил:

— Всякий, кто выступает против закона, против парламента и его решений, идет против ислама... Демонстрации 5 июня показали, что народ — на арене действий,

что он — за ислам.— И, повысив голос, добавил: — Пока я могу и пока велит мне исламский долг, я буду советом и наставлением призывать людей и группы к спокойствию и порядку. Но пусть все знают: когда я почувствую угрозу для исламской республики, для ислама, то в тот же день мне будет уже не до советов... всем руки поукорачиваю!

Затем имам перешел к более конкретному вопросу: — Мне доложили о готовящихся сегодня демонстрациях и закрытии базара. Долг «стражей революции» — помешать этому, арестовать ораторов... С виновными я поступлю, как поступил с шахом... Закрытие базара — это выступление против пророка и ислама.— И заключил: — Подстрекателей пером и языком, составителей «открытых писем» и авторов речей я предупреждаю: пусть, пока не поздно, откажутся от дьявольских затей, вернуться в лоно ислама. В противном случае передавайте их мне, и я их сам изолирую, невзирая на лица — даже дорогие для меня.

Заключительные слова имама о «дорогих» для него лицах не помешали экстремистски настроенным кругам клерикального лагеря использовать выступление Хомейни для физической расправы со сторонниками президента. Вечером того же дня, 8 июня, группа вооруженных молодчиков во главе с депутатом парламента аятоллой Хади Гаффари (слышшим руководителем «партии Аллаха» и подвергавшимся ранее имамом критике за постоянное ношение оружия) захватила в Тегеране помещение Бюро по координации сотрудничества народа с президентом и устроила в нем погром, избив одного из сотрудников.

В связи с этим Банисадр направил Хомейни письмо, в котором, по сообщению агентства Парс, задал ему прямой вопрос:

— Разве смысл следования законам, о котором Вы говорили в сегодняшнем выступлении, заключается в том, чтобы депутат парламента выступал в роли атамана шайки бандитов?

9 июня, несмотря на объявленное министерством внутренних дел запрещение всех демонстраций, в нескольких районах Тегерана состоялись массовые выступления в поддержку решения о закрытии газеты Банисадра. Демонстранты скандировали: «Партия — только партия Аллаха, вождь — только Рухолла!» (т. е. Хомейни.— С. А.), «Смерть Банисадру!», «Мы не успоко-

имся, пока не победим того, кто хуже шаха!». В толпах демонстрантов сновали мотоциклы и автомашины с вооруженными «стражами» и членами местных «революционных».

Сторонники президента практически себя не проявили, хотя ранее и призывали провести в этот день массовый митинг. Правда, организация моджахединов опубликовала заявление о необходимости организации бойкота всех оставшихся незапрещенными газет. В имевших место драках было ранено несколько человек.

В тот же день, 9 июня, подал в отставку управляющий Центральным банком Ирана Али Реза Ноубари, активный сторонник Банисадра. Последний, таким образом, утратил контроль и над этим важнейшим экономическим учреждением страны. Через несколько минут после сообщения об отставке Ноубари парламент принял закон, фактически обязывающий президента утверждать решения меджлиса не позднее чем через 5 дней. Более того, согласно закону, премьер должен был выполнять парламентские решения даже в том случае, если президент не подпишет их в течение 5 дней, а срочные — в течение 48 часов. Принятие закона сопровождалось новыми открытыми нападениями ряда депутатов на Банисадра.

На следующий день, 10 июня, председатель Верховного суда аятолла Бехешти сообщил на пресс-конференции, что судебные органы страны уже рассматривают дела о нарушениях президентом ряда положений конституции. При этом он напомнил о предусмотренной Основным законом возможности отстранения Банисадра с его должности по решению Верховного суда.

День был тревожным и во многом решающим. Толпы членов «партии Аллаха» численностью до полусотни каждая шествовали по разным частям столицы, скандируя: «Смерть Банисадру!», «Долой второго шаха!», «Мы берем назад свои голоса у пособника Бахтияра и Мосаддыка!». Опасаясь погромов, тегеранские торговцы на базаре и в городских магазинах предусмотрительно сняли все портреты Банисадра, еще недавно выставлявшиеся напоказ. Газета «Кейхан» в редакционной статье сделала вывод:

— Нация продемонстрировала, что подчиняется приказу вождя. Другими словами, она показала, что сожалеет об отданных Банисадру голосах на президентских выборах и желала бы их пересмотреть.

Но главные события произошли вечером. Объединенный штаб иранских вооруженных сил, получивший, очевидно, соответствующие инструкции, заявил об отказе подчиняться приказам президента и вместе с тем подчеркнул готовность личного состава армии, авиации и флота «выполнить свой долг перед Исламской Республикой под руководством вождя исламской революции, а также сохранять верность принципам конституции».

Вслед за этим «вождь исламской революции» издал, кажется, самый короткий из всех своих указов:

— Д-р Абольхасан Банисадр, президент Ирана, освобождается от обязанностей верховного главнокомандующего вооруженными силами.

Согласно другому указу имама, функции главнокомандующего были временно возложены на исполняющего обязанности начальника Объединенного штаба генерала Фаллахи. Последний на пресс-конференции заявил, что вооруженные силы останутся вне политической борьбы и разногласий.

Новый акт политического давления имама на президента был сразу же использован клерикалами для резкого усиления антибанисадровских выступлений, особенно в парламенте. Многие депутаты прямо высказывались в том смысле, что Банисадр недостоин своего поста. Один из них сказал, что депутаты сохраняли раньше молчание только по просьбе Хомейни. Некоторые требовали официальной постановки вопроса о доверии президенту.

В различных городах Ирана усилились столкновения между противниками и сторонниками Банисадра. Имелись раненые. В Тегеране ежедневно слышались звуки выстрелов. В столице и провинциях были фактически закрыты все отделения Бюро по сотрудничеству народа с президентом и типографии, выпускавшие листовки с выражением поддержки Банисадру.

В заявлении от 12 июня президент предупредил о начавшемся в стране «государственном перевороте» и об угрозе, нависшей над его жизнью. По словам Банисадра, «стражи», окружив президентскую резиденцию, пытались убить его. Он в очередной раз призвал народ к сопротивлению «диктатуре»:

— Если сегодня народ не поднимется и не выступит против тирании, смыкающейся с иностранными заговорами против Ирана, то завтра будет уже поздно.

Наиболее активно в поддержку Банисадра продол-

жала выступать организация моджахединов. В прокламации, распространявшейся на улицах Тегерана, она предостерегала против покушения на президента и осуждала «заговор», направленный на введение «тотальных репрессий под прикрытием религии». Президент Банисадр, отмечала организация, «в самое ближайшее время получит отставку», что приведет к «серьезным внутренним конфликтам», которые «создадут опасность для свободы, независимости и даже территориальной целостности страны».

Между тем давление на Банисадра продолжалось. 13 июня председатель иранского парламента ходжатоль-эслам Хашеми-Рафсанджани имел встречу с аятолой Хомейни, после которой заявил корреспонденту Парс:

— Депутаты парламента настаивают на том, чтобы обсудить вопрос о его политической компетентности. Они просили меня организовать для этой цели закрытое заседание парламента, и я решил обсудить данный вопрос с имамом.

По словам Хашеми-Рафсанджани, Хомейни рекомендовал парламенту «выполнить свой долг самостоятельно». Председатель меджлиса также подчеркнул, что измерен попытаться отговорить членов парламента от их намерения, но добавил:

— Разумеется, это будет зависеть от того, насколько он (Банисадр.— С. А.) желает подчиниться законам.

Одновременно Хашеми-Рафсанджани отменил все отпуска и командировки депутатов. В заявлении, распространенном по радио, он отметил «важность присутствия всех депутатов на завтрашнем открытом заседании».

Таким образом, верховный руководитель страны по-прежнему считал необходимым ограничиваться давлением на президента. Ко всем прочим мотивам теперь добавилось нежелание создавать ситуацию, при которой Банисадр мог превратиться в «политического мученика». Тем более что он уже давно и публично говорил, что готов принять «мученический венец». С 12 июня местопребывание Банисадра не было известно властям, и, судя по всему, они не горели особым желанием найти его.

14 июня Хомейни принял группу военачальников во главе с генералом Фаллахи. Произнесенная им речь была направлена против тех «мусульман, которые с детства впитали мысль о необходимости зависимости от за-

границы». В качестве примеров он указал на бывший кабинет Базаргана и тех нынешних «некоторых деятелей», которые призывают к референдуму, а тем самым к возвращению положения в стране к февралю 1979 г. И тут имам откровенно объяснил, почему требование референдума неприемлемо:

— Но неужели мы откажемся от всего того, что сделали за эти два года ради спокойствия и стабильности в стране? Парламент, правительство, судебная власть состоят из мусульман, а это не то, что хотели данные господа. Они призывают обратиться к мнению народа, но эти представители — они и есть выразители голоса народа. Они не из Европы приехали...

После этого явного намека на Банисадра имам перешел к вопросу о политической «благонадежности» армии:

— Долг каждого военного, каждого гарнизона — не допускать политики. Если солдат станет заниматься политикой, то он уже не солдат... Политика для армии хуже героина... Но армия, избегая политики, должна вместе с тем быть исламской...

Коснувшись затем вопроса о войне с Ираком, имам неожиданно заключил:

— В армии ничего не изменилось, а этот — пусть попрезидентствует и побудет на посту председателя... как его?

— Высшего совета обороны, — подсказали слушатели.

Председателем Высшего совета обороны был Банисадр. «Попрезидентствовать» в существующих условиях тоже мог только Банисадр.

Итак, имам самолично призвал своего заблудшего «духовного сына» вернуться в «лоно ислама». И парламент сразу же объявил, что откладывает обсуждение вопроса о полномочиях президента.

Между тем в Тегеране и других городах усилились столкновения между сторонниками и противниками исламского режима. В Исфагане и Гомбеде-Кабусе произошли сильные взрывы, организованные, по сведениям правительства, монархическими группами и сторонниками Бахтияра. Имелись жертвы. Сообщения о стычках (с убитыми и ранеными) поступили из десятка других городов. В самом Тегеране постоянно были слышны выстрелы. Над улицами поднимались черные клубы дыма от автопокрышек и мусора, поджигаемых противниками

режима, и от слезоточивого газа, применяемого «стражками исламской революции» для их разгона.

Страна словно бы возвращалась к дням антишахских выступлений. Но президент Банисадр не был имамом Хомейни. Со времени своего избрания он не смог превратить оказываемую ему широкую поддержку в организованное движение. Да и сама эта поддержка в значительной мере держалась на согласии имама. А в результате событий 15 июня президент лишился опоры и среди остатков либеральных групп, которые долгое время громче всех выступали в его защиту.

Все началось с призыва неожиданно ожившего Национального фронта провести в центре столицы, на площади Фирдоуси, демонстрацию и митинг в поддержку Банисадра. Но утром того же дня тегеранское радио несколько раз передало цитаты из высказываний имама по этому поводу. В речи, произнесенной на встрече с представителями провинциального духовенства, он, в частности, сказал:

— К сожалению, политические противники режима вырыли себе могилу; я не хотел, чтобы это случилось. Сейчас я приму их раскаяние, как его принимает ислам. Я хочу, чтобы они по радио и телевидению объявили о своем раскаянии и о том, что были неправы, призывая народ к восстанию, что это противоречит исламу и законам страны, что они совершили проступок, вступив в коалицию с лицемерами.

Относительно Банисадра Хомейни заявил:

— Я не раз говорил этому господину президенту, чтобы он бдительнее относился к своему окружению, к этим волкам, готовым его погубить. Он слушать не хотел. Но все же, пока еще не поздно... президент должен заявить, что поступал вопреки голосам избравших его людей.

Далее имам коснулся призыва Национального фронта провести митинг:

— Неужели мусульмане будут сидеть и спокойно наблюдать, как поносят ислам и пророка? Этим призывом Национальный фронт сам себя отторг от народа.

Выступление Хомейни неоднократно прерывалось проклятиями слушателей в адрес Национального фронта и рыданиями, когда имам с горечью говорил, что встречался и беседовал с некоторыми противниками режима, не зная, что «они выступят против Корана».

Вслед за речью имама толпы сторонников режима

устремилась к площади Фирдоуси. Около 50 тыс. человек, запрудившие площадь, оттеснили немногочисленных сторонников Национального фронта и президента Банисадра на тротуары прилегающих улиц. Перед собравшимися выступили депутаты меджлиса Хади Гаффари и Фахреддин Хеджази, подвергшие нападкам президента, Национальный фронт и других сторонников Банисадра. Их выступления сопровождались криками: «Смерть Банисадру!», «Банисадр — Пиночет!», «Банисадр, убирайся в свою Францию!», «Партия — одна только партия Аллаха!». После этого большие колонны людей двинулись к зданию парламента, где перед ними выступил председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани. Он заверил демонстрантов, требовавших поставить на обсуждение вопрос о политической компетентности президента, что парламент поступит в соответствии с волей народа.

Либеральное крыло сторонников президента резко поредело. Группировка Базаргана еще до начала митинга, сразу после выступления Хомейни, объявила, что не имеет ничего общего с инициативой Национального фронта. Заявил об отставке, «выполняя свой исламский долг», видный деятель окружения президента, его ближайший советник по вопросам культуры и печати Али Мусави-Гармаруди. В последующие дни «стражи» арестовали целый ряд помощников Банисадра и захватили его резиденцию. По всей стране продолжались массовые демонстрации против президента, организуемые духовенством; в ряде мест они сопровождались столкновениями, в результате которых имелись раненые. Газеты непрерывно обвиняли Банисадра в «антиисламской деятельности». «Собхе азадеган» 18 июня отметила:

— Банисадра больше нет, так будем же бдительны в будущем.

Это не было просто фразой. Накануне парламент принял решение срочно рассмотреть вопрос о политической компетентности президента. 18 июня аятолла Бехшти на специальной пресс-конференции сообщил, что вопрос о судебном разбирательстве также остается на повестке дня. Ахмед Хомейни в тот же день зачитал на стадионе послание своего отца народу по случаю дня рождения 12-го имама Махди. Речь идет, говорилось в послании, не об отдельной личности, а о «целом течении тех, кто либо не верит в ислам, либо верит настолько, насколько он не вредит западным канонам». И далее:

— Будьте бдительны и знайте, что прозападный и антиисламский курс — на грани поражения. Опираясь на силу отважного народа, я буду сопротивляться контрреволюционерам, решившим использовать отдельные личности ради разжигания ежедневных беспорядков.

Присутствующие на стадионе толпы людей встретили послание имама криками «Смерть Банисадру!».

Состоявшиеся 19 июня пятничные молитвы были целиком посвящены разоблачениям «антиисламской деятельности» президента. Его предстоящее смещение некоторые религиозные лидеры характеризовали как начало «третьей исламской революции». Во всех иранских аэропортах и на пограничных пунктах были приняты меры на случай, если Банисадр попытается покинуть страну.

20 июня парламент начал рассмотрение вопроса о «политической некомпетентности» президента. Во второй половине того же дня на центральные улицы Тегерана вышла почти 500-тысячная демонстрация противников режима, основное ядро которой составили моджахеды. Демонстранты, скандируя «Смерть Хомейни!», «Смерть Бехешти!», «Смерть реакции!», совершили несколько поджогов, воздвигали баррикады. «Стражи» открыли огонь. Результатом начавшихся столкновений было 30 убитых, среди них 14 «стражей», и свыше 200 раненых. Крупные стычки сторонников президента с исламскими силами безопасности произошли и в других городах. Повсюду в виде листовок распространялось послание Банисадра, датированное 19 июня; он обращался к «вооруженным силам и иранскому народу» с призывом «бороться всеми силами против установления диктатуры». В этот день только в столице было арестовано 400 человек.

В эту же ночь в тюрьме Эвин, по данным моджахедов, казнили около 250 человек, отказавшихся назвать свои имена при аресте. Среди них — 15 девушек от 13 до 17 лет, процесс над ними длился чуть более минуты. На вопрос: «Ваше имя?» — они ответили: «Моджахедыны». — «Ваши родители?» — «Народ Ирана».

21 июня парламент голосами 177 депутатов из 190 присутствующих высказался за признание Банисадра «политически некомпетентным». Ему были предъявлены обвинения в развале экономики, просчетах в ведении военных действий и вообще в отходе от «курса имама». Под оглушительные крики депутатов: «Смерть

Банисадру!», «Аллах велик!» — председатель парламента ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани провозгласил:

— Теперь имя господина Банисадра в качестве президента исчезло из лексикона Исламской Республики. Прошу всех вновь вернуться к главному — антиамериканскому — лозунгу.

Обретшие плоть духи «исламской революции» к беспросветной веренице своих действительных и мнимых побед добавили еще одну — принесли на жертвенный алтарь «духовного сына имама». Путь к вершинам государственного правления был расчищен.

ТУПИКИ ВОСХОЖДЕНИЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

«Если вы творите добро, то вы творите для самих себя, а если творите зло, то для себя же».

Этот стих из священного для мусульман Корана, трактующий вечные проблемы человеческого бытия, надо полагать, относится не только к исламской пастве, но и к стоящим над ней пастырям.

Смещение Банисадра с поста президента положило начало новому этапу в перманентном кризисном развитии Исламской Республики Иран. Согласно конституции, выполнявшиеся им ранее функции перешли к временному президентскому совету в составе его самых заклятых врагов: председателя Верховного суда аятоллы Мохаммеда Бехешти, председателя парламента ходжат-оль-эслама Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и премьер-министра Мохаммеда Али Раджаи.

Сразу после парламентского решения о смещении Банисадра, одобренного Хомейни, генеральная прокуратура выдала ордер на его арест. Всем органам охраны порядка и иранским гражданам предписывалось задерживать бывшего президента, «где бы он ни находился», и передать в распоряжение прокурора. Указывалось, что любой человек, оказывающий помощь Банисадру или

способствующий его выезду за границу, будет привлечен к ответственности.

Одновременно началась настоящая охота за сторонниками Банисадра, и особенно за членами левых организаций, против которых радио и печать развернули бурную обличительную кампанию. Их обвиняли во всевозможных зверствах, в союзе с прозападными деятелями Национального фронта и агентами Ирака в курдском движении, в стремлении использовать президента для прихода к власти, с тем чтобы затем свергнуть его.

Моджахедином было инкриминировано открытое объявление военных действий против режима. В качестве доказательства использовался опубликованный в газете «Кейхан» текст «военно-политического коммюнике» организации, датированного 18 июня. В документе приводились факты покушений «наемников реакции при поддержке погромщиков, вооруженных винтовками и дубинками», на жизнь и жилища членов организации и их родственников. Выражая протест против подобных действий, моджахедины обращались «к героической иранской нации за разрешением прибегать отныне к самому решительному революционному сопротивлению всеми возможными средствами, чтобы защитить жизнь своих членов и особенно членов центрального руководства организации — действительных сынов всего народа и революции. С этого момента вся ответственность за последствия этого революционного сопротивления лежит только на реакционерах — монополистах власти и на их погромщиках с дубинами». Организация оставляла за собой «право осуществлять массовые наказания преступников, виновных в контрреволюционных действиях, если наказание каждого по отдельности и на месте не представляется возможным».

После демонстрации 20 июня власти развернули организованное наступление против моджахединов, федаинов («меньшинство»), различных леворадикальных, а также левоэкстремистских группировок. Уже 21 июня по приговору «исламского революционного трибунала» были расстреляны 23 участника демонстрации. В последующем в газетах ежедневно появлялись сообщения о разгромах явочных квартир моджахединов и других левых сил. Утром 23 июня во дворе тюрьмы Эвин было расстреляно еще 6 членов левых групп (и одновременно несколько человек из числа «лиц, сотрудничавших с прежним режимом»).

Улицами и площадями столицы полностью завладели сторонники режима, использовавшие для своих манифестаций похороны не только 14 «стражей» — жертв столкновений 20 июня, не только погибших на фронте Мустафы Чамрана (представителя имама в Высшем совете обороны) и его помощников, но и одного из депутатов парламента, лишившегося жизни в результате обвала крыши спортивного зала.

Однако в провинциальных центрах демонстрации и столкновения сторонников и противников президента продолжались. Результатом были десятки убитых, сотни раненых и еще больше арестованных. Повсюду особенно тяжелые потери несли моджахедины и члены других левых организаций.

Банисадр, по слухам скрывавшийся от преследований властей в западных районах страны в одном из подпольных центров организации моджахединов, превратился из более или менее активного участника оппозиции против режима в ее бесплотный символ — возбуждающий и в то же время разлагающий. Высшему религиозному руководству оставалось только окончательно деморализовать его, используя свою обычную тактику лести и угроз.

Выступив 22 июня с длинной речью, Хомейни, обратившись к рядовым моджахедам — «к этим юношам, к их родителям» — с требованием «вернуться к исламу», сказал:

— Я не раз говорил господину Банисадру, чтобы он был осторожен и держался подальше от разложившихся и лицемерных групп. Я советовал ему сохранять престиж и говорил: «Эти волки из Вашего окружения готовы Вас сожрать... Поскольку меня заботит Ваша судьба, то я советую Вам извлечь урок из опыта»... Но вы видите, что он сделал? — И добавил: — Но еще не все потеряно. Еще есть время выступить с признанием, что авторы заявлений Национального фронта и участники антиисламских выступлений — безбожники... Я советую господину Банисадру держаться подальше от этих волков и не дискредитировать себя больше, чем он уже сделал.

Встретившись затем с группой сотрудников журнала «Шахид», имам заявил:

— Некоторые пытались отстранить слой духовенства, заменив его другим слоем — хотя и мусульманским, но ориентирующимся в уме на Америку... Банисадр, бывало, говорил, что Совет по наблюдению за осуществлением

конституции и парламент, а также судебная власть для него нехороши, что они нерелигиозны. Вновь и вновь Банисадр просил меня перетасовать кабинет. Он хотел сделать из меня диктатора, но я только смеялся и говорил ему: сделай сам, если, по-твоему, у тебя хватит сил.

— Эти поборники «профессионализма» говорили, что мы и вздохнуть не можем без Америки и ее помощи,— продолжал имам.— Но вот уже три года мы дышим без этого. Они боятся исламской революции и ее распространения в такие места, как Кувейт, Ирак, и даже в среду американских негров. Те, кто был за границей, говорят, что там все уже созрело для революции.

С антибанисадровскими заявлениями выступали и другие деятели режима. Государственный министр по административным делам и официальный представитель правительства Бехзад Набави вечером 21 июня заявил по тегеранскому радио:

— Проблема Банисадра — это не персональное дело, а определенное уклонистское движение, которое подтачивало нашу революцию изнутри. Решение этой проблемы представляет собой самую большую внутреннюю победу революции, поскольку оно делает ее более однородной, более прочной и подготавливает благоприятную почву для дальнейшего осуществления правительством конкретных мер и проектов развития.

Газета «Оммат», орган Движения борющихся мусульман, обличала сторонников бывшего президента в проведении прозападного и прокапиталистического курса, противодействии «коренным революционным преобразованиям» в административном, военном аппарате и системе образования, стремлении отделить религию от политики, отказе от «идеологического экспорта революции» и т. п. Вместе с тем газета критиковала политику правительства и Исламской республиканской партии, опирающихся на банды погромщиков и тем самым невольно способствующих расширению массовой базы оппозиции.

27 июня в английской «Таймс» было опубликовано распространенное иранцами, проживающими в Лондоне, заявление Банисадра, переданное, по их словам, из Ирана по телефону. Бывший президент отказывался признать законность своей отставки и обращался к иранскому народу и вооруженным силам с призывом «и впредь сопротивляться тирании, будь то тирания местного происхождения или осуществляемая из-за границы, чтобы наш народ постепенно обрел веру в себя и в лучшее и более

прогрессивное будущее». Банисадр утверждал, что верит в «ислам и иранскую нацию», но его ислам — это не религия «ненависти, мести, чувства неполноценности», какой является религия Исламской республиканской партии, а религия «любви, свободы и инициативы».

В тот же день, 27 июня, в ряде городов Ирана произошла серия взрывов. В одной из тегеранских мечетей в результате взрыва бомбы, заложенной в стоящий перед оратором переносной магнитофон, был серьезно ранен руководитель пятничных молитв столицы ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хаменеи. Но это было еще только начало.

28 июня в воздух взлетела штаб-квартира Исламской республиканской партии в Тегеране. Бомба, подложенная в корзину для мусора около трибуны, взорвалась в тот момент, когда лидер партии председатель Верховного суда и член временного президентского совета аятолла Мохаммед Бехешти выступал перед членами парламентской фракции ИРП и ее видными сторонниками. Из-под обломков здания было извлечено более 70 трупов, в том числе аятоллы Бехешти, 4 министров, 9 заместителей министров, 28 депутатов меджлиса, руководителей ряда учреждений, представителей духовенства.

Это был серьезный удар по режиму, лишивший его наиболее верных и испытанных кадров. Но правящее духовенство быстро справилось с ситуацией. По указанию Хомейни правительство было сразу же укомплектовано временными уполномоченными взамен погибших министров и их заместителей. Новым председателем Верховного суда был назначен аятолла Мусави-Ардебили, а генеральным секретарем Исламской республиканской партии избран ходжат-оль-эслам Мохаммед Джавад Бахонар, занимавший пост министра просвещения.

29 и 30 июня были объявлены нерабочими днями, а вся текущая неделя — неделей национального траура. Похороны жертв взрыва начались траурным митингом перед зданием парламента. Затем многолюдная процессия направилась к кладбищу Бехеште-Захра, выкрикивая религиозные и политические лозунги. На месте погребения толпы людей в иступлении били себя в грудь и по головам, мешая захоронению; несколько гробов упали на землю, и останки погибших долго не удавалось подобрать. Группа людей в бессознательном состоянии была отправлена в больницу. Из-за массовой истерии,

которую не смогли утихомирить даже мощные водяные струи пущенных в ход брандспойтов, тело аятоллы Бехешти было предано земле только на следующий день. Тогда же на территории Тегеранского университета состоялся массовый траурный митинг. Несколько десятков тысяч участников митинга скандировали: «Долой Америку!», «Америка, позор твоим пронкам!», «Смерть Банисадру!», «Банисадр, ты убил Бехешти!», «Партия Аллаха сражается, а лицемеры дрожат!», «Бехешти умер, но его слова живут: свобода, независимость, исламская республика!»

Многие оппозиционные режиму мелкие политические группировки пытались приписать себе взрыв в штабквартире Исламской республиканской партии. Однако руководящие деятели страны во главе с Хомейни единодушно возложили вину на моджахединов, выступавших, по их словам, в качестве агентов США, или, как говорил имам, «сверхдержав Востока и Запада». Ссылаясь при этом на якобы имеющиеся в распоряжении властей документы, они стремились не только дискредитировать организацию моджахединов, но и расширить возможности воздействия на общественное сознание безграмотных масс населения. Наряду с новой серией крупномасштабных репрессий против левых сил, начавшихся уже ночью 28 июня с расстрела 11 человек в тюрьме Эвин и 9 — в Исфагане и Чалусе, были также приняты ограничительные меры в отношении зарубежных корреспондентов.

2 июля газета «Джомхурийе эслами», орган ИРП, призвала «народ и официальные лица» взять под строгий контроль деятельность иностранных журналистов. После длинных и абстрактных сентенций на тему о шпионских сетях «сверхдержав», активно использующих корреспондентов, газета поставила вопрос о необходимости «создания эффективной разведывательной и контрразведывательной организации с привлечением к сотрудничеству населения». Все иранские граждане призывались «незаметно и не привлекая внимания» следить за распространителями слухов в общественных местах, за действиями «врагов исламского режима» и иностранных корреспондентов. Помимо практических советов добровольным осведомителям газета приводила список телефонов, по которым следовало сообщать о любых подозрительных фактах. Тот же список регулярно передавался по радио и телевидению.

В последующие дни распоряжением министерства исламской ориентации был принят ряд мер против отделений иностранных информационных агентств в Иране. Так, 8 июля за передачу «оскорбительных и лживых» сообщений было закрыто отделение агентства Рейтер, бывшего в последние месяцы единственным западным органом, передававшим информацию на английском языке непосредственно из Ирана. Из всех западных агентств в стране сохранилось лишь отделение Франс пресс. Решив запереться на все засовы, Исламская Республика перестала выдавать визы иностранным журналистам.

Эти меры на деле обеспечивали исламским властям такую свободу действий, которая давала возможность не считаться с общественным мнением за рубежом. Ежедневно по радио передавалось по несколько сообщений о раскрытии тайных явочных квартир моджахединов и других организаций, по телевидению демонстрировалось обнаруженное на этих квартирах оружие. «Исламские ревтрибуналы» в разных городах круглосуточно рассматривали дела арестованных моджахединов и их сторонников, обвиняемых в «пособничестве империализму» и «прямых контактах с американскими шпионами», в террористических актах и поддержке прозападного курса бывшего президента. Руководитель конфедерации рабочих провинции Мазендаран был обвинен в «придании фальшиво-исламского характера» этой организации. К 7 июля число казненных со времени смещения Банисадра достигло 135 человек. Из примерно 1500 политзаключенных в тюрьме Эвин около трети составляли моджахеды.

С целью лишить вооруженную борьбу оппозиции какой-либо легальной основы власти продолжали попытки оторвать Банисадра от моджахединов. Выступая в начале июля перед семьями погибших при взрыве, имам сформулировал «главную задачу» правительства — «сделать страну исламской, независимой и свободной», а затем, призвав народ к «бдительности», заявил:

— Вы все должны быть сотрудниками контрразведки, докладывать обо всем в органы безопасности.

Напомнив далее о своих предостережениях Банисадру, имам продолжил:

— Отойдите от этого антиисламского курса. Америка — не для вас. Капиталисты — не для вас. Каждый из них тянет в свою сторону. Вы должны быть с босоногим народом. Лицемеры — не для вас; они выступают против

ислама и только используют вас, а придя к власти, разрушат вас, как мост, по которому прошли.

Откликаясь на призыв Хомейни, средства массовой информации начали наперебой выступать с обоснованием необходимости создания широкой контрразведывательной службы. В передачах тегеранского радио подчеркивалось, что первичные ячейки такой службы должны учреждаться при мечетях, быть на 90 процентов секретными и опираться на добровольных осведомителей.

Одновременно власти продолжали проводить прежнюю политику раскола левых сил. Отдельные деятели режима, в том числе генеральный прокурор Тегерана Асадолла Ладжеварди, утверждали, что партия Туде и федианы («большинство»), хотя отказываются от методов вооруженной борьбы и претендуют на роль сторонников ислама, на деле являются его врагами и потому должны караться по исламским законам. Однако высшее религиозное руководство не считало пока необходимым открывать общий антилевый фронт, дабы предотвратить возможность сближения леводемократических сил. 3 июля тегеранское телевидение показало даже седьмую часть диспута на тему о диалектическом методе между представителями Народной партии и федианов («большинство»), с одной стороны, и исламскими теологами — с другой.

6 июля в Иране началась рассчитанная на три дня регистрация кандидатов в президенты, выборы которого были назначены на 24 июля. Исламская республиканская партия выдвинула своим кандидатом премьер-министра Раджаи и сразу же начала предвыборную кампанию, хотя имена других претендентов еще не были официально объявлены. Общее число зарегистрировавшихся претендентов составило 71. Совет по наблюдению за осуществлением конституции оставил из них только четырех. Остальные были отсеяны за членство в «шахской партии «Растахиз», в партии Туде и «за поддержку коммунизма». Отмечалось также, что 25 претендентов участвовали в предыдущих выборах, набрав от 1 до 28 голосов; часть оказалась неграмотной, а несколько человек имели по 3—6 классов образования.

Подготовка к выборам проходила в напряженной обстановке, характеризовавшейся складыванием признаков гражданской войны в форме городских партизанских действий. Что ни день, в Тегеране и других городах вспыхивали пожары, разрывались бомбы, гранаты и бу-

тылки с зажигательной смесью у зданий «революционных комитетов» и исламских трибуналов, местных отделений Корпуса стражей исламской революции и районных бюро Исламской республиканской партии, правительственных и неправительственных учреждений, крупных предприятий и магазинов, в мечетях во время выступлений известных представителей духовенства, киосках с религиозной литературой и т. д. Привычными стали сообщения о поджогах и бомбовых налетах, совершаемых отдельными мотоциклистами, а иногда и целыми группами.

По мере приближения дня выборов поджоги и взрывы проводились все чаще и чаще. Объектами террористических актов антиправительственных группировок, и в том числе организации моджахединов, стали деятели религиозной иерархии, высших правительственных сфер, репрессивного аппарата и особенно кандидаты в президенты и в депутаты парламента (наряду с президентскими выборами 24 июля предусматривалось провести довыборы в меджлис). Были убиты начальник тюрьмы Эвин Мохаммед Качауи, генерал-губернатор провинции Гилян Ахавейн-Ансари и один депутат меджлиса. Ряд членов парламента, в том числе кандидат в президенты Хабиболла Асгароулади-Мосальман, получили серьезные ранения.

Угроза моджахединов устроить в день выборов «кровавую баню» и, возможно, поднять восстание с целью свержения режима, по мнению наблюдателей, имела целью отпугнуть рядовых иранцев от избирательных пунктов и сорвать планируемые выборы. В те дни в западной печати распространялись заявления Банисадра, призывающие иранцев «оказывать сопротивление постоянно и всеми способами». В арабском журнале «Эйт дейз», издающемся в Лондоне, появилось интервью, полученное, как утверждалось, в районе ирано-иракской границы, куда Банисадр якобы тайно перебрался из Тегерана при содействии лидера организации моджахединов Масуда Раджави и генерального секретаря Демократической партии Иранского Курдистана Абдуррахмана Касемлу. Накануне выборов в Иране в западной печати было оглашено содержание письма Банисадра Раджави с предложением создать «совет оппозиции», который должен действовать в Тегеране в качестве национального парламента до проведения свободных выборов, и «группу действия».

В стране, казалось бы, складывался единый фронт многих оппозиционных режиму сил. Демократическая партия Иранского Курдистана объявила день выборов — 24 июля — «днем солидарности и сопротивления режиму», организация моджахединов — «днем восстания», Национальный фронт выступил с призывом к бойкоту выборов.

Власти в свою очередь значительно расширили репрессивные меры против антиправительственных группировок. Ко дню выборов число казненных с 20 июня достигло двух сотен. Хомейни лично требовал от исламских трибуналов наказывать всех задержанных «лицемеров» «с революционной решимостью и по исламским законам».

Председатель парламента ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани, выступая с проповедью на пятничной молитве в Тегеране, приписал «раскольникам» намерение «разложить общество», «уничтожить народ», «истребить целое поколение», «поджечь культуру» и противопоставил им членов «партии Аллаха», порожденной «бдительным, сознательным, терпеливым, революционным и понимающим нынешние проблемы народом». «Аллах пошлет ей победу», — заключил он.

Решением генерального прокурора к числу «контрреволюционных действий», подлежащих наказанию «по законам ислама и военного времени», были отнесены не только участие в деятельности антиправительственных организаций, не только прямая и косвенная связь с ними, но и предоставление им любой материальной помощи, а также хранение оружия и боеприпасов, организация незаконных шествий, забастовок, сидячих демонстраций, распространение запрещенной литературы и т. п. Были подтверждены преданные ранее гласности ограничения деятельности политических партий и организаций.

Одновременно высокопоставленные деятели режима всеми силами пытались обеспечить успешное проведение выборов. Выступая перед представителями духовенства, Хомейни говорил о необходимости осуществления им усиленного контроля над деятельностью всех государственных и правительственных учреждений, а также о его ответственности за избрание президентом «достойного лица», который будет «на 100 процентов исламским деятелем», «чтобы не пришлось его вновь снимать».

Согласно распространившимся в западной печати сведениям, трое великих аятолл — Шариат-Мадари, Куми и Хонсари — призвали бойкотировать выборы, ука-

зав на то, что они могут привести к гражданской войне. Двое других религиозных лидеров этого ранга — Мохаммед Реза Гольпаегани и Абдолла Ширази — выступили с призывом принять участие в голосовании «несмотря на отсутствие шансов, наличие препятствий и неправильных действий, вызывающих недовольство и обеспокоенность». Гольпаегани отметил, что не раз выступал с протестами против всего того, что происходит в стране, но все же считает выборы президента необходимыми ради «сохранения исламского режима в целом, ради срыва заговоров Востока и Запада».

Аятолла Мехди Рухани, духовный вождь 300-тысячной шиитской общины в Европе, неоднократно предупреждавший иранские власти относительно «опасностей, которыми чревата их недальновидная политика», направил из Парижа телеграмму Хомейни с изложением плана, способного «затормозить развал Ирана». План предусматривал: создание «высшего комитета национально-го примирения» с участием всех без исключения оппозиционных организаций; прекращение актов мщения, доносов, сведения счетов и казней без суда и следствия; образование «верховного совета» шиитской религиозной верхушки для контроля над деятельностью всего комплекса государственных и правительственных институтов.

Большинство высокопоставленных деятелей режима, считавшихся последовательными сторонниками «курса имама», изо дня в день призывали народ, чтобы он, следуя указаниям Хомейни, со всей серьезностью отнесся к предстоящим выборам и тем самым доказал свою преданность идее исламской республики, «дал сокрушительный отпор всем великим державам и внутренним врагам революции». Участие в голосовании было объявлено «священным долгом». Представители сил охраны порядка в свою очередь предупредили о самых строгих мерах наказания за попытки срыва выборов. На время голосования в Тегеране запрещалось использование мотоциклов и мопедов: именно на них террористы обычно вылетали из боковых улиц, выпуская смертоносные пули в своих жертв из числа священнослужителей.

Накануне выборов трое из четверых оставшихся в списке претендентов заявили, что будут голосовать за Мохаммеда Али Раджаи, в поддержку которого высказалось свыше 1500 исламских организаций по всей стране. Тем самым ему заранее был обеспечен успех. С целью расширить круг избирателей парламент особым решени-

ем снизил возрастной ценз с 16 до 15 лет. Это было уже вторым снижением: при шахском режиме в выборах участвовали лица с 18-летнего возраста. Но для довыборов в парламент ценз остался прежним. В него предстояло избрать 52 депутата из 222 претендентов по 46 избирательным округам.

Выборы проходили 24 июля в обстановке усиленных мер безопасности, под тщательной охраной (накануне было арестовано 70 членов левых организаций, в день выборов — еще 50). Тем не менее моджахедины провели в этот день, по их данным, 120 вооруженных вылазок, что, очевидно, прямым образом сказалось на результатах голосования. Согласно официальным данным, в выборах приняли участие 14,7 млн. избирателей (против 20,2 млн. участвовавших в референдуме по вопросу об исламской республике при более высоком избирательном цензе). Раджаи получил 12,9 млн. голосов, другие кандидаты — от 250 тыс. до 630 тыс.

В Иране избрание Раджаи президентом оценивалось по-разному. Для клерикальных сил это был «решающий поворот в истории ислама», для сторонников Банисадра — «незаконное мероприятие». В попавшей в те дни в руки властей подпольной газете, издаваемой сторонниками бывшего президента, было опубликовано его письмо лидеру моджахединов Раджави с поручением возглавить «революционное правительство» и обращение самого Раджави к иранскому народу с призывом вступать в ряды активных противников режима.

Торжествующие исламские активисты отметили выборы нового президента новой волной казней противников режима. 26 июля в тюрьме Эвин был расстрелян видный член руководства организации моджахединов Мохаммед Реза Саадати, приговоренный более двух лет назад «исламским революционным судом» к 10 годам тюремного заключения по обвинению в «шпионаже». Общее число казненных с 20 июня достигло 250 человек.

Внутриполитическая обстановка в Иране продолжала накаляться. По высказываниям официальных лиц, ежедневно в стране происходило по 10—20 взрывов и поджогов, сопровождавшихся столкновениями вооруженных групп, большим числом погибших и раненых, арестами и казнями членов антиправительственных организаций. Хотя крупные группы сторонников бывшего президента различными путями бежали из страны, западная печать

расценивала ситуацию в Иране как стремительное скатывание в пропасть открытой гражданской войны. Считалось, что следующим шагом после выборов нового президента будет самоорганизация всех оппозиционных сил во главе с Банисадром. Но утром 29 июля стало известно, что бывший президент вместе с лидером моджахедов Раджави тайно перелетел во Францию.

В августе 1981 г. организуемые и возглавляемые моджахедами террористические и диверсионные акции, а также сопровождающие их аресты, молниеносные суды и казни членов антиправительственных левых организаций приняли исключительно крупный размах. Используя в полном объеме концепцию исламского правосудия режима, террористы в течение одного месяца совершили покушения на десятки представителей духовенства и высших правительственных сфер, членов «исламских революционных комитетов» и «стражей исламской революции». Председатель Верховного суда Ирана аятолла Мусави-Ардебили и генеральный прокурор аятолла Раббани-Амлаши, подвергшиеся покушению, не пострадали только по счастливой случайности. Взрывы бомб произошли у президентского дворца, перед зданиями канцелярии премьер-министра, информационного агентства Парс и др.

Организованный властями террор «сверху» в несколько раз перекрыл число жертв террора «снизу». В отдельные дни захватывалось до 30 явочных квартир антиправительственных группировок и арестовывалось до 70 человек. По сообщению органа ИРП «Джомхурийе эслами», в 20-х числах августа в течение 48 часов был арестован 781 человек. В некоторые дни смертной казни предавалось до 40—50 оппозиционеров. К середине августа общее число расстрелянных с 20 июня превысило 450 человек, а к концу того же месяца — 700.

И тем не менее многие деятели режима из опасения неминуемого возмездия пребывали в растерянности и панике. Имам не мог не чувствовать этого. Приняв 2 августа видных иранских деятелей по случаю избрания нового президента, уже утвержденного на своем посту имамом и приведенного к присяге, Хомейни выступил с речью, в которой призвал Банисадра прекратить «дискредитацию»:

— Ваш долг — служить Вашей стране. Через 10 или 15 лет Вы, возможно, сумеете вернуться в Иран... Давайте все будем друзьями, чтобы возродить страну... Те,

кто избрал греховный путь, должны исправиться, чтобы служить народу...

Позже, 10 августа, имам пошел еще дальше. Назвав находящихся в эмиграции иранских политических деятелей «группой банкротов, бежавших из страны переодетыми в женское платье», он — вслед за этим самым тяжким для «истинного мусульманина» оскорблением — миролюбиво сказал:

— Если все те, кто бежал за границу и хочет свергнуть иранское правительство, раскаются, вернуться в свою родную страну и будут действительно служить ей... они могут это сделать. Никто не будет им препятствовать.

Однако вопрос об усилении мер безопасности, разумеется, не был снят с повестки дня. 6 августа — в связи с убийством главного теоретика ИРП депутата парламента Хасана Айята — председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани пригрозил урезать бюджет полиции в случае, если она не будет лучше выполнять возложенные на нее задачи.

— Кровь мучеников укрепляет исламский режим, но это еще не значит, что все мы стремимся стать кандидатами на самоубийство, — сказал он, выступая в парламенте. — Как только подумаешь, что Хасан Айят был убит перед зданием комиссариата полиции и его убийц никто не преследовал, невольно задаешься вопросом: на что идут 5 млрд. риалов, выделяемых для полиции?

В тот же день исламские ассоциации торговцев организовали 24-часовую забастовку на базарах Тегерана, Кума и Мешхеда в знак протеста против «недостаточно твердой позиции» исламских трибуналов по отношению к «контрреволюции». Кумские теологи, присоединившись к требованиям торговцев, высказались за применение более суровых мер против «безумия убийц-лицемеров». Один из них, аятолла Санен, заявил, что «если революционные трибуналы не покарают восставших против бога, этим займется народ».

Что касается отношения к делу самого «народа», то по этому вопросу телекомпания Эй-би-си в специальной программе 11 августа отметила: «Исламское фанатичное и доктринерское духовенство теряет свою власть над различными политическими группами в стране. Даже умеренный председатель меджлиса признает, что в нем существуют разногласия... Муллы, которые поддерживают аятоллу Хомейни, хорошо понимают, что не могут рас-

считывать больше на полную поддержку народа. Другой угрозой Исламской Республике является снижение посещаемости религиозных служб. Похоже, что иранцы перешли сейчас от слепого повиновения к молчаливому протесту».

Власти в срочном порядке усилили меры по поддержанию безопасности. На главных перекрестках городов вооруженные наряды останавливали и обыскивали автомобили, а для снижения скорости движения перекрывали дороги, оставляя проезды только для одной машины. Меджлис утвердил список преступлений, в соответствии с которыми должны были проводиться «чистки» в министерствах, государственных учреждениях и ведомствах.

Руководство полиции, отвечая на критику, подчеркнуло, что в свое время исламские власти, стремясь к «разделению ответственности» между различными органами безопасности, поручили охрану политических деятелей «братьям из комитетов» и «стражам революции». В коммюнике, переданном по тегеранскому радио, оно напомнило также о своих заслугах перед Исламской Республикой в области борьбы с преступностью, в особенности с распространением наркотиков.

Газета «Азадеган» 8 августа обвинила министерство внутренних дел и Верховный суд, во главе которых, по ее словам, оказались «умеренные и либеральные элементы», в проведении «пацифистской линии» по отношению к «отступникам». Со своей стороны газета выдвинула целый ряд рекомендаций по «разгрому контрреволюции». В частности, отмечалось, что «политические деятели должны изменить маршруты своих поездок, сменить места жительства и подбирать для своей охраны людей, которые не бросались бы наутек при свисте пуль», что «центром информации в каждом квартале должна стать мечеть».

Генеральная прокуратура ужесточила уголовное законодательство путем расширения списка преступлений, которые влекут за собой смертную казнь. Эта мера наказания была распространена, в частности, и на тех, кто предоставляет свои дома, деньги и прочие средства в распоряжение противников режима. В число «преступных деяний» было включено также «употребление устно или письменно» слов, направленных против правительства. Подозрение вызывал и тот, кто не выставлял громко напоказ свою «исламскую революционность».

10 августа Хомейни попытался внести успокоение в среду растерявшихся деятелей режима и заодно предложить более действенные, на его взгляд, средства борьбы с «контрреволюцией». Приняв в своей тщательно охраняемой резиденции, окруженной зенитными орудиями, группу водителей автобусов и студентов, он восхвалял «исламскую революцию» как одну из самых «мирных».

— Проблема в том,— сказал имам,— что, поскольку мы не видели других революций, мы придаем слишком большое значение взрывам бомб в Тегеране. Нет. Это не имеет большого значения. Всякий 12-летний подросток может взять бомбы, бросить их в толпу и убежать.

Затем имам обратился ко всем иранцам с призывом следить, не занимаются ли подозрительной деятельностью их соседи.

— Когда действуют против вашей страны, вы должны сами решать эту проблему,— заявил Хомейни.— Не ждите правительства... Вы сами должны информировать общество... Родители должны советовать своим детям, а дети — своим родителям, братьям и сестрам. Если они не последуют этому совету, то следует на них донести... Таков религиозный и национальный долг.

Сразу после этого иранские средства массовой информации выступили с сообщениями о том, как родители моджахединов и членов других левых организаций доносят в органы безопасности на сыновей, прося направить их на «путь истинный», произвести в своих домах обыски и т. д. Телевидение показало встречу между членом одной из левых групп, приговоренным к смертной казни, и его матерью. Она набросилась на сына с упреками:

— Я столько раз просила тебя вернуться в лоно ислама. Неужели ты не раскаиваешься перед Аллахом за то, что наделал? Когда ты прятал на кухне портрет Хомейни и его воззвания накануне исламской революции, я молилась за тебя. Теперь же я сама заявила «стражам революции», что сообщу им о твоём приходе домой. Когда тебя арестовали, я возблагодарила Аллаха за то, что ты не будешь больше убивать. Тебя сейчас расстреляют, покайся в своих деяниях перед Аллахом.

Приговоренный к смерти со слезами схватил руку матери и отчаянно пытался убедить ее в том, что уже давно отошел от «терроризма». Но она была непреклонна.

Такая твердость вызвала благосклонность имама. Он поставил женщину в пример:

— Мне хотелось бы видеть побольше подобных матерей, которые выдают своих детей с таким мужеством, не проливая слез. Это — истинный ислам.

Председатель парламента Хашеми-Рафсанджани тоже похвалил эту мать и включил рассказ о ней в свою пятничную молитву. 110 депутатов меджлиса прислали ей хвалебное письмо: «Мы считаем Вас глубоко сознающей свой долг матерью и учителем других».

Ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи нашел наиболее сильные слова:

— В данном случае произошло одно из самых героических событий в истории ислама.

Иранское информационное агентство Парс оценивало сложившуюся ситуацию следующим образом:

— Корабль революции беспрепятственно продолжает свой путь в бурном море. Имам Хомейни — Ной нашего времени.

Но «кораблю» все же приходилось преодолевать препятствия. Несмотря на решительные меры властей, во всех городах и населенных пунктах продолжали греметь взрывы бомб, раздавались автоматные очереди.

30 августа в воздух взлетело окруженное плотной стеной охраны здание канцелярии премьер-министра, где по иронии судьбы проходило заседание Совета национальной безопасности. От взрыва бомбы, подложенной в здание, в числе 8 правительственных деятелей погибли президент Мохаммед Али Раджаи и премьер-министр Мохаммед Джавад Бахонар (официально вступил в должность 8 августа и спустя 10 дней сформировал кабинет). Среди 23 раненых были начальник полиции полковник Вахид-Дастгярди (позже скончался), заместитель командующего сухопутными войсками генерал Шарафгах, начальник штаба жандармерии полковник Акхиани, представитель Объединенного штаба вооруженных сил Ирана полковник Катибехи, несколько сотрудников канцелярии премьер-министра.

В стране был объявлен 5-дневный траур по жертвам взрыва, — этого дела рук «американского империализма и его внутренних агентов». Организованные властями похороны, собравшие около миллиона человек, вылились в массовую демонстрацию лояльности режиму. После траурной церемонии перед зданием меджлиса колонны тегранцев направились на кладбище Бехеште-Захра. «Смерть Банисадру!», «Смерть лицемерам!», «Смерть Соединенным Штатам!» — скандировали участники процессии.

Находящийся в Париже Банисадр отрицал свою причастность к взрыву. Однако западные средства массовой информации обратили внимание на опубликованное 25 августа в «Нью-Йорк таймс» интервью смещенного президента, сказавшего тогда, что смерть пяти деятелей правительства Хомейни — Раджаи, Бахонара, Хашеми-Рафсанджани, Мусави-Ардебили и Махдави-Кяни — мгновенно приведет к падению режима. Теперь же в интервью телекомпании Эй-би-си он возложил ответственность за взрыв на самих деятелей исламского режима, развязавших массовый террор. В интервью «Вашингтон пост» Банисадр добавил, что отверг просьбы иранских «повстанцев» дать приказ об убийстве самого Хомейни, поскольку это стало бы «трагедией, так как намного увеличило бы риск возникновения гражданской войны в стране». Признавая ее реальность, он, однако, не исключал и оптимистическую возможность — «Хомейни прислушается к голосу разума и восстановит свободу и демократию». В этих словах Банисадра раскрылась основная суть его стратегии, наивной и опасной, — запугать имама угрозой гражданской войны, всячески избегая ее при этом.

Лидер моджахединов Раджави «не отрицал, но и не признавал» причастность своей организации к взрыву (хотя отделение организации в Лондоне взяло на себя ответственность). Он считал эту акцию законным ответом на казни и пытки, совершаемые режимом.

— Иного решения нет, — говорил Раджави. — Я не радуюсь смерти кого бы то ни было, даже моих противников. Но студенты сказали нам, что народ действительно доволен и поздравляет нас.

Иранское духовенство отнюдь не собиралось отступать. Сразу же после похорон президента и премьера министр внутренних дел аятолла Махдави-Кяни назначен новым главой кабинета. Уже 3 сентября он получил вотум доверия в меджлисе. На 12—14 сентября была назначена регистрация кандидатов на пост президента. Спустя неделю Совет по наблюдению за осуществлением конституции отобрал 5 (из 44 зарегистрировавшихся) претендентов. Список возглавил новый генеральный секретарь Исламской республиканской партии ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хаменеи. Остальные претенденты, судя по всему, должны были служить «дублерами» на случай исчезновения официального кандидата.

— Все мы будем голосовать на президентских выбо-

рах за генерального секретаря Исламской республиканской партии Али Хосейни-Хаменеи,— заявил в интервью «Джомхурийе эслами» один из кандидатов на пост президента, министр энергетики Хасан Гаффари.— Я зарегистрировался в списке кандидатов по приказу одного члена Центрального совета ИРП, и, если партия пожелает, я останусь в списках.

Продолжавшиеся одновременно репрессии против антиправительственных группировок приняли небывалые ранее масштабы. В конце августа только за двое суток в Тегеране было арестовано 120, а в провинциях 154 человека. Средства массовой информации отмечали, что их арест стал возможен благодаря содействию и помощи «36-миллионной армии разведчиков» (имелось в виду все население Ирана). В последующие дни число арестованных возросло. С 30 августа по 9 сентября было расстреляно свыше 200 членов антиправительственных группировок. Со времени же смещения Банисадра, по официальным данным, было казнено почти 900 человек.

Несмотря на периодические заявления властей о том, что организация моджахединов «доживает последние дни», волна террора продолжала нарастать по всей стране. Сирены полицейских автомобилей и машин «скорой помощи», внезапно возникающие гигантские «пробки» на улицах, взрывы бомб и нескончаемые перестрелки были живым свидетельством силы и боеспособности антиправительственных групп. Их мишенью теперь стали не только воинствующие представители духовенства, но и «всякий, кто носит тюрбан». Так, из трех мулл, убитых в первую неделю сентября, двое не были политическими активистами.

— Иран охвачен нервозностью, близкой к отчаянию,— утверждал один из западных дипломатов в Тегеране.— Еще несколько эффектных взрывов, и никакие репрессии не спасут правящий режим от краха.

5 сентября очередной взрыв в центре столицы разрушил здание канцелярии генерального прокурора «исламской революции». Хозяин канцелярии ходжат-оль-эслам Али Коддуси, отправивший в свое время на казнь сотни противников режима, спустя некоторое время скончался от ран. На следующий день его хоронили вместе с начальником иранской полиции полковником Хушангом Вахид-Дастгярди. Один из религиозных деятелей, выступавших на похоронах, бросил в толпу собравшихся на кладбище:

— Нечего плакать, надо преисполниться решимости и отомстить за кровь мучеников.

Имам, обращаясь к группе ведущих деятелей режима, сказал, что террор против отдельных лиц не способен уничтожить страну и народ, и привел в этой связи пример недавнего покушения на президента США Р. Рейгана. Преемником Али Коддуси на посту генерального прокурора «исламской революции» был назначен ходжат-оль-эслам Хосейн Мусави-Табризи, грозный исламский судья из провинции Восточный Азербайджан, известный своей беспощадностью к противникам режима.

С начала сентября моджахедины перешли к новой тактике — публичных манифестаций и уличных боев, рассматривавшихся как переходная ступень к «следующему этапу — всеобщих забастовок, демонстраций и всенародного восстания». В этой связи ставилась задача «уничтожить атмосферу террора и страха». Решение этой задачи, по мнению Раджави, обеспечило бы возможность успешного перехода к новому этапу борьбы. Он полагал, что избранная тактика способна принести результаты через месяц-другой.

К середине сентября использование моджахединами новой тактики в Иране приняло довольно большой размах. Однако все их выступления относительно быстро разгонялись «стражами исламской революции» и членами «партии Аллаха». Соответственно увеличивалось число арестованных и казненных (1130 с 20 июня).

18 сентября новый генеральный прокурор «исламской революции» ходжат-оль-эслам Хосейн Мусави-Табризи выступил по радио с изложением такого способа расправы с «лицемерами», который помог бы сократить расходы на содержание заключенных:

— Арестованных вооруженных демонстрантов не следует отправлять в тюрьму, чтобы они спали и ели там в течение месяцев. Процесс над ними должен происходить на улице. Затем их следует доставить в прокуратуру, и они должны быть казнены вечером того же дня... Любой человек, арестованный на улице во время вооруженных столкновений, любой, кто поддерживает их, кто предоставляет им свои мотоциклы или помогает им бежать на своих машинах, будет казнен вечером того же дня.

— Таково правило ислама, — продолжал прокурор. — Кто сопротивляется исламской революции и исламу, должен умереть. Если он задержан, он должен умереть;

если он ранен, то нужно еще добавить к его ранам, чтобы он умер.

— Если представители охраны порядка будут допускать халатность,— добавил генеральный прокурор,— то они тоже предстанут перед судом.— И, немного подумав, распространил эту угрозу и на тех прокуроров провинций, которые не будут выполнять предписаний о твердости.

В свою очередь прокурор Тегерана Ладжеварди и исламский судья ходжат-оль-эслам Гилани на организованной в Тегеране пресс-конференции разъяснили, что раскаяние будет приниматься только при добровольной сдаче властям, но никак не после ареста. На одной из пятничных молитв многократным эхом повторился призыв Гилани убивать, а не доставлять в больницы всех раненных во время антиправительственных демонстраций.

Новые инструкции незамедлительно применялись на деле. В течение только двух дней, 18 и 19 сентября, в Иране было казнено 182 человека. Некоторые наблюдатели называли эти казни подлинной резней. Общее число расстрелянных с 20 июня сразу же возросло до 1,5 тысяч. «Государственный террор и терроризм оппозиции питают друг друга... Но равновесие это лишь кажущееся,— писала газета «Монд».— Куда важнее то, что правительство воспользовалось этим внешним проявлением борьбы, чтобы нанести своим противникам жестокие удары».

В последующие дни казни продолжались — в среднем по 40 человек в день.

27 сентября агентство Парс сообщило, что около 10 часов утра три отряда моджахединов и других оппозиционно настроенных элементов (численностью от 10 до 30 каждый) организовали вооруженные налеты в центре Тегерана, подожгли с десятков автобусов, нарушили движение и «открыли огонь по тем, кто отказался присоединиться к ним и провозглашать антиисламские лозунги. Их попытки запугать народ оказались безрезультатными... Многие террористы убиты и арестованы... Стражам даже приходилось спасать террористов от возмущенного народа».

По данным же западных наблюдателей, расценивших события 27 сентября как самую крупную вспышку насилия в Иране за последние три месяца, вооруженные столкновения возникли после того, как «стражи» начали

разгонять демонстрацию перед Тегеранским университетом, в которой участвовало несколько сотен противников режима. Беспорядки вылились в настоящее сражение с использованием автоматов, гранат и гранатометов. В перестрелках было ранено около 40 человек.

Штаб-квартира моджахединов в Париже распространила магнитофонную запись переговоров, состоявшихся в тот день, 27 сентября, между «стражами исламской революции» и их командным пунктом, приказавшим проверить все больницы и переправить поступивших туда раненых в тюрьму Эвин для казни. В случае сопротивления медперсонала «стражам» предписывалось «использовать силу». Сообщение об одном из таких случаев попало и на страницы официозной газеты «Кейхан».

2 октября, после трехдневного траура по жертвам событий 27 сентября, в Иране состоялись президентские выборы, которые и в этот раз сочетались с довыборами в меджлис (на них теперь тоже распространилось снижение возрастного ценза). К обеспечению порядка наряду с силами безопасности открыто были привлечены комитеты «партии Аллаха».

Накануне выборов Хомейни, призвав народ выполнить свой гражданский, национальный и религиозный долг, отметил, что потеря голосов может открыть путь к власти прозападному, проамериканскому или прокоммунистическому правительству. От государственных и правительственных деятелей он потребовал оказать воздействие на народ, с тем чтобы он отдал голоса за достойных кандидатов и тем самым проявил стойкость перед лицом пропаганды «агентов США». Под последними имелись в виду моджахедины и окружение смещенного президента.

Со своей стороны Банисадр обратился к иранскому народу с призывом бойкотировать выборы, обвинив Хомейни и духовенство в целом в том, что они играют на руку Вашингтону, «уничтожая силы подлинной оппозиции засилью американского империализма».

— Настал час дать урок... И этот урок следует дать 2 октября. Не принимайте участия в президентских выборах... День 2 октября должен стать днем демонстрации самого широкого и единогодушного протеста нашего народа против кровавого безумства и некомпетентности теперешнего руководства.

По официальным данным, из 16 млн. человек, принявших участие в выборах, за 41-летнего ходжат-оль-эслама Али Хосейни-Хаменеи отдали голоса 15,2 млн. Остальные

кандидаты получили от 55 тыс. до 320 тыс. голосов. Таким образом, впервые президентом страны стал представитель духовенства¹.

Уже с октября 1981 г. организация моджахединов, не получив массовой поддержки своей террористической деятельности, стала частично возвращаться к прежней тактике политических убийств. С различной силой интенсивности продолжались взрывы, нападения на исламских активистов и органы власти, уличные столкновения и перестрелки со «стражами», с одной стороны, раскрытие явочных квартир, аресты и казни на месте — с другой. Исламские власти, ссылаясь на факт убийства моджахедами за четыре месяца с 20 июня 1981 г. около тысячи должностных лиц, включая 100 государственных деятелей, ни на один день не прекращали казни членов организации. Во время пятничной молитвы 13 ноября на территории Тегеранского университета генеральный прокурор «исламской революции» ходжат-оль-эслам Мусави-Табризи заявил:

— Убивать тех, кто восстает против Ирана и его народа, позволено, а вернее — необходимо.

В октябре 1981 г. базирующаяся в Брюсселе Международная ассоциация юристов-демократов (МАЮД) решительно выступила против нарушений в Иране прав человека, выразившихся в физической расправе над заключенными, убийствах, смертных приговорах без соблюдения каких-либо юридических норм. Аналогичные протесты выдвинули и некоторые другие международные организации, обратившиеся к иранским властям за разрешением посетить страну с целью проверить законность ведения судебных дел.

В ответ МИД Ирана выступил с заявлением, в котором говорилось, в частности, о «здоровом духе» исламского правосудия и отсутствии чего-либо предосудительного в том, что реалии исламского общества показаны народам мира. Предоставление международным организациям возможности посетить Иран было поставлено в зависимость от выполнения следующих предварительных условий: осуждение преступлений Израиля на оккупированных арабских территориях и вмешательства США в дела других государств; признание исламских принципов составной частью международных законов; вклю-

---

¹ В дальнейшем иранские источники именовали президента Хаменеи.

чение в состав делегаций известных специалистов в области исламской юриспруденции; обещание принести извинения иранской нации в случае выявления беспочвенности протеста; осуждение преступных акций организации моджахединов; гарантия публикации неподверженных цензуре текстов бесед делегаций с представителями иранских судебных органов; обнародование настоящего заявления.

В последующие дни и недели аресты и казни в Иране продолжались. По данным центрального штаба Корпуса стражей исламской революции, с середины ноября до середины декабря были арестованы 205 членов антиправительственных группировок (отдельно были упомянуты 30 участников промонархической оппозиции). Зарубежные отделения моджахединов утверждали, что применение пыток и удушение людей руками достигли в Иране таких невообразимых масштабов, что власти перестали выдавать тела казненных их семьям, дабы скрыть следы преступлений. В середине ноября генеральный прокурор признал, что из общего числа в 20 тыс. заключенных около трети арестованы по политическим обвинениям. Число казненных с 20 июня до конца ноября составило около 1850 человек. В декабре власти объявили о поимке и казни трех членов Центрального комитета организации моджахединов.

21 декабря базирующаяся в Женеве Международная комиссия юристов, в свое время неоднократно критиковавшая политические эксцессы шахского режима, осудила «чудовищный рост числа казней в Иране», лишение арестованных всякой связи с внешним миром, права на защиту и даже на получение официальных обвинений, несоблюдение исламскими трибуналами процессуальных гарантий, зафиксированных в их же уставах.

Международная комиссия юристов, отмечалось далее в заявлении, отнюдь не поддерживает акты терроризма, но там, где режим рассматривает всякую критику в свой адрес как предательство и как преступление против бога, которое должно караться смертью, вполне можно ожидать попыток политических убийств.

Иранские власти, игнорируя, как и прежде, протесты международной общественности, начали массовую кампанию по выявлению членов и сторонников антиправительственных группировок в святая святых исламского режима — в рядах «стражей», «исламских революционных комитетах», исламских трибуналах, в различных го-

сударственных органах. Несколько руководителей Корпуса стражей исламской революции и «революционных комитетов» уволили за недостаточно энергичное преследование моджахединов. После нападения оппозиционеров в ноябре 1981 г. на крупнейший тегеранский арсенал и захвата значительной части находившегося там оружия «чистка» и массовые аресты распространились и на армию. Вместе с тем Хомейни неоднократно призывал военнослужащих и личный состав сил безопасности сохранять «единство» и проявлять «бдительность», с тем чтобы «подрывные элементы» не смогли их «отравить».

Репрессиям подверглись также Народная партия Ирана и организация фedaинов («большинство»). Несколько членов последней, в том числе один из руководителей фedaинов, писатель Саид Солтанпур, были казнены по обвинению в «шпионаже» в пользу неназванного иностранного государства. В конце ноября генеральный прокурор пригрозил смертной казнью тем членам обеих организаций, которые устроились на работу в исламские учреждения путем сокрытия своей партийной принадлежности. 1 декабря власти объявили о закрытии газеты НПИ «Пайяме мардом» по обвинению в пропаганде в пользу «одной из сверхдержав».

В соответствии с принятыми властями новыми чрезвычайными мерами безопасности все правительственные учреждения, ведомства, банки, редакции газет, резиденции представителей духовенства и высокопоставленных деятелей режима были взяты под охрану усиленных нарядов «стражей». Входящие в учреждения, в том числе и иностранцы, подвергались тщательному обыску. Перед всеми зданиями органов власти и другими учреждениями были возведены укрепления из мешков с песком, дороги перекрыты специальными заграждениями. В темное время суток практически все машины проверялись «стражами исламской революции». Некоторые из функционеров режима в целях конспирации отказались от «мерседесов» и стали ездить с охраной в скромных и незаметных машинах иранского производства «пейкан».

В связи с новыми убийствами ряда религиозных деятелей (в частности, руководителя пятничных молитв Тебриза аятоллы А. Мадани, личного представителя Хомейни в Ширазе аятоллы А. Дастгейба и многих других) Хомейни обратил внимание духовенства и всего народа на то, что главным объектом покушений стали «люди, посящие чалму». Этот факт был использован в целях

доказательства того, что даже «великие державы» и их «внутренние агенты» вынуждены признать ведущую роль иранских религиозных деятелей в борьбе за интересы народа.

Дело не ограничилось словами. Убийства религиозных деятелей активно использовались для дальнейшего укрепления контроля духовенства над всей общественно-политической жизнью страны. Ссылаясь на необходимость усилить отпор противникам режима, исламские власти передали в ведение шиитского клира всю юридическую систему страны. Указом вновь созданного Высшего юридического совета, состоящего из 5 религиозных деятелей, реорганизация и руководство этой системой были возложены в конце ноября на председателя Верховного суда и генерального прокурора. Министерство юстиции фактически было лишено своих прямых полномочий. Хомейни призвал духовенство усилить также контроль над деятельностью «исламских революционных комитетов» и других учреждений, ответственных за поддержание внутренней безопасности. В то же время, ограждая интересы религиозных кругов, он заявил:

— Неправомочные лица не должны вмешиваться в дела мечетей. Этим должно заниматься военизированное духовенство.

В ноябре Хомейни несколько раз призывал религиозных деятелей в ходе проповедей на пятничных молитвах напоминать о том, что «иностранные державы» пытаются посеять вражду между служителями культа и народом. Это, по его словам, являлось «одним из важнейших вопросов». Вместе с тем он заявлял, что «лицемеры» — моджахедины наносят оскорбления духовенству заявлениями об их поддержке представителями религиозных кругов. В этой связи имам призвал духовных деятелей внимательно следить за молодыми студентами-теологами, способными «дать врагам повод» чернить исламское правление.

Имам явно имел в виду таких представителей духовенства, как депутат парламента аятолла Али Гользаде Гафури. После казни в сентябре 1981 г. двух его сыновей — членов организации моджахединов он отказался участвовать в работе меджлиса. Лица, близкие к семье Гафури, сообщили корреспондентам, что его жена несколько раз пыталась покончить с собой. В январе 1982 г. Гафури был лишен депутатского мандата. Затем была репрессирована его дочь. Представители мод-

жахединов и бывшего президента Банисадра за рубежом утверждали, что за оппозицию исламскому режиму в Иране были казнены несколько молодых священнослужителей. Согласно западным источникам, даже 20-летний внук Хомейни Хосейн, выступая в Мешхеде, назвал исламский режим «еще хуже шахского», после чего был доставлен в Кум и подвергнут домашнему аресту, получив предписание заниматься своим прямым делом — продолжать высшее духовное образование.

Борьбу с оппозицией шиитский клир продолжал сочетать с мерами по укреплению своей государственной гегемонии. Еще 13 октября новый президент принес присягу на заседании меджлиса в присутствии председателя Верховного суда, членов Совета по наблюдению за осуществлением конституции и правительства. Однако ликвидированный было институционный кризис спустя два дня вновь обострился в связи с прошением премьер-министра Махдави-Кяни об отставке. Она мотивировалась противоречиями между различными группировками высшего духовенства по вопросу об аграрной реформе. 19 октября президент предложил меджлису на освободившийся пост 36-летнего Али Акбара Велаяти, члена парламентской комиссии по здравоохранению. Но после двухдневных прений за закрытыми дверями его кандидатура была отклонена 80 голосами («за» проголосовали 74 депутата, 34 — воздержались). Наблюдатели связывали это с обострением тех же противоречий, которые привели к отставке Махдави-Кяни, а также с тем, что Велаяти получил образование в США. 27 октября президент представил меджлису нового кандидата на пост премьер-министра — 40-летнего министра иностранных дел Мир Хосейна Мусави-Хаменеи. 29 октября его кандидатура была утверждена 115 голосами (39 — «против», 28 — воздержавшихся)¹. В декабре новый премьер передал свой пост министра иностранных дел Велаяти, который на этот раз благодаря мощной поддержке, организованной председателем меджлиса Хашеми-Рафсанджани, получил вотум доверия огромным большинством голосов (174 — «за», 6 — «против», 6 — воздержавшихся).

Таким образом, к концу 1981 г. в Исламской Республике Иран впервые после февраля 1979 г. был создан безраздельно преданный «религиозному истеблишменту»

---

¹ В дальнейшем иранские источники именovali премьер-министра Мусави.

кабинет министров. Конечно, преодоление институционального кризиса на базе консолидации государственной монополии шиитского духовенства отнюдь не означало окончательного решения проблемы оппозиции. Но свершилось то, что некоторые наблюдатели предвидели сразу после смещения президента Банисадра. В номере от 27 июня 1981 г. английский еженедельник «Экономист» писал:

«...Разрушен фасад, который прежде вводил в заблуждение, и революцию теперь можно видеть такой, какова она на самом деле: как насильственный захват власти шиитскими теологами. Сначала власть была вырвана из рук шаха в основном другими группировками. Ныне клерикалы восторжествовали над этими группировками. Похищение революции теперь полностью завершено».

К тому времени, когда самолет-заправщик «Боинг-707» иранских ВВС с Банисадром на борту после шестичасового перелета над Южной Европой совершил посадку на аэродроме военной базы Эвре, бывший президент все еще никак не мог навести порядок в своих мыслях.

Было 4 часа 23 минуты. После треволений последних дней знакомая по 15-летней эмиграции утренняя прокладка Парижа дурманила голову и не давала сосредоточиться. Банисадра неотступно преследовали воспоминания более чем двухлетней давности, той незабываемой ночи, когда он вместе с «дорогим имамом» улетел отсюда в революционный Тегеран на специально зафрахтованном «Боинге-747» авиакомпании «Эр-Франс». Позади несбывшиеся мечты, впереди — тягостная неизвестность, а может быть, политическое небытие. Но пока что предстоят неизбежные встречи с назойливыми корреспондентами, способными без всякого стеснения лезть в душу: «Сначала Вы обещали стать «мучеником», затем ушли в подполье и как будто начали бороться с муллами, а потом вдруг бежали за рубеж». И никуда от них не денешься — отныне они, возможно, станут одним из основных, если не единственным каналом его связи с родиной.

Но как он все же попал в Париж? Разве он не понимал, что эмигрировать из Ирана — значит нанести непоправимый удар по все еще неорганизованным силам оппозиции? Верх, видимо, взяла другая мысль: остаться в стране — значило способствовать ее скольжению в хаос

гражданской войны. И тут появился полковник ВВС Бехзад Моези, один из лучших летчиков Ирана, бывший некогда личным пилотом свергнутого шаха. В свое время он доставил Мохаммеда Резу в Египет, затем в Марокко, а потом перегнал шахский авиалайнер «Шахин» в Иран, заявил о присоединении со всем экипажем «к революционному народу» и тайно вступил в организацию моджахединов. Позже по представлению тогдашнего министра обороны Мустафы Чамрана полковник Моези был уволен из ВВС, но с началом ирано-иракской войны в числе многих других офицеров по решению Банисадра был восстановлен в должности и звании. Уже в ходе войны он налетал более тысячи часов, подтвердив свою репутацию лучшего летчика. Утром 28 июля он предложил использовать предусмотренный учебным планом полет в воздушном пространстве Ирана для иных целей. В конце дня Банисадр и Раджави, одетые в военную форму, на небольшом грузовике отправились в аэропорт. В 22 часа 30 минут самолет взлетел с аэродрома и лишь благодаря умению полковника смог уклониться от встречи с тремя «Фантомами», посланными преследовать беглецов.

Французские власти встретили бывшего президента любезно, но не очень приветливо. Политическое убежище ему было предоставлено при обязательном условии не заниматься никакой политической деятельностью на французской земле. Правительство Франции имело уже довольно большой опыт общения с иранскими эмигрантами. В конце 1978 — начале 1979 г. в парижском пригороде Нофль-ле-Шато нашел убежище высланный из Ирака аятолла Хомейни, имевший все возможности вести свою антишахскую деятельность. Затем здесь появились почти все главные оппозиционеры режиму Хомейни, включая бывшего премьер-министра Шахпура Бахтияра и многих членов семьи бывшего шаха. В 1979 г. тут был убит один из племянников Мохаммеда Резы, а в 1980 г. совершено неудачное покушение на Бахтияра в его квартире в предместье Сюрен. Отношения Франции с Ираном неуклонно ухудшались, во-первых, из-за введенного ею в связи с захватом американских заложников в Тегеране эмбарго на гражданские и военные поставки Ирану и, во-вторых, ввиду ее тесных экономических и военных связей с Ираком.

Банисадр без возражений взял на себя обязательство не заниматься политической деятельностью и, по словам министра внешних сношений Франции Клода Шейсона,

даже подписал соответствующий документ. Перед своим домом в южном парижском пригороде Кашане он оказался вынужден провести импровизированную пресс-конференцию.

— События,— сказал Банисадр,— свидетельствуют о том, что иранский народ полон решимости продолжать движение по пути революции и оказывать сопротивление терроризму Хомейни.

Несколько позже в тот же день, 29 июля, представитель Банисадра сообщил собравшимся перед его домом журналистам об отмене пресс-конференции, которая была назначена на вторую половину дня. Он заявил, что об отказе Банисадра «от своего законного права на пост президента Исламской Республики Иран не может быть и речи», и затем зачитал от его имени обращение «ко всем партиям и политическим течениям Ирана». «Нынешний режим,— отмечалось в документе,— усугубил зависимость Ирана от заграницы, и в частности от США». Далее говорилось о необходимости предпринять «революционные меры», чтобы «не дать Ирану попасть под американское и другое иностранное господство».

Не успел Банисадр обосноваться в квартире, как раздался международный телефонный звонок. На проводе был корреспондент английской «Таймс». Говорить по телефону было гораздо проще, чем с глазу на глаз, хотя корреспондент и начал с самого неприятного вопроса:

— Господин Банисадр, нам дали понять, что Вы твердо решили остаться в Иране. Что заставило Вас изменить свое решение?

— Я очень надеюсь,— ответил Банисадр,— что на этот раз мое пребывание за границей будет недолгим. Одна из моих целей состоит в том, чтобы положить конец цепи взрывов и разрушительных актов, с одной стороны, и репрессиям и казням, осуществляемым по приказу правительства,— с другой.

Бывший президент явно спешил изменить тему разговора:

— Я все еще считаю своим долгом перед страной бороться за претворение в жизнь целей, которые мы поставили в начале революции. Хомейни еще до революции, находясь в Париже, много раз обещал мне лично уважать право народа Ирана на демократические свободы. Я сам принимал тогда активное участие в формулировке наших целей. Но, к несчастью, когда мы пришли к вла-

сти, фактически были достигнуты диаметрально противоположные результаты.

Разговор, казалось бы, перешел во вполне приемлемое русло. Однако корреспондент вновь вернулся к неприятной для Банисадра теме:

— В нашей печати высказывались предположения, что для Вас лучшим решением было бы, вероятно, объединиться с курдами в западном районе страны, который находится полностью под их контролем. Предполагают, что в условиях хаоса, который сейчас царит в Иране при правлении аятоллы, Вы могли бы свергнуть тегеранское правительство, действуя из безопасного укрытия в этом районе, который Вы могли бы объявить освобожденной зоной. Что Вы думаете по этому поводу?

— Я никогда серьезно не задумывался о таком пути. В действительности я оставался в Тегеране в течение всего периода, когда мне приходилось скрываться.— Застигнутый врасплох, Банисадр вновь начал приобретать уверенность в себе.— Нет, мы должны постараться найти более быстрый путь свержения абсолютистов, которые лишь жаждут власти, и мы должны помешать американцам навязать Ирану правительство. Это настоятельно необходимо.

— Насколько недолгим, как Вы полагаете, будет Ваше второе пребывание в эмиграции в Париже?

— Оно будет очень недолгим,— бойко ответил Банисадр, полагая, что разговор окончен.

Но корреспондент не унимался:

— Когда Вы скрывались, поддерживали ли Вы контакты с другими лидерами оппозиции, которые также скрываются? Например, с руководителем Национально-демократического фронта Хедаятолла Матин-Дафтари, который раньше был Вашим другом?

— Нет, таких контактов не было.— В голосе бывшего президента снова почувствовалась внутренняя неудовлетворенность.

— И, наконец, могу ли я спросить Вас о том, как Вы организовали побег за границу?

Вопрос понравился Банисадру. Он сразу оживился.

— Мы просто договорились об этом с соответствующими людьми и приехали на военный аэродром, где нас уже ждал самолет. Конечно, это было опасно, но жизнь полна подобных опасностей,— ответил бывший президент.

Конец интервью удовлетворил Банисадра. Но впере-

ди была личная встреча с корреспондентом французской «Матэн», с которым ему уже приходилось встречаться в этом же доме в Кашане. Бывший президент принял его в присутствии друзей. Корреспондент в своей публикации отметил:

«В его квартире на улице Пон-Рояль, охраняемой полицией, ничто не изменилось. В квартире царит полумрак, свет пробивается через полузакрытые жалюзи; на стенах — фотографии, где можно видеть Банисадра на мотоцикле, Банисадра в каске на иракском фронте, Банисадра в парламенте и т. д. Одним словом, Банисадр у власти. Это похоже на музей».

Как бы предвидя вопрос, Банисадр сказал:

— В самолете, который доставил нас в Тегеран, я с волнением думал, что возвращение Хомейни в Иран можно сравнить с возвращением наконец света на землю... Во вторник вечером, когда я скрывался в самолете «Боинг», летевшем в Париж, у меня было такое чувство, что меня обманули...

Корреспондент записал:

«Как в добрые старые времена, собрались также друзья, которые внимательно слушают его в этой атмосфере несколько удушливой интимности. Они собрались вокруг этого низложенного президента, который намерен оставаться президентом, будучи в эмиграции. Создается впечатление, что он жаждет оправдать себя в их глазах...»

Смещенный президент сказал:

— Покинуть страну, совершив взлет в международном аэропорту, за которым установлено самое сильное наблюдение во всем мире, под носом у властей,— это доказывает, до какой степени они бессильны. Если и есть какое-то доказательство слабости во всем этом, то это доказательство их слабости.

— В таком случае, зачем же нужно было уезжать? — почти ехидно спросил корреспондент.

— Именно для того, чтобы доказать их слабость,— ответил, не очень смутившись, Банисадр и тут же впал в новое противоречие.— А также потому, что становилось все труднее обеспечивать мою безопасность в Тегеране. Слишком много народу было мобилизовано только для этого. Нужны были наблюдатели вокруг всего квартала, где я прятался... За два месяца мне пришлось 4 раза менять квартиру.

Бывший президент заявил, что, впрочем, не хотел

жить в подполье. Его принудили к этому друзья и жена.
— Вечером того дня, когда я возвращался из Хорремшехра, я узнал, что Хомейни сместил меня с поста главнокомандующего вооруженными силами,— объяснил он.— Я сказал себе: теперь все кончено. Следующим этапом будет мое политическое низложение, а затем казнь. Я ушел, как непослушный сын, который знает, что сопротивляться бесполезно, и решился до конца сыграть роль «сनावоша». В иранской традиции это — невинная искупительная жертва. А потом я понял — надо бороться. Я ушел в подполье.

Банисадр, обращаясь к друзьям, кивнул головой на гигантский портрет имама Хомейни, который на фотографии простирал руки над головой своего бывшего советника. Это был покровительственный жест в тот период.

— Моя единственная ошибка заключалась в переоценке,— продолжал Банисадр.— В Нофль-ле-Шато все думали, что он присоединился к новым идеям иранской интеллигенции. В конечном счете именно она, а не религиозная иерархия привела его к власти! Имам имел обыкновение говорить: «Власть — это весы с двумя чашами, на одной из которых — религиозные деятели, а на другой — интеллигенция». Чаша весов с интеллигенцией быстро опустела; весы стали склоняться лишь в одну единственную сторону.

Корреспондента интересовало другое:

«Ограничение печати, истребление курдов, казни студентов, экономический упадок? Чувствует ли он себя ответственным за поддержку всего этого?»

— Я был против,— возмутился Банисадр.— С самого первого дня, как я стал президентом республики, я, как это ни парадоксально, был «президентом в оппозиции». Я об этом скажу, я даже напишу об этом в книге.

Корреспондент снова пошел в наступление:

— В конечном счете не является ли возвращение в Кашан констатацией полного провала?

— В определенном смысле — да, ибо в Нофль-ле-Шато мы были обмануты. Но за два года мы пробудили сознание иранцев, и оно прогрессировало больше, чем за 100 лет. Это самое важное.

— Не просто ли это слова эмигранта, который старается сам себя ободрить?

— Верно, что, когда человек покидает свою страну и присоединяется к потоку беженцев, это может выглядеть как определенная форма провала. Это значит поступить

так, как все те, кто приезжает, заявляя, что они, собрав силы, «вернутся» к себе на родину, но так больше и не уезжают. В то же время имеются позитивные аспекты: в частности, оппозиция, благодаря моему соглашению с моджахедами, сможет организовать за рубежом для того, чтобы создать фронт, в котором будут объединены все течения, одобряющие наши идеи. Это — одна из главных причин моего возвращения в Париж. Также нужно было оправдать Иран на международной арене. В этом отношении я очень рассчитываю на Европу.

— А Франция? Не заставляет ли она Вас слишком дорого платить за прецедент Хомейни?

— Я ожидал этого приема, после эксперимента Хомейни это совершенно нормально. Но... Вы увидите, что Кашан станет вторым Нофль-ле-Шато, чтобы спасти страну от гражданской войны... Во всяком случае, я могу заверить, что это не будет Сюрен.

Бывший президент имел в виду резиденцию Шахпура Бахтияра, который еще в день приезда Банисадра в Париж отверг всякую возможность договориться и вообще вступить в контакты с очередной группой иранских эмигрантов.

Банисадр привыкал к своему новому положению не по дням, а по часам. По тем самым часам, с истечением которых ему переставали задавать наиболее неприятные вопросы. И он неожиданно обнаружил, что это его положение имеет преимущества, которые следует не мешкая реализовать. В обнародованных уже 2 августа 1981 г. интервью корреспонденту американской телекомпании Эй-би-си и английской газете «Санди таймс» бывший президент пространно говорил о твердой решимости продолжать борьбу с целью создать демократическое правительство, хотя это и «может потребовать применения насилия». Он подчеркивал, что находится во Франции с целью мобилизации сил для своего возвращения в Иран и что его главной опорой является организация моджахединов.

Переехав в начале августа в дом брата Раджави в местечке Овер-сюр-Уаз к северу от Парижа, Банисадр продолжал выступать с интервью, несмотря на неоднократные напоминания французских властей о взятом им на себя обязательстве не заниматься политической деятельностью. В этом тщательно охраняемом сотрудниками военной полиции доме, окруженном бетонным забором и колючей проволокой, бывший иранский президент и ли-

дер моджахединов устроили свою штаб-квартиру. Но многие наблюдатели сразу же обратили внимание на то, что, живя в одном доме, они принимали посетителей порознь. Из этого, а также из некоторых различий в их высказываниях был сделан вывод: союз Банисадра и Раджави — это «брак по расчету», в котором один надеялся получить вооруженную опору, другой — легальную основу. (Ничего в этом плане не изменило и вступление лидера моджахединов в начале 1983 г., после гибели в Иране его жены, в законный брак с одной из дочерей бывшего президента.)

Уже спустя полмесяца после приезда во Францию Банисадр и Раджави получили значительно большую, чем прежде, свободу действий. Это было вызвано резким ухудшением отношений между Парижем и Тегераном, потребовавшим возвращения в Иран беглецов и угнанного самолета. Французское министерство внешних сношений, признав справедливость требования о возврате самолета, в то же время категорически отказалось выдать Банисадра и Раджави. Парижская пресса в этой связи напоминала о пребывании во Франции самого Хомейни в самый разгар антишахской борьбы. 10—12 августа, после организованных в Тегеране антифранцузских манифестаций, большая часть подданных Франции и посольского персонала выехала из Ирана. В этих условиях французские власти стали более либерально относиться к политической деятельности иранских эмигрантов.

В середине августа 1981 г. Банисадр выступил с «посланием к иранскому народу», в котором объявил правящий в Иране режим «незаконным» и призвал своих соотечественников свергнуть его, создав во всех городах и деревнях страны «группы сопротивления».

Это заявление было самым серьезным выступлением Банисадра против тегеранского режима. Если до этого он питал иллюзии в отношении возможности прекратить репрессии и казни взамен приостановки террористической деятельности оппозиции, о чем писал в своих безответных посланиях имаму, то теперь полностью исключал какое-либо компромиссное решение вопроса. Представляя себя руководителем Национального совета сопротивления (созданного им совместно с Раджави), Банисадр стал говорить о свержении Хомейни как о своей главной цели. Имама, голословно утверждал бывший президент, теперь поддерживает всего лишь 15—20 процентов населения, тогда как его, Банисадра, — 80. Де-

монстрируя уверенность в обреченности тегеранского режима, он по-прежнему высказывался против создания политической партии, полагая, что организуемые моджахедами террористические акции, которые стал считать оправданными и неизбежными, сами по себе приведут к достижению поставленной цели. В этой связи корреспондент газеты «Монд» в середине августа поставил перед ним следующий вопрос:

— Кое-кто утверждает, что Вы стали пленником моджахеdinов, которых совсем недавно осуждали.

— Это неправда,— ответил Банисадр, явно кривя душой.— Я выступал за участие моджахеdinов в Исламском революционном совете, и именно за это Хомейни меня всегда и упрекал. Да, правда, я критиковал некоторые стороны их идеологии. Но я делал это в качестве теоретика. Во всяком случае, это не мешает политическому сотрудничеству.

Если Банисадр в своих программных установках делал упор на создание в Иране либерально-демократического режима, способного обеспечить политические свободы для всех граждан, то Раджави основное внимание уделял задачам социально-политического характера. Как и Банисадр, лидер моджахеdinов считал необходимым вести идеологическую борьбу за ислам с целью сделать его «источником прогресса», но в отличие от бывшего президента считал, что «религия должна быть открыта для такой науки, как социализм», обеспечивающей освобождение человека во всех областях. Иран, говорил он, будет провозглашен Демократической Исламской Республикой, основанной на «справедливых общественных отношениях», уважении прав и свободы всех граждан, независимо от их политических и религиозных воззрений. В числе первоочередных задач предполагалось провести выборы Учредительного собрания и постоянного руководства страны.

— Мы,— говорил Раджави,— признаем Банисадра в качестве законного президента страны. Но его пребывание на посту президента и мое — на посту премьер-министра носят временный характер.

Приехав с Банисадром в Париж, Раджави поставил задачу привести первоначальное соглашение с ним в большее соответствие с политическим курсом моджахеdinов. После месяца споров была принята и оглашена предварительная программа будущего временного правительства Ирана — документ, во многом основывавшийся

на собственной политической платформе моджахединов. В их стратегию борьбы за демократию (в качестве первого этапа на пути к бесклассовому обществу) входило заключение союза со всеми силами, заинтересованными в демократическом развитии страны, вплоть до национально-буржуазных кругов, и объединение на этой почве самых разных течений политической мысли — от марксизма до либерализма. Заключенные с Банисадром соглашения рассматривались моджахедами как фактор, дающий им возможность выступить в качестве альтернативы существующему режиму в общенациональном масштабе.

Принятая Раджави и Банисадром предварительная программа будущего временного правительства Ирана предусматривала ликвидацию «исламских революционных комитетов», «исламских революционных трибуналов» и Корпуса стражей исламской революции, отмену цензуры, прекращение и запрет репрессий и пыток, обеспечение социальных и политических свобод, в том числе прав рабочих и крестьян, предоставление национальным меньшинствам внутренней автономии, установление равноправия мужчин и женщин, проведение «рациональных» аграрных реформ, гарантию юридических, идеологических, культурных и профессиональных прав и т. д.

Обнародование этой компромиссной программы действий на ближайший период сопровождалось указанием на то, что окончательные решения в течение этого периода будут приниматься Национальным советом сопротивления. Разделение же прав и обязанностей президента и премьера в рамках совета предусматривалось таким образом, что Банисадру фактически отводилась второстепенная роль. Национальный совет сопротивления был открыт для всех «исламских народных сил», за исключением монархистов.

К тому времени число оппозиционных иранскому режиму эмигрантских групп достигло 60. Наряду с более или менее крупными, относительно влиятельными и располагающими материальными средствами организациями среди них были и такие, которые состояли лишь из нескольких человек, имеющих в своем распоряжении одну копировальную машину. При этом все они настолько соперничали между собой, что проявляли почти такую же заинтересованность в уничтожении друг друга, как и в борьбе против режима в Тегеране. В связи с казавшейся тогда реальной возможностью падения этого режима

многие эмигрантские группы значительно активизировали свою публичную деятельность в попытке убедить международную общественность, что именно их члены несут на себе основную тяжесть борьбы с клерикальными силами внутри Ирана.

С большинством эмигрантских организаций отношения Национального совета сопротивления не сложились. Поддержка совету пришла с другой стороны.

6 ноября 1981 г. к Национальному совету сопротивления официально присоединилась руководимая Абдурахманом Касемлу Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), до тех пор лишь неофициально поддерживавшая эту организацию. Соответствующее соглашение было достигнуто на основе признания права курдского народа на автономию в рамках единого демократического Ирана. Присоединение такой массовой организации, как ДПИК, к Национальному совету сопротивления сделало его самой крупной организованной силой оппозиции тегеранскому режиму.

Курдский религиозный лидер шейх Эзеддин Хосейни, близкий к левозкстремистской Революционной организации трудящихся Курдистана («Кумеле»), в целом положительно отнесся к созданию Национального совета сопротивления. Однако, по его мнению, в программе совета расплывчато излагался вопрос об автономии Курдистана. Кроме того, шейх Хосейни считал недопустимым участие в совете Банисадра, ранее «очень активно» выступавшего против курдской автономии. Тем не менее в середине октября 1982 г. он высказал мнение, что с советом «можно найти какие-то точки соприкосновения».

Дальнейший сдвиг в отношении шейха Хосейни к Национальному совету сопротивления наметился в связи с заключением 20 октября 1982 г. между ДПИК и «Кумеле» соглашения о координации военных усилий и создании общего штаба. В интервью французской «Монд» он подчеркнул, что, несмотря на теоретические разногласия, обе организации придерживаются единых взглядов по двум основополагающим пунктам: необходимости свергнуть режим Хомейни и добиться автономии Курдистана. Шейх с горечью отметил, что «Хомейни до сих пор остается у власти потому, что оппозиционные движения действуют разрозненно». Признав «расхождения во взглядах» между курдами и Национальным советом сопротивления, он вместе с тем заявил, что между ними существуют «дружеские отношения и сходство позиций».

В октябре 1983 г. в ходе большого интервью французской «Матэн» Абдуррахман Касемлу подчеркнул:

— Мы вошли в этот совет лишь на том условии, что он примет наш лозунг — демократия и автономия, что и сделал руководитель моджахединов Масуд Раджави. Вместе с тем Национальный совет сопротивления признал Банисадра законным президентом Ирана, хотя в те времена, когда он был президентом Исламской Республики, он вел против нас войну. Это создавало для нас определенные трудности, но мы пришли к выводу, что, поскольку Банисадр решил присоединиться к оппозиции, он стал на наши позиции, а не на враждебные им... Мы согласны с нашими союзниками далеко не во всем, но за два года сотрудничества мы узнали друг друга. Разумеется, организация моджахединов, несмотря на свою революционность, основана на исламе, в частности на шиизме, в то время как Демократическая партия Иранского Курдистана — светская организация, выступающая за отделение религии от государства. Но в данный момент мы вместе ведем беспощадную войну против режима Хомейни. Кроме того, программа Национального совета сопротивления обеспечивает и демократию для Ирана, и автономию для Курдистана. Всего этого достаточно для того, чтобы наша партия оставалась и боролась в рядах Национального совета сопротивления. Что же касается будущего, то я полагаю, что, если права национальных и других меньшинств Ирана будут признаны в демократическом Иране, больше никакой опасности не будет.

Закрепляя отношения с курдскими политическими организациями, Масуд Раджави 9 ноября 1983 г. обнародовал подробный план предоставления автономии курдам в условиях «освобожденного Ирана». По этому плану предполагалось, что центральное правительство будет ведать внешней политикой, обороной, внешней торговлей, финансовыми вопросами, планированием и естественными ресурсами. Курдам предоставлялись право на избрание законодательного совета для установления местных законов и право на самостоятельное обеспечение внутренней безопасности. План был одобрен всеми членами совета.

Вскоре в рядах Национального совета сопротивления произошли новые изменения. 3 апреля 1984 г. совет опубликовал в Париже коммюнике, в котором отмечалось, что «при сложившихся обстоятельствах» сотрудничество мод-

жахединов с Банисадром «представляется практически невозможным» и поэтому «принято решение разорвать политический союз в его нынешней форме». Причины разрыва были раскрыты в ходе последующих интервью.

Банисадр заявил корреспонденту агентства Рейтер, что не согласен с готовностью Раджави сотрудничать с Ираком в попытках положить конец ирано-иракской войне, поскольку это может вызвать в Иране враждебные чувства в отношении Национального совета сопротивления и позволит Хомейни утверждать, будто он один может защитить страну. В этой связи бывший президент напомнил о своих заслугах по возрождению иранской армии и своем руководстве той «патриотической войной», которую она вела «из национальных соображений». Банисадр высказал мнение, что продолжение войны приведет к падению режима Хомейни, и заявил, что рассчитывает на «озабоченность» международной общественности, чтобы добиться урегулирования конфликта и в то же время подорвать доверие к режиму.

Раджави в интервью тому же корреспонденту отметил, что не может понять позицию Банисадра в вопросе о сотрудничестве с иракцами. «Как может настоящий патриот выступать против переговоров о заключении справедливого мира?..— спросил он.— Мы подошли к той точке, когда нам лучше пойти различными путями». Лидер моджахединов намекнул, что его тесть и бывший союзник отныне потеряет поддержку. «Насколько мне известно, у Банисадра нет партии,— сказал он.— Мы, моджахеды, воспринимали его как личность, а не как представителя партии или группировки». Сам Банисадр теперь все чаще высказывал сомнения в возможности смены власти в Иране в ближайшем будущем из-за отсутствия организованной оппозиции, которая имела бы четкую политическую платформу.

В 1986 г. Национальному совету сопротивления пришлось испытать еще один удар. В связи со сменой правительства во Франции и формированием нового кабинета во главе с Жаком Шираком, вставшим на путь улучшения отношений с Ираном, несколько десятков активистов организации моджахединов были вынуждены покинуть Париж. 22 мая новый французский премьер заявил о намерении положить конец «некоторым эксцессам в деятельности иранских беженцев, не соблюдающих нейтралитет, требуемый от тех, кто обращается с просьбой о предоставлении убежища во Франции». 7 июня наряд фран-

цузской полиции окружил резиденцию Масуда Раджави, чтобы, как было официально объявлено, проверить документы находящихся там иранцев и убедиться в законности их статуса. Несколько часов спустя Раджави вместе со своим братом, прожившим во Франции около 20 лет, покинул штаб-квартиру организации в пуленепробиваемом автомобиле, сопровождаемом десятком машин. Ночью следующего дня он прибыл в Багдад. Банисадр, задолго до этого прекративший всякую политическую активность, остался в Париже.

Раскол в рядах Национального совета сопротивления был отражением той тупиковой ситуации, в которой оказалась иранская оппозиция в целом, не сумевшая преодолеть свои разногласия, объединиться даже на почве ближайших насущных задач и обреченная на беспощадные и кровавые репрессии со стороны исламского режима.

Выдержав во второй половине 1981 г. сильнейший натиск вооруженной оппозиции, правящее в Иране духовенство не только преуспело в консолидации своей государственной монополии, но и смогло в течение последующих лет решить главную для него задачу — устранить с открытой политической арены почти всех реальных и потенциальных противников режима шиитской теократии. Правда, ему пришлось для этого приложить значительные усилия, поскольку оппозиционное меньшинство, вступив в вооруженную борьбу, не собиралось мирно сдавать свои позиции.

Одним из примечательных событий начала 1982 г. были бои в городе Амоль, расположенном неподалеку от Каспийского побережья. 25 января примерно сотня членов антиправительственных группировок, создавших в близлежащих лесах партизанские отряды, напала на город, захватила несколько улиц и подвергла обстрелам государственные учреждения. Нападавшие выступали под лозунгом «Это будет год кровопролития, год падения Хомейни» и распространяли листовки в поддержку Банисадра (некоторые из очевидцев полагали, что среди них были и моджахедины). Завязавшиеся в городе бои между этими, по официальному определению тех дней, «проамериканскими контрреволюционными группировками» (или «остатками оппозиционных политических групп») и «стражами исламской революции» длились

около 40 часов. Несколько десятков нападавших было убито и ранено, многие взяты в плен и затем казнены.

Наиболее активно оппозиция действовала в Тегеране, где в течение почти всего 1982 г. непрерывно продолжались нападения на представителей духовенства, командного состава вооруженных сил, правительственных служащих, депутатов меджлиса, членов «партии Аллаха» и «стражей исламской революции». Ежедневно в различных районах столицы слышались автоматные очереди. Обычным явлением были перестрелки, столкновения и даже бои членов антиправительственных группировок, действовавших, как правило, в форме «стражей», с силами безопасности. В середине мая 1982 г. только в одном районе Тегерана в течение трех дней произошло более 10 вооруженных стычек со смертельным исходом. 15 июня несколько автомашин с террористами окружили на одном из перекрестков машину Ахмеда Хомейни, открыли по ней огонь из автоматов, а затем забросали ее гранатами. Позже выяснилось, что А. Хомейни в автомобиле не было.

В заявлении, распространенном в декабре 1982 г. организацией моджахединов, утверждалось, что только в течение лета и осени антиправительственные силы уничтожили в Иране более тысячи деятелей режима (из них — около 600 в Тегеране); 28 человек из числа убитых занимали правительственные посты и «принимали активное участие в пытках и экзекуциях». По тем же данным, в течение 1982 г. моджахеды атаковали и вывели из строя десятки военных баз, принадлежащих Корпусу стражей исламской революции. В частности, в марте было совершено нападение на казармы Лавизан в северной части Тегерана. Как сообщалось, членам организации удалось, не понеся никаких потерь, уничтожить руководителей отрядов «стражей» и воинских частей, обвинявшихся моджахедами в изгнании из рядов вооруженных сил патриотически настроенных лиц.

Однако попытки моджахединов выйти за рамки террористических действий оказались безуспешны. Все их призывы к рабочим Ирана провести всеобщую забастовку, а к военнослужащим — направить оружие против режима остались без ответа. Правящий режим при всех трудностях внимательно следил за тем, чтобы бедняки неукоснительно получали свое пособие. Многие слои народа, хотя и симпатизировали моджахедам, в то же время проявляли недовольство общей атмосферой беспо-

рядков и насилия, весьма часто отражавшихся на простых людях.

Имевшая место в течение всего 1982 г. серия диверсионных актов охватила не только государственные и правительственные учреждения, но и общественные места. 22 февраля в результате взрыва бомбы в Тегеране погибло 15 человек, более 60 получили ранения. Только в первой половине сентября в разных частях столицы взорвались четыре бомбы. Имелось множество убитых и раненых. Так, 6 сентября перед зданием министерства промышленности и шахт погибло более 50 человек и свыше 100 человек было ранено. 1 октября на улице Насер Хосроу, примыкающей к площади имама Хомейни, произошел настолько мощный взрыв, что в домах, расположенных в полутора километрах от места происшествия, вылетели стекла. Взрыв нанес повреждения зданию компании связи, которое разрушилось до 5 этажа, прервал на несколько дней телефонную и телексную связь страны с внешним миром, нарушил систему водоснабжения, в результате чего вся площадь имама Хомейни была залита водой, повредил около 60 автобусов, стоявших по другую сторону здания компании связи. По сообщениям печати, погибло более 80 человек и около 700 получили ранения.

подавляющее большинство таких акций совершалось монархистскими группировками, действовавшими не только во имя борьбы с режимом, но и с целью ослабить возможности прихода к власти левых сил. Нагнетая обстановку нестабильности и общей напряженности, они стремились вызвать недовольство населения, в сознании которого все антирежимные выступления связывались с основной оппозиционной организацией — моджахединами.

В марте 1982 г. власти сообщили об аресте 25 руководителей ранее неизвестной «националистической, монархистской» группировки в армии под названием НИМА (Силы единства иранской нации). Организация, имевшая «политическую, военную и экономическую ветви», по данным Корпуса стражей исламской революции, планировала осуществить воздушные налеты на резиденцию Хомейни, а также на штабы «стражей» и другие объекты, провоцировать «беспорядки» среди национальных меньшинств, устраивать взрывы бомб и проводить другие дестабилизирующие акции, направленные на уничтожение исламского режима. 28 июня 9 руководителей груп-

пы были преданы суду Военного исламского революционного трибунала. В связи с этим и другими подобными сообщениями наблюдатели отмечали тот факт, что исламские суды лишь изредка приговаривали к смертной казни заговорщиков из числа монархистов и прозападных групп, тогда как представителей левых сил практически всегда расстреливали, и чаще всего без следствия и судебных разбирательств.

Стремясь уничтожить организацию моджахединов и физически и морально, власти придерживались в отношении нее двойственной позиции. С одной стороны, утверждали, что с моджахедами «покончено» и они больше не представляют реальной силы, а с другой — именно с ними связывали все «подрывные, контрреволюционные акции», направленные против режима. Средства массовой информации ежедневно поносили «лицемеров», приписывая им и крупные и мелкие террористические акты, в том числе те, за которые сама организация моджахединов не брала на себя ответственность. Показательно и то, что большинство сообщений печати, радио и телевидения о казнях касались именно моджахединов, а когда иранское телевидение передавало сцены «раскаяния», главными «героями» их опять же были моджахедины или члены сочувствующих им организаций. Тем самым власти невольно признавали, что «проблема моджахединов» продолжает существовать.

О том же свидетельствовали сообщения иранских газет, почти ежедневно писавших о проводимых силами безопасности облавах, раскрытии конспиративных явочных квартир противников режима, арестах и казнях членов левой оппозиции и «содействующих им лиц». По подсчетам агентства Рейтер, произведенным в самом начале 1982 г. только на основании иранских официальных сообщений, в течение второй половины предыдущего года было казнено 2100 человек.

В канун третьей годовщины начала антишахского восстания 9—12 февраля 1979 г. исламские власти провели тщательную подготовку к ликвидации руководства антиправительственных организаций. 8 февраля 1982 г. радио Тегерана сообщило о «смертельном ударе», нанесенном исламской республикой «лицемерам», которые, дескать, напрасно считали, что их организация крепка, как сталь. Далее последовало разъяснение, гласящее, что исламские силы безопасности, совершив внезапный налет на одну из конспиративных квартир «ли-

цемеров» в северной части Тегерана, «отправили на тот свет» более 10 руководящих деятелей моджахединов, в том числе руководителя боевых операций и второго по значению лидера организации Мусу Хиабани, его жену и жену Масуда Раджави, а также произвели многочисленные аресты. Корреспондент агентства Франс Пресс в Тегеране узнал от очевидца события, что штурм начался в 6 часов утра и затем перешел в ожесточенное двухчасовое сражение.

Вечером 10 февраля 1982 г. иранское телевидение сообщило еще об одном успехе правительственных сил безопасности — «полной ликвидации» руководства Организации борьбы за свободу рабочего класса («Пейкар»). Отмечалось, что «стражи» захватили 22 явки и арестовали большое число кадровых работников организации, в том числе двух ее главных руководителей. Спустя три дня печать предала гласности новые данные: захвачено более 30 подпольных квартир и арестовано 40 активистов.

В последующие дни сообщалось о предотвращении силами безопасности мощных взрывов в одном из зданий канцелярии премьер-министра и на площади Сехах, аресте 30 моджахединов, занимавшихся сбором информации о работниках радио и телевидения «с целью их уничтожения» и т. п.

20 марта радио сообщило о «разгроме» организации федайнов («меньшинство») и аресте всех членов ее Центрального комитета (более 40 человек).

Последующие сообщения, поступившие как из Франции, так и из самого Ирана, показали, что ни моджахеды, ни исламские власти не намерены прекращать взаимную борьбу. 22 апреля 1982 г. штаб-квартира организации в Париже объявила о назначении нового командующего силами моджахединов в Иране — 33-летнего Али Заркеша, инженера по специальности, который, как и его предшественник, провел много лет в шахских застенках. В передаче иранского радио 3 мая говорилось о захвате еще 10 конспиративных квартир моджахединов, аресте нескольких членов ЦК и ряда других руководителей (общей численностью 50 человек). Вместе с тем власти теперь вынуждены были говорить не о «полном разгроме» организации, а опять же на 80—95 процентов.

К осени 1982 г. антиправительственная деятельность группы «Пейкар», организации федайнов («меньшинст-

во») и других левозэкстремистских группировок была сведена почти на нет. К этому времени организации моджахединов, несмотря на ее заявления о способности взять власть в стране в свои руки, также был нанесен серьезный урон. За каждой официальной победной реляцией о раскрытии десятков конспиративных квартир и аресте сотен активистов организации в общем-то стояли реальные потери, возместить которые в полной мере было уже невозможно, хотя моджахедины имели много тайных сторонников в государственном аппарате и вооруженных силах.

Правительственная пропаганда против моджахединов с каждым днем становилась все более изощренной. Не прекращались и утверждения средств массовой информации о зависимости моджахединов от США. По телевидению продолжали демонстрировать передачи, в ходе которых «бывшие моджахедины» отказывались публично от своей организации и заявляли о лояльности исламскому режиму.

Параллельно нарастало ужесточение репрессий против моджахединов. С лета 1982 г. иранская печать, подтвердив тем самым имевшие место слухи, впервые стала сообщать о массовых казнях через повешение. Подобные виды казней, распространявшиеся и на девушек, проводились публично для устрашения противников режима. Общее число казненных с июня 1981 г. по апрель 1982 г. организация моджахединов оценивала в 13 тыс., по май 1982 г.— в 15 тыс., по январь 1983 г.— в 25 тыс. человек, а по июль 1983 г.— в 30 тыс.

В телеграмме генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру с требованием поднять вопрос о нарушениях прав человека в Иране Масуд Раджави писал: «Даже беременные женщины и малолетние дети становятся жертвами режима Хомейни, который подвергает их пыткам и казням». Отмечалось, что тюремщики часто вырывают у своих жертв языки, выдавливают глаза.

Сообщения о пытках и других нарушениях прав человека в Иране вызвали большой резонанс в мире. В 1982 г. Комиссия ООН по правам человека выступила с требованием, чтобы иранские официальные представители дали объяснения по поводу явных нарушений исламским режимом своей собственной конституции и положений Корана, которыми руководствуется иранское государство. Иранские власти оставили это требование без внимания.

В конце сентября 1983 г. газета «Юманите» опубликовала статью под заголовком «Свидетельства бывших заключенных: произвольные казни и пытки». Газета сообщала о тайных казнях в Иране политических заключенных, в том числе беременных женщин и подростков, начиная с 11-летнего возраста, широко применении в иранских тюрьмах пыток. 29 сентября МИД Ирана в специальном заявлении назвал эти данные «наглой ложью».

29 февраля 1984 г. в Париже состоялась пресс-конференция семи иранцев, сторонников организации моджахединов, которым удалось бежать из иранских тюрем. 58-летний мужчина рассказал, как видел своего 17-летнего сына подвешенным на дереве с руками, связанными за спиной, ожогами на теле и содранной кожей на подошвах ног; юноша был еще жив, но через несколько дней его казнили. Рассказчик показал шрам под своим подбородком, образовавшийся от подвешивания на крюке для бараньих туш. Одна из женщин сообщила об утрате ею 13 родственников, в том числе беременной дочери и двух сыновей; другая показала на своем теле следы пыток в тюрьме Эвин, где ей прижигали груди, нос и зубы; третья сообщила, что присутствовала при казни мужа, которого перед этим пытали целую неделю; четвертая засвидетельствовала казнь не только мужа, но и трехлетнего ребенка.

В течение 1984 г. парижская штаб-квартира моджахединов со ссылкой на «надежные источники» в Иране периодически сообщала о массовых казнях (от 100 до 400 человек) в тюрьмах Тегерана и ряда других городов страны.

7 сентября 1984 г. моджахедины опубликовали в Париже список имен и некоторую информацию о 10 231 казненном исламскими властями. (Этот список представлял собой дополненный новыми данными перечень имен, обнародованный в 1983 г., в котором давалась информация о 7746 казненных иранцах.) Средний возраст поименно названных лиц составлял 23 года, тогда как 430 из них еще не достигли 18 лет. Около 9000 из 10 231 человека были сторонниками организации моджахединов и более 130 — представителями вооруженных сил. В конце 1984 г. общее число казненных в Иране с июня 1981 г. оценивалось в 40 тыс. человек. Все эти данные приводились и в посланиях штаб-квартиры моджахединов в Париже на имя генерального секретаря ООН.

Объявлявшиеся в Иране по случаю годовщины свержения шахского режима и других больших празднеств амнистии практически никак не отражались на общей численности политических заключенных, оценивавшейся в 1984 г. организацией моджахединов в 120 тыс. человек. Само иранское руководство отрицало наличие в стране политзаключенных, поскольку считало для себя более удобным относить всех осужденных по политическим мотивам к числу «убийц» или же шпионов, а следовательно, к уголовным преступникам.

Иранские власти начисто отрицали и применение пыток в тюрьмах страны, но делали это весьма своеобразно. Прокурор Тегерана и начальник тюрьмы Эвин в беседе с английским врачом, посетившим в ноябре 1983 г. эту тюрьму, назвал западной пропагандой слухи о том, что девушек насилюют перед расстрелом, и сообщение Международной федерации прав человека, согласно которому у заключенных, приговоренных к смертной казни, берут кровь для переливания раненым в войне с Ираком.

— Пойдите и спросите у сотрудников службы переливания крови,— сказал он.— Заключенных спрашивают, хотят ли они сдать кровь, и они добровольно это делают.

8 мая 1984 г. председатель Верховного суда Ирана аятолла Мусави-Ардебили ответил на вопрос зарубежных священнослужителей о применении в тюрьмах страны пыток следующим контрвопросом:

— Разве в таком случае руководители и члены распущенных ныне властями партий и организаций, которых, без сомнения, пытали в шахских тюрьмах и которые тем не менее ни в чем не сознавались, стали бы сейчас добровольно и публично признаваться в совершенных ими преступлениях?

— Из этого,— уверенно заключил аятолла,— следует, что в Исламской Республике не применяются пытки, ибо если бы это помогало, то возымело бы действие и при шахском режиме.

Под давлением протестов со стороны мировой общественности иранские власти еще в конце 1981 г. объявили о планах реорганизации иранских тюрем, которые отныне должны были называться «исламскими академиями самоочищения», «исламскими центрами перевоспитания», «исламскими университетами» и т. п. Уже к середине марта 1982 г. по парижскому телевидению

был передан репортаж из одного такого «центра перевоспитания». Гвоздь программы составило интервью с двумя бывшими сотрудниками Банисадра, успевшими к тому времени «перевоспитаться и раскаяться». Оба в один голос глубокомысленно заявили, что «Банисадр — враг революции». Мальчишки 13—15 лет, вовлеченные в уличные бои моджахединов, кричали в своих камерах: «Долой лицемеров!» Тюремные власти рассчитывали вырастить из них непреклонных хезболлахов — членов «партии Аллаха».

В целях противодействия сообщениям зарубежных средств массовой информации иранские власти иногда разрешали иностранцам посещать «исламские центры перевоспитания» и даже соответствующий блок в печально известной тюрьме Эвин. Они видели охранников без оружия, заключенных без цепей и наручников, а женщин с грудными и малолетними детьми. Им показывали мастерские, в которых женщины-заключенные шили одежду, а мужчины занимались изготовлением мебели из красного дерева, огородные и садовые участки на внутренней территории, где выращивались овощи и фрукты, молельни с сотнями стоящих на коленях людей. Заключенные, выстроенные во дворах в шеренги, при прибытии иностранных посетителей били себя кулаками в грудь, выкрикивая при этом хорошо выученные проклятья в адрес «коммунистов» и «лицемеров», каясь в проступках, славословя аятоллу Хомейни и клянясь в верности «исламской революции».

Иностранцев посетителей иранских мест заключения почти во всех случаях сопровождал невысокий коренастый человек с лицом, скрытым пышной черной бородой и очками, в наброшенном на плечи кителе. Он провел 14 лет в тюрьме при шахском правлении и рассказывал, что на спине у него еще сохранились шрамы от порок, которым он подвергался. Заняв после свержения монархии посты прокурора «исламской революции» Тегерана и начальника тюрьмы Эвин, Асадолла Ладжеварди признавал, что теперь многие прозывают его «тегеранским мясником». Превратив тюрьму в свою вотчину, он именно там без суда и следствия отправлял на казнь все новых и новых людей. Для расцвета ислама на иранской земле, заявлял он, можно уничтожить и миллион человек. Душа и главный вдохновитель репрессий, Ладжеварди говорил иностранным посетителям иранских тюрем:

— Это место, где террористы познают правду об исламе, где они сознаются в своих проступках и раскаиваются. Это не тюрьма, это — университет.

А специальный корреспондент туниССкой газеты «Ар-Рай», например, посетив Иран, квалифицировал показанные ему «университеты» как места «изоЩренной психологической обработки». Те места заключения, где иранские власти не заботились о такой обработке, иностранцам, разумеется, не показывали.

Репрессивные меры властей в отношении политической оппозиции и сочувствующих ей мирных граждан вызвали массовую — легальную и нелегальную — эмиграцию из Ирана, что побудило правительство наложить запрет на выезд из страны мужчин старше 16 лет. Недовольство существующим положением проявлялось и в таких своеобразных формах, как угоны в другие страны, особенно в Ирак, самолетов, принадлежащих либо иранской армии, либо государственной авиатранспортной компании «Иран эйр». Большинство угонщиков составляли армейские офицеры, которым было не по душе продолжение войны, или сторонники базирующихся за рубежом оппозиционных исламскому режиму политических организаций, опасавшиеся репрессий. Во второй половине 1984 г. иранским властям пришлось иметь дело с особенно большой вспышкой дезертирства и угонов самолетов. Только в июле — августе произошло 8 таких случаев.

С лета 1984 г. стали возобновляться и прямые антирежимные выступления оппозиции. Из Ирана периодически поступали сообщения о мощных взрывах, происходивших в Тегеране, Куме и других городах на центральных улицах, у железнодорожных вокзалов, зданий, банков, помещений Фонда обездоленных и других «исламских революционных организаций», в торговых кварталах. Следствием этих взрывов подчас были десятки убитых и сотни раненых («многие люди моментально превращались в горящие факелы», — рассказывали очевидцы), не говоря уже о громадном материальном ущербе. Хотя ответственность за взрывы и другие подобные террористические акции иногда прямо брали на себя либо промонархические группировки, базирующиеся за рубежом, либо экстремистские организации, действующие внутри страны, исламские власти без колебаний объявляли эти акции делом рук «агентов» США или же «социалистического правительства» Франции. Но иногда они вспоминали и «лицемеров», под которыми, как и прежде, имелись в

виду члены якобы полностью разгромленной организации моджахединов (хотя она отрицала свою причастность к взрывам).

Организация моджахединов в этот период, по имеющимся данным, стала переходить от тактики индивидуального террора к акциям более широкого характера и работе по агитации и пропаганде посредством листовок и стенных плакатов с целью наладить руководство массами. Судя по сообщениям парижского бюро Масуда Раджави, в июне 1984 г. сохранившиеся в Иране ячейки организации провели широкую кампанию осуждения «кровавой тирании и репрессий режима Хомейни». В ходе этой кампании во многих городах моджахедины обклеили стены плакатами с антирежимными лозунгами и нелегально распространили десятки тысяч листовок.

В последнюю неделю сентября 1984 г. ячейки моджахединов в Иране, судя по тому же источнику, провели самую широкую с июня 1981 г. кампанию за прекращение войны с Ираком и свержение режима. В ходе этой кампании, проводившейся в связи с 4-й годовщиной ирано-иракской войны под лозунгами «Долой войну!» и «Долой Хомейни!», моджахедины организовали антиправительственные акции в 50 городах и на 80 военных базах, где распространили 1,6 млн. листовок. По словам Раджави, «это был первый случай, когда наш военный персонал участвовал в публичных протестах». Саму кампанию протеста он расценил как факт, подтверждающий существование «общенационального сопротивления» в стране.

11 февраля 1985 г., за день до грандиозного военного парада в честь 6-й годовщины свержения шахского режима, в кабинет прокурора «исламской революции» в Тегеране было пущено три реактивных снаряда. На этот раз дело обошлось без жертв. Спустя месяц была совершена попытка покушения на жизнь президента Хаменеи: во время пятничной молитвы на территории Тегеранского университета террорист-самоубийца взорвал взрывчатку, которой был опоясан, в результате чего 7 человек погибли и 10 получили ранения. Ранее имела место попытка покушения и на председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани.

10 апреля 1985 г. в одном из беднейших кварталов южной части Тегерана состоялась 10-тысячная стихийная демонстрация под антиправительственными и антивоенными лозунгами. После продолжавшихся почти 6 часов столкновений со «стражами» около 300 демонстран-

тов (а по неофициальным данным — до 1 тыс.) было арестовано и отправлено в тюрьму Эвин. Имелись убитые и раненые, в том числе среди «стражей исламской революции». Поскольку сообщение об этом массовом выступлении было широко распространено зарубежными информационными агентствами, иранские власти оказались вынуждены выступить с официальной версией событий, согласно которой «попытки спровоцировать волнения» исходили от членов партии Туде, организации фedaинов и «лицемеров». Одновременно власти организовали контрманифестации нескольких сотен членов «партии Аллаха», проколесивших по столице на мотоциклах с выкриками в поддержку режима. А 22 апреля большая группа студентов, собравшихся перед зданием меджлиса, выступила с поддержкой политики правительства в отношении войны, «даже если она будет продолжаться 20 лет».

Выступления антиправительственных группировок продолжались и в последующем.

Факты антиправительственной деятельности оппозиционных организаций в косвенной форме были подтверждены министром информации Исламской Республики Иран Мохаммедом Рейшахри, руководившим также разведкой и силами безопасности. 28 августа 1985 г. он заявил, что в течение последнего года в стране было арестовано 493 члена оппозиционных организаций, в том числе 105 руководящих лиц, предотвращено 136 покушений на убийство, 41 запланированное нападение на важные объекты, 38 взрывов бомб и 9 попыток угона самолетов, конфисковано свыше 3,8 тыс. единиц различного оружия и около 260 тонн тринитротолуола, предназначенного для диверсий и взрывов.

Тяжелые потери, понесенные вооруженной оппозицией, признавались и руководством моджахединов. В сентябре 1985 г. организация опубликовала новый, дополненный список 12 026 поименно названных лиц, казненных в Иране с 20 июня 1981 г. При этом отмечалось, что более 2 тыс. из них было предано казни только за последний год. Общее число казненных с 1979 г. моджахедины оценивали в 50 тыс., а численность политзаключенных на конец 1985 г. — в 140 тыс. 15 ноября 1985 г. газета «Моджахед» опубликовала список 3771 представителя иранских властей, применяющего пытки и совершающего казни; газета перечисляла 36 методов физических пыток и 18 — психологических. В марте 1986 г. лидер организа-

ции моджахединов заявил, что с августа 1985 г. в Иране было казнено более 700 политических заключенных.

7 декабря 1985 г. Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН проголосовал за резолюцию, в которой выражалась «серьезная тревога» по поводу нарушений прав человека в Иране, включая пытки и казни людей без должного судопроизводства. 13 декабря того же года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран», в которой, ссылаясь на резолюции Комиссии ООН по правам человека от 11 марта 1982 г., 8 марта 1983 г., 14 марта 1984 г. и 13 марта 1985 г., выразила «глубокую озабоченность» по поводу положения дел в Иране.

МИД Ирана отверг обвинения в нарушении прав человека, содержащиеся в документах ООН. В интервью, переданном по тегеранскому радио, министр иностранных дел сказал:

— Нас не волнуют подобные выводы. Более того, любой неуместный акт против нас мы рассматриваем как признак своей правоты. Я заявляю, что политика правительства заключается в том, чтобы подавлять любой шаг, направленный на свержение нашей системы. Если кто-либо ошибочно полагает, что мы, возможно, проявим хотя бы малейшую гибкость в этом отношении, то я заявляю на сей счет, что подобная идея абсолютно неверна. Мы гордимся тем, что делаем.

Продолжающиеся антиправительственные выступления оппозиции, несмотря на их спорадический характер, по мнению многих западных обозревателей, были признаком растущего в Иране недовольства режимом шиитской теократии. В западной печати появились также высказывания, что оно, очевидно, не могло пока еще проявиться в более явных и открытых формах, поскольку общественное единство в стране усилиями правящего духовенства опиралось главным образом на подозрительность, взаимную слежку и доносы, недовольных легко ставили к стенке и чуть ли не каждый жил под дулом пистолета.

С тем же неистребимым рвением исламские власти выкорчевывали «грех инакомыслия» среди таких групп населения, как национальные и религиозные меньшинства, рабочие, молодежь, женщины и т. д. Предметом особых забот правящего духовенства было продолжение не-

объявленной войны в Курдистане: местное автономистское движение оказалось единственной в Иране оппозиционной силой, способной удерживать под своим контролем значительный район страны. К тому же там сконцентрировались большие группы членов организаций моджахединов и феданнов («меньшинство»), действовавших бок о бок с курдскими политическими организациями.

Необъявленную войну в Курдистане исламский режим сопровождал ожесточенной пропагандистской кампанией. Средства массовой информации практически ежедневно уверяли население, что курды-автономисты действуют заодно с «феодалами, шахскими генералами и прочей контрреволюцией», предавая тем самым интересы крестьянства и других трудящихся слоев населения. Периодически сообщалось о раскрытых и обезвреженных заговорах. В захваченных правительственными силами курдских городах делались попытки организации «маршей курдов-мусульман» под лозунгами «принятия революционных мер в отношении феодалов и заговорщиков» и с требованиями введения в Курдистане «истинно исламских законов» — в духе указаний имама Хомейни.

Бои в Курдистане не прекращались почти ни на один день. В начале октября 1981 г. исламские силы, состоящие из подразделений «стражей», армии, полиции, жандармерии и народного ополчения, установили власть центрального правительства над городом Букан, который в течение двух с половиной лет удерживался вооруженными отрядами Демократической партии Иранского Курдистана. За неделю здесь было арестовано 80 членов оппозиционных режиму организаций.

С приближением зимы, затруднявшей передвижение правительственных сил, повстанцы начали брать реванш за неудачи летнего периода, когда им пришлось полностью отойти в гористые районы. Они постоянно совершали партизанские вылазки с применением тяжелого оружия против правительственных подразделений, концентрировавшихся в «освобожденных» исламскими силами населенных пунктах. Особенно частым нападениям подвергались главный город Курдистана Мехабад и другие крупные города. Отряды «стражей», против которых были направлены основные удары партизан, несли тяжелые потери.

Немалыми были и потери повстанцев. В марте 1982 г. руководитель ДПИК Абдуррахман Касемлу отмечал, что

за три года борьбы за автономию было убито 15 тыс. курдов. По его оценке, вооруженные формирования партии на тот момент контролировали район площадью почти 60—70 тыс. квадратных километров. Повстанческими силами в составе 12 тыс. бойцов и 50—60 тыс. ополченцев приходилось сражаться с 40 тыс. солдат и более 45 тыс. «стражей», на которые была возложена задача «чистки» курдских деревень от «контрреволюционных групп» и «американских наемников».

Весной — летом 1982 г. в Курдистане развернулись ожесточенные бои, каждый из которых имел результатом десятки, а подчас и сотни жертв (в ходе одной из операций погиб брат А. Касемлу). Опираясь на поддержку местного населения, партизаны совершали нападения на правительственные учреждения в городах, обстреливали их из минометов, гранатометов, производили атаки на военные базы, используя ракетное оружие. Власти со своей стороны проводили массовые репрессии против членов ДПИК, организации «Кумеле» и других антиправительственных группировок. В марте в городе Секкез население провело 5-дневную всеобщую забастовку в знак протеста против ареста 250 жителей, которые впоследствии исчезли.

С середины сентября 1982 г., мобилизовав значительные силы, правительство резко активизировало военные действия против курдских повстанцев, заявив о своей решимости раз и навсегда покончить с ними. Вооруженные столкновения распространились на весь Курдистан, карательные операции против партизан с использованием вертолетов огневой поддержки и артиллерийские обстрелы курдских деревень приняли систематический характер. Курды в свою очередь усилили операции против военных объектов правительственных сил. По оценке религиозного лидера курдов шейха Эзеддина Хосейни, в течение месяца потери правительственных подразделений убитыми, ранеными и захваченными в плен составили более 2,5 тыс. человек, тогда как курды потеряли 200 человек убитыми и ранеными, в основном из мирного населения. В правительственных сообщениях приводились аналогичные цифры, но в обратном соотношении. Во всяком случае, к концу октября объединенные отряды «стражей», полиции, жандармерии и регулярных воинских частей ценой крупных потерь смогли нанести ряд поражений подразделениям курдских повстанцев, вынужденных отойти к границам с Ираком и Турцией. Командую-

ший Корпусом стражей исламской революции Мохсен Резаи утверждал в печати, что «исламским силам» в Курдистане удалось уничтожить несколько баз боевой подготовки противников режима, в том числе организации моджахединов. На захваченных территориях проводились конфискации оружия у населения, «чистка» среди преподавателей, аресты «подозрительных лиц», массовые переселения курдов в восточные и центральные провинции (с целью лишить повстанцев поддержки среди мирного населения).

К ноябрю 1982 г. ожесточенное сопротивление, оказываемое партизанами, снегопады и неблагоприятные погодные условия ослабили наступление правительственных сил. Со своей стороны курды активизировали нападения на города. В декабре повстанцы, вооруженные автоматическими винтовками и ракетными установками, ворвались в Мехабад и атаковали семь правительственных учреждений, включая радио- и телецентр, а также штаб-квартиру «стражей». В ходе трехдневных тяжелых боев на главных улицах города им удалось, по данным ДПИК, ликвидировать 70 «стражей», потеряв трех человек.

Аналогичные события имели место и в других городах. Но решающих сдвигов в борьбе курды не добились: инициатива осталась у правительственных сил, несмотря на понесенные ими тяжелые потери.

Весной и летом 1983 г. правительственные силы вновь активизировали наступательные действия против курдов, сумев отбить у них, по официальным данным, более 100 деревень близ границы с Ираком. Несмотря на прибытие в курдские районы более тысячи членов организации моджахединов, вынужденных бежать от полицейских облав в центральных городах, и периодические атаки курдов на Мехабад и другие стратегически важные пункты в Курдистане, инициатива продолжала оставаться у правительственных сил, сумевших в начале осени «освободить» еще более 30 деревень, убив и ранив несколько сот курдов. Однако курдские повстанцы не прекращали борьбу, продолжая нападения на города и армейские базы. В течение весны и лета 1983 г. правительственные силы, нигде не чувствовавшие себя в безопасности от курдских засад, потеряли, по данным А. Касемлу, 5322 человека убитыми и 1516 — ранеными.

Весной 1984 г. 150-тысячные силы регулярных войск и «стражей» начали новую наступательную кампанию

против 15-тысячных курдских партизанских отрядов, включавших небольшое число моджахединов и феодалов («меньшинство»). Наступление имело целью выбить повстанцев из их последних оплотов на вершинах гор, куда они перешли после утраты освобожденных районов у самой границы с Ираком, и положить конец продолжавшемуся на протяжении многих месяцев стычкам, в ходе которых курды переключились с тактики фронтальных атак на тактику коротких ударов, без ввязывания в серьезные бои. Правительственные силы пустили в ход все имеющееся у них тяжелое вооружение, включая артиллерию, ракеты и вертолеты.

Летом 1984 г. военные столкновения значительно усилились. К началу июля, по официальным сообщениям, правительственные войска «очистили» от повстанцев район площадью 2 тыс. квадратных километров, выбили их из 70 деревень и убили или захватили в плен около 100 руководителей. 17 августа исламские силы начали новую широкомасштабную операцию по изгнанию повстанцев из горных убежищ. К осени, судя по всему, курдам был нанесен серьезный урон, хотя окончательно сломить их сопротивление центральному правительству так и не удалось.

Зимой 1984/85 г. курдские повстанцы, воспользовавшись снегопадами и морозами, активизировали военные действия. По словам Абдуррахмана Касемлу, 12 тыс. бойцов руководимой им организации сковали действия почти 200 тыс. иранских солдат, «стражей» и ополченцев, занятых охраной городов и деревень в курдских районах. Курдские отряды ежедневными нападениями на правительственные базы изматывали силы противника. В январе 1985 г., согласно тому же источнику, в результате нападения на военную базу в городе Салмаз бойцов Демократической партии Иранского Курдистана «стражи исламской революции» потеряли 410 человек убитыми; потери ДПИК составили 14 человек. По данным А. Касемлу, за шесть месяцев курдские партизаны уничтожили более 4 тыс. «стражей» и солдат и взяли под контроль большую часть сельскохозяйственных районов Иранского Курдистана.

Указанные выше данные Касемлу приводил в ходе интервью во время своей пропагандистской поездки по Европе, что само по себе может свидетельствовать о завышенном характере отмеченных им потерь правительственных сил. Но то обстоятельство, что последние так и

не смогли установить в районе «подлинную безопасность», признавал даже командующий объединенными силами правительственных сил Изади в ноябрьском номере журнала «Стражи революции» за 1984 г.

— Мы добьемся успеха, когда изолируем народ от этих контрреволюционеров,— заявил он, подчеркнув необходимость привлечь на сторону центральных властей курдское население.

В 1986 г. положение в Иранском Курдистане оставалось прежним: в дневное время контроль над многими территориями осуществляли правительственные силы, по ночам — повстанцы.

Борьбу против режима вели и многие другие меньшинства. Весной 1982 г. антиправительственные выступления кашкайских племен в провинции Фарс переросли в вооруженное восстание. В окрестностях многих городов они создали военизированные лагеря. С конца апреля между племенными отрядами и посланными на борьбу с ними подразделениями «стражей» начались кровопролитные столкновения. В июне правительственным силам безопасности удалось арестовать предводителя кашкайских племен Хосроу Кашкаи и ряд других организаторов антиправительственных выступлений. Спустя три месяца, в сентябре 1982 г., Хосроу Кашкаи был казнен по приговору исламского суда, заклеившего его как «американскую марионетку» и «опору противников режима».

Репрессии коснулись и других национальных и религиозных меньшинств. В связи с этим в районе Захедана в 1985—1986 гг. имели место неоднократные столкновения между правительственными силами и отрядами белуджских племен, выступавших за сохранение своих традиционных прав. 200-тысячная армянская община выражала недовольство требованием исламских властей, чтобы в национальных школах преподавание всех дисциплин, в том числе и катехизиса, велось на персидском языке. Против религиозных меньшинств было направлено и введение в самом начале 1982 г. правительственного декрета о необходимости всем работникам государственных учреждений и военнослужащим заполнить анкету о своем вероисповедании. Отказ подчиниться грозил не только увольнением с работы, но и тюремным заключением, а дача ложных сведений — возможностью казни.

Исламские власти без колебаний обрушивали репрессии и на те слои общества, которые, по беспрестанным заявлениям официальных лиц, составляли массовую опо-

ру режима. В отношении пролетариата, менее других категорий населения подверженного влиянию религиозной идеологии, такого рода заявления имели целью подчинение рабочего движения, его интегрирование в социально-политическую структуру шиитской теократии.

В середине марта 1982 г. бюро Масуда Раджави в Париже объявило о том, что исламские власти с июня 1981 г. казнили сотни рабочих по обвинению в организации забастовок и инакомыслии по отношению к правящему режиму. В этой связи лидер моджахединов призвал Международное бюро труда (МБТ) направить в Иран делегацию для расследования «многочисленных случаев высылки, арестов, пыток и казней рабочих, осуществлявшихся режимом Хомейни».

Представитель Раджави в Бейруте разъяснил корреспонденту Ассошиэтед Пресс, что казненные работали на крупных объектах иранской промышленности, в том числе в Иранской национальной нефтяной компании и на цементном заводе компании Парс. Он рассказал также о зверском избиении большой группы рабочих за то, что они подписали петицию с требованием улучшения условий труда, под которой стояло 400 подписей; 15 из избитых рабочих были арестованы, и об их судьбе давно ничего не известно (позже руководство моджахединов получило сведения об их казни).

В иранскую печать подобные факты, разумеется, не попадали. Но и те материалы, которые иногда публиковались местной прессой по рабочему вопросу, были достаточно показательны. Таково, например, послание к рабочим премьер-министра Ирана Мусави по случаю 1 Мая, объявленного духовенством Международным днем обездоленных. Премьер призвал иранских рабочих рассматривать заводы и фабрики в качестве бастионов борьбы против врагов «исламской революции», которые пытаются сеять «семена раздора» среди иранских рабочих, с тем чтобы найти пути и средства развала экономики и подчинения страны иностранным державам. В заключение он предостерег рабочих от влияния различного рода атеистических групп, которые стараются отделить их от остальной части общества.

Сообщения о выступлениях рабочих и — соответственно — репрессиях против них поступали и в 1984 г. По данным «Морнинг стар» от 14 декабря, во второй половине года произошли по крайней мере две крупные забастовки. Одна из них произошла в июле в Тегеране на

заводе по производству безалкогольных напитков, находящемся в ведении Фонда обездоленных, и охватила 4,5 тыс. рабочих, протестовавших против отказа администрации выплатить им надбавки к заработной плате. По собравшимся во дворе завода рабочим был открыт огонь; по меньшей мере четверо рабочих были убиты. Вторая забастовка имела место в начале декабря на Исфаганском металлургическом заводе, где ею было охвачено около 10 тыс. человек. Бастующие требовали восстановления профсоюзных прав, повышения зарплаты и прекращения полицейского надзора на предприятии. Несколько руководителей забастовки было арестовано.

Забастовочное движение рабочих продолжалось и в последующие годы. Так, в 1985 г., по данным Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), состоялись стачки на предприятиях табачной и пищевой промышленности. Основным требованием пролетариата по-прежнему было восстановление профсоюзных прав.

Насаждение правящим духовенством на предприятиях взамен профсоюзных организаций так называемых исламских комитетов (в составе мулл, предпринимателей и представителей рабочих) являлось лишь одним из проявлений процесса исламизации всей политической, общественной и семейной жизни иранских граждан. Конечным результатом этого процесса, по мысли верховных правителей Исламской Республики Иран, должно было стать создание «божественного государства», руководящий принцип которого состоял бы в том, чтобы обеспечить обязательное соблюдение предписаний Корана и шариата.

В первые два-три года после свержения шахского режима разные исламские суды отправляли правосудие по собственному усмотрению. В 1981 г., после долгих дискуссий за «круглым столом», в министерстве внутренних дел был одобрен и затем представлен парламенту свод законов о введении системы уголовных и гражданских наказаний, базирующихся на исламском праве — шариате. Свод законов, включающий в себя «закон мести», был основан на принципе: «око за око, зуб за зуб». Так, умышленное убийство подлежало аналогичному отмщению, и родители, опекун или другой родственник жертвы могли прикончить убийцу с разрешения исламского судьи или его представителя. За «преступления перед исламом» законом предусматривалось отрезание носа, ушей, рук, выкалывание глаз, выбивание зубов и

другие наказания. Но наибольшее внимание уделялось «преступлениям», связанным с адюльтером. Ст. 81 законоуложения даже давала определение прелюбодеяния, за которое полагались такие виды наказания, как убийство, бичевание, забивание камнями, ссылка, бритье головы.

В августе 1982 г. свод законов был принят комитетом юстиции меджлиса. В январе 1983 г. меджлис утвердил несколько статей законоуложения, но из-за бурных споров решением Высшего юридического совета дальнейшее обсуждение было приостановлено. Однако особого практического значения это решение не имело.

— Все законы прошлого, противоречащие шариату, необходимо выкинуть на свалку,— говорил имам.— Всю ответственность за это я беру на себя. Применяйте исламские законы. Если кто-нибудь потребует от вас применять неисламские законы, заткните ему рот.

В последующем исламские трибуналы именно так и действовали. Центральный трибунал по борьбе с моральной деградацией заседал непрерывно с 7 часов утра до полуночи. Даже в самые тяжелые для Исламской Республики дни вооруженной борьбы с моджахедами и другими леворадикальными организациями исламские суды не приостанавливали рассмотрение дел, связанных с употреблением спиртных напитков и наркотиков, слушанием запрещенной легкой музыки, прелюбодеянием и совершением других «антиисламских проступков». Наказания плетью, бритье головы и бороды, забивание камнями, тюремное заключение и казни не прекращались ни на один день. Так, в конце 1981 — начале 1982 г. по подозрению в «контрреволюционной деятельности» за 20 дней было арестовано 264 человека, а по обвинению в нарушении «исламских норм» — 864.

Бюро по борьбе с непристойностями работало не покладая рук. В жилых домах по доносам проводились обыски, в ходе которых конфисковывались такие музыкальные инструменты, как гитары и скрипки, а также магнитофонные кассеты, видеозаписи, грампластинки и т. п. Все театры и их работники перед открытием каждого сезона должны были получать разрешение министерства исламской ориентации. На побережье Каспийского моря бульдозерами были снесены все раздевалки для купающихся. 16 июня 1982 г. тегеранская газета «Кейхан» опубликовала заявление Совета безопасности прикаспийского города Бабольсер. Вот некоторые выдержки из него:

— Соблюдение исламской одежды как на пляжах, так и в домах для братьев и сестер считается обязательным.

— Сестры могут купаться в море с 7.00 утра до 12.00 дня, а братья — с 13.00 до 20.00 вечера.

— Когда представители одной из групп купаются, то члены другой к морю не допускаются.

— С 7.00 утра до 12.00 дня запрещается всякое движение на плавсредствах и фотографирование.

— Мотоциклы и автомашины к побережью не допускаются.

— Прогулки верхом по пляжам и вблизи от побережья запрещаются.

— Женские купальные костюмы типа «бикини» как на пляжах, так и в отелях и в городе носить запрещается.

— Нарушители вышеперечисленных правил будут сурово наказываться в соответствии со священными исламскими законами.

Особенно тяжелые ограничения накладывались на население во время мусульманского поста в месяц рамазан. Перед началом этого месяца Бюро по борьбе с непристойностями обычно выступало с заявлением, в котором требовало от населения самым строгим образом соблюдать исламские нормы. В течение дня запрещалось потребление пищи, воды, курение. Люди, нарушившие пост, подвергались 25 ударам плетью прямо на улицах и площадях; уличенные в том же в четвертый раз предавались смертной казни. Одновременно министерство исламской ориентации закрывало все места отдыха — парки, театры, рестораны и другие подобные заведения. В остальное время в местах общественного питания допускались только такие музыкальные произведения, как марши и патриотические гимны; у женщин могли быть открыты только кисти рук и лицо; мужчины должны были сидеть отдельно от женщин; украшения «западного типа», картины и «возбуждающий свет, включая красный», запрещались.

Наиболее жестоким гонениям подвергались женщины, осмеливавшиеся нарушать предписания религиозных властей о ношении чадры или платка, закрывающего большую часть лица. Контроль за этим осуществляли как добровольные поборники шарната, так и члены «партии Аллаха». Чинимый ими суд обычно был короток: плеснуть в лицо кислоту или исполосовать его бритвой

считалось не самым тяжелым наказанием. Нередко, как неоднократно подтверждалось в печати, женщин с открытым лицом забивали на месте камнями или палками.

Члены «партии Аллаха», которым официальные деятели открыто предписывали следить за соблюдением исламских норм, не обходили «вниманием» и представительниц национальных и религиозных меньшинств. Правда, армянские девушки находили выход из положения в том, что вместо чадры надевали традиционный армянский национальный головной убор с крестиком впереди. Дело дошло до того, что женщины из иностранных представительств не могли выходить на улицу без платка, платья с длинными рукавами и чулок. На все их жалобы власти отвечали, что не в состоянии оградить кого-либо от деятельности «партии Аллаха».

Основополагающие указания по вопросам, касавшимся положения женщин, исходили обычно из самых высших государственных инстанций. Показательно в этом отношении выступление Хомейни еще в середине марта 1981 г. перед группой женщин из «священного» города Кума. Объявив возвращение к чадре одним из великих свершений революции, он заявил:

— При шахе социальный престиж женщин зависел от того, носит ли она непристойную одежду и использует ли ужасную косметику, но сегодня он определяется человеческими и моральными достоинствами. Женщины, которые кичатся своими дорогими одеждами и косметикой — свидетельством их падения, осуждаются. Они испытывают стыд в присутствии богобоязненных иранских женщин, в отличие от прошлых лет, когда набожные мусульманки стеснялись появляться в одежде, предписываемой правилами религии. Даже если эта исламская революция не принесет другого результата, благодатная эволюция взглядов иранских женщин сама по себе — огромное достижение.

В заключение имам указал на опасное влияние «ядовитых болтунов и писак», выступающих против исламской одежды. Он утверждал, что женщины могут играть даже более важную роль в жизни иранского общества, чем мужчины: они должны служить отечеству как «хорошие матери для своих детей и добрые советчики для трудящихся масс» и помогать делу революции, проявляя заботу о сиротах и «облегчая участь жертв навязанной войны».

Такого рода основополагающие указания находили свою конкретизацию в выступлениях других руководящих деятелей режима. Так, 13 ноября 1981 г. во время пятничной молитвы на территории Тегеранского университета генеральный прокурор «исламской революции» Мусави-Табриси заклеил «развратных женщин, разгуливающих по улицам в вызывающей одежде и сеющих разврат в обществе с целью морального разложения молодежи». Вдохновленные члены «партии Аллаха» сразу же начали очередную кампанию против «развратных женщин».

Важнейшим способом привлечь женщин, как и другие слои населения, к общественным мероприятиям режима исламское руководство считало участие в демонстрациях и скандирование лозунгов. Это превратилось в столь же важные обязанности, как ежедневные молитвы и массовые моления в пятницу. Лозунги скандировались не только на митингах, но и на семинарах в вузах, на собраниях руководителей промышленных предприятий и т. д. Даже тяжелораненые солдаты после внутривенных вливаний поднимали перебинтованные руки и во всю мощь своих легких восклицали: «Аллах велик!»

Однако меры властей по искоренению «антиисламских проступков» давали небольшой эффект. Поскольку исламские трибуналы выносили смертные и иные приговоры не столько производителям, сколько потребителям спиртных напитков, их подпольное производство, поставленное на промышленный лад, не прекращалось. Место одних групп грабителей и контрабандистов наркотиков, излавливаемых в ходе крупномасштабных полицейских операций, занимали другие. Так, с 21 марта 1981 г. по 21 января 1982 г. только жандармерией было конфисковано 12 тонн опиума и сотни килограммов гашиша и морфия, арестовано 1770 человек. А в марте 1984 — феврале 1985 г. за контрабанду наркотиков было арестовано 15,5 тыс. человек, у которых власти конфисковали около 2,5 тонны героина и почти 2 тонны опиума. Число наркоманов, отправленных для исправления на один из островов Персидского залива, к апрелю 1985 г. составило 2 тыс.

Не прекращались и другие «антиисламские проступки». В частности, не стихала волна вооруженных грабежей и воровства. В начале марта 1982 г. среди бела дня было ограблено одно из отделений Национального банка в Тегеране; в начале мая — совершено вооруженное на-

падение на банк Фонда обездоленных, при этом 5 человек были убиты и около 15 ранены (в том числе прохожие). Ограбления банков, грабежи квартир, мелкие кражи стали повсеместным и повседневным явлением. Как отмечали представители иранской полиции, на путь такого рода преступлений становились в основном молодые люди, не имеющие работы и возможности учиться. Одновременно резко возросло нищенство, ставшее настоящим социальным злом; в печати все чаще появлялись сообщения о случаях самоубийств.

8 февраля 1985 г. газета «Кейхан» сообщила, что для отсечения пальцев вора власти начали использование новой машины, предварительно испробованной в тегеранской тюрьме Каср на четырех рецидивистах, у которых в присутствии других заключенных, официального лица и врача отсекли по четыре пальца правой руки. Член Высшего юридического совета аятолла Мир-Мохаммади заявил об изобретении электрической машины и для отсечения рук.

Длань «исламской справедливости» чувствовала себя тесно в пределах страны и то и дело рвалась за ее рубежи. Так, с целью положить конец антирежимным выступлениям иранских студентов за границей правительство в ноябре 1981 г. лишило часть из них стипендий и иранских паспортов. Это заставило тысячи людей просить политического убежища в странах пребывания. Общее число эмигрантов из Ирана в тот период составляло, по некоторым данным, около 1,5 млн. человек (из них 1 млн. в арабских странах Персидского залива, 300 тыс. в США, 70 тыс. во Франции). В последующем это число значительно повысилось, в частности, за счет увольнения дипломатических работников, не проявивших в достаточной мере «исламский образ мышления».

В свое время, в дни борьбы с монархическим режимом, лейтмотивом обличительных речей Хомейни было осуждение политики шаха, превратившего, по его словам, всю страну в «кладбищенский двор». Со своей стороны аятолла обещал превратить тюрьмы, заполненные противниками режима, в музеи, которые будут давать людям радость обретенной свободы. Спустя некоторое время после свержения монархии исламские власти стали не только реконструировать и многократно расширять сеть шахских тюрем, но и заполнять их теми, кто,

хотя и был в первых рядах борьбы с монархическим режимом, предположительно мог со временем составить потенциальные очаги организованной оппозиции правлению шиитского духовенства.

К числу таких политических сил исламские власти относили Народную партию Ирана и организацию федаинов («большинство»), хотя они искренне поддерживали все объективно антиимпериалистические действия режима и те внутренние мероприятия, которые соответствовали насущным материальным нуждам обездоленных слоев населения. Параллельно с репрессиями против тех оппозиционных группировок, которые вступили на путь вооруженной борьбы, власти исподволь готовились к расправе с двумя этими организациями, находившимися фактически на легальном положении. В январе 1982 г. аятолла Раббани-Ширази, член Совета по наблюдению за осуществлением конституции, в выступлении в юго-западной провинции Хузестан потребовал убрать из всех государственных учреждений «подрывные элементы» партии Туде.

Тогда же началась широкая кампания «чистки», призванная удалить членов и сторонников Туде и федаинов («большинство») из административного аппарата и с более или менее важных постов в промышленности, из вузов и т. п. Широкий характер приняли закрытия бюро и представительств этих организаций в провинциях, гонения на их печатные органы, аресты и тюремные заключения без суда их активистов, открытые подстрекательства населения к расправе с левыми.

13 июля 1982 г. канцелярия генерального прокурора Тегерана опубликовала заявление о закрытии еженедельной газеты связанного с НПИ Демократического союза народа Ирана «Эттехад мардом» из-за «оппозиции исламу» и нарушения принципа исламской политики «ни Восток, ни Запад». (Ранее в результате разгрома типографии перестала выходить газета «Намее мардом» — орган ЦК НПИ.) Были случаи арестов распространителей газеты «Кар» — печатного органа организации федаинов («большинство»). С того же времени в печати впервые стали появляться сообщения о преследованиях и казнях наряду с «лицемерами» и «коммунистами». По данным НПИ, в 1981—1982 гг. за решетку было брошено более 300 членов и активистов партии.

Исламские власти с каждым месяцем ужесточали позицию по отношению к партии Туде и организации

федаинов («большинство»), все еще оставшимися единственными легально действующими левыми организациями. В ноябре 1982 г. генеральный прокурор «исламской революции» Мусави-Табризи заявил на пресс-конференции, что они являются «незаконными». Он признал, что «некоторые члены этих организаций арестованы, были судимы и казнены». В западной прессе отмечалось, что основным «преступлением против исламского режима» легально действующих левых групп, в особенности федаинов («большинство»), были резкие осуждения ими решения иранского руководства перенести военные действия на территорию Ирака, что они квалифицировали как «агрессию». К тому же в это время в стране были отмечены случаи отказов от призыва в армию, а в Хамадане и Мешхеде в августе 1982 г. прошли даже антивоенные демонстрации с участием духовенства. В ответ на это в течение только одной недели августа в Иране ежедневно казнили по меньшей мере по 100 человек. Репрессии против левых групп проходили в обстановке разжигания режимом кампании антикоммунизма. Туде обвинялась в намерении установить в Иране «коммунистический режим».

В стране назревали новые драматические события. 26 декабря 1982 г. иранское официальное агентство ИРНА передало заявление председателя меджлиса ходжат-оль-эслама Хашеми-Рафсанджани. Исламские власти, заявил он, не пошли сразу же на то, чтобы убрать с политической арены левые силы (так же как и либералов) потому, что они могли способствовать упрочению Исламской Республики. Было ясно, что власти готовятся к полному разгрому еще сохранившихся левых организаций.

В ночь с 6 на 7 февраля 1983 г. в ходе тщательно подготовленной полицейской облавы исламские власти арестовали несколько десятков руководителей и активистов Народной партии Ирана и других прогрессивных организаций, в частности Демократического союза женщин Ирана во главе с его председателем Мариам Фарман-Фармаян (Фируз). Спустя три месяца, 7 мая 1983 г., председатель Верховного суда ходжат-оль-эслам Абдолькерим Мусави-Ардебилли расценил эту акцию властей как «чудо, свидетельствующее о гениальности лозунга «ни Восток, ни Запад», и как показатель того, что «иранский народ никогда не продаст свою независимость».

Первоначально же арест членов руководства партии Туде не сопровождался предъявлением им каких-либо обвинений. Из этого наблюдатели сделали вывод, что соответствующий вопрос к тому времени еще не был окончательно решен в «верхах» Исламской Республики. Только в конце марта в интервью газете «Эттелаат» генеральный прокурор «исламской революции» ходжатоль-эслам Хосейн Мусави-Табризи огласил суть обвинений — «шпионаж и подрывная деятельность».

Эти обвинения были настолько абсурдны и надуманны, что вызвали недоверие и насмешки даже в большей части буржуазной печати. Так, «Индиан экспресс» от 20 мая, отмечая несостоятельность обвинений в «шпионаже», выдвинутых против НПИ, задавалась вопросом: какие «секреты» она могла передавать, если никогда не была у власти, когда ее просто терпели, учитывая заслуги в борьбе против предыдущего режима и поддержку революции? Газета делала вывод, что репрессии против Туде являются еще одним свидетельством консолидации позиций религиозных элементов после того, как они поочередно уничтожили почти всех своих открытых противников.

В «подкрепление» обвинений против НПИ исламские власти в конце апреля — начале мая организовали постыдные телевизионные шоу, в ходе которых заставили свои жертвы, подвергшиеся тяжелейшим физическим и морально-психологическим пыткам, выступить с «признаниями» в «шпионской деятельности» и «заговоре с целью свержения режима Исламской Республики».

Но и это не возымело действия. В органах мировой печати самых различных направлений отмечалось применение к заключенным физического и морального насилия, наркотических и психохимических средств, в частности лекарств с нервнопаралитическим действием, и других бесчеловечных методов воздействия. К этому выводу пришли специалисты-медики, просматривавшие иранские телевизионные кадры, на основе анализа характера движений лицевых мышц выступавших с «признаниями» и манеры их речи. Периодическое повторение иранскими властями такого рода телевизионных шоу не только не остановило активную кампанию протестов в демократической печати, но и способствовало росту акций солидарности с иранскими патриотами.

В средствах массовой информации различных стран резко возросла кампания по разоблачению действий

иранского режима. Так, тунисская газета «Ат-Тарик аль-Джадид» опубликовала 7 мая статью под названием «Иранская революция перерастает в трагедию под религиозной оболочкой». «Признания», сфабрикованные или вырванные под пытками в погоне за пропагандистскими целями, отмечалось в статье, показывают лишь то, что революция в Иране, утрачивая свой антиимпериалистический характер, становится на путь «абсолютизма, слепого фанатизма, косности, ликвидации демократических свобод, возвращается к временам жестокого произвола, который был характерен для шахского режима».

Многие наблюдатели обратили внимание и на то, что иранские власти поначалу не сообщали никаких данных о численности арестованных деятелей партии Туде. Правда, в середине марта 1983 г. орган Исламской республиканской партии газета «Джомхурийе эслами» привела неофициальную цифру — 300. Но уже 18 мая генеральный прокурор Мусави-Табризи в интервью иранскому радио и телевидению заявил, что к тому времени по всей стране было арестовано 1,5 тыс. членов партии. К концу мая эта цифра, по данным того же информатора, возросла до 8,5 тыс.

Было ясно, что исламские власти взяли курс на физическое уничтожение партии Туде, последней нерелигиозной политической организации страны. И действительно, уже 4 мая было официально объявлено о запрещении деятельности партии, а всем ее членам и сторонникам предписано зарегистрироваться в судебных органах. Спустя полтора месяца местным властям был дан приказ начать с 18 июня аресты всех членов и сторонников партии, уклонившихся от выполнения указанного предписания.

Новая волна арестов членов Туде и сочувствующих им захватила и вооруженные силы, в том числе Корпус стражей исламской революции. В июне 1983 г. было арестовано несколько сот военнослужащих, включая высокопоставленных офицеров ВВС и ВМС. Среди арестованных был командующий военно-морскими силами Ирана капитан I ранга Бахрам Афзали, смещенный со своего поста еще в апреле. Арестованным группам патриотически настроенных офицеров были приписаны участие в так называемой «секретной военной организации» партии Туде, незаконное хранение оружия и т.п.

Одновременно власти вели усиленную обработку общественного мнения с целью подготовить его к предстоя-

щей суровой расправе над Народной партией Ирана. В мае 1983 г. председатель Верховного суда аятолла Абдолькерим Мусави-Ардебилли заявил, что арестованным членам этой партии, учитывая их признания и будто бы имеющиеся документы, а также тяжесть совершенных «преступлений», грозят приговоры к высшей мере наказания.

— Мы надеемся, что, благодарение богу, наше общество избавится от этой предательской и незаконной партии. Нанесенный ей ныне удар — самый серьезный за всю ее историю, — сказал Мусави-Ардебилли.

События в Иране вызвали возмущение всех прогрессивных и демократических сил мира, потребовавших от исламских властей прекращения репрессий в отношении патриотических кругов страны, физических и психологических пыток и других издевательств над заключенными, освобождения всех политзаключенных. С осуждением репрессий в Иране выступили не только подавляющее большинство коммунистических и рабочих партий, но и многие другие демократические организации.

В конце июля иранские власти объявили о предстоящих через месяц судебных процессах над деятелями партии Туде. Однако позже, сославшись на якобы огромные масштабы «предательской деятельности этой партии», назначили новый срок — декабрь 1983 г. Между тем в мировой демократической и коммунистической печати периодически появлялись сообщения со ссылкой на полученную из Тегерана информацию о гибели от пыток отдельных членов руководства Народной партии. Не исключено, отмечал французский еженедельник «Юманите диманш», что имеют место тайные расправы над политическими заключенными — членами партии Туде.

В декабре 1983 г. в Военном исламском революционном трибунале под председательством ходжат-оль-эслама Мохаммеда Рейшахри состоялся ряд судебных процессов над несколькими группами военных и гражданских лиц, которым была приписана принадлежность к «секретной организации» партии Туде. Обвиняемые вели свою защиту без адвокатов. Иностранные журналисты на судебные процессы не были допущены, что власти объяснили «соображениями безопасности».

21 января 1984 г. в Тегеране были оглашены приговоры 86 членам «секретной организации» Туде. Шестеро из них были приговорены к пожизненному заключению,

один — к 30 годам тюремного заключения, пятеро — к 20, шестеро — к 15, один — к 14, трое — к 12, 14 — к 10 годам и остальные — к различным срокам (от 8 лет до нескольких месяцев). В начале февраля было объявлено об утверждении Верховным судом приговоров к смертной казни, вынесенных группе военных и гражданских лиц из «секретной организации». Список из 10 имен, который открывал капитан Бахрам Афзали, был обнародован в день казни, 25 февраля 1984 г.

Спустя два дня «Юманите» писала: «Трибуналы осуждают сегодня тех, кто был в первых рядах борцов против диктатуры шаха. Восемь тысяч коммунистов находятся в тюрьмах вместе с другими демократами. Эти преследования показывают, насколько сбилась с пути иранская революция». Газета высказывала тревогу по поводу того, что остальным тысячам заключенных предъявлены такие же обвинения, что и десяти казненным. «Кровавые репрессии, — заключала «Юманите», — предвещают Ирану не многократно обещанную зарю, а одну из самых темных почей».

В начале 1984 г. состоялись судебные процессы над активистами Народной партии и в ряде провинциальных городов. В Тебризе и Кермане суду были преданы по 100 человек, в Ширазе — 50, в Урмии (Резайе) — 33, Бушире — 30 и т. д. При этом приговоры обнародовались только в отдельных случаях. Так, в Урмии (Резайе) 25 членов Туде были приговорены к различным срокам тюремного заключения, в том числе длительным — вплоть до 30 лет, в Араке 14 человек — сроком до 10 лет.

В начале ноября 1984 г. исламские власти объявили о предстоящем в ближайшие дни «открытом судебном процессе» над членами ЦК и другими руководителями «официальной организации» партии Туде. Затем последовало новое объявление о том, что процесс отложен. На деле же, как отмечалось со ссылкой на надежную информацию в сообщениях различных зарубежных комитетов солидарности с иранскими политическими заключенными и в заявлениях Центрального комитета Народной партии Ирана, процессы над некоторыми группами руководителей НПИ фактически состоялись в закрытом порядке. В последующем также поступали сведения о тайном вынесении приговоров, в том числе и смертных, сотням членов партии.

Кровавые репрессии, обрушенные властями на Народную партию Ирана и организацию феданинов («боль-

шиитство») в первой половине 1983 г. и продолженные в последующий период, ознаменовали важный этап в развитии Исламской Республики Иран. К тому времени так называемая «третья исламская революция», устранившая с открытой политической арены страны уже не только реальных, но и предполагаемых противников власти шиитского духовенства, практически полностью добилась решения всех поставленных перед нею задач. Бывшая выражением кризиса подлинно народной антимонархической и антиимпериалистической революции, начавшегося в феврале 1979 г. и завершившегося в мае 1983 г. (когда была запрещена Народная партия), «исламская революция», как показали последующие события, открыла путь буржуазной контрреволюции. Последняя начала свое победное шествие опять же в старом, исламском обличье.

НА ЗЫБКИХ ВЕРШИНАХ

ИРАН
НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

«Скажи: «Каждый выжидает, выжидайте и вы, а потом вы узнаете, кто обладатель ровного пути и кто шел по прямой дороге!» — так говорится в одной из сур священного для мусульман Корана.

Выжидать, конечно, можно. Но как стать «обладателем ровного пути»? Как и где найти «прямую дорогу»?

Смещение президента Банисадра и последующая расправа с левыми силами позволили шиитскому духовенству полностью обеспечить себе доминирующую роль в стране. Многотысячная сеть мечетей, использовавшихся в дни антишахской борьбы в качестве опорных пунктов всенародной революции, после свержения монархии стала строительными кирпичами теократической власти. Она функционировала теперь как эквивалент политических клубов, центров идеологической обработки, государственных учреждений, полицейских участков, контор по распределению талонов на дефицитные товары, мест заседаний «ревкомов» и «ревтрибуналов», баз вербовки в Корпус стражей исламской революции и народное ополчение — «Басидж» и т. п. «Мечети превратились в универсамы», — жаловался один из видных религиозных деятелей.

Однако по мере достижения более или менее существенных успехов в подавлении вооруженной оппозиции в рядах все сильнее укрепляющего свою власть исламского движения еще острее, чем прежде, стали обнаруживаться противоречия по некоторым основополагающим вопросам текущей и долгосрочной политики. С ликвидацией и самороспуском почти всех светских политических партий и организаций многие оставшиеся нерешенными общественные антагонизмы, социально-классовые и корпоративно-групповые конфликты сосредоточились в рамках одного движения — религиозного.

В бурных водах политической жизни Ирана теперь очень многое зависело от того, на гребне какой волны в каждый данный момент несло того или иного деятеля. Личные и групповые интересы приобретали подчас настолько самодовлеющий характер, что одно и то же официальное лицо в течение весьма короткого времени, исходя из сиюминутных настроений и задач, могло выступать в качестве сторонника то «жесткого», то «умеренного» курса, быть в лагере то «консерваторов», то «прогрессистов». Это настолько осложняло и без того запутанную внутреннюю борьбу в стране, что провести какой-то водораздел между отдельными течениями в правящем лагере можно было только по их отношению к основному вопросу политической жизни Исламской Республики Иран — принципу «веляйте факих», который в широком смысле трактовался в исламском праве как руководство наставника, духовного опекуна.

Все сторонники хомейнистской интерпретации принципа «веляйте факих», согласно которой он распространялся на область государственного управления, считались последователями «курса имама», но степень приверженности этому курсу определялась тем, кого те или иные последователи хотели бы видеть в качестве преемника Хомейни. Последний, согласно все чаще распространявшимся слухам, из-за состояния своего здоровья посвящал государственным делам не более одного-двух часов в день и время от времени позволял себе длившиеся до трех недель «периоды затворничества», как он сам их называл. В зарубежной печати все чаще появлялись утверждения о том, что престиж, которым пользовался имам, слабеет и не приобретается ни одним из его соратников. Отрезанные от народа волной репрессий, уменьшившей их ряды в 1981—1982 гг., приверженцы Хомейни проявляли серьезные колебания в вопросе проведения

в жизнь тех положений принятой в конце 1979 г. исламской конституции, в которых излагался порядок назначения преемника Хомейни. Конституция предусматривала две возможности: избрание одного духовного лица, пользующегося всеобщим признанием, или создание Советом экспертов — исламских законоведов — коллегиального «руководящего совета» из трех — пяти человек. Соответственно этому среди приверженцев принципа «веляйте факих» возникли две основные фракции.

Наиболее твердые последователи Хомейни выступали за избрание еще при жизни имама одного духовного лица в качестве его преемника. Среди них выделялись ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и аятолла Монтазери. Их сила крылась не столько в безоговорочной поддержке со стороны имама (такую поддержку он никому не оказывал), сколько в осуществляемом ими контроле над мечетями, ключевыми постами в правительстве, различных исламских органах и в Исламской республиканской партии.

49-летний Хашеми-Рафсанджани еще раньше сосредоточил в своих руках посты председателя меджлиса и представителя Хомейни в Высшем совете обороны. После того как в июне 1981 г. ходжат-оль-эслам Хаменеи был серьезно ранен в результате покушения, Хашеми-Рафсанджани на долгое время занял и его пост руководителя пятничных молитв Тегерана. Человек, получивший эту должность, приобретал громадное политическое влияние, поскольку его проповеди на массовых молениях в Тегеранском университете, которые велись каждую пятницу (священный день отдохновения у мусульман), автоматически публиковались всеми крупными газетами и полностью транслировались по общенациональному радио и телевидению. Пост руководителя пятничных молитв Тегерана стал в свое время важной вехой из пути Хосейни-Хаменеи к посту президента страны.

60-летний аятолла Монтазери, ученик Хомейни, бывший ранее руководителем пятничных молитв в Тегеране и затем в Куме, считался как в Иране, так и за рубежом «наследным принцем» при имаме. Последний, по существу, сам способствовал распространению такого мнения тем, что облек Монтазери большим доверием, предоставив ему широкие полномочия в вопросах, связанных с делами регулярной армии, Корпуса стражей исламской революции и других органов безопасности, а также «исламских революционных трибуналов». Дело даже дошло

до того, что Хомейни довел до всеобщего сведения свое обыкновение советоваться с Монтазери как с высшим авторитетом в области религии, вызвав тем самым замешательство среди своих коллег в духовной иерархии, придерживавшихся противоположного мнения и относившихся к Монтазери, в лучшем случае, со снисхождением.

Человек невысокого роста (около 1,5 метра), лишенный ораторского блеска, но одаренный значительной дозой крестьянской мудрости, Монтазери показал себя в начале политической карьеры ярким сторонником экспорта «исламской революции» и радикально-экстремистских мер в области внутренней политики. Однако чем дальше, тем больше он проявлялся в качестве способного и успешно действующего тактика. 13 февраля 1985 г. французская «Монд» писала, что «с недавних пор его выступления изменились, став речами ответственного руководителя, заботящегося о повышении престижа режима». 17 мая 1985 г. та же газета отмечала: «Его дом в Куме постепенно превратился в своего рода «стену жалоб»... Пятничные имамы, в силу своего положения хорошо знающие трудности повседневной жизни народа, едут в Кум, чтобы поговорить с аятоллой Монтазери о проблемах, которых они не осмеливаются даже касаться в присутствии имама — ведь он остается в стороне от вопросов повседневной жизни».

Ядро другой важной фракции сторонников «курса имама», по мнению наблюдателей, составляли 41-летний президент ходжат-оль-эслам Али Хаменеи и 40-летний премьер-министр Мир Хосейн Мусави. В основе их расхождений с первой фракцией, по всеобщему убеждению, лежало личное и групповое соперничество в борьбе за доминирующие позиции в политическом руководстве. Недовольные отведенной им номинальной ролью в управлении государством, они выступали против того, чтобы у Хомейни был один преемник на посту «верховного руководителя». Возглавляемая ими фракция, к которой иногда примыкал и председатель Верховного суда Абдолькерим Мусави-Ардебилли, в целом добивалась усиления роли исполнительной власти в управлении страной. Это подчас способствовало сближению их позиций со взглядами прямых противников хомейнистской интерпретации принципа «веляйте факих», выступавших против его распространения на руководство государством.

Среди сторонников «курса имама» существовала еще одна полусамостоятельная фракция, которую составля-

ла примыкающая к Исламской республиканской партии группировка, называвшая себя Организацией моджахединов исламской революции. Образовавшаяся в 1979 г. в результате слияния нескольких экстремистских исламских групп, эта организация в дальнейшем в целях усиления собственного влияния иногда даже требовала уменьшения вмешательства духовенства в вопросы управления страной. В 1981 г. она вступила в серьезный конфликт с ИРП, угрожая проводить самостоятельный курс действий. Президент Хаменеи, став руководителем ИРП, вынужден был пойти на компромисс с «моджахедами исламской революции». Он предоставил им ради установления некоторой гармонии в меджлисе и правительстве несколько министерских постов, но в основном таких, на которые ложилась трудноразрешимая задача восстановления экономики. К числу руководителей этой группировки относили министра нефти Мохаммеда Гарази и государственного министра по административным вопросам, а затем министра тяжелой промышленности Бехзада Набави. В последующей внутривластной борьбе «моджахеда исламской революции», по существу, не сыграли сколько-нибудь существенной роли.

Из огромного множества оппозиционных режиму светских организаций к концу 1981 г. сохранилось лишь возглавляемое бывшим премьер-министром Мехди Базарганом Движение за свободу Ирана, представленное в меджлисе пятью депутатами. Стремясь поставить под контроль этот последний бастион инакомыслящих мирян в государственном аппарате, исламские активисты уже в октябре 1981 г., т. е. в дни наиболее ожесточенной борьбы с вооруженной оппозицией, начали преследование парламентской фракции базаргановской группировки. В качестве повода было использовано выступление Базаргана против массовых казней членов организации моджахединов. Депутаты от фракции ИРП устроили ему obstruction в меджлисе, а погромщики из «партии Аллаха» вышли на уличные демонстрации с требованием его смерти. Расправу над бывшим премьером предотвратила неопределенная позиция, занятая имамом. Когда Хомейни приводил к присяге ходжат-оль-эслама Али Хаменеи в качестве третьего президента Исламской Республики, присутствующие в резиденции имама кричали: «Смерть Базаргану!», «Смерть либералам!». Хомейни хранил молчание, никак не реагируя на эти крики. И хотя в те дни группа членов и сторонников ИРП вне парла-

мента направила в меджлис петицию с требованием изгнать из него Базаргана и четырех других членов возглавляемого им Движения за свободу Ирана, базаргановская группировка после перерыва в два с лишним месяца вновь стала принимать участие в парламентских сессиях.

В условиях ликвидации практически всех светских политических движений и течений наиболее значительная оппозиция последователям имама исходила из религиозных кругов. Истоки обнаружившихся среди них расхождений уходили своими корнями в классовое происхождение и прежние социальные связи двух главных групп духовенства — кумского и мешхедского. Отчасти благодаря своему местоположению в центре страны Кум привлекал к себе студентов из деревень и вообще сельской местности. И естественно, что многие священнослужители, закончившие богословские школы в Куме, происходили в основном из более или менее бедных семей и потому придерживались относительно радикальных, популистских позиций. Напротив, расположенный на северо-востоке страны Мешхед, который считается более священным центром, нежели Кум (поскольку в нем находится гробница имама Резы — единственного шиитского святого, похороненного в Иране), по традиции был базой самых богатых и влиятельных религиозных династий. Муллы, учившиеся в богословских школах в Мешхеде, происходили в основном из семей богатых землевладельцев и крупных торговцев и потому придерживались консервативных позиций.

Разумеется, такое деление носит несколько условный характер, тем более применительно к периоду после свержения шахского режима и прихода к государственной власти духовенства, в результате чего произошло определенное сближение социально-экономического положения отдельных группировок религиозных деятелей. Показательно, что большая часть земельных владений (до 80 процентов) по-прежнему принадлежала крупным помещикам, а в результате «революционных конфискаций» почти треть из них так или иначе оказалась в руках духовенства вопреки обещаниям, дававшимся в ходе революции. Конечно, и в среде кумских, и в рядах мешхедских религиозных деятелей, как и раньше, продолжало существовать значительное имущественное неравенство. Но основная оппозиция все еще сохраняющимся радикально-популистским тенденциям духовенства централь-

ных районов Ирана, ближе других пробравшегося к браздам правления в стране, исходила от религиозных деятелей — выходцев из окраинных провинций, где они традиционно были теснее связаны с богатыми землевладельцами и крупными торговцами. Не случайно среди духовенства главной оппозиционной силой в отношении Хомейни стало тайное общество Ходжатие, или, как его еще называли, общество антибехаитов.

Общество Ходжатие было основано в 50-х годах в Мешхедском теологическом центре аятоллой Махмудом Халаби. Ярый противник бехаизма, он утверждал, что это «еретическое» учение представляет главную опасность для «истинной веры» и всего «мусульманского общества» в целом. Исходя из такой посылки, Ходжатие сосредоточило основную деятельность на открытых дискуссиях с бехаитами, многих из которых ему удалось вернуть в «лоно ислама». Успехи Халаби и его соратников в этом деле позволили обществу приобрести большую популярность и распространить сферу своего влияния на многие другие города, в том числе Тегеран, и сельские районы.

Отказываясь от активной политической борьбы, общество Ходжатие смогло избежать каких-либо гонений и преследований со стороны шахских властей. Более того, оно во многих случаях шло на активное сотрудничество с монархическим режимом. Такая позиция базировалась на мнении, что из двух зол — бехаизма и «незаконного» светского правления — главным является первое и для противостояния ему можно и нужно использовать второе. Терпимому отношению режима к обществу способствовало и то, что, подменяя активную борьбу с шахской диктатурой молитвами и пассивным ожиданием установления «законной» власти 12-го имама, оно воздерживалось от всякой критики внутренней и внешней политики властей, в том числе тех ее аспектов, которые облегчали проникновение в страну «антиисламской» западной культуры.

В отличие от Хомейни и его сторонников, члены общества Ходжатие во главе с Халаби не только игнорировали социально-политические аспекты шиизма, но и вообще старались отделять религию от политики. Считая главным для себя разработку чисто теологических проблем, они делали упор на необходимость неукоснительного отправления молитв и безукоризненно строгого следования нормам шариата, в особенности в вопросах по-

ложения женщин. Признавая принцип «единства бога», общество практически не затрагивало проблему взаимоотношений Аллаха и тагута (сатаны, антипода бога), тогда как, по убеждению Хомейни и его последователей, всякий, кто не проклял тагута и отказывается от борьбы с ним, не может считаться «истинным мусульманином». Если, согласно хомейнистам, вера в Аллаха — обладателя сверхъестественной силы — способна одолеть любое самое мощное земное оружие, то члены общества Ходжатие подходили к вопросу о соотношении божественной и земной силы с более рационалистических позиций. В дни антишахской борьбы Халаби писал о невозможности бороться с вооруженной до зубов шахской армией, а всех тех, кто призывал народ к активным действиям, уповая на помощь Аллаха, обвинял в бессмысленном пролитии крови. Это вызвало брожение в обществе Ходжатие, многие члены которого, приняв сторону Хомейни, вступили в антишахскую борьбу.

В первое время после победы февральского вооруженного восстания 1979 г. общество переживало глубокий кризис. Многие его члены требовали от Халаби и других руководителей Ходжатие признания ошибочности проводившегося в дни революции курса. В обществе начались расколы, возникло несколько группировок. Однако по мере стабилизации исламского режима и усиления антидемократических аспектов его политики Ходжатие стало возрождаться, поредевшие ряды общества пополнились новыми членами. К 1982 г. около 50, а к 1983 г. около 60 депутатов меджлиса открыто или скрытно проводили линию нелегально действующего руководящего бюро общества во главе с Халаби. Значительное число тех, кто ранее формально перестал быть членом Ходжатие, продолжали заниматься активной общественной деятельностью, придерживаясь той же линии. Многие наблюдатели считали, что именно Ходжатие, которое ранее никогда не высказывало негативного отношения к деятельности Базаргана и Банисадра, а главную опасность для ислама в послереволюционных условиях усматривало в «коммунизме», было инициатором перехода к антикоммунистической политике, а затем и расправы с Народной партией Ирана. Из подобных фактов делался вывод, что Ходжатие выступает за сближение с Западом и усиление репрессивного характера государства.

Основные расхождения между сторонниками Хомейни и членами тайного общества Ходжатие с самого на-

чала упираться в такой насущный политический вопрос, как проблема руководства страной, причем толкование этого вопроса облекалось в религиозные постулаты. И те и другие считали, что на земле может быть только один «законный» правитель — 12-й имам Махди, пришествие которого наступит тогда, когда зло и коррупция достигнут апогея. Но если последователи Хомейни утверждали, что до этого обществом должны управлять наиболее видные религиозные деятели, способные начать после злодеяний шахского режима восстановление «исламской социальной справедливости», то, согласно толкованию, принятому Ходжати, всякие попытки борьбы с коррупцией отдалают приход 12-го имама и их надо всячески избегать. Это означало не только почти открытую поддержку интересов зажиточных слоев населения, но и едва завуалированное отрицание такой интерпретации принципа «веляйте факих», которая давала возможность утвердить власть Хомейни как «заместителя», «помощника» 12-го имама.

Однако, заявляя, что духовенству не следует принимать непосредственного участия в управлении государством, что оно должно действовать лишь в качестве «стражей нравственности» общества, на практике члены Ходжати, проникшие в некоторые министерства и в религиозные суды, а также в управление по борьбе с коррупцией, весьма активно проводили в жизнь свои политические идеи. По некоторым данным, члены общества приобрели значительное влияние и в Исламской республиканской партии. Уже с весны 1982 г. сторонники Ходжати начали открыто выкрикивать оппозиционные лозунги на пятничных молитвах и других общественных собраниях. Они требовали решения вопроса о преемнике Хомейни в Совете экспертов после его смерти и настаивали на замене единоличного правления системой коллегиального руководства. Наряду с этим Ходжати противилось любым социальным преобразованиям, способным затронуть интересы зажиточных слоев населения.

Общество Ходжати пользовалось скрытой, а иногда и открытой поддержкой самых видных и влиятельных представителей шиитской иерархии — великих аятолл, имевших своих последователей во всех провинциях и районах страны. Будучи в целом выразителями интересов крупного торгово-предпринимательского капитала, они неоднократно высказывались за либерализацию экономической политики, против прямого вмешательства государ-

ственной власти в хозяйственную жизнь, за ограничение полномочий «исламских революционных комитетов» и «исламских революционных трибуналов», затруднявших «нормальную» предпринимательскую деятельность. Не выступая против общего курса на исламизацию общественно-политической жизни страны и семейного уклада граждан, поскольку проведение этого курса закрепляло руководящую роль духовенства в обществе, большинство великих аятолл вместе с тем ратовало за менее открытое и менее непосредственное участие религиозных деятелей в управлении государством. Практически они не выступали единым фронтом, но, когда речь заходила о противодействии монопольному правлению Хомейни, занимали сходные позиции.

Наиболее активные деятели высшего духовенства уже в первые два года после свержения шахского режима вызвали своими действиями немилость имама. Великий аятолла Казем Шариат-Мадари еще с начала 1980 г. фактически находился под домашним арестом в Куме, в 1981 г. ему даже отказали в получении заграничного паспорта для паломничества в Мекку (Саудовская Аравия). Летом того же года аятолла Хасан Куми после выступления в одной из мечетей Мешхеда с критикой «стражей исламской революции» в виде наказания за это подвергся унижительным надругательствам, а затем взят под постоянное наблюдение. Аятолла Аболькасем Хои вызвал неудовольствие сторонников Хомейни тем, что оспаривал право последнего называться «великим аятоллой» и в письмах к нему использовал обычно титул «ходжатоль-эслам».

Только два великих аятоллы — Шахабеддин Марашинаджафи и Мохаммед Реза Гольпаегани — официально все еще пользовались благосклонностью имама, поскольку очень редко позволяли себе открыто вмешиваться в дела государственного управления. При этом было известно, что Марашинаджафи относится к режиму и лично к Хомейни более лояльно, нежели Гольпаегани.

Каждая противоборствующая группировка имела довольно сильных сторонников, в том числе в рядах «стражей исламской революции» и среди членов «исламских революционных комитетов». В этих условиях в политической жизни страны довольно большую роль стал играть аятолла Мохаммед Реза Махдави-Кяни. Заняв сразу после свержения шахского режима пост главы Центрального исламского революционного комитета, он оставался бес-

сменным руководителем «ревкомов» и, кроме того, всегда пользовался значительным авторитетом в руководстве Корпуса стражей исламской революции. Росту влияния аятоллы способствовали и его старания стоять над противоборствующими лагерями. Правда, будучи назначен в начале сентября 1981 г. премьер-министром, он спустя полтора месяца подал в отставку в знак протеста против законопроекта об аграрной реформе, встав в этом вопросе на сторону великих аятолл и группирующихся вокруг общества Ходжатие антихомейнистских кругов. В последующем Махдави-Кяни даже позволял себе выражать недовольство по поводу того, что вся власть в стране «сконцентрирована в одних руках». В конце 1982 г. он был избран руководителем Ассоциации борющегося духовенства Тегерана — одной из самых крупных религиозно-политических организаций, которая и в прошлом проводила линию, независимую от Исламской республиканской партии. В целом наблюдатели расценивали его как деятеля, стоящего вне какого бы то ни было лагеря, но в то же время являющегося союзником «консервативного центра».

Усиление противоречий в рядах правящего духовенства побудило имама пойти на то, от чего он упорно отказывался в период нахождения у власти премьер-министра Базаргана и президента Банисадра, — встать на путь централизации руководства всеми органами безопасности. Еще зимой 1981 г. Хомейни поручил аятолле Монтазери разобраться в обнаружившихся в рядах Корпуса стражей исламской революции проявлениях «различных идеологических и политических тенденций». В середине ноября того же года в тегеранской прессе было опубликовано письмо Монтазери одному из его ближайших помощников из числа религиозных деятелей, которому он перепоручил выполнение распоряжения Хомейни — встретиться с членами совета командования корпуса и принять меры по урегулированию возникших в нем «внутренних трений». Никаких других подробностей не сообщалось. Но, судя по некоторым данным, именно с этими «внутренними трениями» была связана постановка 20 апреля 1982 г. в парламенте вопроса о создании министерства по делам Корпуса стражей исламской революции. В начале ноября меджлис одобрил соответствующий законопроект.

Другим проявлением внутренней борьбы в правящем лагере стал вопрос об «исламских революционных комитетах». 20 апреля 1982 г. аятолла Махдави-Кяни после

встречи с Хомейни сообщил корреспондентам, что меджлис намерен подчинить их министерству внутренних дел, в ведение которого указом Хомейни накануне были переданы полиция и жандармерия. И действительно, вскоре парламент дал указание министерству разработать устав «ревкомов». Сам Махдави-Кяни, как видно, сильно сопротивлялся решению Хомейни. В конце июля 1982 г. в интервью газете «Кейхан» он заявил, что «ревкомы» и в будущем останутся «самостоятельной силой, подчиненной лишь духовенству». В противовес указанию меджлиса о разработке устава «ревкомов» Махдави-Кяни дал собственное определение их задач: борьба с контрреволюцией, контрабандой, нарушениями исламских норм жизни, спекуляцией и дороговизной. А в самом начале августа, очевидно под давлением со стороны приверженцев Хомейни, аятолла неожиданно подал в отставку. Спустя неделю указом имама министр внутренних дел ходжат-оль-эслам Натег-Нури был назначен руководителем «ревкомов». Правда, Махдави-Кяни смог сохранить за собой два важных поста — члена Совета по наблюдению за осуществлением конституции и генерального секретаря Ассоциации борющегося духовенства Тегерана.

Таким образом, уже к осени 1982 г. твердые сторонники Хомейни окончательно утвердили свое верховенство почти во всех государственных органах, и в особенности в органах безопасности. В полиции и жандармерии путем арестов и казней была проведена основательная «чистка», после чего они стали активно использоваться и для борьбы с автономистским движением в Курдистане, где действовали бок о бок со специальными батальонами «кровной мести Аллаха», созданными из рядов Корпуса стражей исламской революции. Для координации действий этого корпуса, «исламских революционных комитетов», полиции и жандармерии был создан объединенный штаб — Совет национальной безопасности. Одновременно в целях централизации всей военно-политической и административно-хозяйственной жизни под контролем генерал-губернаторов и руководителей пятничных молитв по всей стране стали создаваться координационные советы «исламских революционных институтов» — «стражей», «ревкомов», «ревтрибуналов», Фонда обездоленных, Фонда павших, организации «Священная созидательная война» и др.

Особенно большое внимание было уделено Корпусу стражей исламской революции — основному карательно-

му органу, призванному беспощадно расправляться со всеми неугодными режиму политическими силами. Стремясь, по словам президента Хаменеи, «вливать новую жизненную струю» в деятельность «стражей», правящее духовенство запретило им участие в любых политических партиях и организациях, в том числе и исламских; если в корпусе обнаруживали представителей левых сил, их немедленно расстреливали. В результате проведения подобных мер власти смогли добиться заметного усиления дисциплины в корпусе и резко ослабить разногласия между различными противоборствующими группировками.

В идейно-политическом управлении корпуса, ответственном за исламскую подготовку кадров, было занято более 250 служащих культа. Кроме того, значительное их число находилось непосредственно в частях и соединениях. Последние, благодаря стараниям правящего духовенства, по вооружению практически не уступали регулярной армии. Численность корпуса, по различным оценкам, составляла от 150 тыс. до 250 тыс. человек, фанатично преданных своему высшему руководству во главе с Хомейни. Со временем в корпусе были созданы артиллерийские и бронетанковые части, началось формирование авиационных подразделений, предполагалось и создание военно-морских соединений. В ряды «стражей» по-прежнему брались молодые люди (в том числе и девушки) старше 16 лет, имеющие рекомендации от священнослужителей. Корпус имел несколько радиопрограмм, более 10 газет и журналов.

Меры по централизации государственного руководства проводились таким образом, что внешне они представлялись не столько как проявление борьбы за власть между отдельными фракциями правящего лагеря, сколько как акции, направленные на упрочение политической гегемонии всего духовенства в целом. Именно поэтому сторонникам Хомейни не пришлось столкнуться в данном случае с активным противодействием соперничающих с ними группировок. Аналогичным образом осуществлялись и мероприятия по дальнейшей исламизации всей общественно-политической жизни страны, и в частности системы образования. Более того, эти мероприятия пользовались подчас прямой поддержкой представителей других фракций, не раз проявлявших недовольство закрытием еще в 1980 г. вузов и университетов.

В сентябре 1981 г. к занятиям наряду со школьни-

ками приступили студенты педагогических и медицинских факультетов и вузов, предварительно продефилировавшие по улицам с лозунгами в поддержку режима. Ведущие руководители страны, и в том числе аятолла Хомейни, обратились к учащимся с посланиями, в которых выразили надежду на то, что обучение в иранских учебных заведениях будет проходить в рамках исламских традиций и культуры, без ориентации «на Запад или Восток».

В начале декабря 1981 г., выступая перед руководителями пятничных молитв, работниками радио и телевидения и группой мусульман из стран Юго-Восточной Азии, Хомейни вновь сформулировал основные принципы образовательной политики исламского режима. Иранские мусульмане, сказал он, не могут позволить лицам «западной ориентации» работать в системе просвещения и вносить «западную развращенность» в университеты, где образование должно быть организовано в соответствии с принципами священного Корана и где, наряду с изучением других дисциплин, обязательно должно проводиться и религиозное воспитание. Руководителям пятничных молитв имам рекомендовал «учить народ» и требовать от него оставаться активным до тех пор, пока исламские принципы не будут полностью проведены в жизнь.

Спустя неделю член штаба «культурной революции» Ирана Джелаледдин Фарси сообщил в интервью агентству Парс о разработке плана перевоспитания в течение трех лет тысячи университетских профессоров с целью их дальнейшего служения стране.

С начала февраля 1982 г. после почти двухлетнего перерыва постепенно начали открываться многие вузы и университеты. Возобновление их деятельности было приурочено к третьей годовщине возвращения Хомейни из эмиграции и расценивалось как отклик на призыв имама «мобилизовать усилия на внедрение исламских методов преподавания». Но занятия в высших учебных заведениях начались только с декабря 1982 г. В посланиях аятоллы Монтазери и президента Хаменеи к студентам по этому случаю говорилось, что «империалисты — враги революции» — превратили университеты в центры по «ликвидации культуры», «бастионы контрреволюции» и неисламских действий, однако члены «партии Аллаха» сорвали «эти демонические заговоры» и своими «божественными руками» превратят их в центры «исламской революционной мысли».

При приеме студентов предпочтение отдавалось тем, кто участвовал в антишахской борьбе в рядах исламского движения. Для поступления в университеты требовались рекомендации от какого-либо исламского общества или ассоциации. Это означало, что атеисты, а также члены организаций, стоящих на атеистических позициях, не смогут получить высшее образование. Соответствующие положения были узаконены летом 1982 г. директивой премьер-министра.

Одновременно с целью узаконить существование исламских обществ и ассоциаций премьер издал директиву об их полномочиях. Согласно директиве, все исламские общества предприятий, заводов, вузов, торговых организаций, жилых кварталов и деревень должны были выполнять свои функции строго в соответствии с канонами ислама и законоположениями Исламской Республики, в частности препятствовать проникновению на объекты «оппортунистических элементов», «противников режима», «агентов империализма» и всех тех, кто не сознает высокую миссию пропаганды ислама. В директиве указывалось также, что исламские общества и ассоциации должны создаваться на основе принципа добровольности. На деле же они повсюду насаждались «сверху», причем не только руководители, но и некоторые их члены присылались властями со стороны. В этой связи летом 1982 г. на ряде промышленных предприятий прошли забастовки, о которых не упоминалось в иранской прессе; рабочие выступали за создание рабочих комитетов, а не исламских обществ.

Действия властей явно свидетельствовали о курсе режима на полную исламизацию всех сторон общественно-политической жизни страны. Иран является единственным государством в мире, где все аспекты жизни проникнуты религией, постоянно похвалялись руководители республики; революция, говорили они, будет непобедима до тех пор, пока религия и политика будут неотделимы друг от друга, пока «народ будет присутствовать на арене политической жизни».

В августе 1982 г. вслед за очередным указанием Хомейни об исламизации законодательства Верховный суд специальным циркуляром отдал распоряжение всем судам и прокуратурам пересмотреть законы, не соответствующие канонам ислама. Судьи, которые в своей практике до сих пор пользуются неисламским законода-

тельством, отмечалось в циркуляре, будут привлекаться к ответственности в соответствии с принципами ислама. В противоречивых случаях судьям надлежало консультироваться с богословами и даже с членами Совета по наблюдению за осуществлением конституции. По указанию имама при нехватке судей ими могли ставиться ученики теологических школ, разумеется придерживавшихся хомейнистских концепций. Это фактически затрудняло работу богословских учреждений, не разделявших взглядов Хомейни и его ближайшего окружения, и вынуждало их к перестройке в соответствии с этими взглядами.

Твердые сторонники имама еще раньше настойчиво предупреждали верующих, что следовать учениям таких религиозных деятелей, как Шарият-Мадари, Куми и Хои,— это «харам», преступление против религии. С весны 1982 г. иранская печать начала потихоньку проводить мысль о необходимости «чисток» среди духовенства. Первой на эту тему осторожно высказалась газета «Кейхан», затем — орган ИРП «Джомхурийе эслами». Последняя выступила с призывом выяснить, к каким теологическим школам принадлежат «коррупцированные духовные лица», под которыми подразумевала арестованных в те дни нескольких религиозных деятелей. Тем самым миллионам верующих подспудно навязывалась мысль о том, что теологические школы всех великих аятолл, кроме Хомейни, являются «коррупцированными».

Кампания против «коррупцированных духовных лиц» поначалу как будто имела отношение не к великим аятоллам — противникам единоличного правления Хомейни, а к частному лицу — бывшему директору-распорядителю иранского радио и телевидения (1979) и министру иностранных дел (1979—1980) Садеку Готбзаде. Один из тех, кто еще уцелел со времен первых дней революции, Готбзаде после ухода с государственной службы поселился в роскошном особняке в северном районе Тегерана, самом фешенебельном жилом квартале столицы, неподалеку от усиленно охраняемой резиденции Хомейни, расположенной на национализированной правительством вилле, на склонах гор, вдали от хаоса и духоты столичного центра. Бывший государственный деятель отрастил бородку и принимал посетителей в расшитом золотом халате. «Потребуется 10 лет, чтобы восстановить страну»,—говорил Готбзаде иностранным

журналистам. Парижский журнал «Экспресс» в январе 1982 г. писал:

«Готбзаде при деле. Как видно, важном деле, которое обеспечивает ему своего рода иммунитет. Нельзя объяснить благожелательное к нему отношение одной лишь глубокой дружбой с имамом. Аятолла никогда не колебался принести в жертву крикунам-фанатикам своих близких, в том числе своего духовного сына Банисадра и своего соратника Мехди Базаргана. Главный акционер одной Женевской экспортно-импортной компании Готбзаде ждет своего часа».

Этот «час» наступил довольно скоро. 11 апреля 1982 г. в тегеранской печати было опубликовано заявление Военного исламского революционного трибунала о раскрытии очередного заговора с целью свержения режима Исламской Республики. Согласно заявлению, одним из организаторов заговора был бывший министр иностранных дел Садек Готбзаде, вступивший в контакты с представителями монархистских, националистических и других антиправительственных организаций, тесно связанных с заграницей. Заговорщики, говорилось в заявлении, намеревались убить аятоллу Хомейни, а также совершить покушения на членов Высшего совета обороны Ирана. Основная группа заговорщиков, включая Готбзаде, арестована, отмечалось далее.

Из последующих выступлений официальных лиц и сообщений печати выяснилось, что власти давно уже следили за деятельностью Готбзаде, прослушивали и записывали на пленку все его телефонные разговоры. Отмечалось, что арестованные заговорщики (около 45 человек), намеревавшиеся взорвать не только резиденцию Хомейни, но и весь прилегающий квартал с 20 тыс. жителей, были тесно связаны с ЦРУ, Израилем и семьей Пехлеви, которые снабжали их оружием. Появились также сведения об участии в заговоре ряда духовных лиц, в том числе руководителя намазов одной из тегеранских мечетей, а также зятя аятоллы Шариат-Мадари Ахмеда Аббаси. Все эти сведения, согласно официальным сообщениям, были получены властями в ходе допросов Готбзаде.

Вечером 19 апреля иранцы получили возможность увидеть на экранах своих телевизоров самого Готбзаде, который теперь был представлен как главный организатор заговора. Он признал не только этот факт, но и многое другое: установление контактов с аятоллой Ша-

риат-Мадари, рядом других представителей духовенства и армейского офицерства, намерение уничтожить резиденцию Хомейни, а затем ликвидировать высшее руководство страны и различные исламские институты.

В ходе телевизионного выступления Готбаде держался довольно свободно, но без присущей ему наглости. Как видно, бывший министр иностранных дел надеялся на заступничество имама, как это имело место во время его четырехдневного ареста в ноябре 1980 г. Не случайно западная печать, не подвергая сомнению гипотезу заговора, рассматривала «спектакль с признанием Готбаде» как свидетельство стремления иранских властей окончательно ликвидировать движение сторонников Шариат-Мадари в Иранском Азербайджане, а его самого полностью лишить возможности воздействовать на решение стоявшего тогда на повестке дня вопроса о премнике имама и тем самым сделать предостережение другим великим аятоллам.

И действительно, уже 20 апреля теологическая школа Кума выступила с предложением лишить Шариат-Мадари звания аятоллы, хотя в соответствии с шиитскими традициями это можно было сделать только с согласия остальных великих аятолл. Предложение кумских теологов было сразу же поддержано представителями духовенства других городов, а также многими религиозно-политическими деятелями, в том числе председателем меджлиса ходжат-оль-эсламом Хашеми-Рафсанджани. Одновременно Ассоциация борющегося духовенства Тебриза, заклеив позором Шариат-Мадари — «агента колониализма», Готбаде — «коррупцированно-го самозванца» и других деятелей из группы «малых шайтанов», призвала всех жителей Иранского Азербайджана принять участие в назначенных на 21 апреля массовых демонстрациях протеста против сговора «колониалистов с их внутренними агентами».

Как выяснилось позже, еще за несколько дней до этого резиденция Шариат-Мадари в Куме была занята «народом», разоружившим его телохранителей. Опровергая соответствующие слухи, Хашеми-Рафсанджани заявил, что резиденция Шариат-Мадари находится «под защитой» отряда «стражей исламской революции», размещенных там по собственной просьбе аятоллы с целью воспрепятствовать возможному нападению.

21 апреля во многих городах страны состоялись демонстрации, участники которых осудили антиправитель-

ственный заговор, подтвердили свою поддержку «курса имама» и высказались за лишение Шариат-Мадари звания аятоллы. На улицах Тебриза демонстранты несли портреты Хомейни и скандировали: «Шариат-Мадари, народ Азербайджана умрет, но не воспримет тебя». В некоторых городах в знак солидарности с демонстрантами были закрыты базары и магазины. На состоявшихся в тот день митингах, а также в ходе пятничных молитв 23 апреля Шариат-Мадари был обвинен во всех смертных грехах, в частности в связях с шахской охранкой САВАК, саботировании исламского движения и даже обращении к США за финансовой помощью. Ассоциация борющегося духовенства Тегерана заявила, что отныне не признает его религиозным лицом. Заявление подписали генеральный секретарь ассоциации аятолла Махдави-Кяни, президент страны ходжат-оль-эслам Хаменеи, председатель меджлиса ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и другие видные представители духовенства.

В конце апреля — начале мая, по свидетельству очевидцев, в Тебризе происходили вооруженные столкновения между сторонниками Шариат-Мадари и войсками центрального правительства. В ходе этих столкновений погибло более 300 человек.

К июню 1982 г. генеральная прокуратура закончила следствие по делу о заговоре во главе с Готбзаде. Спустя два месяца он был предан суду военного трибунала вместе с рядом других военных и гражданских лиц. Поступить таким же образом с Шариат-Мадари власти не решились. Его зятю А. Аббаси после личного обращения Шариат-Мадари к Хомейни и председателю военного трибунала ходжат-оль-эсламу Рейшахри 5-летний срок тюремного заключения сократили до 8 месяцев с последующим 10-летним пребыванием под домашним арестом. Сам Шариат-Мадари скончался от рака 3 апреля 1986 г.

14 августа 1982 г. в тюрьме Эвин состоялось судебное заседание, транслировавшееся по телевидению. Помимо обвинения в руководстве организацией заговорщиков под названием «Спасение иранской революции» Готбзаде инкриминировались связи с различными другими контрреволюционными группами, некоторыми иностранными государствами (в частности, называлась Саудовская Аравия, хотя последняя официально отрицала свою причастность к заговору в Иране) и дельцами (например, аргентинцем Виктором Вильялоном, якобы

предоставившим обвиняемому 60 тыс. долларов). Лишенный возможности иметь адвоката (в соответствии с исламскими нормами), Готбзаде вынужден был защищаться сам. Он заявил, что готов принять любое наказание, на которое будет осужден, но отрицал «намерение свергнуть исламскую республику и убить имама Хомейни».

— Мы хотели лишь смены правительства,— сказал он.— Я одобряю конституцию, но не одобряю методы ее практического проведения в жизнь.

Судебные заседания были продолжены 16 и 22 августа. Готбзаде отверг обвинения в связях с оппозиционными режиму ханами кашкайских племен и в получении денег из-за границы. К тому времени, по неофициальным сообщениям, в тюрьме Эвин за предполагаемую причастность к заговору были осуждены и приговорены к расстрелу около 70 человек, в том числе 8 бывших офицеров дворцовой охраны покойного шаха. Готбзаде, еще недавно бывший «правой рукой» Хомейни, по сообщениям иностранных информационных агентств, до последних дней надеялся на пощаду. Но просчитался.

В первой половине сентября 1982 г. состоялось последнее, секретное заседание суда, длившееся всего 23 минуты. Готбзаде был признан виновным в заговоре с целью убийства Хомейни и свержения режима и приговорен к смертной казни. В последнем слове он постарался привлечь внимание судей к своей прошлой антикоммунистической деятельности, за которую-де ему теперь мстят. Затем Готбзаде попросил о конфиденциальной беседе с Хомейни, чтобы «сказать ему правду, а именно, что он превращается в марионетку».

Вечером 15 сентября вопрос о судьбе Готбзаде обсуждался в резиденции Хомейни. По сообщению газеты «Таймс», среди тех, кто настоятельно убеждал имама пощадить своего заблудшего приверженца, были бывший премьер-министр Базарган и член Совета по наблюдению за осуществлением конституции аятолла Махдави-Кяни, поддержанные сыном Хомейни Ахмедом. В числе высказавшихся за немедленную казнь было несколько влиятельных священнослужителей, в частности председатель Верховного суда аятолла Мусави-Ардебили. Незадолго до того, как отойти ко сну, примерно в час ночи, Хомейни наконец санкционировал казнь, заявив, что «должны быть применены законы ислама». На следующий день, 16 сентября, приговор приведен в исполнение.

Французская «Эко» в номере от 17 сентября писала: «Готбзаде пал жертвой той самой власти, в создании которой он принимал немалое участие. Его главная ошибка состояла в том, что он находился в ряду таких иранских деятелей, как Банисадр, именуемых в исламском Иране «иностранцами». От их славы до их падения прослеживается путь радикализации исламского режима, постоянно убыстряющегося процесса устранения всех тех, кто не является сторонником самых экстремистских религиозных догм».

Волна репрессивных акций коснулась и священнослужителей среднего ранга, недовольных активным вмешательством духовенства в политическую жизнь и характером устанавливавшегося в стране исламского режима. В апреле 1984 г. в этой связи тайно эмигрировал из Ирана в Ирак известный религиозный деятель, бывший сподвижник Хомейни (женатый на сестре президента Хамеенеи) ходжат-оль-эслам Али Техрани. Своим отъездом он хотел выразить «протест против диктаторского режима» и «продолжения войны с Ираком». На пресс-конференциях и в выступлениях по иракскому радио и телевидению Техрани, в частности, утверждал, что с момента прихода Хомейни к власти в Иране было казнено около 50 тыс. человек и что «признания» руководителей Народной партии в «шпионаже» в пользу СССР, несомненно, были вырваны с помощью «зверских пыток». Он призвал мусульманские страны, все миролюбивые государства разорвать всякие отношения с Исламской Республикой Иран. Спустя год нелегальным путем перебралась в Ирак и жена Техрани с пятью детьми.

Укрепляя свои позиции в борьбе с соперничающими группировками, Хомейни и его приверженцы старались не упускать из виду также антимонархические и антиимпериалистические настроения общественности и наиболее насущные материальные нужды широких масс, которые помогли приходу к власти в стране духовенства. Приняв 14 ноября 1981 г. президента, премьера и членов кабинета, имам обратил их внимание на необходимость удовлетворения нужд народа. Проблемы, стоящие перед страной, отметил Хомейни, можно решить только при условии сотрудничества с народом и при его поддержке. Имам не забыл подчеркнуть и настоятельную потребность во взаимопонимании между духовенством и правительством.

За две недели до этого, в конце октября 1981 г., Хо-

мейни, обращаясь к видным религиозным деятелям Ирана, совершившим паломничество в Мекку, заявил:

— Мы предпочитаем быть бедными, но не терять свободы и независимости. Мы решительно против такого прогресса и такой цивилизации, которые сделают нас зависимыми от чужеземцев. Нам нужна цивилизация, основанная на уважении человеческого достоинства, и гуманность, которая служит сохранению мира.

Последующие действия Хомейни и его приверженцев, казалось бы, подтверждали их слова. Об этом свидетельствовала, в частности, позиция, занятая имамом в начале 1982 г., когда Совет по наблюдению за осуществлением конституции заблокировал утвержденный меджлисом правительственный законопроект о городских землях. Выступив с соответствующей инициативой, правительство стремилось взять под контроль вопросы городского и жилищного строительства, для чего настаивало на национализации городских земель или выкупе их у частных владельцев. Тем самым правительственные круги намеревались упорядочить цены на землю, дабы, как говорил Хашеми-Рафсанджани, не уподоблять ее товару.

На состоявшейся 22 февраля встрече с президентом, премьер-министром, председателями парламента и Верховного суда Хомейни отметил, что члены Совета по наблюдению за осуществлением конституции не должны вмешиваться в дела меджлиса и блокировать утвержденные им законы. Тем самым имам фактически предоставил исполнительной власти право осуществить закон о городских землях, невзирая на мнение Совета, что не могло не привести к дальнейшему обострению противоречий в высшем звене шиитского духовенства и более острому размежеванию сил в стране.

Позиция Хомейни дала возможность сторонникам проведения в жизнь давно стоявшей на повестке дня аграрной реформы вновь поднять этот вопрос. Принятые еще весной 1980 г. постановления предусматривали распределение между крестьянами не только государственных земель и участков бежавших из страны помещиков, но и других крупных земельных владений. Практически же отчуждение крупного землевладения не производилось, а после начала войны с Ираком в сентябре 1980 г. действие соответствующего пункта принятых постановлений было приостановлено и официально. Спустя год правительство разработало новый, менее радикальный

законопроект, лишь в редких случаях допускавший выкуп части крупной земельной собственности.

Новый законопроект, несмотря на умеренный характер, был встречен в штыки значительной частью высшего духовенства, которое всячески препятствовало представлению его на обсуждение меджлиса. В стенах парламента против него активно выступали члены общества Ходжатие. Великие аятоллы, в том числе Гольпаегани и Мараши-Наджафи, заняли позицию, способную помочь их сторонникам в Совете по наблюдению за осуществлением конституции заблокировать законопроект. Позже, при обсуждении его в меджлисе, аятолла Гольпаегани разослал по всей стране письма, в которых указывал, что отчуждение земли и имущества частных владельцев является «антиисламским актом». Выступавшие в поддержку законопроекта твердые последователи Хомейни (аятолла Монтазери, ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и др.) исходили из необходимости сохранить начавшую таять поддержку народом исламского режима.

В условиях усиления противоборства двух группировок в правящем лагере Хомейни предпочел занять свою обычную «нейтральную» позицию. В начале января 1982 г. президент Хаменеи, выступая перед представителями организации «Священная созидательная война» из провинции Хорасан, призвал к «благоразумию и осторожности» в том, что касается перераспределения земель. Президент предостерег всех тех, кто мнит себя или хочет казаться «большими революционерами, нежели имам». Но добавил, что в принципе Хомейни отнюдь не против аграрной реформы как таковой и в «подходящее время» поднимет соответствующий вопрос.

В первые месяцы 1982 г. в меджлисе проходили ожесточенные дискуссии по вопросу принятия закона об аграрной реформе. Когда наконец в марте закон был принят и передан на одобрение Совета по наблюдению за осуществлением конституции, последний счел его не соответствующим исламским нормам, так как он нарушает «священный» принцип частной собственности. Хотя Хомейни после этого вновь заявил, что высшим законодательным органом страны является меджлис и именно он должен решать вопросы принятия законов, одобренная парламентом аграрная реформа так и не проводилась в жизнь. Ничего не изменило в этом отношении и принятое в ноябре того же года кабинетом министров

решение о создании на 5-летний срок министерства земельной реформы.

Другой законопроект, в принципе одобренный Хомейни еще в ноябре 1981 г., но затем вызвавший жаркие споры в меджлисе, касался предусмотренной конституцией национализации внешней торговли. Принятый наконец в мае 1982 г. парламентский закон уже 1 июня был заблокирован Советом по наблюдению за осуществлением конституции, который также счел его «противоречащим исламским канонам». Большинство представителей духовенства в совете выступали за то, чтобы сохранить все экспортно-импортные операции в руках частного капитала.

В последующем Совет по наблюдению за осуществлением конституции еще дважды отклонял представленные ему меджлисом новые варианты закона о национализации внешней торговли (последний раз — в мае 1984 г.), несмотря на множество поправок, в соответствии с которыми частные компании получали возможность вести некоторые импортные операции под контролем государства. Совет вновь выразил мнение, что государственная монополия над внешней торговлей противоречит исламскому праву.

Терпимая позиция Хомейни в отношении проведения в жизнь аграрной реформы, затрагивавшей жизненные интересы широких слоев трудящихся, и национализации внешней торговли, на которой его сторонники настаивали в основном ради стабилизации экономического положения страны, во многом объяснялась резко ожесточившимися в то время спорами вокруг вопроса о преемнике имама.

В середине февраля 1982 г. было сделано официальное сообщение о том, что Хомейни отменил все свои дела на ближайшие две недели. Поскольку этому сообщению предшествовали слухи о создании «руководящего совета» из трех человек — Монтазери, Мараш-Ниджафи и Гольпаегани, в Иране и за его пределами мгновенно распространились предположения о том, что имам умер или умирает. С 18 февраля Хомейни неоднократно лично опровергал слухи о плохом состоянии своего здоровья. Обращаясь к западным средствам массовой информации, он заявил по государственному радио Тегерана:

— Тот, кого вы похоронили, следил за вашими сообщениями, и они только насмешили его.

19 февраля официальный представитель иранского правительства опроверг и слухи о создании «руководящего совета». Соответствующий вопрос, сказал он, будет решен референдумом в апреле — мае 1982 г.

Но это опровержение было воспринято наблюдателями как новое подтверждение глубокого раскола в правящем лагере, а сам факт предполагаемого создания «руководящего совета» — как выражение намерения Хомейни и в этом вопросе пойти на уступку своим оппонентам. До этого считалось само собой разумеющимся, что преемником имама станет аятолла Монтазери. В последний год находившиеся под государственным контролем печать, радио и телевидение, а также расклеиваемые в Тегеране плакаты всячески прославляли аятоллу — «надежду имама и народа». Портреты с изображением его крупного добродушного лица можно было видеть повсюду рядом с чуть большими портретами, изображающими суровое, нахмуренное лицо имама. Более того, средства массовой информации по санкции «сверху» даже величали Монтазери «великим аятоллой».

Однако большинство наблюдателей недооценило способности имама к маневрированию. Выраженное им вскоре согласие на избрание Совета экспертов, призванного решить вопрос о преемнике, отнюдь не прояснило его действительных намерений в отношении наследования верховной власти — будет ее носителем один человек или «руководящий совет» из трех — пяти лиц. Правда, сын имама Ахмед Хомейни в интервью газете «Эт-телаат», опубликованном 29 апреля 1982 г., заявил: вся жизнь аятоллы Монтазери, и особенно его борьба с прошлым режимом, свидетельствует о том, что он является единственным человеком, который может в будущем стать верховным руководителем Исламской Республики Иран и олицетворением высшей религиозной власти в стране.

Выборы в Совет экспертов, первоначально планировавшиеся на июль, затем были перенесены на 10 декабря 1982 г. Число членов совета с согласия Хомейни было решено увеличить с 75 до 83, что, по мнению журналистов, явилось еще одним отражением борьбы противоборствующих группировок в иранском руководстве. Подавляющее большинство кандидатур было выдвинуто Кумским теологическим центром, рекомендации кото-

рого подлежали утверждению Советом по наблюдению за осуществлением конституции.

Накануне выборов в стране развернулась шумная пропагандистская кампания, начало которой положил Хашеми-Рафсанджани. Он утверждал, что народ надеется увидеть на посту преемника Хомейни только аятолу Монтазери. По телевидению была показана серия интервью и бесед с корреспондентами простых иранцев и представителей духовенства, которые заявляли, что лучшей формой власти для иранского народа является высшая религиозная власть. Сам Монтазери по случаю предстоящих выборов в совет обратился к народу с посланием, в котором назвал эти выборы благоприятной возможностью для срыва заговоров против исламской республики и призвал население к «массовому голосованию» во имя «увековечения исламской революции».

Центральным пунктом предвыборной кампании явилось послание Хомейни к иранскому народу. Он указал на исключительную важность создания Совета экспертов как государственного органа, призванного... осуществлять руководство всеми остальными органами Исламской Республики. «Если правительство будет продолжать действовать в отсутствие Совета экспертов, то оно станет правительством сатаны», — заявил имам. Об избрании своего преемника он ничего не сказал, но призвал население принять самое активное участие в выборах.

Кстати сказать, для обеспечения массового участия в голосовании возрастной ценз избирателей был снижен до 15 лет. Всем иранцам при регистрации в избирательных участках ставился штамп в паспортах, который давал возможность получать купоны на топливо, продовольственные и промышленные товары, распределяемые через мечети, и являлся одним из определяющих факторов при трудоустройстве и поступлении в учебные заведения.

По официальным данным, в выборах приняло участие 98 процентов лиц, имеющих право голоса. Премьер-министр Мусави и министр внутренних дел Натег-Нури объявили эти результаты своего рода референдумом в поддержку исламской республики и демонстрацией «отличных отношений, существующих между народом и имамом Хомейни». Подобной активности населения, утверждали они, не наблюдалось со времени проведения референдума об установлении в стране исламской республики. Но, хотя состав Совета экспертов, судя по все-

му, оказался вполне благоприятным для сторонников Хомейни, его первое заседание было созвано только спустя семь месяцев после выборов.

Внимание группировок, соперничавших с последователями «курса имама», неожиданно переключилось на столь же неожиданное изменение в этом курсе, впервые откровенно и прямо выраженное публично самим его носителем.

7 декабря 1982 г. Хомейни направил в адрес Верховного суда и генерального прокурора Ирана послание, в котором обращал внимание на такие «антирелигиозные акты, подрывающие престиж исламской республики», как произвольные меры в отношении распределения земель и конфискации имущества «уважаемых людей», незаконные нарушения неприкосновенности жилища, аресты и другие ущемления свободы личности. Организация генеральной инспекции, отмечал имам, должна как можно скорее провести необходимые расследования, предать суду и наказать лиц, допустивших указанные выше действия, и проинформировать его, Хомейни, и Верховный суд о результатах расследования и принятых мерах. По некоторым данным, автором этой «программы либерализации из 8 пунктов», как назвала послание Хомейни западная печать, был Хашеми-Рафсанджани.

На следующий день генеральный прокурор «исламской революции» издал указ, запрещающий всем «революционным» органам, включая «ревкомы» и Корпус стражей исламской революции, производить аресты, обыски в домах, замораживание денежных вкладов в банках и конфискацию имущества без ордера судебных властей. Спустя пять дней генеральный прокурор обвинил в нарушении законов и членов «партии Аллаха». Эта неофициальная политическая организация, тесно связанная с Исламской республиканской партией, к тому времени приобрела довольно четкую структуру и даже была экипирована мотоциклами, конфискованными у сыновей бывших деятелей шахского режима, бежавших за границу после революции. Заявление генерального прокурора было чуть ли не первым критическим выступлением официальных властей в адрес «партии Аллаха» со времени ее создания.

Все это было не кратковременной кампанией, а долгосрочной политикой. Изложение своего плана «либерализации» имам завершил таким предостережением:

— Начиная с сегодняшнего дня, мы переходим к пе-

риоду стабильности и строительства. Отныне народ должен жить в мире и безопасности. Он должен продолжать трудиться без какой-либо тревоги.

Неделю спустя имам высказался еще яснее:

— Нам следовало бы прекратить повторять, что мы находимся в революционной ситуации.

Созданный вскоре Центральный штаб по выполнению указа имама о соблюдении законности и исламского законодательства сразу же приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. В конце декабря 1982 г. на очередном заседании штаба с участием председателя Верховного суда аятоллы Мусави-Ардебели, премьер-министра Мусави и сына Хомейни Ахмеда было принято решение отстранить от исполнения обязанностей исламского прокурора Кума, заместителя министра внутренних дел по административным и финансовым вопросам, представителя прокуратуры в тегеранском муниципалитете и некоторых других должностных лиц. Дела этих лиц, обвиненных в «ненсламском» обращении с людьми, незаконном задержании сотрудников своих аппаратов и т. п., были переданы в исламский дисциплинарный суд. Кроме того, штаб направил в различные районы Ирана 20 делегаций в составе известных юристов и представителей исполнительной власти с целью проведения расследований совместно с ведущими пятничных намазов относительно превышения власти и нарушения законов. Штаб сообщил, что все «желающие и обиженные» могут обращаться в его офис, расположенный в центре Тегерана.

На этом имам не остановился. 3 января 1983 г. в выступлении на встрече с министром исламской ориентации Мохаммедом Хатеми, транслировавшемся по тегеранскому радио, Хомейни заявил:

— Я слышал, что государственные учреждения требуют от людей, которые хотят поступить на работу, заполнять анкеты, содержащие вопросы об их идеологических и политических взглядах. Я объявляю, что эти анкеты не следует распространять и, если некоторым людям было отказано в приеме на работу, исходя из ответов на эти вопросы, их дела следует изучить заново. Эти анкеты незаконны, и такие вопросы не следует использовать в качестве критерия для найма людей на работу.

Это означало прекращение идеологической проверки огромной армии государственных служащих. В ходе проводившихся ранее многочисленных «чисток» в ми-

нистерствах и других ведомствах работники, заподозренные в оппозиции исламскому режиму или даже безразличном отношении к нему, увольнялись или понижались в должности.

9 января 1983 г. английская «Санди таймс» писала, что Хомейни пытается умиротворить иранские средние слои, проводя кампанию «либерализации», которая в случае ее полного успеха может изменить ход «исламской революции». Газета сообщала, что по приказу имама в Англию, Францию и США направлены эмиссары с целью убедить иранских технократов и бизнесменов, покинувших страну, возвратиться в Иран. По словам депутата меджлиса Абдоллаха Шейбани, после революции страну безвозвратно покинуло около 2500 специалистов (действительное число, очевидно, было гораздо больше). С целью добиться их возвращения официальные правительственные лица и многие представители духовенства постоянно публично подчеркивали, что исламское правительство отнюдь не против частных капиталовложений и что всякие противоположные утверждения исходят от врагов Исламской Республики, пытающихся воспрепятствовать притоку в страну частных капиталов.

Аналогичным образом власти надеялись решить, в частности, проблему нехватки врачей. По официальным статистическим данным, в Иране в то время работало 15 тыс. врачей, тогда как в США медицинской практикой занималось 16 тыс. и в Западной Европе 5 тыс. врачей-иранцев. В начале 1983 г. исламские власти направили в ряд западноевропейских стран, в том числе в Англию и ФРГ, группы «охотников за черепами», активнс занявшихся вербовкой специалистов, обещая им комфортабельную жизнь и право свободно вести дела в условиях «порядка и безопасности».

С целью оказать давление на иранских эмигрантов меджлис 11 января 1983 г. принял закон, в соответствии с которым правительство получило право конфисковать имущество тех из них, кто в течение двух месяцев не вернется на родину. Закон обязывал всех, кто покинул страну до и после революции и имеет имущество в Иране (около 1 млн. человек), лично обратиться к исламским властям для получения документа, подтверждающего их права на владение собственностью. По истечении указанного срока правительство могло продать или сдать в аренду принадлежащее эмигрантам имуще-

ство. Этот шаг был предпринят вслед за заявлениями иранских официальных лиц, включая Хомейни, о том, что эмигранты могут беспрепятственно вернуться домой и заниматься своим делом. Однако уже 19 января 1983 г. Совет по наблюдению за осуществлением конституции объявил, что закон об имуществе «беженцев» не соответствует конституции и идет вразрез с исламскими принципами.

Таким образом, посягательство на частную собственность отвергалось даже в качестве средства давления. Показательно, что Хомейни на этот раз высказался в поддержку совета, а не меджлиса. Выступая 24 января 1983 г. перед членами меджлиса, он сказал, что иранский парламент — лучший в мире, однако депутаты должны позаботиться о том, чтобы не принимать законы, которые могут быть отклонены Советом по наблюдению за осуществлением конституции как несовместимые с исламскими принципами.

— Если люди увидят, что законы, которые вы принимаете, то и дело отклоняются, — продолжал имам, — то они начнут задаваться вопросом, обладаете ли вы достаточным знанием ислама для того, чтобы представлять их.

Это выступление Хомейни еще раз использовал для популяризации своей новой политики «либерализации», одно из проявлений которой видел в том, что правительство не должно оказывать «ненужного нажима» на «народ».

— Если правительство введет необоснованные налоги или будет производить аресты без всяких оснований, то это лишит нас полной поддержки народа, — сказал он.

Под «народом» имам, как и прежде, понимал всю мусульманскую общину без различия социального и имущественного положения отдельных слоев и групп населения, единство которых, по его словам, могло обеспечить только противостояние «дьяволу» в лице «сверхдержав». 21 марта 1983 г. в выступлении перед высокопоставленными военными и гражданскими лицами, посетившими его по случаю иранского Нового года, Хомейни заявил, что в условиях «выдающихся успехов, достигнутых страной», никто не способен совершить государственный переворот и изменить исламский режим.

— Иранский народ и правительство неуязвимы до тех пор, пока они сохраняют единство. Однако, несмотря на это, учитывая возможность возникновения разно-

гласий между ними, вероятность попытки переворота возрастает, поскольку существуют темные силы, которые действуют против исламской республики и только ждут такой возможности... Как только дьявол овладеет душами людей, они начнут поддаваться влиянию сверхдержав, что приведет страну к гибели.

За полтора месяца до этого выступления Хомейни, в феврале 1983 г., иранские власти обрушили кровавые репрессии на Народную партию Ирана, а в мае того же года объявили о ее запрете. Одновременно был принят ряд враждебных акций в отношении посольства СССР в Тегеране.

Весной 1983 г. резко активизировались и репрессии против членов «еретической» секты бехантов. Комиссии ООН по правам человека и Третьему комитету Генеральной Ассамблеи ООН стали известны случаи смерти арестованных членов секты от физических пыток, а также их исчезновения.

В связи с тем, что объявленная имамом «программа либерализации» была воспринята некоторыми слоями населения как признак послабления мер в области исламизации общественной жизни, с весны 1983 г. в стране была развернута новая кампания против «распущенности». Ее проявлениями, по определению министра внутренних дел ходжат-оль-эслама Натег-Нури, считались «экстравагантная одежда, нарушения женщинами канонов ислама, прослушивание в общественных местах и продажа звукозаписей вульгарной музыки». 9 марта в печати было опубликовано заявление прокурора Тегерана с предупреждением против нарушений «канонов веры» в общественных местах. В частности, запрещалось организовывать свадебные празднества с музыкой и одновременным присутствием мужчин и женщин. Такого рода действия рассматривались как «контрреволюционные», характерные для тех, кто «идет по пути империализма». За них полагалось заключение в тюрьму Эвли и наказание согласно «законам ислама».

Таким образом, высшее руководство Исламской Республики Иран в 1982 — первой половине 1983 г. постепенно удовлетворило практически все требования общества Ходжатие как в социально-экономической, так и политической областях. Одновременно последователи Хомейни продолжали укреплять свои позиции в общественно-политической жизни страны, в частности в руководстве Исламской республиканской партии.

На проходившем с 10 по 15 мая 1983 г. первом съезде ИРП с большой речью выступил генеральный секретарь партии, президент республики ходжат-оль-эслам Хаменеи. Назвав этот съезд «беспрецедентным» форумом в истории ислама, он сформулировал принципы деятельности ИРП: участие народа в политической жизни, популяризация главенствующей роли имама Хомейни и поддержание этой роли как опоры революции, расширение знаний народа в области исламского учения, повседневное политическое руководство народом, направляющая роль в мобилизации исполнительных органов на осуществление целей революции, разъяснение этим органам необходимости внимания к нуждам «обездоленных», с тем чтобы избежать серьезных трудностей на пути развития «исламской революции», достижение политической, экономической и культурной независимости, оказание помощи «обездоленным» во всем мире, исламизация всех законов и системы безопасности.

Работа съезда освещалась в иранской печати, и в том числе в партийном органе — газете «Джомхурийе эслами», весьма скупо. В частности, ничего не говорилось о двухлетней политической программе, которую должен был обсудить и принять съезд. Центральное место в его работе, судя по всему, заняли организационные вопросы: выборы Арбитражного совета из 5 человек и Центрального совета из 30 человек. В оба органа вошли и Хашеми-Рафсанджани и Хаменеи. Но при выборах второго из этих органов (число духовных лиц в нем, кстати сказать, было увеличено почти в два раза) председатель меджлиса получил наибольшее число голосов — больше даже, чем президент. Это было тем более важно, что пост генерального секретаря партии ликвидировался.

14 июля 1983 г. верховное руководство Ирана сочло возможным наконец провести заседание Совета экспертов. На заседании, состоявшемся в здании парламента в Тегеране, сын Хомейни Ахмед передал Совету картонную папку, скрепленную запломбированной проволокой и лентой в национальных цветах (зелено-бело-красный) и запечатанную сургучной печатью. Чтение приложенного к папке письма имама ходжат-оль-эслам Ахмед Хомейни сопровождал рыданиями. Не удержались от слез и слушатели, когда услышали следующую фразу:

— Я передаю в распоряжение Совета экспертов этот документ на шести страницах, который является моим завещанием, для обнаружения после моей смерти.

Стало окончательно ясно, что Совет экспертов не примет решения по существу проблемы, т. е. не будет выбирать нового «вождя». 18 июля 1983 г., избрав своим председателем руководителя пятничных молитв Кума ходжат-оль-эслама Мешкини, а его заместителем — председателя меджлиса ходжат-оль-эслама Хашеми-Рафсанджани, Совет экспертов закончил работу.

Таким образом, твердые последователи Хомейни закрепили свои позиции, хотя сам имам, не желая, помимо прочего, утверждать мысль о возможности своей близкой кончины, предпочел отложить решение вопроса о преемнике. Но такой подход к делу вполне устраивал и общество Ходжатие, полагавшее, что после смерти имама ему будет легче добиться своей цели.

Однако Хомейни и его ближайшее окружение, осуществляя все те требования Ходжатие, которые в принципе не шли вразрез с их собственными социальными и политическими установками, отнюдь не собирались уступать ему в таком жизненно важном для них вопросе, как сохранение в силе самого принципа «веляйте факих» в его хомейнистской интерпретации. Используя Ходжатие (так же как в свое время правительство Базаргана и президента Банисадра) в качестве прикрытия для своего отказа от проведения в жизнь неоднократно провозглашавшихся ранее широкообъемных социальных программ, приверженцы имама сразу же начали кампанию по дискредитации этого общества в глазах широких масс.

25 мая 1983 г. в беседе с должностными лицами Хомейни предостерег всех иранцев, сочувствующих «коммунистам» и «американцам», что их постигнет такая же участь, что и прошлых противников «исламской революции». Высказавшись против «группы псевдоинтеллектуалов, стремящихся активизировать коммунизм в Иране», и тех, кто «тешит себя мечтой о возвращении в Иран американцев», имам заявил далее, что нынешние противники «исламской революции» ничем не лучше моджахединов, хотя и выступают «под личиной патриотизма и сочувствия нуждающимся массам». Под «сторонниками американцев» Хомейни явно имел в виду членов общества Ходжатие.

— Вы подрываете и судебную и исполнительную власть. Ваша цель — ослабить Исламскую Республику, — заключил имам. — Вы желаете, чтобы власть закрывала глаза на коррупцию, но я говорю вам, что вам

не удастся жить по-прежнему. Вам не суждено увидеть восстановление в нашей стране прежних позиций сверхдержав.

Начавшаяся вскоре бурная кампания против Ходжати не ограничилась одними угрозами. Уже в мае толпа сторонников Хомейни заставила членов общества закрыть выставку, организованную ими в Тегеране по случаю дня рождения 12-го имама. Позже в Исфагане произошло даже вооруженное столкновение между членами Ходжати и последователями Хомейни, при этом в ход были пущены танки и артиллерия. Хашеми-Рафсанджани пришлось спешно выехать туда, чтобы разрядить ситуацию.

В середине июля, по окончании поста мусульман в священный месяц рамазан, Хомейни после почти месячного затворничества выступил с речью, в которой сделал ясное предупреждение членам Ходжати:

— Идея этой другой группировки состоит в том, чтобы дать волю греху и тем ускорить приход 12-го имама... Должны ли мы совершать грех, чтобы он пришел? Остерегайтесь этого нечестного пути.

И добавил:

— Во имя Аллаха, если вы мусульмане, и во имя вашей страны, если вы патриоты, покончите с фракционизмом и влейтесь в волну, захлестнувшую сейчас всю страну. Не боритесь с течением, чтобы оно вас не покалечило.

Теперь оставалось показать массам, что исламский режим стоит на страже именно их интересов. В связи с беспрецедентным ростом спекуляции на черных рынках власти в очередной раз обрушились с гневными нападениями на «бессердечных укрывателей продовольствия и спекулянтов» (последняя кампания такого рода имела место летом 1982 г., когда было закрыто около 20 тыс. лавчонок). Генеральный прокурор обещал «предотвратить всяческие злоупотребления» и гарантировать населению «социальную справедливость». Прокурор Тегерана по особым вопросам ходжат-оль-эслам Саид предупредил, что «спекуляция и накопительство» повлекут за собой «суровые наказания», вплоть до смертной казни. «Это не просто слова, мы действительно сделаем это», — заявил он. Высказывались намеки и в адрес членов Ходжати, не упускавших случая напомнить слова пророка Мохаммеда (бывшего в свое время купцом) о том, что торговцы «пользуются особой милостью божьей».

18 июля 1983 г. правительство опубликовало директиву по «борьбе с накопителями и спекулянтами», значение которой усматривалось в том, чтобы «предотвратить подрыв экономики контрреволюционерами, оппортунистами и спекулянтскими элементами». Однако начавшаяся кампания против «экономических террористов» затронула главным образом средних и мелких торговцев, многие из которых были оштрафованы, брошены за решетку или подвергнуты публичной порке; стали известны также два случая приговоров к смертной казни. В то же время постоянно циркулировавшие в Иране и за границей слухи о переводе ближайшими помощниками Хомейни (в том числе президентом, председателем парламента и даже сыном имама) крупных денежных сумм в европейские банки либо объявлялись ложными, либо игнорировались; ничего не сообщалось и об оглашенном властями ФРГ факте контрабандного ввоза в их страну 1,7 кг опиума зятем имама и свояком Ахмеда Хомейни — Садеком Табатабаи.

— Мы удовлетворяем чаяния средних и низших слоев,— громогласно заявлял президент Хаменеи.— И пусть злобствуют крупные землевладельцы, владельцы крупных промышленных предприятий, вообще богатей.

31 июля 1983 г., в самый разгар очередной кампании против «накопителей и спекулянтов», подали в отставку министр торговли Хабиболла Асгароулади-Мосальман и министр труда и социальных дел Ахмед Тавакколи. Будучи твердыми сторонниками «свободного» рыночного хозяйства и частного предпринимательства, они постоянно ставили премьеру в вину «социалистические» наклонности и с самого начала оказывали сопротивление проведению каких-либо социально-экономических преобразований. А поскольку оба подозревались в связях с обществом Ходжатие, то этот первый со времени формирования кабинета Мусави случай отставки министров самым прямым образом сыграл на руку сторонникам Хомейни. На следующий день, 1 августа, отставка была принята, и в конце месяца меджлис одобрил назначение новых министров, предложенных премьером на освободившиеся посты.

Нападки на общество Ходжатие, ставшее очередным козлом отпущения для сторонников имама, приняли настолько широкий характер, что оно было вынуждено сразу после отставки двух министров выступить с заявлением о «временном прекращении» своей деятельности.

Некоторые противники общества не были удовлетворены. Депутат меджлиса Али Акбар Хамидзаде заявил корреспонденту «Эттелаат», что Ходжатие «должно объявить о самороспуске, а не о временном прекращении деятельности», и призвал к тому, чтобы некоторых его членов привлекли к суду. Однако бурная кампания против Ходжатие быстро сошла на нет, не вызвав репрессий, аналогичных тем, которые последовали за делом Готбаде — Шариат-Мадари. Более того, 29 августа 1983 г. в интервью газете «Кейхан» генеральный прокурор «исламской революции» ходжат-оль-эслам Хосейн Мусави-Табризи заявил, что общество сможет возобновить свою деятельность, если получит разрешение в министерстве внутренних дел.

Можно предполагать, что Ходжатие с тех пор еще сильнее законспирировало свою деятельность, с тем чтобы к решающему моменту борьбы за власть сохранить за собой возможность сказать «последнее слово». В пользу такого предположения говорят следующие высказывания руководителей режима.

— Ныне,— заявил Хомейни 11 октября 1983 г.,— я ничего не боюсь. Я опасаясь лишь одного — что дела не будут переданы нашим преемникам надлежащим образом.

Аятолла Монтазери, все еще считавшийся преемником имама, выступая 13 декабря перед руководителями пятничных молитв, упомянул о возможности «ползучего государственного переворота», цель которого — «постепенно устранить и изолировать истинных сынов революции».

— Есть поговорка, гласящая: «Революция пожирает своих сынов». Я думаю, что в нашей стране сложилась такая тенденция,— сказал аятолла, сообщив в загадочных выражениях о наличии «третьей линии» в рядах правительства. Но он не охарактеризовал ни одну из «линий».

Важным показателем сохраняющихся разногласий в иранском руководстве являлось и отсутствие единства мнений в парламенте. Так, одобрив 28 августа 1983 г. назначение двух новых министров вместо ушедших в отставку — Асгароулади-Мосальмана и Тавакколи, меджлис одновременно отверг три другие кандидатуры, выдвинутые премьер-министром Мусави на посты министров городского строительства, сельского хозяйства, промышленности и шахт, бывшие фактически свободными

со времени формирования кабинета. На два из этих поста премьеру удалось провести назначения лишь спустя три с лишним месяца, 7 декабря 1983 г.

Выступая 17 декабря перед депутатами парламента, Хомейни категорически высказался против критики правительства в тех случаях, когда это подрывает устой исламской республики. Критические выпады инспирируются людьми, мнение которых формируют сторонники монархии, моджахединов и других оппозиционных групп, сказал имам, предупредив, что кризис правительства нанес бы ущерб как меджлису, так и духовенству. Заявив далее о наличии «активной политической линии», он выступил с нападками на тех, «кто хочет сначала свергнуть правительство, а затем заняться президентом республики, парламентом и духовенством».

В этих условиях у иностранных наблюдателей и даже большей части иранского духовенства вызвал недоумение тот факт, что имам ни разу не призвал к ответственности бывшего премьер-министра Базаргана, продолжавшего, несмотря ни на что, выступать с публичной критикой режима. Редко показываясь на людях и отказываясь разговаривать с иностранными журналистами, Базарган использовал трибуну парламента для осуждения нарушений свобод в Иране и перехода режима «на путь, ведущий к деспотизму». 1 августа 1983 г. он направил Хомейни письмо, в котором говорилось, что самая страшная трагедия Ирана послереволюционного периода состоит в том, что народ потерял надежду, в связи с чем просил имама найти какой-то выход из положения. Ответа на свое письмо Базарган не получил. Но 29 августа генеральный прокурор «исламской революции» Мусави-Табризи в интервью газете «Кейхан» заявил, что критика Движения за свободу Ирана в адрес режима не вызывает недовольства властей, так как ведется на законном основании и необходима для исламской республики.

Однако «пряник», как всегда, соседствовал с «кнутом». Проправительственная печать сравнивала выступления Базаргана с иракскими бомбардировками, а Движение за свободу Ирана называла «проамериканской» организацией. В конце октября около 300 вооруженных людей напали на ее штаб-квартиру в Тегеране, устроили там погром и избили двух партийных функционеров. Когда один из них, депутат меджлиса Хашем Саббагиан, выступил 1 ноября в парламенте с речью, в которой

начал говорить об этом нападении, он прямо на трибуне подвергся грубому обращению. Депутату не дали возможности закончить свое выступление под предлогом того, что он якобы превысил регламент. Намеченный ранее Движением за свободу Ирана семинар по теме «Свободные выборы» был запрещен распоряжением министра внутренних дел.

27 ноября 1983 г. орган Исламской республиканской партии газета «Джомхурийе эслами» опубликовала открытое письмо Базаргана, в котором он, отвечая на критику последних месяцев, писал: «Как можно надеяться, что исламская республика, затыкая людям рты и угрожая им, не превратится в диктатуру?» Бывший премьер требовал уважения предусмотренных конституцией «политических свобод, а именно свободы собраний, свободы слова, свободы письменного выражения своего мнения». «Бог никогда не простит тех, кто затыкает людям рты под предлогом, что они против революции или против ислама,— писал Базарган.— Это величайшее предательство».

Газета, опубликовав письмо Базаргана, на той же странице поместила свой ответ ему под названием «Извинения хуже, чем преступление». «Весьма плачевно,— писала газета,— что Базарган дошел до такой степени политического бессилия, что старается унижить других наподобие того, как это делают политические партии на Западе, и в частности во Франции. Нужно напомнить Базаргану, что он живет не во Франции и что ему не стоило бы повторять ошибки Абольхасана Банисадра».

Верховное руководство Ирана вело себя так, словно не имело никакого отношения к нападкам на Базаргана и его группировку. Оно старалось быть выше мелких распрей—ведь ему приходилось заниматься крупными государственными делами.

— Мы сталкиваемся с враждебным отношением всего мира и поэтому не должны дополнительно осложнять деятельность правительства,— резюмировал Хомейни свою речь, произнесенную 17 декабря 1983 г.

Тезисы о мифических «угрозах извне» особенно активно использовались имамом в преддверии выборов в новый парламент, призванный заменить меджлис предыдущего созыва, избранный в 1980 г., в связи с истечением срока его полномочий.

— Сегодня нам нужно Собрание исламского совета, способное отразить любые атаки против нас со стороны

высокомерных иностранных держав,— заявил Хомейни 3 января 1984 г. в выступлении перед представителями местных органов власти.

Выборы, назначенные на 15 апреля 1984 г., должны были проводиться в условиях ликвидации практически всех оппозиционных сил — от левых организаций до группировки Банисадра и потому не могли стать ничем иным, как демонстрацией верности правящей верхушке (хотя и в ней сохранялись противоречия между «консерваторами-ортодоксами» и «прогрессистами-прагматиками»). Если в 1980 г. на 270 депутатских мест претендовало более 3300 кандидатов, то теперь на то же число мест было выдвинуто всего около 1500 кандидатов. Но и они были подвергнуты самой тщательной проверке со стороны полицейских, разведывательных и контрразведывательных, юридических, судебных и множества иных органов. В результате численность приемлемых властям кандидатов была сокращена еще больше.

Все это, однако, не мешало высшему религиозному руководству, должностным лицам государственных и правительственных органов, средствам массовой информации представлять новые парламентские выборы как благоприятную возможность для каждого иранца оказаться сопричастным к процессу принятия решений. Что же касается самих избирателей, то многие из них считали нужным участвовать в голосовании лишь для того, чтобы получить соответствующую печать в удостоверении личности.

Накануне новых выборов Хомейни неожиданно проявил намерение несколько потеснить духовенство в пользу тех, кого он называл «исламской интеллигенцией». 11 февраля 1984 г. в послании к стране имам отмечал:

— Наш меджлис нуждается в специалистах в различных областях знаний, которые необходимы стране так же, как и сведущие богословы, компетентные в религиозных и политических заветах ислама. Сегодня наш меджлис действует в мире, где экономика находится в состоянии хаоса, а политическая обстановка чрезвычайно сложна, где существуют западная и восточная культуры и где не прекращается борьба за существование. В составе такого меджлиса должны находиться сведущие и образованные деятели, а также специалисты во всех областях.

По указанию Хомейни главным исламским группировкам было запрещено выставлять официальные спи-

ски кандидатов. Накануне выборов он заявил, что избирателям следует голосовать за наиболее «подходящего» кандидата — независимо от его партийной принадлежности. Это, в частности, открывало путь для участия в выборах на внепартийной основе и для членов базаргановского Движения за свободу Ирана, но они отказались выставить свои кандидатуры ввиду отсутствия «гарантий безопасности и свободы действий тех кандидатов, которые не поддерживают правительство».

По официальным данным, оглашенным 18 апреля министром внутренних дел Натег-Нури, в выборах приняло участие от 60 до 70 процентов избирателей. Но результаты голосования были объявлены тогда только по 82 избирательным округам; в 75 других округах было решено провести второй раунд выборов ввиду поступивших со стороны кандидатов жалоб в Совет по наблюдению за осуществлением конституции, в функции которого помимо прочего входило утверждение результатов голосования.

Открытие сессии парламента, в составе которого число депутатов с университетским образованием значительно увеличилось по сравнению с меджлисом предыдущего созыва, состоялось 28 мая 1984 г. 17 июня председателем парламента был вновь избран ходжат-оль-эслам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани.

Избрание парламента стало новым этапом в борьбе между различными группировками правящего лагеря.

Премьер-министр Мусави, стремясь обеспечить большую свободу действий правительству, которому в период предыдущей легислатуры приходилось часто конфликтовать с парламентом, поставил в меджлисе вопрос о доверии кабинету. Свой шаг он мотивировал необходимостью продемонстрировать, что его правительство пользуется поддержкой вновь избранного парламента.

Накануне дебатов по вопросу о вотуме доверия кабинету, в июле 1984 г., в Тегеране состоялась целая серия выступлений членов «партии Аллаха». В ходе организованных ими шествий на центральных улицах Тегерана выдвигались требования более строгого соблюдения норм шариа, и особенно тех из них, которые касаются обязательного ношения женщинами паранджи, закрывающей их с головы до пят. Группы празднующихся хезболлахов избивали женщин, которые, по их мнению, были одеты не так, как следовало, или просто не полностью прятали волосы под покрывалами.

Наблюдатели не смогли установить, какие именно группировки в правящем лагере имели отношение к этим акциям, но расценили их как политические маневры, предпринятые до начала дебатов в меджлисе. Дело в том, что перед парламентскими выборами с целью продемонстрировать стабильность режима власти пошли на смягчение ряда ограничений в области культурной жизни. По радио начали транслироваться и симфонии Бетховена, а отупляющая теледиета пропагандистских и религиозных передач временами стала оживляться пьесами о жизни героев доисламской истории Ирана. Были ослаблены и преследования женщин, недостаточно закутаных в чадру, как и общее давление на граждан со стороны бородатых хезболлахов.

25 июля правительственные круги организовали митинг, на который, однако, собралось небольшое по обычным меркам число людей. На митинге выступил один из членов Совета по наблюдению за осуществлением конституции, занимавший сравнительно умеренные позиции в отношении соблюдения норм шариата, касающихся стиля одежды. Он осудил шествия и эксцессы хезболлахов как не санкционированные соответствующими органами власти. Участники митинга приняли резолюцию, в которой решительно осудили любые попытки ослабить позиции правительства, в том числе и путем незаконной узурпации его прерогатив и функций, в частности в вопросах наблюдения за стилем одежды. Осудив таким образом проявления насилия, правительственные круги вместе с тем решили показать, что по-прежнему поддерживают процесс исламизации: спустя несколько дней они организовали по всей стране мирные демонстрации для осуждения «нескромно одетых женщин». Предвыборное дуновение либерализации сменилось новой кампанией ужесточения контроля за соблюдением исламских норм, на волне которой вновь стали насаждаться представления правящих кругов о скромности.

12 августа меджлис подавляющим большинством голосов выразил доверие главе правительства Мусави. Сказались, по-видимому, результаты речи Хомейни от 9 августа, в которой он призвал депутатов парламента к «умеренности» и подчеркнул необходимость единства всех политических сил.

Но 14 августа после двухдневных дебатов меджлис неожиданно выразил недоверие пяти министрам (обороны, промышленности, культуры и высшего образования,

просвещения, здравоохранения), сместив таким образом почти четвертую часть кабинета. Характерно, что четверо из этих пяти министров занимали свои посты с момента формирования кабинета Мусави. Тем самым был вызван правительственный мини-кризис, казалось бы, нежелательный для высшего руководства страны. Так, председатель парламента Хашеми-Рафсанджани за несколько минут до начала голосования призвал своих коллег оставить всех членов правительства на их постах. «Реорганизация кабинета министров,— сказал он,— ослабит страну на критически важном этапе войны с Ираком».

Однако на деле все это было лавированием, скрывающим подспудные политические соображения. Показательно, что в ходе дебатов, предшествовавших голосованию, подвергались критике лишь некоторые аспекты руководства большинства смещенных министров, но при этом практически не ставилась под сомнение сама политика соответствующих министерств. Немалое значение имело и то, что почти все уволенные министры так или иначе поддерживали в прошлом связи с обществом Ходжате.

Последующее развитие правительственного мини-кризиса удивило тех наблюдателей, которые поначалу расценили акцию меджлиса как удар по позициям премьер-министра Мусави. Правда, уже тогда насторожило то обстоятельство, что одновременно с увольнением пяти министров парламент выразил доверие предложенным премьером двум кандидатам на вакантные министерские посты и одному — на вновь созданный вакантный пост министра информации (или разведки). В задачу последнего (им был назначен бывший руководитель иранского Военного исламского революционного трибунала, известный как сторонник «жесткого курса», ходжат-оль-эслам Мохаммади Рейшахри) входила централизация всей разведывательной службы Ирана как внутри страны, так и за рубежом. Создание такого министерства мотивировалось тем, что сбор разведывательной информации был до тех пор одной из слабых сторон Исламской Республики, но на деле это окончательно узаконило деятельность САВАМА.

Другим фактом, породившим мнение, что акция меджлиса оказалась на руку премьер-министру, было то, что спустя всего несколько дней после решения парламента Мусави назначил на освободившиеся пять министерских постов своих ближайших политических союзников — в

качестве временно исполняющих обязанности министров. И хотя до одобрения меджлисом новых кандидатур некоторые из них были заменены, среди наблюдателей тем не менее еще больше укрепилось представление, что постановка премьером вопроса о востуме доверия была направлена на то, чтобы избавиться от своих политических противников.

В целом перестановки в кабинете министров были расценены как завершающий этап в консолидации сил сторонников Хомейни. Среди западных дипломатов и наблюдателей в Тегеране тогда возникло предположение, что три ведущих государственных и правительственных деятеля — Хашеми-Рафсанджани, Хаменеи и Мусави — достигли между собой согласия по разделяющим их вопросам борьбы за власть и установили в стране правление по типу триумvirата.

В те же августовские дни 1984 г. была проведена вторая сессия Совета экспертов, созыв которой вызвал очередную волну слухов о серьезном заболевании имама. Но выборы преемника Хомейни и в этот раз не состоялись. По сообщениям западной печати, в завещании имама его преемником все же назывался аятолла Монтазери. Хашеми-Рафсанджани вновь публично объявил, что Монтазери «обладает качествами, необходимыми для того, чтобы стать следующим религиозным вождем Ирана». Между тем многие наблюдатели в Тегеране полагали, что наиболее влиятельным духовным лицом после Хомейни является сам Хашеми-Рафсанджани (хотя, будучи только ходжат-оль-эсламом, т. е. религиозным деятелем не самого высшего ранга, он имел мало шансов быть назначенным «верховным вождем»). Основанием для такого вывода послужило то, что именно Хашеми-Рафсанджани с тех пор стал основным проводником новой линии имама на «умеренность» и «сдержанность».

Выступая 1 сентября 1984 г. перед членами Совета по наблюдению за осуществлением конституции, Хомейни выразил недовольство существующей среди многих религиозных деятелей тенденцией вмешиваться в решение политических и административных вопросов страны в ущерб своим духовным и религиозным обязанностям. Призвав духовенство предоставить более широкий простор для действий премьер-министру и другим государственным деятелям, Хомейни весьма откровенно объяснил свое отношение к этому вопросу:

— Я неоднократно заявлял, что религиозные деятели

должны довольствоваться тем, что им поручено духовное воспитание людей, а не стремиться удерживать бразды правления. Мы должны позаботиться о том, чтобы в один прекрасный день наш народ не стал критиковать нас как «никчемных людей», которые совершают какие-то поступки вразрез с тем, что они проповедовали. Нельзя игнорировать обвинения в религиозной диктатуре. Иностранные радиостанции непрерывно ведут об этом речь и обвиняют нас в абсолютизме. Религиозные деятели обязаны помнить, что они не должны предпринимать таких шагов, которые наши противники могли бы обернуть против нас.

7 сентября 1984 г. в ходе пятничной молитвы на территории Тегеранского университета, где руководители Исламской Республики обычно говорили об основных направлениях политики страны, Хашеми-Рафсанджани пошел еще дальше. Он позволил себе выступить с необычайно откровенными критическими замечаниями в адрес хезболлахов, обычно в полном составе являвшихся на подобные сборища, и других активных поборников ислама. Опираясь на ствол автоматической винтовки, Хашеми-Рафсанджани сказал, что стать хезболлахами вовсе не значит быть неопрятными, носить грязную, мятую одежду, нечищеную обувь и отращивать косматые бороды, и при этом напомнил о постоянно соблюдавшейся пророком Мохаммедом чистоте и опрятности. Председатель меджлиса поразил также собравшихся своим призывом прекратить развешивание в комнатах и на каждом окне общественных зданий бесчисленного числа портретов имама. Лейтмотивом всей речи была следующая мысль:

— Нашему обществу необходимо проявлять несколько большую сдержанность.

В последующем с аналогичными высказываниями выступили и другие высокопоставленные деятели Исламской Республики. Так, 23 апреля 1985 г. президент Хаменеи, еще четыремя днями ранее благословивший в ходе пятничной молитвы проходившие тогда в Тегеране ежедневные демонстрации членов «партии Аллаха», после встречи с Хомейни сделал заявление о необходимости их немедленного прекращения. Демонстранты, подстрекаемые, очевидно, оппозиционными имаму кругами, в течение десяти дней устраивали беспорядки на улицах, терроризировали женщин, требуя, чтобы они одевались в традиционную исламскую одежду, запугивали молодых

людей, волосы которых казались им слишком длинными, и буквально вытаскивали людей из кафе. Президент призвал хезболлахов уделять главное внимание не «моральному разложению» своих граждан, а продолжению борьбы с оппозиционными режиму организациями.

Выступления Хаменеи, Хашеми-Рафсанджани и других деятелей, по существу, были первыми за многие годы высказываниями крупнейших представителей стоящих у власти религиозных кругов, в которых затрагивались моменты, критиковавшиеся обычно деятелями открытой или скрытой оппозиции. В какой-то мере эти высказывания играли на руку затаявшимся членам общества Ходжатие. Но по своей сути они означали возврат к позициям, которые имам занимал еще до свержения монархии и в первые месяцы пребывания у власти правительства Базаргана. Собственно говоря, он и в последующие годы старался придерживаться своих заявлений о том, что духовенство не будет непосредственно заниматься государственными делами, и только опасность полного устранения религиозных кругов от власти, созданная союзом президента Банисадра и моджахединов, заставила его на время отойти от этих заявлений. Теперь же такая опасность была устранена, и наметившийся возврат Хомейни к прежним позициям шел в унисон с критическими выступлениями возглавляемого Базарганом Движения за свободу Ирана — единственной в стране легальной оппозиционной группировки.

Показательно, что как раз в это время, в сентябре 1984 г., Базарган опубликовал политический обзор «Иранская революция в двух движениях», в котором утверждал, что все беды Ирана проистекают от прискорбной склонности религиозных деятелей монополизировать власть. Он пошел еще дальше, заявив, что всю ответственность за такое положение несет имам Хомейни, выкормивший по своей мерке режим, который не является «ни демократическим, ни фашистским», а представляет собой разнородный ансамбль, сохраняющийся только благодаря его, Хомейни, присутствию. Многие обратили внимание на то, что в заголовке обзора, выпущенного двумя изданиями тиражом до 100 тыс. экземпляров и продававшегося во всех книжных магазинах Тегерана, отсутствовало слово «исламская».

Публикация Базаргана вызвала гнев радикально настроенных сторонников исламизации страны. Генеральный прокурор Тегерана Асадолла Ладжеварди и студен-

ты — последователи курса имама немедленно попытались дискредитировать бывшего премьера, опубликовав «компрометирующие» документы, «случайно» обнаруженные в бывшем посольстве США. Близкие к Ладжеварди подразделения «стражей исламской революции» подожгли дом сына Базаргана. А 11 февраля 1985 г. во время празднования шестой годовщины свержения шахского режима около 300 погромщиков силой проникли в штаб-квартиру Движения за свободу Ирана и, прервав проходившее там собрание, помешали бывшему премьеру выступить с докладом о революции. По просьбе Базаргана в дело вмешался аятолла Монтазери, не колеблясь потребовавший положить конец нападениям на группу «либералов», которая, как он сказал, так же законна, как и другие исламские группировки. Силы охраны порядка были вынуждены увезти бывшего премьера от бесчинствующей толпы, успевшей к тому времени избить нескольких его близких сотрудников.

Новые веяния в политической жизни страны проявились и в затеянной аятоллой Монтазери пробе сил с Ладжеварди, который систематически выступал против попыток Высшего юридического совета (в составе пяти религиозных деятелей) нормализовать судебные процедуры. В качестве генерального прокурора Тегерана Ладжеварди особенно враждебно относился ко всем мерам освобождения политических заключенных. Этот, как его называли многие иранцы, «тегеранский мясник» был нейтрализован в два приема: в октябре 1984 г. он был снят с поста начальника тюрьмы Эвин, а в феврале 1985 г. — отстранен от обязанностей генерального прокурора Тегерана.

Однако победа, одержанная аятоллой Монтазери, была непрочной и неполной. Ладжеварди, хотя и ослабленный двойной опалой, остался в судебной иерархии и, кроме того, сохранил мощную поддержку в экстремистски настроенной фракции «стражей исламской революции». Теперь ни один смертный приговор не мог быть приведен в исполнение без согласия Высшего юридического совета, но многие прокуратуры и «исламские революционные трибуналы» ускользали от контроля центральной судебной власти и независимым образом продолжали свою репрессивную деятельность. Процесс насаждения новых институтов исламской юстиции проходил крайне болезненно ввиду двойственной позиции Хомейни, в частности, отклонившего предложение Монтазе-

ри о крупной амнистии политических заключенных, хотя речь шла в основном о женщинах и детях. Сменившие Ладжеварди на двух его постах религиозные деятели продолжали ту же политику массовых казней, число которых если и уменьшилось, то только в связи со значительным ослаблением организованной оппозиции.

Что касается вопросов социально-экономической политики, то в данном случае Хомейни решительно и — главное — открыто продолжал избранный ранее курс. 26 августа 1984 г., после того как Совет по наблюдению за осуществлением конституции в очередной раз отклонил парламентский закон о национализации внешней торговли, он выступил с речью, которая окончательно решила продолжавшийся более трех лет спор из-за того, кто должен контролировать внешнюю торговлю страны — государство или торговцы, — в пользу последних. Отметив их роль в свержении шахского режима, имам заявил членам кабинета министров:

— Вы должны служить угнетенным, которые служат вам... Сделаем базар нашим партнером. Делами, которыми не в состоянии заниматься базар, должно заниматься правительство. Не мешайте базару заниматься теми делами, которыми он может. У народа не следует отбирать свободу.

Это заявление, по сообщению тегеранского корреспондента агентства Рейтер от 29 августа, западные дипломаты в иранской столице расценили как «выступление против дальнейшего установления государственной монополии, за свободное предпринимательство», как «важное событие, которое, вероятно, определит будущий курс исламской революции в Иране». Хотя обсуждение вопроса могло в будущем возобновиться, заявление Хомейни, по мнению дипломатов, должно было стать «мощным оружием в руках противников государственной монополии». Обратив внимание на то, что «это заявление идет вразрез с пунктом конституции, поощряющим национализацию внешней торговли», эти наблюдатели отметили, что конституция была разработана вскоре после революции, когда левые все еще играли важную роль в иранской политической жизни, в которой сейчас господствует духовенство».

Спустя несколько дней, 1 сентября 1984 г., выступая перед членами Совета по наблюдению за осуществлением конституции, Хомейни высказался против политики наказаний с обратной силой действия, в том числе по об-

винениям в «спекуляции или обмане» во времена предыдущего режима. Подобные наказания, сказал он, противоречат исламу и воле всевышнего. Таким образом, мошенники и нувориши периода шахского правления получили прощение. Но не были забыты и «простые люди», которые, по словам имама, осуществляли «исламскую революцию» и оказывали ей поддержку. Призвав обеспечить их активную роль на политической арене, он в то же время потребовал не допускать, чтобы «безнравственные люди, склонные к коррупции, оставались без присмотра и делали то, что им заблагорассудится». К кому относилось последнее выражение, осталось неясным.

Неясным было и многое другое. 19 сентября 1984 г., выступая на совместном заседании кабинета министров и Высшего юридического совета, председатель Верховного суда аятолла Мусави-Ардебили высказался относительно выполнения статьи 49 конституции Исламской Республики Иран. Статья предусматривала, что богатства, приобретенные кем-либо путем ростовщичества, насильственного захвата, взяточничества, хищения, кражи, азартных игр, продажи необработанных земель и имущества, не принадлежащего частным лицам, открытия значных мест и другими незаконными путями, государство обязано отбирать и возвращать законным владельцам, а при неустановленности таковых — национализировать. Председатель Верховного суда признал, что Высший юридический совет пока не принял окончательного решения по вопросу выполнения этой статьи.

Таким образом, те положения конституции, которые касались владельцев собственности, в течение пяти лет со времени ее принятия так и не получили однозначной интерпретации для их практического претворения в жизнь. В то же время исламские власти, включая самого Хомейни, сразу после оглашения «программы либерализации из 8 пунктов» открыто и прямо говорили о начале периода «стабильности и безопасности», сменившего период «революционной ситуации», о необходимости положить конец «произвольным арестам и незаконным конфискациям», строго соблюдать «священный принцип» частной собственности. Многие из национализированных ранее промышленных и других предприятий, а также земельных владений были предложены их прежним владельцам. Если после свержения шахского режима

в высшей инстанции не раз презрительно говорилось, что «экономика важна для слов» и вообще «является предметом, годным лишь для животных», то теперь постоянно повторялось, что без поддержки торговцев над исламской республикой «нависла бы угроза краха». Несмотря на финансовые трудности, правящие круги не скупилась на предоставление гарантированных правительством банковских займов для содействия развитию частного сектора. Последний начал бурную деятельность на фоне дремлющего или замирающего государственного сектора.

Целям поощрения капиталовложений в частный сектор служил и принятый парламентом закон о трудовых отношениях. Закон разрешал детский труд, если контракт подписан родителями или опекуном ребенка, фактически лишал трудящихся прав на забастовки, создание независимых профсоюзов, страхование от несчастных случаев на производстве, получение пенсий, гарантированного отдыха, сохранял неравенство женщин с мужчинами, не предусматривал право на пособие по беременности и т. д. Даже малейший протест по профессиональным, политическим и идеологическим мотивам беспощадно подавлялся с помощью содержащейся на предприятиях вооруженной охраны.

Весной 1985 г. в правительственных кругах возник план продажи рабочим акций государственных промышленных предприятий. Проводимое до революции шахским режимом соответствующее мероприятие, как известно, имело ограниченный характер и практически ничего не дало рабочему классу. Иностранцы наблюдатели расценили новый план исламских властей как меру, осуществление которой поможет правительству восполнить налоговые поступления, сократившиеся вследствие снижения цен на нефть. И, кроме того, как еще один шаг в плане поощрения частного предпринимательства и уменьшения государственного контроля над экономикой, как очередной признак начавшегося ранее поворота вспять процесса национализации экономики.

Естественно, что рабочие весьма настороженно и даже критически отнеслись к плану властей. На совещании представителей рабочих организаций высказывались опасения, что инвесторы из зажиточных слоев населения захватят подавляющее большинство акций и вернут страну к «капитализму дореволюционного типа». Даже представитель Центрального совета союза рабочих, офи-

ционального профцентра страны, Х. Камали, возглавляющий комитет по труду в парламенте, заявил, что, «прежде чем поглощать ликвидность частного сектора путем распродажи акций, необходимо рассмотреть вопрос о законности его капитала». Вполне обоснованно опасаясь, что отсутствие средств не даст им возможность приобрести акции предприятий, рабочие предлагали, чтобы государственная организация социального обеспечения скупала акции от их имени или чтобы им были предоставлены кредиты, которые могли бы выплачиваться за счет сверхурочных.

Крестьяне к тому времени все еще пребывали в ожидании перераспределения помещичьих земель. Парламент, неоднократно заявлявший, что разрабатывает новые предложения по аграрной реформе, 19 мая 1985 г. наконец утвердил законопроект, касавшийся, однако, лишь урегулирования споров в вопросе о владении землей, которые возникли в связи с разделом крупных земельных имений после февраля 1979 г. Принятый закон предоставил крестьянам права на захваченные ими земли, но разрешил землевладельцам, избежавшим в свое время перераспределения земель, сохранить за собой свои владения. По сообщению должностных лиц, в результате принятия этого закона выиграет примерно 600 тыс. крестьян, захвативших около 630 тыс. га земли, принадлежавших 5,3 тыс. землевладельцев, большинство которых бежали из страны. Ранее крестьяне не имели юридических прав на эти земли, и ненадежность их положения способствовала миграции в города, в результате чего население Тегерана увеличилось почти вдвое, а многих других городов — в 6—10 раз.

Основная забота имама, как и прежде, сводилась к сохранению единства и согласия в высших эшелонах исламской власти, с одной стороны, и предотвращению конфликтов между правящими кругами и народом — с другой. «Верхи» он постоянно призывал «не опускаться до групповщины и личного соперничества», ценить «божью благодать, спизошедшую на страну», а «низы» — «полностью поддерживать правительство», протягивать ему «руку дружбы и помощи». Согласие между народом и правительством, говорил Хомейни, не может быть нарушено ничем, «даже несмотря на то что у них непременно должны быть братские претензии друг к другу». Когда же поднимался вопрос об уровне жизни народа, его решали весьма просто. Так, выступая 6 мая 1985 г.

в своем доме на собрании духовенства по случаю религиозного праздника, Хомейни сказал:

— Группа мулл заявляет, что жизнь была лучше при прежнем режиме. Это меньшинство, к которому народ не должен прислушиваться. Подавляющее большинство духовенства верно исламской республике.

К тому времени путем сложного маневрирования, общим результатом которого был практически полный отказ от провозглашенных ранее прогрессивных социально-экономических преобразований, удалось более или менее сплотить различные религиозные группировки, приглушить существующие между ними разногласия и укрепить основную структуру государства, обеспечив его дальнейшее «нормальное» функционирование.

Итальянский журнал «Панорама» 31 марта 1985 г. писал: «Умелый координатор политических группировок среди руководителей страны и чуткий толкователь требований исламских масс, аятолла Хомейни остается подлинным «руководителем» Исламской Республики Иран... Слова Хомейни — закон в Иране; они заставляют умолкнуть всех несогласных. Старый аятолла — ловкий посредник и не упускает случая удовлетворить требования консерваторов, учитывая в то же время требования прогрессистов... «Хомейни, — говорит один западный дипломат, — добивается «нормализации» страны и уменьшения напряженности, чтобы приход к власти его преемника произошел без всяких потрясений».

Твердо направив экономический корабль страны в мутные воды капиталистического развития, стоящие у штурвала религиозные деятели одновременно пытались придать исламскому политическому режиму внешнюю респектабельность, с тем чтобы обеспечить его жизнеспособность в современном мире. Ветер «исламской революции» возвращался на круги своя — к временам первых дней правления светского кабинета Базаргана, лучше других прикрывавшего государственную гегемонию духовенства. В этих условиях особое значение приобретал вопрос о взаимоотношениях исламских властей и бывшего премьера, благо что последний волей судьбы, а точнее — имама, при всех порывах священнодействующего ветра не лишался права не только жить, но и говорить.

Тактика «кнута и пряника», проводившаяся властями в отношении Базаргана и возглавляемой им организации, медленно, но верно вела к желаемым результатам. В брошюре, выпущенной бывшим премьером к 6-й годовщине

свержения шахского режима, говорилось о «перерождении революции», не давшей народу «свободу и процветание, безопасность и справедливость», осуждалась «тирания духовенства», которая «стала настолько невыносимой, что нелегко было требовать возвращения на путь, обещанный народу». В ней критиковался недавно избранный парламент, при наличии которого «все важнейшие политические вопросы — войны и мира, внешней политики — решает горстка людей, не считаясь с мнением народа», и предвещалась возможность «опасного взрыва», вызванного «коррупцией и злоупотреблениями». Но в брошюре также утверждалось, что Движение за свободу Ирана поддерживает исламскую республику и добивается лишь исправления ошибок режима, причем не «насилованными и кровопролитными методами», а с помощью «легальных и мирных средств». Еще более симптоматичной была следующая мысль: «Руководствуются ли они эгоистическими соображениями или проявляют добрую волю, но в правящих кругах наблюдается стремление вернуться к законности и порядку».

В свою очередь исламские власти с весны 1985 г. стали делать еще более благосклонные, чем прежде, жесты в сторону Базаргана и возглавляемой им организации. Даже его требование найти «справедливое и почетное решение» в деле войны с Ираком вызывало в ответ лишь безличное обвинение в «пораженческих настроениях», хотя почти все последователи имама основывали свою сплоченность на пресвятом принципе единства перед лицом «иракского врага». В апреле Хомейни, Хашеми-Рафсанджани и Хаменеи неоднократно осуждали сторонников мирного урегулирования, но фактически ни разу открыто не называли имени бывшего премьера. Между тем все другие противники войны, в том числе члены общества Ходжатие, расценивавшие ее как причину упадка торговли и экономического застоя, воздерживались от каких-либо публичных заявлений.

Оппозиционная деятельность Движения за свободу Ирана заражала и верхи близких к имаму кумских религиозных деятелей. В письме к Хомейни они констатировали, что из-за экономических трудностей и тупика в войне «режим не пользуется больше прежним авторитетом среди населения» и что в ближайшее время положение может оказаться «неконтролируемым». В заключение письма говорилось: «Надо будет просить Аллаха, чтобы он предохранил нас от взрывов, которые могут тогда произойти».

Несмотря на все это, власти не лишили базаргановскую группировку своей благосклонности. В середине мая 1985 г. министр внутренних дел ходжат-оль-эслам Натег-Нури заявил на пресс-конференции, что Движение за свободу Ирана, деятельность которого еще в феврале была запрещена распоряжением генерального прокурора Тегерана, может снова открыть свою канцелярию. Более того, он официально пригласил эту единственную в стране легальную светскую оппозиционную группировку, наиболее близкую к исламскому сераю, принять участие в предстоящих в июле выборах президента. Подчеркнув, что «выборы будут свободными» и что «все смогут участвовать в них», Натег-Нури, как бы стремясь предупредить негативную реакцию Движения за свободу Ирана, выступил с «предсказанием», что оно откажется принять это приглашение под предлогом отсутствия свободы.

Базарган откликнулся на приглашение принять участие в президентских выборах (перенесенных в последний момент на 16 августа), очевидно, полагая, что оно исходит из самых высших государственных сфер, а быть может, и от самого имама. Однако «религиозный истеблишмент» не счел возможным поступиться даже той призрачной долей власти, которой, согласно конституции, обладал президент Исламской Республики Иран. Из 50 кандидатур, пожелавших принять участие в баллотировке на пост президента, Совет по наблюдению за осуществлением конституции оставил только три: ходжат-оль-эслама Али Хаменеи, Хабиболлы Асгароулади-Мосальмана и Махмуда Кашани (сына широко известного в 50-х годах аятоллы). Кандидатура Базаргана была отведена без всяких объяснений.

В ответ на это 38 деятелей Движения за свободу Ирана выступили 8 августа с коммюнике, в котором заявили, что не примут участия в голосовании, поскольку не одобряют «политику монополии кандидатур членов правящей партии». Это решение, отмечалось далее, принято с пониманием «его возможных последствий и даже опасности для жизни». Вместе с тем соратники бывшего премьера осудили «деспотизм, эгоизм, насилие, царящие в социальных и политических отношениях, отсутствие политической, социальной, юридической и экономической безопасности, безразличное отношение ответственных деятелей к конституции и законам, катастрофу, порождаемую навязанной войной на изнурение, усиление зависимости страны от заграницы». Подписи самого Базаргана под коммюнике не было.

Хомейни, как и в других случаях, занял позицию невмешательства. Воздержавшись от высказываний по поводу отобранных кандидатур, он ограничился заявлением о том, что от выборов зависит «престиж ислама» и что народное участие в голосовании станет свидетельством поддержки политики, проводившейся в последние годы.

По официальным данным, в выборах приняли участие 14,2 млн. человек. 85 процентов поданных голосов получил ходжат-оль-эслам Хаменеи — первый из трех президентов Исламской Республики Иран, который не только удержался на своем посту в течение всего срока, но и был избран вторично. По данным же моджахединов и других представителей оппозиции, более двух третей иранских избирателей бойкотировали «фарс с выборами», результаты которых были фальсифицированы. Показательно, что еще за полтора месяца до выборов Хашеми-Рафсанджани утверждал, что более 90 процентов избирателей «намерены» отдать свои голоса за Хаменеи.

Переизбрание президента Хаменеи на второй четырехлетний срок, обеспечив преемственность власти, в то же время способствовало новому обострению политической борьбы среди правящих кругов. С одной стороны, это были сторонники «курса имама», использующие радикально-популистские лозунги с целью сохранить поддержку «обездоленных», с другой — традиционалисты-консерваторы, ратующие за дальнейшее расширение свободы частного предпринимательства. Поддерживаемые торговцами базара, не приемлющими «экономический деспотизм» премьер-министра Мусави, традиционалисты требовали смены главы правительства. Неофициальные опросы депутатов меджлиса показали, что премьер не сможет получить большинство голосов при постановке в парламенте вопроса о продлении срока его полномочий.

В этих условиях сторонники «курса имама» вскоре после президентских выборов начали активное наступление на своих противников. 15 сентября «Джомхурийе эслами» подвергла нападкам «хищников, выбравшихся из своих укрытий», чтобы вернуть себе «имущество, отданное революцией народу» и «свои прежние ответственные посты». В свою очередь консервативно настроенное духовенство, основавшее новую ежедневную газету «Ресалат», выступило с требованием поддерживать частное предпринимательство против «революционных актов,

выражающихся в национализации заводов и конфискации земель». Сторонники «курса имама» в ответ на это провели ряд шумных пропагандистских кампаний, в ходе которых отдельным группам «обездоленных» были предоставлены крохотные участки земли в пригородах Тегерана и других городов для строительства жилья. В результате представители консервативно настроенного духовенства были поставлены в то же положение козлов отпущения, в котором еще недавно находилось общество Ходжатие, тогда как их противники приобрели для себя возможность давать, чтобы отбирать, и отбирать, чтобы давать.

С особой остротой встал вопрос о кандидатуре нового премьера. Президент Хаменеи, как сообщали тегеранские газеты, до приведения к присяге 10 октября 1985 г. проявлял колебания в выборе главы правительства. Однако в поддержку прежнего премьера Мусави высказался сам имам. В выступлениях 29 сентября и 16 октября он прямо заявил о нецелесообразности «менять премьер-министра в то время, когда страна ведет войну» и потребовал положить конец политическим дискуссиям и распрям, с тем чтобы «мобилизация» народа ради служения Исламской Республике не ослабевала. После этого 135 депутатов меджлиса опубликовали письмо с выражением поддержки Мусави. 73 депутата, которые все же пренебрегли советами Хомейни и отказались 13 октября проголосовать за резолюцию доверия премьеру, получили публичное порицание.

Но имам Хомейни, постоянно заявлявший, что богатеи, грабившие всю жизнь мусульманскую общину, не могут претендовать на законное владение своим имуществом, не оставил в обиде и сторонников дальнейшего расширения свободы частного предпринимательства. Выступив в начале ноября перед членами нового кабинета, в состав которого Мусави ввел ряд видных деятелей «партии Аллаха», имам счел необходимым совершенно недвусмысленно указать им, что его поддержка отнюдь не означает предоставления карт-бланша. «Не пытайтесь все обобществлять», — прямо заявил он, напомнив, что «закон устанавливает рамки в области национализации». Одновременно имам попытался успокоить торговцев, о которых прямо упомянул в своем призыве к национальному единству:

— Без сотрудничества торговцев, рабочих, земледельцев и других слоев общества дела у нас не пойдут.

Восстановленное имамом равновесие политических сил его сторонники использовали для нанесения нового удара по своим противникам. В ходе очередной сессии Совета экспертов, открывшейся 9 ноября 1985 г., в качестве преемника Хомейни в случае его кончины был избран, как и предполагалось, аятолла Монтазери, получивший $\frac{2}{3}$ голосов членов совета. Но решение совета не было оглашено ввиду нежелания имама, чтобы вопрос о его наследнике обсуждался публично. Однако в конце ноября противники «курса имама», предприняв попытку контрнаступления, способствовали «утечке информации». Председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани был вынужден подтвердить факт назначения Монтазери, одновременно заявив, что состояние здоровья Хомейни «прекрасное» и «он по-прежнему остается руководителем революции». Отметив, что решение Совета экспертов не следовало обнародовать, «во всяком случае, в настоящее время», председатель меджлиса объяснил акцию совета стремлением «избежать периода безвластия в случае, если бы с имамом что-нибудь случилось». Другие официальные деятели высказались еще более откровенно, указав на желание предотвратить перерастание политических распрей в открытые вооруженные столкновения.

К концу 1985 г. в «верхах» Исламской Республики установилось относительное затишье. Обращенные к «обездоленным» призывы сторонников «курса имама» «брать себе все, что принадлежит им перед лицом всевышнего», не вышли за рамки деклараций в газетах и кулуарах правительственных ведомств. В кабинетах же этих ведомств коммерсантов и предпринимателей обхаживали так же, как и в последние три года.

Практически ничего не изменилось и в облике политического режима. Показательны в этом отношении следующие события. В начале мая 1986 г. Базарган с большой группой единомышленников объявил о создании новой политической организации — Ассоциации по защите свободы и суверенитета иранского народа. В опубликованном по этому случаю манифесте говорилось, что Исламская Республика переживает экономический и социальный кризис, упоминалось о насилиях, незаконии и продолжающейся шестой год «ненужной войне». Но в интервью корреспонденту агентства Рейтер, возобновившего работу в Иране, Базарган сказал:

— Мы не являемся организацией, которая хочет стать альтернативой правительству. Мы поддерживаем

революцию и конституцию (1979 г.). Мы действуем внутри существующей системы.

Тем не менее спустя две недели Базарган и ряд его сторонников были избиты группой вооруженных лиц. Жалоба бывшего премьера президенту не возымела действия: министерство внутренних дел сняло с себя всякую ответственность за этот инцидент.

Действия властей не повлияли на политическую активность Базаргана и его соратников. В конце лета 1986 г. Движение за свободу Ирана распространило в Тегеране в нескольких тысячах экземпляров «Обращение к вождю революции», в котором вновь настоятельно требовало положить конец ирано-иракской войне. Возлагая на имама ответственность за продолжение конфликта, ведущего «к полному уничтожению всех наших людских и экономических ресурсов», деятели базаргановской группировки писали: «Ваш лозунг «Война, война — до полной победы!» превращается в лозунг «Война, война — до полного самоуничтожения!». Отмечалось, что имевшая поначалу характер «законной оборонительной войны», после вступления иранских войск на территорию Ирака она стала «продиктованной мстостью агрессией», в оправдание которой режим выдвинул теорию «наступательной обороны». «Это напоминает то, что совершали босоногие крестоносцы под предлогом спасения Вифлеема от неверных», но эта война — «не война ислама против неверных, не война угнетенных против угнетателей, а война, которую ведут два угнетенных народа, истребляя при этом друг друга». Категорическое неприятие мирных предложений не только противоречит Корану, заветам пророка и практике шиитских имамов, но и представляет собой «катастрофическую политическую ошибку». «Даже если враг предлагает мир, чтобы выиграть время и лавировать,— говорилось в документе,— ислам повелевает нам принять это предложение».

В заключительной части «Обращения к вождю революции» деятели базаргановской группировки утверждали, что большинство иранских руководителей выступают за политическое урегулирование конфликта. Далее отмечалось, что продолжение войны «это проявление диктатуры и деспотизма, противоречащих исламу, Корану и конституции». Движение за свободу Ирана призывало имама «посоветоваться с народом по вопросу о войне и дать возможность руководителям, назначенным законным путем, высказать свое мнение».

Позиция сторонников аятоллы Монтазери, позволявшая Движению за свободу Ирана столь смело высказываться по самым насущным вопросам политической жизни страны, объяснялась стремлением привести в исламский режим более либеральный курс. Считая, что Исламская Республика нуждается в улучшении своей международной репутации, расширении зарубежных союзов и завоевании более широкой поддержки внутри страны, сторонники Монтазери надеялись отвести базаргановской группировке место легальной оппозиции в планируемом «открытом исламском обществе». Со времени своего назначения преемником имама Монтазери значительно усилил критику правительства и Корпуса стражей исламской революции. В июне 1986 г. он резко высказался против ограничения личных и политических свобод, а также свободы торговли. В очередной раз взяв под защиту группировку Базаргана, Монтазери призвал власти «действовать более гибко», «проявлять большую терпимость» и признать «право на различие».

— Не нужно повсюду видеть заговорщиков и контрреволюционеров,— говорил аятолла.

Критические выступления Монтазери вызвали активное противодействие со стороны радикально настроенных сторонников «курса имама», и особенно вновь назначенного генерального прокурора «исламской революции» ходжат-оль-эслама Мусави-Хоениха, в свое время прославившегося организацией захвата американского посольства в Тегеране. Он резко осудил поддержку Базаргана и его друзей, назвав их «предателями», выступающими против продолжения войны, и заявив, что их нужно «уничтожить».

— Можем ли мы допустить когда-нибудь и особенно теперь, когда погибло столько мучеников, что мы ошиблись, приняв решение продолжать войну? — громовым голосом вопрошал всесильный председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани на одной из пятничных молитв.

«Дело в том, что с тех пор как Монтазери был провозглашен преемником Хомейни, он стал человеком, неудобным для большинства из тех, кто обладает в Иране хоть какой-то властью,— писала газета «Монд» от 21—22 сентября 1986 г.— Эти люди, среди которых нет согласия по текущим проблемам Ирана, вместе с тем сообща стараются подрезать крылья преемнику Хомейни, чтобы крепче держать его в руках, когда он вступит на высокий пост».

Особенно показательными в этом отношении были результаты частичных парламентских выборов, происшедших 1 августа 1986 г. Выступавший в качестве кандидатуры аятоллы Монтазери ходжат-оль-эслам Ахмади был побежден бывшим министром внутренних дел ходжат-оль-эсламом Натег-Нури, который получил полную поддержку Хашеми-Рафсанджани.

Имам в конце июля публично призвал соперничающие стороны приглушить свои ссоры.

— Кое-кто помышляет лишь о том, чтобы погубить соперника, не заботясь о судьбе ислама,— сказал Хомейни, пригрозив принять меры против строптивых, включая членов своего окружения или даже своей семьи. И затем добавил:

— Удержите ваши перья, не забывайте, что не все нужно писать, что не все нужно публиковать.

С целью подкрепить постоянно расшатываемый авторитет аятоллы Монтазери Совет экспертов на своем очередном июльском заседании, разумеется, не без ведома имама, подтвердил — официально и бесповоротно — предыдущую рекомендацию о назначении аятоллы преемником Хомейни. Это решение, естественно, не разоружило ни противников Монтазери из лагеря традиционалистов, продолжавших ставить под сомнение присвоенный ему титул «великого аятоллы» и даже его компетентность в религиозных вопросах, ни его новых соперников, выступавших как последователи «курса имама».

Но по сообщению иранского официального агентства ИРНА от 21 сентября 1986 г., имам в беседе с Монтазери дал согласие на давно требуемое последним смягчение правил, предусмотренных процедурой помилования содержащихся в заключении членов оппозиционных группировок, в особенности женщин.

Однако Хомейни, как это уже не раз бывало в прошлом, стремясь примирить соперничающие группировки, отнюдь не перешел ту грань, за которой могла возникнуть угроза институциональному равновесию в различных звеньях исламского режима.

Спустя месяц после упомянутой выше беседы имама с Монтазери в Иране была арестована большая группа сторонников, помощников и родственников аятоллы по обвинению в государственной измене, «убийствах, похищении людей и подпольной деятельности». Во главе этой группы стоял родственник Монтазери Мехди Хашеми, руководитель бюро по оказанию помощи исламским ос-

вободительным движениям — организации, находившейся в непосредственном ведении председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани, но фактически действовавшей под контролем аятоллы Монтазери. Аятолла обратился к Хомейни с просьбой освободить Хашеми из-под ареста, но имам, как сообщило 27 октября агентство ИРНА, потребовал от министра информации Рейшахри применения к арестованным «исламских законов» с соблюдением их «духа и буквы». В последующие дни власти произвели новые многочисленные аресты, в том числе среди командиров «стражей исламской революции» и представителей правительства в провинциях (а также среди высших офицеров, которые вместе с депутатом меджлиса, бывшим кандидатом в президенты Кашани были обвинены в «распространении подрывных материалов в вооруженных силах»).

В этих условиях, по сообщениям западной печати, сторонники Монтазери предприняли обходной маневр, способствовав «утечке информации» о конфиденциальных встречах в Тегеране между Хашеми-Рафсанджани и эмиссаром президента США — Робертом Макфарлейном. Согласно соответствующим сведениям, опубликованным бейрутским журналом «Аш-Шираа», во время этих встреч речь шла о тайных поставках американского вооружения в Иран. Упомянутый выше Мехди Хашеми, узнав об этом, предпринял попытки заблокировать проамериканскую активность.

«Утечка информации», имевшая своей главной целью нанести ответный удар по позициям Хашеми-Рафсанджани, не дала ожидаемого результата. Предание гласности тайных ирано-американских контактов заметно обострило внутривнутриполитическую ситуацию в США, но в Иране эффект оказался обратным. Вынужденный признать факт визита Макфарлейна в Тегеран, Хашеми-Рафсанджани использовал его для дискредитации политики Рейгана и демонстрации «непреклонной позиции» иранского руководства, заявив, что оно отказалось от встреч с посланником президента США. Свое публичное заявление 4 ноября на эту тему, сделанное на митинге по случаю седьмой годовщины захвата американского посольства в Иране, председатель иранского парламента облек в такую форму, что оно выглядело не как простое подтверждение уже оглашенных в бейрутской печати сведений, а как решительное и непримиримое разоблачение империалистической политики США, оказав-

шейся «беспомощной» перед победным шествием «исламской революции».

В аналогичном ключе выступили и другие иранские руководители. Поскольку Иран придерживается исламских ценностей, заявил премьер-министр Мусави 13 ноября, Америка будет по-прежнему оставаться для него «великим сатаной», а лозунг «смерть Америке» — выражением стратегического курса «исламской революции». И наконец 20 ноября имам Хомейни поздравил иранский народ с победой «более значительной, чем все другие победы», предложив одновременно Рейгану «надеть траур в знак позора».

В середине ноября 8 депутатов, стремясь оспорить версию событий, изложенную Хашеми-Рафсанджани, представили в меджлис письмо с требованием к министру иностранных дел Велаяти сообщить парламенту подробности и объяснить характер контактов между Тегераном и Вашингтоном. В упоминавшемся выступлении 20 ноября в его резиденции в северном пригороде Тегерана — Джамаране Хомейни квалифицировал это письмо как попытку внести раскол в среду должностных лиц и руководителей страны и как «одобрение действий Белого дома и Рейгана».

— В то время, когда вы должны кричать на США, вы кричите на наших должностных лиц... Почему вы находитесь под влиянием иностранной пропаганды? — заявил имам.

Депутаты вынуждены были взять свое письмо обратно. В связи с этим Хашеми-Рафсанджани в выступлении в меджлисе выразил признательность Хомейни, предотвратившему «возникновение возможного мятежа, который мог бы повредить нашему единству».

— Я надеюсь, — заявил председатель парламента, — что нам больше не придется сталкиваться с такими неприятными вопросами... Мы всегда должны оставаться бдительными для сохранения солидарности и единства в будущем, так, чтобы не позволить дьяволам пролезть через щели.

21 ноября тегеранское радио передало заявление аятоллы Монтазери, сделанное накануне в «священном городе» Куме и выдержанное в довольно примирительном тоне. Пожаловавшись на то, что «некоторые» должностные лица, виновные в «преступлении», отклонились от подлинной цели революции — заботы о помощи «бедным» и действуют, злоупотребляя своей властью и не

обращаясь за советом к более высоким инстанциям, он сказал:

— Америка остается великим сатаной. Соединенные Штаты никогда не желали нам добра. Поэтому нам не следует доверять им... Если сегодня они говорят о мире, то думают только о собственном благе и о своих интересах... Не следует сердиться, если к вам обращаются с вопросами по поводу того, что вы ни с кем не проконсультировались, прежде чем совершить определенные поступки... Нам следовало бы быть более искренними в наших отношениях, должно быть больше сотрудничества.— И далее, коснувшись ареста Хашеми, добавил:

— Не пытайтесь выискивать промахи и ошибки, допущенные правоверным мусульманином, и разглашать их. Подобные разоблачения, какими бы они ни были и в какой бы форме их ни делали, считаются грехом.

Ответная реакция одного из наиболее решительно настроенных оппонентов Монтазери, председателя Верховного суда аятоллы Абдолькерима Мусави-Ардебили, была достаточно мягкой. Выступая с проповедью на территории Тегеранского университета, он назвал события последних дней «крупнейшей победой Тегерана на международной политической арене», которая «в сотни раз ценнее военных побед» и заслуживает того, чтобы ею гордиться.

— Те, кто выступают с непримиримыми заявлениями, чтобы добиться признания и подорвать значение этой победы, заслуживают порицания,— заключил аятолла.

Таким образом, имаму в очередной раз удалось предотвратить институционный кризис исламского режима. Но события последних лет отчетливо показали пределы и возможности провозглашенной в конце 1982 г. политики «либерализации». Как отмечала еще 1 июня 1983 г. французская «Монд», «от этих рекомендаций выиграли только торговцы базара, которые добились облегчения некоторых мер, тормозивших их дела, бывшие сотрудники САВАК, которых пригласили на службу Исламской Республике, и горстка промышленников старого режима, которым вернули их предприятия, конфискованные в первые месяцы революции». Спустя два дня та же газета отметила еще один результат политики «либерализации»: «Параллельно с усилением репрессий режим завершил создание государственных институтов и укрепление революционных организаций, которые действуют теперь вполне гармонично».

Действительно, духовенство установило твердый контроль над бюрократическим аппаратом и «революционными организациями». Некогда самостоятельно осуществлявшие власть на местах наряду с правительством, они постепенно влились в правительственные институты. Однако, несмотря на усиление центральной власти, эти организации все же сохраняли определенную долю автономии. Ученый историк Шаул Бакаш объяснял это 14 февраля 1985 г. на страницах лондонской «Таймс» общим характером исламской политической системы:

«...Система по-прежнему представляет собой сшитое из цветных лоскутов одеяло, где друг на друга накладываются полномочия различных органов и соперничающих центров власти.

Каждый из полдюжины видных духовных деятелей из окружения аятоллы Хомейни стремится укрепить основу личной власти, назначая своих ставленников на влиятельные посты. В провинциях представители революционных организаций, центрального правительства и правящей Исламской республиканской партии создали целые династии духовенства, и новичкам там приходится бороться за сферы влияния.

Самые грубые перегибы, допущенные в период революции, были отчасти преодолены... Но репрессивный аппарат по-прежнему существует: иранцы живут в постоянном страхе, что вот-вот раздастся злоебщий стук в дверь...»

Общие границы политики «либерализации» обрисовала французская «Монд» 3 июня 1983 г.:

«Поле маневра, которым духовенство обладает, чтобы провести либерализацию режима, остается весьма ограниченным — как ни стремятся иранские руководители продемонстрировать внешнему миру «ислам в гуманном облике»... они остаются пленниками репрессивного аппарата, который сами же создали для укрепления своей власти и который с годами превратился в подлинное государство в исламском государстве...»

Исламский режим оказался в тупике. С одной стороны, он вроде бы стремится к «нормализации» революции. С другой стороны, он опасается, что при этом окажутся спущенными с цепи неконтролируемые силы, которые разрушат Исламскую Республику, подобно тому как объявленные в 1978 г. шахом меры по либерализации привели монархию к краху».

Внутриполитическое развитие послереволюционного

Ирана, в котором полностью утвердилось политическое господство духовенства, ясно выявило социальную природу мусульманских религиозных деятелей. Корпоративно-групповые интересы служителей культа, побуждающие их к единству во имя упрочения условий своего существования, оказались сильнее раздирающих их ряды противоречий. Обусловленные многоклассовым происхождением и характером социальных связей духовенства, эти противоречия были преодолены на основе выбора откровенно прокапиталистической политики, которая раньше тщательно маскировалась исламско-популистскими лозунгами. Последние сохранялись лишь в той мере, в какой это было необходимо для продолжения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции режиму.

Круг замкнулся. Воинствующий мелкобуржуазный радикализм обернулся заурядным буржуазным реформизмом, а набравшая силу теократия открыто обнаружила свое социальное родство с повергнутой гражданской властью.

К началу 1981 г. экономическое положение страны, как и прежде, характеризовалось хозяйственным застоём, ростом инфляции и безработицы, тяжело отражавшимися на положении широких народных масс. По данным Центрального банка Ирана, общий индекс цен в стране повысился в 1978/79 г. на 10 процентов, в 1979/80 г.—на 12 и в 1980/81 г.—на 27 процентов. По данным же, приводившимся в газете Народной партии Ирана «Намее мардом», в январе 1981 г. розничные цены на продовольственные товары с начала войны с Ираком в сентябре 1980 г. поднялись в среднем на 50 процентов, а в течение всего 1980 г.—на 263 процента. Страна зависела от поставок из-за границы не только продовольствия, но (в связи с разрушением нефтеперегонного завода в Абадане) даже керосина, бензина, дизельного топлива и других нефтепродуктов, на ввоз которых ежегодно затрачивалось 700—800 млн. долларов.

Основу экономики по-прежнему составляли экспорт нефти, доходы от которой обеспечивали 70—80 процентов бюджетных поступлений и 90—95 процентов иностранной валюты, и импорт готовых изделий. Сохранение сложившейся при шахском режиме экономической структуры нашло отражение, в частности, в трехкратном

увеличении к 1981 г. закупок продовольствия за границей. В то же время в связи с общим хозяйственным застоем значительно сократился импорт промышленного сырья и оборудования. Полное отсутствие экономического планирования (поскольку исламский режим все еще не избрал конкретного пути развития) находило проявление и в других областях.

В конце марта 1981 г. базаргановская газета «Мизан» опубликовала доклад президента Банисадра об экономическом положении страны. По данным Центрального банка Ирана, писал президент, стоимость производимого в стране валового национального продукта (ВНП) в 1978/79 фин. г. снизилась на 9 процентов, в 1979/80 г.— еще на 13 процентов, а в 1980/81 г. снижение, по самым оптимистическим оценкам, составит примерно 10 процентов. В сельскохозяйственном производстве еще в 1978/79 г. отмечался прирост продукции на 6 процентов. Однако в 1979/80 г. произошел спад на 3,5 процента, в 1980/81 г. следовало ожидать «нулевого роста». Уровень промышленного производства сократился за два года на 17 процентов, причем наблюдалось падение доли тяжелой и горнодобывающей промышленности. Несмотря на снижение валютных поступлений из-за уменьшения экспорта нефти, расходы за первую половину 1980/81 г. возросли на 40 процентов. К марту 1981 г. валютные запасы Ирана не превышали 4 млрд. долларов (вместе с поступлениями из иранских активов в США). Падение спроса на банковские кредиты и займы для капиталовложений в производственную сферу в течение 1980/81 г. было беспрецедентным. Вместе с тем чрезвычайно быстрыми темпами росли потребление и спрос на товары, из банков изымались вклады, что резко увеличило количество денег, находящихся в обращении.

Одним из самых опасных явлений в иранской экономике Банисадр называл «хронический бюджетный дефицит», вызванный, по его мнению, небольшим сбором налогов, излишней опорой на доходы от нефти и огромными расходами на содержание гигантского административного аппарата. В 1978/79 г. дефицит бюджета составил 355 млрд. риалов, в 1979/80 г.— 500, а в 1980/81 г.— 878 млрд. За минувшие два года, по словам президента, более 65 процентов правительственных расходов занимали текущие ассигнования. Если же учесть размеры дефицита, то станет очевидным, что иногда вся сумма доходов правительства шла на текущие затраты,

что делало невозможным экономическое развитие и обуславливало инфляцию. Корень зла Банисадр видел в «отсутствии безопасности», «неясности с принципами собственности», «волюнтаризме различных групп», утечке кадров, безработице и т. п. Тогдашний премьер-министр Раджаи в апреле 1981 г. также признал, что только в 1980/81 г. находящиеся в государственном секторе промышленные предприятия понесли убытки на сумму 160 млрд.

Во второй половине 1981 г. экономическое положение Ирана не улучшилось. Около трети бюджетных расходов шли на нужды войны с Ираком.

Правда, сами исламские власти не отрицали ухудшение экономического положения и рост социального неравенства. В июле 1981 г. министр экономики и финансов Х. Намази признал, что налоги с частных предпринимателей составляют $\frac{1}{7}$ или даже $\frac{1}{8}$ часть налогов с рабочих и служащих, занятых в государственном секторе. В январе 1982 г. премьер-министр Ирана Мусави резко обрушился на представителей частного сектора за вложение ими капиталов не в производственный сектор, а в торговлю, благодаря чему многие из них смогли за послереволюционные годы нажить баснословные состояния. Однако никаких реальных мер для изменения такого положения практически не предпринималось, если не считать весьма неэффективные публичные порки кнутом и штрафы за спекулятивные цены.

В то же время положение основной массы населения ухудшалось. В стране фактически существовало три рынка. На относительно дешевом, но нормированном «официальном» рынке после многочасовых, а то и суточных очередей можно было приобрести некоторые товары первой необходимости по талонам, выдаваемым мечетями или государственными предприятиями и учреждениями. Наряду с ним существовали «параллельный» рынок, где можно было купить многие необходимые товары по ценам, недоступным даже для среднего по доходам иранца, и так называемый «свободный» (или «черный») рынок, где по баснословным ценам продавались любые дефицитные товары. При крайней ограниченности основных продуктов питания, выдаваемых по талонам, стоимость большинства из них за послереволюционный период возросла в 8—10 раз. Такие товары, как сигареты, поступающие из-за границы по государственным контрактам, можно было найти где угодно, но не на «официальном» рынке.

С начала 1982 г., после некоторой стабилизации внутривополитического положения в стране, иранские власти стали уделять значительно большее, чем прежде, внимание проблемам экономики. Утверждалось, что текущий год положит начало «исламскому планированию», в результате которого примерно через 10 лет в Иране будет создана «исламская экономическая система», отличная и от капиталистической и от социалистической систем хозяйствования. Это означало ослабление зависимости от нефтяных доходов и импорта продовольствия, переход страны от ориентированного на экспорт промышленного развития к удовлетворению потребностей внутреннего рынка, курс на самообеспечение во всех областях, особенно в области сельскохозяйственной продукции (посредством помощи мелким фермерам) и производства вооружений, поощрение мелкого и среднего предпринимательства, базирующегося на местном сырье и производящего простые и доступные для пользования орудия труда. По существу, речь шла о претворении в жизнь ряда положений банисадровской концепции «экономики божественной гармонии». Однако, как сразу же подметили многие иностранные наблюдатели, цели и методы принятой экономической политики свидетельствовали скорее о прагматическом подходе к делу, чем о безраздельном господстве идей ислама. «Иран: после брожения — прагматизм» — так озаглавила 10 апреля 1983 г. свою статью «Вашингтон пост».

Уже во второй половине 1982 г. в стране были отмечены первые признаки не только стабилизации экономического положения, но и относительного хозяйственного подъема. Этому способствовал целый ряд факторов, в том числе увеличение — в результате предоставления крупных скидок с цены — экспорта нефти (с самого низкого за последние 20 лет уровня в 400 тыс. баррелей в день до почти 3 млн. баррелей в день), дававшего доходы до 2 млрд. долларов в месяц (при 1,5 млрд. общих правительственных расходов), значительное повышение производственной мощности действующих нефтеперерабатывающих предприятий, рост прибылей от иностранных инвестиций Ирана (до 18,5 млн. долларов в 1981/82 г.) и особенно резкое ограничение — в связи с продолжением военных действий — потребительского спроса.

Улучшение экономического положения проявилось в восстановлении основных производственных мощностей

страны (в отдельных отраслях — до 100 процентов), некотором снижении уровня инфляции, начавшемся новом росте запасов иностранной валюты, погашении почти всех долгов шахского режима (составлявших около 15 млрд. долларов) и процентов по ним. Как отмечал государственный министр по делам планово-бюджетной организации Мохаммед Таги Банки, общий объем производства (за исключением нефтяной промышленности) в 1981/82 г. возрос на 17,9 процента. В мае 1982 г. производство стали на Исфаганском металлургическом комбинате возросло в три раза по сравнению с начальными месяцами его работы в 1973 г.

Впервые со времени революции в страну начали называть большие группы иностранных предпринимателей и подрядчиков. В 1982 г. Иран подписал контракты с ФРГ на сумму около 1,5 млрд. долларов, с Японией — примерно на 930 млн. и с Великобританией — на 525 млн. долларов.

Но все это было лишь частью общей картины, того клубка противоречий, которую являла собой истерзанная войной иранская экономика, как и вся социально-экономическая жизнь страны. Экспорт нефти и импорт продовольствия оставались краеугольным камнем внешнеэкономической политики.

Строительная индустрия, бурно развивавшаяся при шахском режиме, продолжала переживать глубокий спад. Повсюду виднелись каркасы недостроенных зданий и горы стройматериалов, остававшиеся нетронутыми в течение почти четырех лет. Несмотря на периодические заявления властей о строительстве для «исламских активистов» большого числа жилых домов, нехватка жилья была одной из острейших проблем. В конце 1982 г. президент Хаменеи признал, что для покупки квартиры среднеоплачиваемому государственному служащему понадобилось бы откладывать деньги более 50 лет. Принятая летом общенациональная программа восстановления разрушенных в ходе войны пограничных городов страны, которую предполагалось выполнять на финансовые пожертвования населения и с помощью добровольной работы, смогла занять около 130 тыс. человек из 3—5 млн. безработных (при 12 млн. экономически активного населения). Правда, правительство в какой-то мере преуспело в газификации Тегерана и осуществлении таких мероприятий, как электрификация и телефонизация отдаленных деревень, борьба с неграмотностью, а также различ-

ные программы помощи, но общее усиление экономической активности пока еще никак не отразилось на положении трудящихся.

В 1982/83 г. экономическое положение по ряду показателей продолжало улучшаться. Согласно докладу Центрального банка Ирана, валовой внутренний продукт в реальном исчислении возрос на 15 процентов, а валовой национальный продукт — на 7 процентов. Однако общее развитие по-прежнему характеризовалось противоречивыми тенденциями. Экономический рост был достигнут главным образом в сельском хозяйстве, а не в промышленности, для нужд которой страна вынуждена была импортировать 75 процентов сырья и 95 процентов станков и оборудования, что неизбежно влекло за собой расширение импорта.

Это еще больше усилило внимание западных предпринимателей к Ирану, потоком хлынувших в страну. «...Все говорит за то, что в последующие два года Иран может превратиться в на редкость процветающий рынок для английского экспорта... Эксперты по торговле уверены в том, что в этом году Иран израсходует на импорт 20 млрд. долларов», — писала английская «Таймс» 3 июня 1983 г. В тот же день орган деловых кругов ФРГ «Виртшафтсвохе» отмечал: «Послереволюционный Иран готовится к мощному подъему экономики, который, по мнению Объединения промышленно-торговых палат ФРГ, в ближайшие годы повлечет за собой самые высокие на Среднем Востоке темпы роста экономики... В государственных учреждениях вновь вернулся здравый смысл в экономических вопросах и стабилизировалось положение с кадрами... Западногерманские фирмы должны не упустить момент, когда в Иране начнется бум». 10 апреля того же года «Вашингтон пост» писала о желании многих деловых и некоторых правительственных кругов Ирана наладить контакты с американскими фирмами.

В апреле 1983 г. иранские власти, окрыленные достигнутыми успехами, опубликовали отдельным изданием объемом в 700 страниц проект первого пятилетнего плана Исламской Республики Иран. Его основная задача состояла в «изменении разваленной в прошлом коррупцией экономической структуры в целях последующего расцвета экономики». Мохаммед Таги Банки охарактеризовал этот план как «выдающийся и продуманный документ, подготовленный на основе имеющейся у Ирана информации, потенциальных возможностей и рабочей силы».

Проект пятилетнего плана, рассчитанного на период с марта 1983 г. по март 1988 г., предполагал уделять первоочередное внимание сельскому хозяйству, ввести строгий контроль за потребительскими расходами и тщательно лимитировать импорт, расширить систему профессиональной подготовки и развивать помимо нефти другие статьи экспорта. Предусматривалось увеличение государственных и частных капиталовложений во всех отраслях экономики примерно на 19 процентов в год, в результате чего они возросли бы с 22,7 млрд. долларов в 1983 г. до 46,5 млрд. в 1988 г. Капиталовложения в сельское хозяйство должны были увеличиться с 13,8 до 16,7 процента, а в промышленность — снизиться с 54,7 до 50,3 процента (при этом основное внимание предполагалось уделять объектам, обеспечивающим нужды сельского хозяйства). Составители проекта надеялись на возрастание валового внутреннего продукта (мера материальных ценностей, произведенных в экономике) со 108,9 млрд. долларов в 1982 г. до 166,9 млрд. в 1988 г.

Уязвимость проекта пятилетнего плана ясно обнаруживалась уже в вопросе о финансировании программы развития экономики. Оно должно было производиться в основном за счет доходов от нефти и некоторого количества природного газа. Предполагалось увеличение стоимости нефти и газа на 14,4 процента в год — с 20 млрд. долларов в 1983 г. до 34,4 млрд. в 1988 г. При этом составители проекта рассчитывали показатели доходов не на основе существующих цен, а в значительно большем размере. Кроме того, считалось, что война с Ираком не станет препятствием на пути осуществления плана. Нацеленный на ослабление зависимости страны от иностранных товаров и технологии, план в то же время предполагал их использование в довольно большом объеме.

К началу 1984 г., по заявлению министра промышленности и рудников Мостафы Хашеми, объем импорта достиг рекордной цифры — 23 млрд. долларов (на 40 процентов больше, чем в предыдущем году). Это, по его словам, могло перечеркнуть 7-процентное сокращение импорта, якобы достигнутое за пять лет после революции. Причину сложившегося положения министр усматривал в повышении покупательного спроса, в особенности со стороны предпринимателей, требовавших все больше и больше средств на ввоз сырья и запасных частей. Так, 5300 государственных и частных предприятий с численностью занятых более 10 человек израсходовали на эти

цели примерно 6 млрд. долларов. «Основное решение,— сказал министр,— заключается в развитии добывающей промышленности и традиционных отраслей и в переориентации промышленных предприятий с монтажа изделий из импортных материалов на отечественное сырье». Но такое решение проблемы пока что не выходило за рамки благих пожеланий.

В связи с подведением итогов экономического развития в 1983/84 г., которые различные должностные лица Ирана оценивали совершенно по-разному, выявились такие аспекты этого развития, которые дали западной печати основание писать о серьезном финансово-экономическом кризисе в Иране. Английская «Файнэншл таймс» от 3 июля 1984 г. оценивала торговую задолженность страны в 6 млрд. долларов, а ее валютные запасы — в 3—4 млрд.; дефицит платежного баланса Ирана, по данным газеты, составил за пять последних лет 7,9 млрд. долларов; экспорт нефти дал около 18 млрд. долларов вместо 23 млрд., запланированных в бюджете; торговый баланс за 1983/84 г. был сведен с дефицитом в 3,9 млрд. долларов. Французская «Монд» от 10 июля среди причин кризиса называла «войну, закупки оружия и запчастей по высоким ценам, плохое управление, расширение объема импорта товаров широкого потребления».

Большинство иранских официальных лиц в публичных заявлениях постоянно говорили о том, что экономика страны набирает силу и что валютные резервы непрерывно растут. Однако Центральный банк Ирана с февраля 1984 г. начал жестко ограничивать импорт, несмотря на недовольство торговых кругов и чиновников-плановиков. При обсуждении в парламенте того же года проекта бюджета на 1984/85 г., предложенного премьером с дефицитом в 312 млрд. риалов, бюджетная комиссия меджлиса подняла эту цифру до 419 млрд. (по данным газеты «Кейхан», в каждый из предыдущих двух лет реальный дефицит почти в два раза превышал запланированный, перевалив за 1000 млрд.)¹. В августе в ходе дебатов в парламенте появились первые признаки того, что предложенный правительством проект пятилетнего плана отклонен; в последующем о нем предпочитали вслух не говорить.

В 1985 г. экономическое развитие характеризовалось теми же противоречивыми тенденциями, что и в пред-

¹ Аналогичное явление имело место и в последующие годы.

шествующие годы. В условиях общего хозяйственного спада и вынужденного сокращения правительственных кредитов промышленность в целом работала на 25—40 процентов своих мощностей, а почти 8 тыс. предприятий и вовсе бездействовали. Тем не менее 20 августа в интервью представителям прессы генеральный директор Национальной промышленной организации Ирана Хосейн Махру сообщил, что объем производства за 1984/85 г. вырос на 40 процентов по сравнению с 1977/78 г., т. е. последним «нормальным» хозяйственным годом при шахском режиме. Далее он привел следующие данные об общем уровне производства (в процентах): 1977/78 — 100, 1978/79 — 85, 1979/80 — 79, 1980/81 — 77, 1981/82 — 93, 1982/83 — 106, 1983/84 — 127, 1984/85 — 140.

Однако в западных деловых кругах сохранялось недоверие к такого рода оптимистическим расчетам (хотя эти круги прежде всего интересовал потребительский бум, открывающий возможность торгово-экономической экспансии в страну). Показательно опубликованное английской «Файнэншл таймс» от 1 апреля 1985 г. приложение с обзором экономической обстановки в Иране. Газета отмечала усиливающуюся зависимость экономического развития от нефтяных доходов, дальнейший рост импорта, истощение запасов иностранной валюты, усиление инфляции, падение стоимости риала, угрожающие размеры бюджетного дефицита, финансируемого беспроцентными займами Центрального банка, нерентабельность промышленных предприятий ввиду перегрузки рабочей силой, нехватки запчастей или полуфабрикатов, импортируемых для сборки, а также иностранной валюты. «...Сейчас, через шесть лет после революции,— констатировала газета, проанализировав обстановку в сельском хозяйстве страны,— Иран самостоятельно обеспечивает себя продовольствием не больше, чем в последние дни шахской власти».

Черты объективного сходства ряда аспектов экономической политики шахского и исламского режимов западные наблюдатели обнаруживали не только в возрастании экспорта нефти и импорта продовольствия, оборудования и вооружения. Новые власти приняли решение завершить в сотрудничестве с иностранными фирмами строительство большинства крупных объектов (в том числе атомной электростанции и гигантского нефтехимического комплекса), начатых свергнутым монархом, но поначалу отвергнутых имамом и его советниками. Капиталовложе-

ния Ирана за границей, которые во времена шаха критиковались как мероприятие проимпериалистического характера, теперь подпирали финансовые устои исламского режима.

Мало того. «Чтобы удовлетворить свои колоссальные потребности,— писала французская «Фигаро» от 13 февраля 1985 г.,— религиозные деятели, совершенно неопытные в делах международной торговли, прибегли к опыту и знаниям бывших руководящих работников, высокопоставленных чиновников, крупных торговцев и промышленников шахского режима, которые теперь служат им посредниками в сделках и даже объективными союзниками».

Сохранилось и большинство старых торговых партнеров в лице развитых государств Западной Европы (ФРГ, Англии, Франции, Италии и др.) и Японии, чей капиталистический строй ранее резко осуждался исламскими властями. Из развивающихся государств наиболее активные и широкие экономические связи поддерживались с Турцией и Пакистаном (находящимися под сильным влиянием США), с которыми Иран одновременно установил теплые политические отношения. Американские товары, в особенности вооружение, также продолжали попадать в Иран. В западной печати бесконечно публиковались сообщения, что часть этого вооружения поступает через Израиль, чья агрессивная политика была объектом особенно шумных пропагандистских кампаний Тегерана. Торговля с социалистическими странами в целом находилась на низком уровне. Такое положение дел в области внешнеторговой политики Ирана, равно как заключенные им с зарубежными фирмами контракты и возрастающий импорт с Запада, давало наблюдателям основание безоговорочно включать иранскую экономику, как и во времена прежнего режима, в экономическую систему капитализма. Лозунг «Ни Запад, ни Восток», таким образом, лишался всякого действительного содержания.

Несколько сглаженное в сравнении с шахским периодом социальное неравенство имело тенденцию к постепенному воспроизводству на старой основе. Крупные торговцы, вопреки их вечным жалобам на экономический застой, извлекли наибольшие выгоды из политики исламского режима, и именно им (а также некоторым руководителям режима) больше всего доходов принесли «черный рынок» и спекуляция. Поскольку максимальная при-

быль по закону была ограничена 15 процентами, частные вложения по-прежнему ориентировались главным образом не на производство, а на приобретение золота и недвижимости, цены на которые со времени революции возросли в несколько раз. Многие крупные базарные коммерсанты смогли прибрать к рукам роскошные виллы в северной части Тегерана, конфискованные новыми властями у бывших деятелей шахского режима. Хотя в условиях отсутствия твердых законодательных гарантий представители крупного торгового капитала без энтузиазма воспринимали правительственные призывы приобрести некоторые национализированные промышленные предприятия, положение менялось и в этой области. Число созданных в 1979—1985 гг. новых фабрик, заводов и мастерских, использующих труд более 30 рабочих, достигло 12—14 тыс., из них 4,5 тыс. начали действовать. Правда, владельцы остальных предприятий не спешили начать работу, потому что им тогда пришлось бы выплачивать полученные на льготных условиях правительственные кредиты, не имея гарантированных рынков. Тем не менее наблюдатели считали возможным говорить о возникновении в исламском Иране «нового класса предпринимателей».

Существовавшие и раньше тесные связи представителей крупного торгового капитала с духовенством после революции усилились. Передача ими пятой части полученных прибылей тому или иному деятелю шиитской иерархии увеличивала заинтересованность высших религиозных кругов в росте благосостояния торговцев. Именно этим объяснялось то обстоятельство, что правящее в Иране духовенство не только отказалось, по существу, от национализации внешней торговли, но и затягивало проведение в жизнь проектов введения подоходного налога и полной исламизации банков, чьи операции в таком случае строились бы на беспроцентной основе. Тесная связь шиитского клира с представителями крупного торгового капитала делала его соучастником бизнеса, связанного с ростом «черного рынка» и спекуляции.

Таким образом, узурпировав достижения революции и приобщившись к активной коммерческой деятельности, «религиозный истеблишмент» превратился в новую правящую группу бюрократически-капиталистического типа. Эта новая супергруппа, правившая в основном из мечетей, опиралась на разросшийся почти в два раза по сравнению с шахским периодом штат государственных учреж-

дений, бывший и тогда слишком раздутым, и множество «революционных организаций», практически не отчитывавшихся за те крупные ассигнования, которые получали. Сохранившиеся от шахских времен политические институты также продолжали действовать, но уже с новыми людьми, верными режиму.

Лозунги мелкобуржуазного характера, с которыми духовенство выступало в ходе революции и которые оно в первое время после свержения монархии еще старалось сохранять на вооружении, отходили на второй план, по мере того как обнаруживались их несоответствие своеобразным интересам религиозной верхушки и безрезультатность правительственной программы стимулирования мелких частных предприятий за счет щедрого кредитования. Но, хотя периодические кампании против «экономического терроризма» в виде денежных штрафов и публичных порок кнутом затрагивали главным образом представителей мелкого торгово-предпринимательского капитала, исламский режим еще в какой-то степени продолжал считаться с их интересами.

Не отказывалось правящее духовенство и от социально-благотворительных программ помощи в виде безвозмездных пособий и услуг наиболее низшим слоям общества — «обездоленным», без которых религиозные деятели оказались бы в положении полководцев без армии. Так, в 1985/86 г. более 390 тыс. пожилых крестьян получили средства от «комитетов помощи имама». Это позволяло бедноте кое-как поддерживать свое существование, но не давало перспектив на сколько-нибудь серьезное улучшение их положения. В августе 1984 г. молодой депутат мулла Хади Наджафабади, не потерявший, видимо, связи с народом, заявил в парламенте, что в последние годы правления шаха 40 процентов городского населения располагало 66 процентами потребительских товаров и что эта пропорция не изменилась и спустя пять лет, «хотя мы сделали революцию с целью обеспечить социальную справедливость». Показательны и слова одного иранского интеллигента, приведенные во французской «Монд» от 15 мая 1985 г.:

«Иранские руководители, с одной стороны, парализованы противоречиями между своими революционными поползновениями и фразеологией и консервативной идеологией и природой; с другой — они не могут построить справедливого общества, потому что не могут конфисковать богатства (это противоречило бы религиозной тра-

диции) и перераспределить его между обездоленными. Кроме того, они продемонстрировали свое неумение организовать производство, зато стали мастерами в организации репрессий. Таким образом, они не могут оправдать надежд, которые сами же и вселили в народ.

Оправдывая переживаемые народом трудности, правящее духовенство списывало их на войну с Ираком, действия «контрреволюции» и различные проблемы глобального характера. Многие руководители Исламской Республики к тому времени вновь пересели в «мерседесы», теперь уже бронированные, но тем не менее сопровождаемые охраной в лице «стражей исламской революции». А многим женщинам приходилось покупать предписываемую исламом чадру на «черном рынке» по возросшей в пять и более раз цене, составлявшей половину зарплаты большинства работающих.

Разрыв между первоначальными субъективными замыслами шиитского духовенства и конечными объективными результатами его политики был прямым следствием выбора капиталистического пути развития, хотя и в мелкобуржуазном варианте. Стремление к созданию на этом пути полностью самообеспечиваемой экономики, не зависимой ни от нефтяных доходов, ни от иностранных поставщиков, не основывалось на объективном анализе возможностей страны и в течение первых же двух лет обнаружило свою иллюзорность. Экономика продолжала подпираться нефтяными доходами, а в иранской столице и других городах без особого шума вновь появились западные компании, причем правительство решило допустить их участие в экономическом развитии не только в качестве поставщиков, но и подрядчиков, присылающих специалистов по планированию и эксплуатации предприятий. Шаул Бакаш писал 15 февраля 1985 г. на страницах лондонской «Таймс»:

«Что касается экономической политики, то тут иранские лидеры зашли в тупик. Это свидетельствует о недостатке новых идей и неохотном признании того, что в конечном счете плохие старые идеи были не так уж плохи, что осуществляемые или обсуждаемые проекты были разработаны или начаты еще при правлении шаха».

Но «в тот момент, когда вновь открыта дверь иностранным компаниям,— отмечала «Файнэншл таймс» от 1 апреля 1985 г.,— де-факто появляется промышленная политика. Суть ее в том, что у правительства нет иного выбора, кроме как и дальше использовать промышлен-

ную структуру, унаследованную от шаха, и что оно может лишь постепенно изменить ее форму. Старые стройки продолжают или возобновляются, хотя часто в меньшем масштабе, чем предусматривалось вначале, и те же полуфабрикаты импортируются для снабжения старых сборочных предприятий. Новый элемент в политике — упор на более простые технологические и строительные методы, которые иранцы могут одолеть с помощью собственных ресурсов, и на строительство предприятий, производящих полуфабрикаты для сборочных заводов. Внимание уделяется также строительству объектов социального назначения и проектам, использующим любое преимущество, которым обладает Иран на международных рынках...

Но на практике эта новая политика в том виде, как она задумана, сможет широко проявить себя только после того, как кончится война».

Проблема, однако, состояла не только в том, когда новая политика сможет себя проявить. Вопрос вопросов был в другом: способна ли принятая на вооружение стратегия развития, допускающая сохранение и даже расширение объема старых внешнеторговых связей, ликвидировать структурные изъяны иранской экономики и привести к достижению главной из поставленных целей — экономической независимости? Французский журнал «Монд дипломатик» в апреле 1984 г. отмечал:

«Положение с поставками продуктов первой необходимости находится в резком противоречии с революционным лозунгом, на котором слово «независимость» стояло перед словами «свобода» и «исламская республика»... Экономическая зависимость, возникшая из-за спроса иранских потребителей, усугубляется мерами исламского руководства по возобновлению осуществления промышленных проектов, начатых еще при прежнем режиме, хотя подчас своевременность таких решений достаточно спорна».

«...В Тегеране реализм в экономической области берет верх над революционной фразеологией и идеологическими воззваниями,— писала французская газета «Фигаро» 13 февраля 1985 г.— Сегодня уже не стоит вопрос о том, чтобы... построить экономику, способную самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым. Фактически никогда зависимость от мирового рынка не проявлялась так заметно, как при существующем ныне режиме. Практически все приходится импортировать... Нет другого вы-

хода, кроме все большего поворота иранской экономики к западному миру».

Таким образом, состояние экономического развития Ирана вызывало самые разноречивые впечатления: одновременно казалось, что экономика процветает и что она переживает кризис. Финансируемый за счет прибылей от нефти импорт и иллюзия покупательной способности, возникающая благодаря пособиям и дефицитам, создавали впечатление процветания внутреннего рынка. Но за этим скрывались признаки серьезных кризисных явлений, которые рано или поздно не могут не дать о себе знать в полную силу. «Исламская экономика» все больше увязала в тех «волчьих ямах», в которые попал шах Мохаммед Реза, в которые тянул премьер-министр Базарган, в которых со временем неизбежно оказался бы президент Банисадр.

«Судьбы мира вершатся на дипломатической сцене... В случае нашего отсутствия их будут вершить другие... Те, кто говорят, что политика изоляционизма предписана самим Хомейни, забывают, что это было в начале революции. Прямые директивы, которые я получил от имама, диаметрально противоположны этой политике».

Это заявление было сделано 14 августа 1984 г. в иранском парламенте министром иностранных дел Исламской Республики Али Акбаром Велаяти. В конце октября того же года, выступая перед высокопоставленными государственными деятелями, Хомейни самолично заявил, что Ирану необходимо установить и расширять дипломатические связи со всеми странами мира, «с тем чтобы мы могли направлять их». Эти слова находились в явном противоречии со многими прежними заявлениями имама. Сетую некогда на «разлагающее влияние», оказываемое на иранское общество из-за рубежа, он сказал:

— Жаль, что я не могу возвести вокруг всей страны стену.

На деле исламский Иран начал нарушать свою прежнюю политику «блестящей изоляции» еще зимой 1981/82 г., когда направил в различные страны мира, в том числе и западноевропейские, около 30 миссий, призванных пропагандировать «уникальный характер исламской революции». В середине ноября 1981 г., обращаясь к штату сотрудников министерства исламской ориентации, Хомейни говорил:

— Каждый день за границей иранское правительство и народ Ирана называют варварами... Как вам известно, вопросы пропаганды имеют важное значение. К сожалению, я вынужден признать, что наши усилия в плане пропаганды с момента зарождения нашего движения и по сегодняшний день равнялись нулю.

Хомейни, как и другие высокопоставленные деятели Исламской Республики, неоднократно указывал на необходимость использовать в этом направлении и иранских дипломатов за рубежом. Но, хотя каждый кандидат на работу в МИД должен был представить две или три рекомендации от «революционных организаций» и пройти минимум двухмесячную «предварительную идеологическую проверку», случаи перехода иранских дипломатов за границей на положение невозвращенцев не только не уменьшались, но и увеличивались. В июне 1982 г. министр иностранных дел Ирана сообщил в меджлисе о 14 таких случаях (общее число иранских представительств в других странах составляло 86). Он не исключил возможность того, что в будущем и другие иранские дипломаты могут попросить политического убежища за границей. Рассказав о «контрреволюционной деятельности» иранских дипломатов за рубежом, Велаяти добавил:

— Было много случаев, когда мы отзывали поверенного в делах под ложным предлогом, например для участия в семинаре, чтобы ввести его в заблуждение, не нарушая закона. Утром он был здесь, а уже вечером — в тегеранской тюрьме Эвин.

Широкие политические связи, включающие консультации по многим международным вопросам, Иран, как и прежде, поддерживал с Сирией, Ливией и Алжиром. В 1984 г. президент Ирана Хаменеи нанес официальные визиты в эти три страны, а в 1985 г. Сирию посетил председатель иранского парламента Хашеми-Рафсанджани. Периодически созывались трехсторонние ирано-сирийско-ливийские встречи министров иностранных дел, на которых неизменно подтверждалось сотрудничество трех стран на антиимпериалистической платформе.

Одновременно, как уже отмечалось, Иран предпринимал шаги к улучшению отношений с Пакистаном и Турцией, к которым ранее относился с недоверием из-за их тесных связей с Западом вообще и США в частности. Не случайно поэтому, что соответствующие шаги Ирана были восприняты западной буржуазной печатью, как писала «Вашингтон пост» от 16 апреля 1982 г., в качестве

«сигнала Западу о том, что Иран готов поступиться своими революционными принципами и установить деловые отношения со своими исламскими соседями, поддерживающими связи с Западом». Даже в экономических отношениях Ирана с этими странами усматривалась политическая подоплека. Так, утверждалось, что ирано-турецкое соглашение о строительстве трубопровода — в условиях иранского отказа поставлять природный газ в Советский Союз — «связало бы Иран с Западом долгосрочными обязательствами».

С целью заложить «основы для создания исламского общего рынка» Иран поставил вопрос о возрождении заключенного в 1964 г. ирано-турецко-пакистанского Соглашения о региональном сотрудничестве ради развития, которое исламские власти поначалу объявили недействительным как «наследие» бывшего шаха и невоенное приложение к блоку СЕНТО. Достигнутое в январе 1984 г. принципиальное согласие по этому вопросу спустя год получило юридическое оформление.

Восстановление экономических связей Ирана с западноевропейскими странами и Японией имело своим следствием и развитие политических контактов между ними. В мировой печати неоднократно появлялись сведения относительно тайных переговоров иранских властей с Англией и другими капиталистическими державами о приобретении вооружения. Шумные пропагандистские кампании, которые в таких случаях обычно проводились в Тегеране в отношении соответствующих стран, как правило, расценивались западными обозревателями в качестве «очередной порции допинга, впрыскиваемого с целью обеспечить лояльность народа и поддержку исламского режима».

Расширение связей Ирана с империалистическим Западом вызывало в стране акции протеста. 8 февраля 1982 г. было совершено нападение на посла ФРГ, который спасся от смерти лишь благодаря тому, что находился в бронированной автомашине. Ответственность за эту акцию взяли на себя представители левозкстремистских группировок, объяснивших покушение тем, что «западно-германский империализм содействует восстановлению репрессивного режима в Иране». Спустя ровно год покушавшиеся решили повторить свою операцию, но были обезврежены силами безопасности за несколько минут до ее начала. В конце марта — начале апреля 1982 г. на посольства Турции, Италии, Франции и некоторых других

государств были совершены нападения с применением гранат и автоматов. После каждого такого нападения экстремисты звонили в посольства и объясняли свои действия тем, что соответствующие страны идут на расширение экономических и политических отношений с исламским режимом. В местных журналистских кругах эти акции считали делом рук монархистских организаций.

С 1981 г. отношение США к исламскому режиму в Иране стало приобретать более определенный характер, чем прежде. 14 августа дипломатический корреспондент телекомпании Эй-би-си со ссылкой на свои беседы с высокопоставленными сотрудниками Белого дома сообщил:

«Может сложиться впечатление, что при всей той напряженности в отношениях, при всех тех заботах и неприятностях, с которыми сталкивался Вашингтон в ведении дел с новым правительством Ирана, любые сообщения о неудачах Ирана и трудностях этого правительства вызывают у США злорадство. Однако дела обстоят иначе. Когда Банисадр, считавшийся на Западе и в США «умеренным» лидером, был устранен от занимаемой им должности его религиозными противниками и вынужден был скрыться в эмиграции, американские специалисты по вопросам внешнеполитического планирования с облегчением вздохнули. Причина в том, что они считали его неэффективным главой государства, который ослаблял правительство. Когда же взрыв бомбы, подложенной под здание штаб-квартиры правящей Исламской республиканской партии, унес из жизни аятоллу Бехешти, который, по мнению наблюдателей, считался преемником Хомейни и сильным человеком в Иране, те же специалисты серьезно расстроились. США считают, что любое сильное правительство в Иране, даже если оно не по душе США, будет отвечать интересам американской внешней политики... Ни сын шаха, ни Бахтияр, ни армия, ни воинственные левые силы не в состоянии свергнуть Хомейни или повести против него настоящую борьбу. Но Иран может быть захлестнут разгулом анархии...»

Весьма недвусмысленные разъяснения по вопросу об отношении США к исламскому режиму дал 13 сентября 1981 г. госсекретарь США Александр Хейг в интервью «Вашингтон пост»:

— В наших интересах строить свои отношения с Ираном с учетом исторической перспективы, а не современных тактических соображений. Кроме того, мы должны сделать все, что в наших силах, стремясь добиться, что-

бы в конечном счете иранский режим соответствовал западным ценностям и западной ориентации...

— Считаете ли вы, что в этой стране царит хаос? — спросил госсекретаря корреспондент.

— С каждым днем такое предположение кажется все более вероятным,— ответил Хейг.— Однако пытаться воспользоваться таким положением, вероятно, было бы равносильно тому, чтобы поставить под угрозу те долгосрочные цели, о которых я говорил.

В 1982 г. в «Нью-Йорк таймс» появилась серия полуофициальных комментариев о прочности исламского режима и отсутствии у США каких-либо намерений его дестабилизации. Тайная неофициальная помощь иранским эмигрантским организациям объяснялась стремлением «обеспечить США возможность сыграть собственную роль в случае, если пошатнутся позиции Хомейни». Американские должностные лица не скрывали, что ставка на контрреволюционные эмигрантские группировки нужна США лишь для предотвращения возможности прихода к власти в Иране левых сил.

Репрессии против Народной партии Ирана, предпринятые исламскими властями в начале 1983 г., были восприняты в США с нескрываемым удовлетворением. Запрет партии Туде рассматривался как «сигнал Западу» о том, что Тегеран сознает необходимость «заземления» революции и отныне готов «перевернуть страницу», т. е. начать пересмотр своих внешнеполитических концепций в том, что касается отношений с капиталистическим миром. В те дни президент США Рональд Рейган с удовлетворением приветствовал «значительный прогресс, достигнутый в урегулировании американо-иранских противоречий».

Отношение деловых кругов США к исламскому режиму довольно ярко выразила в октябре 1983 г. газета «Уолл-стрит джорнэл»:

«...На Ближнем Востоке жизненно важное значение для Америки имеет Иран. Это, безусловно, самая могущественная и важная страна в Персидском заливе... Судя по некоторым признакам, положение в Иране меняется; есть данные, что правящий класс переключается на политику прагматизма... Ничто не мешает Соединенным Штатам проявить в отношении Ирана такой же подход, какой проявляет Израиль, у которого нет более непримиримого врага, чем Хомейни, но который, однако, втихомолку проводит политику тайного нейтралитета в ожидании его

преемников... Реалистическая политика Соединенных Штатов в отношении этой страны... могла бы наконец принести США благотворные результаты на Ближнем Востоке».

В ответ на подобные высказывания официального Вашингтона и публикации американской печати официальный Тегеран обычно раздражался градом проклятий в адрес «большого сатаны» и «врага номер один иранского народа». А со страниц западной печати не сходили сообщения о тайных попытках влиятельных кругов Ирана наладить деловые отношения с США. Так, 27 декабря 1981 г. английская «Санди таймс» писала о «секретной поездке» в Вашингтон иранской военной делегации с целью ведения переговоров относительно выполнения США соглашений, подписанных с шахским правительством, о поставках Ирану запасных частей для самолетов. Сообщения о некоторых других попытках такого рода были суммированы швейцарским еженедельником «Вельтвохе» в номере от 28 июля 1983 г.:

«...Ясно, что в рамках рациональной экономической политики тегеранского руководства, в основном избавившейся от революционного балласта, между США и Ираном вновь происходит сближение. Как комментирует посол одной западной страны, «эта тенденция усиливается, и иранцы спешат». В начале марта министр нефти Гарази встретился с американскими специалистами по нефти из фирм «Дрессер», «Флуор» и «Амоко ойл» в Женеве. Потом в Алжире министр торговли Асгароулади-Мосальман организовал встречу тет-а-тет с высокопоставленными американскими дипломатами, во время которой речь шла о закупке американских запасных частей для гражданских самолетов через третью страну. Одновременно Тегеран по всем правилам просил одну третью страну ходатайствовать в Вашингтоне об отмене запрета на поставки боевой техники в Иран. Хорошо информированные специалисты по Ирану отметили, что в последние месяцы в Тегеране совершили посадку несколько самолетов, которые вылетели с нью-йоркского аэродрома имени Кеннеди с тяжелым военным грузом на борту... В Лондоне иранские дельцы и технократы недавно предложили провести неофициальную встречу с заинтересованными представителями американских деловых кругов. А в Международном суде в Гааге, который разбирает иски западных стран в связи с экспроприацией иностранного имущества иранским режимом, представители Тегерана сиг-

нализировали об особой готовности к компромиссу с американскими компаниями и с возможными будущими деловыми партнерами.

Пока Хомейни жив, говорят здесь, по отношению к Америке будут возможны лишь небольшие, осторожные, тайные дипломатические шаги. Общественность страны вообще еще не подготовлена к примирению с США. Однако нельзя не замечать нынешнего поворота в сторону Запада».

Действительно, иранские власти еще не были готовы к восстановлению дипломатических отношений с Вашингтоном, разорванных американской стороной в период захвата посольства США в Иране. В интервью по случаю пятой годовщины захвата посольства (опубликовано 4 ноября 1984 г. газетой «Джомхурийе эслами») иранский президент Хаменеи говорил:

— Наша первая революция выбросила американцев за дверь. Они хотели пробраться через окна. Захват шпионского гнезда был таким шагом, который полностью захлопнул перед ними окна, и они будут закрыты длительное время.

Однако в начале июля 1985 г. председатель иранского парламента Хашеми-Рафсанджани, будучи в Японии, сделал заявление, которое разительно отличалось от всех его высказываний на эту тему в самом Иране.

— Не мы стремились к разрыву отношений с США,— сказал он.— Я не думаю, что такое состояние в ирано-американских отношениях будет продолжаться вечно, хотя при нынешнем американском режиме изменения в них вряд ли произойдут. США должны взять на себя инициативу в этом вопросе и исправить положение. Это является необходимой предпосылкой улучшения отношений.

Администрация США, в свое время явившаяся инициатором разрыва дипломатических отношений с Ираном, также не стремилась форсировать их восстановление. Считалось необходимым сначала подготовить к этому американское общественное мнение, которому на протяжении четырнадцати с половиной месяцев задержания дипломатов США в Иране в качестве заложников внушалась мысль об унижении «национального достоинства Америки». В то же время учитывалось, что расширение экономических и политических отношений исламского режима с западными странами рано или поздно приведет к такому развитию событий. В августе 1983 г. запад-

ногерманский пресс-бюллетень «Парламентарииш-политишер прессединст», касаясь вопроса о поставках американского оружия в Иран через Израиль, не без иронии писал:

«Очень быстро проявившаяся после революции тенденция иранского режима к расколу сил социальной революции и к их постепенной ликвидации, чтобы таким образом опередить возникновение угрозы господствующей в стране капиталистической системе, почти неизбежно приводит к возобновлению сотрудничества со старыми империалистическими партнерами. Империалистические партнеры Ирана, по всей видимости, поняли это гораздо раньше, чем некоторые сторонники иранской революции».

Пресс-бюллетень с ехидством упоминал о тех «известных словесных потоках», которые исходят из Тегерана вслед за каждой публикацией о связях Ирана с Западом. Имелись в виду, очевидно, и сообщения о состоявшемся в конце мая — начале июня 1983 г. в Вильямсберге экономическом совещании семи ведущих капиталистических стран на высшем уровне.

В ходе совещания присутствовавшие на нем министры иностранных дел ФРГ, Канады, Франции и Японии сообщили, что в последние месяцы иранские посланцы обращаются к ним с выражением большого желания своей страны укрепить сотрудничество в политической, экономической и культурной областях и одновременно высказывают разочарование иранского руководства неоднократными отказами. Министры пришли к выводу, что Иран предпринял интенсивную кампанию с целью покончить со своей изоляцией как «некоей дипломатической парии». В итоге было решено положительно ответить на предложения Ирана улучшить отношения с Западом и вообще поощрять иранские обращения, с тем чтобы побудить Тегеран проявлять «умеренность» и, в частности, предотвратить возможность усиления в Иране «влияния Советского Союза».

2 июня 1983 г. иранское официальное агентство ИРНА передало интервью премьер-министра Ирана Мусави, заявившего, что за рубежом всегда ошибались «насчет исламской революции и нашего народа». При захвате американского посольства США утверждали, что «исламская революция» ориентирована на Советский Союз, а теперь, с ликвидацией партии Туде, говорят, что она может принять западную ориентацию. Но «народ и правительство»

Ирана по-прежнему твердо придерживаются принципа «ни Запад, ни Восток», добавил премьер-министр.

Однако экономические связи и политические контакты с ведущими капиталистическими странами, представленными на совещании в Вильямсберге, продолжались и в дальнейшем. Япония, поставившая своей внешнеполитической задачей активное содействие урегулированию отношений Запада с Ираном, в августе 1983 г. направила в Тегеран министра иностранных дел Синтаро Абэ. Это был первый визит в Исламскую Республику Иран министра иностранных дел крупной капиталистической страны. В начале июля 1985 г. Японию посетил с официальным визитом председатель иранского парламента Хашеми-Рафсанджани. В частности, был парафирован документ о регулярных консультациях на уровне министров для содействия ирано-японским отношениям. Речь шла о первом министерском консультативном органе Ирана по связям с индустриально развитой страной западного лагеря. Конкретные иранские просьбы были связаны с программами строительства портов, сталелитейного завода, электростанции, а также развития рыболовства, сельского хозяйства и водоснабжения. В дни пребывания в Японии Хашеми-Рафсанджани имел встречи с премьер-министром Накасонэ и императором Хирохито. Вернувшись в Иран, он на заседании меджлиса охарактеризовал свой визит как веху для будущего развития с учетом надежд, которые «мир возлагает на ислам».

Восстанавливались отношения и с ФРГ. В июле 1984 г. Тегеран посетил министр иностранных дел ФРГ Ганс Дитрих Геншер, заявивший о готовности ФРГ «развивать всеобъемлющее сотрудничество с Исламской Республикой Иран». Стороны договорились восстановить экономическую комиссию ФРГ и Ирана. Геншер признал, что Иран выразил «явное желание» постепенно восстанавливать отношения с Западом.

Контакты Иран пытался наладить и с Францией, которая постоянно поставляла оружие в Ирак, за что неоднократно подвергалась шумным пропагандистским нападкам со стороны Тегерана. С целью побудить ее занять более «сбалансированную» позицию в ирано-иракском конфликте в июле 1984 г. в Париж был направлен с секретной миссией зять Хомейни Садек Табатабаи, который был принят французским президентом Франсуа Миттераном. В 1985—1986 гг. контакты между двумя странами были продолжены. В ходе этих контактов ставилась

задача полной нормализации финансово-экономических и политических отношений. Уже в конце октября 1986 г., после шести раундов переговоров, проходивших в Тегеране и Париже на протяжении нескольких месяцев, было достигнуто соглашение, открывающее путь к урегулированию финансовых споров между двумя странами.

В 1986 г., как уже отмечалось, предпринимались попытки наладить американо-иранские контакты, носившие тайный характер. Прибывшие никогнито в Тегеран специальный эмиссар президента США — Макфарлейн и четверо его помощников, по признанию Хашеми-Рафсанджани, привезли в качестве подарков иранским должностным лицам библию, подписанную лично Рейганом, и торт, выполненный в форме ключа, символизирующего стремление «к установлению американо-иранских отношений». Хотя иранское руководство оказалось вынужденным предать гласности факт секретной миссии американцев, оно отнюдь не отказалось от попыток получить из США заказанные и оплаченные еще во времена шахского режима запасные части к находящейся на вооружении иранской армии американской боевой технике. Об этом в последующие дни прямо и открыто говорили такие иранские деятели, как Хашеми-Рафсанджани и премьер-министр Мусави. Они квалифицировали как «незаконное» эмбарго, наложенное администрацией США в конце 1979 г., вскоре после захвата американских заложников в Тегеране, на поставки в Иран соответствующих партий запасных частей.

Предание гласности факта секретной миссии специальных эмиссаров Вашингтона в иранскую столицу вызвало в США громкий политический скандал — самый крупный за весь период пребывания у власти рейгановской администрации. В ходе расследований обстоятельств тайной поездки Макфарлейна в Иран, проведенных различными комитетами американского конгресса и органами средств массовой информации США, выявились вопиющие факты обмана администрацией Рейгана не только широких кругов общественности, но и высшего законодательного органа страны. В частности, было установлено, что Белый дом, действуя в обход конгресса и собственного решения о запрете поставок вооружений двум воюющим странам — Ирану и Ираку, еще за 18 месяцев до миссии Макфарлейна одобрил секретные контакты с Тегераном, которые, как правило, сопровождались предоставлением Ирану различной боевой техни-

ки. В реализации этой тайной программы активное участие принимал Израиль, выступавший еще с 1981 г. в качестве основного поставщика американского вооружения и запасных частей в Иран. В качестве «крыши», под которой осуществлялись некоторые крупные сделки, служила некая «международная компания, зарегистрированная в Британии». Под напором вскрывшихся фактов Белый дом и вслед за ним руководители Израиля и Великобритании вынуждены были признать факты поставок военного снаряжения в Иран, осуществлявшихся с целью вернуть его в «содружество осознающих свою ответственность стран», в «лоно демократических государств» и т. п. (или, говоря попросту, с целью восстановить утраченные после иранской революции 1978—1979 гг. позиции).

В конце ноября 1986 г. выявились новые скандальные аспекты «иранской операции» Вашингтона, которая, как оказалось, была направлена не только на раздувание ирано-иракского военного конфликта, но также на расширение плацдарма для «необъявленной войны» США против Демократической Республики Афганистан и на финансирование контрреволюционных банд в Никарагуа. Из официальных признаний деятелей американской администрации выяснилось, что часть переправленного в Иран американского оружия предназначалась для террористов, осуществляющих подрывные акции на территории ДРА, и что «прибыль» в несколько десятков миллионов долларов, полученная Израилем от продажи в Иран втридорога американского оружия, была переведена в швейцарские банки на счет никарагуанских «контрас». Стремясь скрыть подлинные масштабы и последствия своей «иранской операции», Белый дом предпринял отвлекающий маневр, побудив выйти в отставку двух высокопоставленных деятелей совета национальной безопасности — вице-адмирала Дж. Пойндекстера и подполковника О. Норта, ставших «козлами отпущения». Однако администрации США не удалось таким путем замазать политический скандал, получивший по аналогии с «уотергейтом» название «ирангейт».

Определенное развитие получили экономические отношения Ирана с социалистическими странами Восточной Европы. В октябре 1986 г. иранский премьер-министр Мусави посетил с официальными визитами Германскую Демократическую Республику и Венгерскую Народную Республику. В результате этих визитов были

достигнуты договоренности об увеличении поставок иранской нефти, а также о расширении сотрудничества в области технологического обмена, производства, науки и техники на компенсационной основе.

Развиваются экономические связи с Китаем и КНДР. В 1984 г. иранский и китайский министры иностранных дел Али Акбар Велаяти и У Сюецянь обменялись официальными визитами. В марте 1985 г. Иран посетил член Государственного совета КНР Чжан Цзинфу, заявивший, в частности, что у Китая и Ирана сходная судьба. В свою очередь в мае того же года Иран направил в Пекин Хашеми-Рафсанджани. В апреле 1982 г. Тегеран посетил премьер Административного совета КНДР, а в декабре 1984 г. — министр иностранных дел КНДР.

Что касается отношения к Советскому Союзу, то, хотя официально в Тегеране говорилось о желательности развития дружественных связей, в стране не прекращалась антисоветская и антикоммунистическая пропаганда, советско-иранские связи носили ограниченный характер.

Определенные сдвиги в развитии отношений между Исламской Республикой Иран и Советским Союзом стали наблюдаться после состоявшегося 2—4 февраля 1986 г. визита в Тегеран по приглашению иранской стороны первого заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко. Он был принят и имел беседы с президентом А. Хаменеи, председателем парламента А. А. Хашеми-Рафсанджани, премьер-министром М. Х. Мусави, министром иностранных дел А. А. Велаяти и его первым заместителем А. М. Бешарати. В беседах, носивших откровенный и деловой характер, обсуждались как вопросы двусторонних отношений между СССР и Ираном, так и международные, в том числе региональные, проблемы, представляющие интерес для обеих сторон. В последующем иранские руководители в своих публичных выступлениях неоднократно высказывались в пользу улучшения взаимоотношений, расширения сотрудничества с СССР.

В начале августа 1986 г. Советский Союз посетил представитель Исламской Республики Иран заместитель министра иностранных дел ИРИ Мохаммед Джавад Лариджани. Он был принят членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко и членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. М. Д. Лариджани передал А. А. Громыко послание пре-

зидента Ирана Хаменеи, в котором говорилось о желании руководства Ирана развивать добрососедские отношения с Советским Союзом. С советской стороны было отмечено, что СССР всегда был и остается сторонником добрых отношений с Ираном и выступает за их развитие как в политической, так и в экономической областях в духе равноправия и взаимного уважения, что если Иран будет занимать позицию мира и устранения угрозы ядерной войны, то это в перспективе еще больше расширит возможности для сотрудничества. При обсуждении вопросов, касающихся ирано-иракской войны, советская сторона подтвердила свою принципиальную позицию в пользу ее скорейшего прекращения и незамедлительного перевода военного конфликта в русло мирных, политических решений.

Вернувшись из Москвы, М. Д. Лариджани заявил на пресс-конференции в Тегеране, что провел с советскими должностными лицами «позитивные и конструктивные переговоры», которые приведут к расширению сотрудничества в области торговли, транспорта, промышленности, науки и техники. Лариджани отметил также, что Иран намерен возобновить прерванную после революции продажу газа Советскому Союзу и использовать проходящие через его территорию газопроводы для экспорта своего газа в Западную Европу. «Переговоры между двумя странами по этому вопросу продолжаются и имеют блестящие перспективы», — добавил он.

В середине августа 1986 г. Москву посетил с кратким деловым визитом министр нефти Ирана Г. Агазаде, принятый Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. Иранский министр передал Н. И. Рыжкову послание премьер-министра Исламской Республики Иран М. Мусави. В ходе имевшей место беседы стороны выразили мнение, что различия общественных систем Советского Союза и Ирана не должны служить препятствием для плодотворных отношений между обеими странами, и высказались за их развитие по пути укрепления доверия и добрососедства. Было отмечено, что существующий уровень советско-иранских торгово-экономических связей не соответствует возможностям обеих стран, и обращено внимание на ряд конкретных вопросов, решение которых послужит расширению и углублению взаимовыгодных экономических отношений.

Положительный резонанс на мировой арене имело то обстоятельство, что иранские руководители стали высту-

пать с осуждением гонки ядерных вооружений, в частности в космосе, и в поддержку советских предложений по разоружению.

Наметилась тенденция к восстановлению ирано-советских торгово-экономических связей. В августе 1986 г. Иран объявил, что вскоре возобновит приостановленные после революции поставки природного газа в СССР на уровне 3 млн. м³ в день, а к 1990 г. доведет этот уровень до 80—90 млн. м³. В сентябре в Иране впервые после 1979 г. состоялось совместное заседание секретариата ирано-советской торговой палаты, на котором были одобрены планы расширения годового торгового оборота между двумя странами до 1 млрд. долларов.

8 октября 1986 г. член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, а 28 октября член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе приняли посла Исламской Республики Иран в Советском Союзе Насера Хейрани-Нобари по его просьбе. В ходе состоявшихся бесед было отмечено стремление обеих сторон к подлинному добрососедству и сотрудничеству на принципах равенства и взаимного уважения. В этой связи внимание посла было обращено на то, что иранские средства массовой информации способствуют раздуванию в стране антисоветской пропаганды, противоречащей интересам укрепления нормальных связей между двумя странами. Вновь была подтверждена принципиальная позиция СССР в пользу скорейшего прекращения продолжающегося уже седьмой год ирано-иракского вооруженного конфликта на основе уважения территориальной целостности обеих стран и признания существующих между ними границ. 9 октября радио Тегерана с удовлетворением привело высказывание А. А. Громыко иранскому послу о том, что Советский Союз стремится к расширению дружеских связей с Ираном, несмотря на идеологические разногласия.

К рассматриваемому времени практически не претерпела изменений позиция Ирана в отношении событий вокруг Афганистана. Оказывая поддержку окопавшейся на территории Ирана афганской контрреволюции, иранское правительство в то же время отказывалось от непосредственного участия в процессе мирного урегулирования, предлагавшегося правительством ДРА. В апреле 1981 г. МИД Ирана опубликовал собственный план, предусматривавший размещение в Афганистане подразделе-

ний вооруженных сил Ирана, Пакистана и какой-нибудь другой мусульманской страны; для управления Афганистаном предлагалось вместо существующего революционного правительства назначить некий совет из представителей мусульманского духовенства и бежавших за границу контрреволюционных деятелей. Реализация этого плана явилась бы открытым вмешательством во внутренние дела Демократической Республики Афганистан.

В Тегеране, Куме, Мешхеде, Захедане и некоторых других городах Ирана действовали опорные пункты контрреволюции, откуда бандиты совершали налеты на пограничные афганские селения. На территорию Афганистана неоднократно совершали вылазки и иранские подразделения из состава пограничных войск и Корпуса стражей исламской революции. Иранская пресса публиковала разного рода «заявления», «резолуции» и «выступления» состоящих на службе ЦРУ США главарей афганской контрреволюции, которые именовались не иначе как «истинные борцы», «борцы за идею», «исламские революционеры» и т. п. В апреле 1982 г. в ходе визита в Пакистан министр иностранных дел Ирана Велаяти посетил лагерь афганцев под Пешаваром, где заявил, что «народ и правительство Ирана будут продолжать оказывать поддержку борьбе афганского народа», за спиной которого «стоит весь мусульманский мир».

Относительно положения афганцев в самом Иране интересный материал опубликовала 5 февраля 1983 г. кипрская газета «Харавги» в статье «Бизнес и махинации под прикрытием ислама». Газета рассказывала о страданиях афганских отходников в Иране (общей численностью около 1,5 млн. человек), ставших жертвами политических и коммерческих махинаций своих наставников-мулл и иранских властей. Безработные и бесправные, лишённые элементарных жизненных условий, они занимались грабежом, воровством, контрабандой. Были вынуждены продавать местным богачам в наложницы своих дочерей и сестер. Газета сообщала также о препятствиях, чинимых иранскими властями растущему стремлению афганцев вернуться на родину.

Материалы такого рода неоднократно появлялись и на страницах кабульской печати. В июле 1983 г. газета «Хакикате инкилабе саур» сообщила о проводимой иранскими властями при участии главарей афганской контрреволюции паспортизации находящихся в стране афганцев. Получение паспорта предоставляло им «право» на три

выбора: участие в войне против Ирака на стороне Ирана; борьба с противниками исламского режима внутри страны, в частности в Курдистане; вступление в контрреволюционные банды, воюющие против своих соотечественников. 26 января 1984 г. корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс передал из Исламабада сообщение о том, что Иран вербует афганцев для участия в войне с Ираком.

В феврале 1985 г. газета «Кабул нью таймс» сообщила о том, что афганцев используют в качестве «пушечного мяса». Большинство беженцев, отмечала газета, помещены в концентрационные лагеря, окруженные колючей проволокой и охраняемые «стражами исламской революции»; молодежь силой отправляют на ирано-иракский фронт, а стариков, женщин и детей содержат как заложников.

В феврале 1986 г. МИД ДРА заявил протест Ирану по поводу незаконной тайной поездки на территорию Афганистана делегации в составе иранских религиозных деятелей и представителей афганской контрреволюции. Делегация ставила своей целью создание так называемого «единого исламского фронта» контрреволюционных группировок.

В начале марта 1986 г. МИД ДРА в очередном протесте Ирану отмечал, что в течение предыдущего года иранские вооруженные силы совершили на территории страны 63 акта агрессии, в результате чего погибло 20, ранено 24 и насильно вывезено в Иран 19 афганских граждан, причинен значительный материальный ущерб. Приводились также факты антиафганской пропагандистской и иной враждебной деятельности, осуществлявшейся официальными властями Ирана с помощью контрреволюционных элементов. Подобные действия неоднократно имели место и в дальнейшем.

Во внешней политике исламские власти руководствовались концепцией, суть которой выражена в высказывании Хомейни, украшавшем стену здания министерства исламской ориентации Ирана:

«Руки Америки и других сверхдержав по локоть в крови наших юношей... Мы распространим свою революцию на весь мир, потому что это исламская революция. До тех пор пока клич «Нет бога, кроме Аллаха» не зазвучит повсюду на земле, борьба будет продолжаться».

Концепция исходила из более широкой доктрины объединения всех мусульман в борьбе против «сверхдержав

Запада и Востока». Ничто, кроме религии — ни экономика, ни политика, — не может быть основой для союза и объединения наций, говорил Хашеми-Рафсанджани.

Предлагаемое объединение мусульман должно было избрать в качестве модели для подражания «исламскую революцию» в Иране. Более того, Ирану отводилась роль руководителя этого международного объединения. В конце сентября 1982 г. газета «Джомхурийе эслами» писала, что «Исламская Республика Иран, как самая мощная держава региона, как революционная страна и как самое могущественное в исламском мире государство, может сыграть решающую роль в решении проблем мусульман».

Иранские руководители не ограничивались пропагандой своих доктрин. В конце сентября 1982 г. президент Хаменеи на встрече с послами мусульманских стран, аккредитованными в Иране, выступил с предложением созвать совещание руководителей исламских государств «с целью обмена мнениями по важнейшим проблемам мусульманского мира». Поскольку такое совещание созвать не удалось, пришлось ограничиться созывом в декабре того же года Международного конгресса руководителей пятничных намазов, в котором приняло участие более 100 представителей мусульманского духовенства из почти 40 стран.

Основную мысль своего обращения к участникам конгресса Монтазери изложил так:

— Иранская исламская революция возложила большую ответственность на всех мусульман, особенно на духовенство. Они должны готовить себя к тому, чтобы последовать примеру Ирана и под руководством имама Хомейни излечиться от болезни зависимости от Востока и Запада.

Иранские руководители, судя по всему, стремились превратить собрание руководителей пятничных намазов в постоянно действующий форум. В мае 1984 г. они собрали в Тегеране второй международный конгресс, в ходе работы которого руководители пятничных намазов решили направить все усилия на «защиту идеалов священной исламской революции» и к ее «интернационализации». Пятый пункт заключительной декларации конгресса гласил:

«Отдавая себе отчет в важности роли руководителя, знатока ислама, который хорошо понимал бы необходимость достижения подлинного единства среди мусульман,

мы признаем, что аятолла Хомейни, великий имам, обладает всеми необходимыми для руководителя мусульман качествами, и мы предлагаем мусульманам следовать его призывам».

В ноябре 1981 г. Хашеми-Рафсанджани предложил создать «всеисламскую армию из 20 дивизий для освобождения Палестины». В проповеди, произнесенной в ходе пятничной молитвы на территории Тегеранского университета, он заявил, что каждая мусульманская страна «должна послать одну бригаду, что составит для 50 стран 50 бригад, т. е. 15—20 дивизий, с полным вооружением». Представитель Организации освобождения Палестины в Иране в свою очередь отметил, что это сложный вопрос и требует долгих консультаций с теми странами, которым поступит предложение о создании «объединенных исламских вооруженных сил».

Весной 1982 г. Хашеми-Рафсанджани в интервью журналу «Пайяме энгелаб» выдвинул идею «освобождения Палестины» путем создания организованных вооруженных сил из добровольцев различных мусульманских государств.

В июне 1982 г., сразу после израильского вторжения в Ливан, религиозные власти Ирана направили в эту страну группы добровольцев, сопровождаемых большим числом представителей духовенства. Иранская печать расценила эту поездку как «прекрасную возможность для распространения исламской революции». Добровольцы расселились в населенном ливанскими шиитами городе Баальбеке (в долине Бекаа), где заняли мечети и общественные здания, открыли больницу, поликлиники, религиозные школы и культурные центры, в которых демонстрировались фильмы, прославляющие «исламскую революцию».

Характеризуя противоречивые действия официально Тегерана, французский журнал «Монд дипломатик» в апрельском номере за 1984 г. писал:

«...Отсутствие всеобъемлющего плана, руководящей экономической доктрины и последовательной внешней политики выявило нескоординированность работы всего государственного аппарата. Нет единой внешней политики, а есть три или четыре ее разновидности. В условиях, когда наряду с идеологическими директивами министерства исламской ориентации (определяющими основные направления дипломатической деятельности и позиции Ирана в международных организациях) существ-

вуют условия, диктуемые экономическими обстоятельствами, министерство иностранных дел кидается от одной крайности к другой».

Внешняя политика Исламской Республики, с одной стороны, была призвана обеспечить достижение ее политико-экономических целей, а с другой — идеологическо-пропагандистских. Переплетение таких противоречащих друг другу мотивов и применяемых при этом разнородных средств как раз и создавало ту напряженную обстановку, которой характеризовалось положение не только в самом Иране, но и во многих других — соседних и не столь соседних — странах.

— Война, война, война — до победного конца! Народ, который не боится мученического венца, непобедим! Мы все хотим стать мучениками! — выкрикивает распорядитель церемонии, стремящийся наэлектризовать толпы людей, прежде чем начнется пятничная молитва.

Десятки тысяч верующих покорно повторяют обращенные к ним лозунги — организаторы пятничных молитв, напоминающих торжественные мессы, где священнослужители громким голосом изгоняют демонов мира с Ираком, постигли все тонкости искусства насаждать культ мучеников. В огромном университетском дворе на видном месте стоят солдаты, калеки, парламентарии, «стражи» и бойцы народного ополчения — «кандидаты в мученики». На них белые одежды-саваны с надписью: «Мы здесь, чтобы принять мученический венец». А все те, кто хочет мира, считаются «сознательными или бессознательными участниками инспирированного американцами заговора с целью лишить Иран неминуемой победы, ради достижения которой погибли тысячи мучеников»...

С 19 по 25 сентября 1981 г. в Иране проводилась «Неделя войны», посвященная годовщине начала ирано-иракского вооруженного конфликта. Многие представители правящего духовенства не без оснований считали, что в краткосрочной перспективе мир создал бы больше проблем внутри страны, чем война.

«Неделя войны» давала новые возможности массовой мобилизации. В течение семи дней проходили чествования павших в военных действиях, парады войск и «стражей», траурные намазы, посещения кладбища Бехеште-Захра. Участники церемоний неизменно выражали готовность защищать Исламскую Республику.

На протяжении многих предыдущих месяцев иракцы не смогли продвинуться вперед ни на одном из фронтов. Утрата ими инициативы дала Ирану передышку для реорганизации вооруженных сил, в частности более тесной координации действий регулярной армии и «стражей».

В конце сентября 1981 г., сразу после окончания «Недели войны», иранская армия перешла в наступление. Отбросив иракскую пехоту на другой берег реки Карун, которая отделяет город Хорремшехр (его теперь стали называть Хуниншехром — «Городом Крови») от Абадана, она оказалась на расстоянии пушечного выстрела от крупного экономического центра Ирака города Басра. 30 ноября иранская армия в центральном секторе фронта прорвала окружение Сусенгерда и после кровопролитных ночных боев освободила Бостан, взятие которого ознаменовало начало поворота в войне.

Каждая победа доставалась дорогой ценой. Как утверждалось в западной печати, мальчишки 10—14 лет, набранные в детских домах или школах, и глубокие старики проявляли безрассудное мужество: принятая командованием тактика «живой человеческой волны» побуждала их собственными телами разминировать оставленные иракцами минные поля. По данным генерального штаба иракской армии, в ходе боев в районах Гиляне-Гарба и Сумара с 11 по 18 декабря 1981 г. иранские войска потеряли убитыми 11 тыс. и ранеными десятки тысяч человек. К марту 1982 г., когда исполнилось полтора года с начала войны, Иран, по данным иракской газеты «Аль-Джумхурия», потерял в общей сложности 88 тыс. человек убитыми. Английская «Санди телеграф» от 31 января 1982 г. оценивала потери Ирана за 16 месяцев войны в 90 тыс., а Ирака — в 35 тыс. человек.

Тем не менее Иран, как и прежде, отказывался от услуг любых посреднических миссий и даже от временного прекращения огня с целью убрать трупы солдат. В середине марта 1982 г., высказываясь по вопросу мирного урегулирования, Хомейни сослался на суру Корана, гласящую, что бог призвал к наказанию агрессора. Заявив, что для президента Ирака нет другого пути, как покончить самоубийством, он выдвинул следующие условия прекращения конфликта: безоговорочный вывод иракских войск с иранской территории, определение компетентным судом агрессора и возмещение Ирану ущерба, нанесенного войной (спустя некоторое время было выдвинуто еще одно условие — возвращение в Ирак 100 тыс.

беженцев). Для определения этого ущерба в Тегеране была создана специальная комиссия, предложившая всем частным лицам, торговцам и промышленникам, чье имущество и склады с товарами находились в зоне боевых действий, прислать опись своих убытков. Позже, 25 апреля, иранский премьер-министр заявил, что, поскольку Ирак не в состоянии уплатить военные репарации Ирану, это могут сделать за него те государства района Персидского залива, которые оказывали ему финансовую помощь.

В конце марта 1982 г. в результате проведения нескольких этапов операции «Фатх» в районе западнее городов Шуш и Дизфуль иранские войска смогли отодвинуть линию фронта на 50 км и освободить 2 тыс. км² своей территории. Позиции иранских войск находились теперь всего в 10—20 км от границы Ирака. Эта победа обошлась иранской армии, согласно иракским данным, жизнью более 23 тыс. человек.

30 апреля иранские войска начали новую наступательную операцию под кодовым названием «Бейт аль-Мокаддас», целью которой являлось освобождение Хорремшехра и других иранских территорий в южной провинции Хузестан. В этой операции, как и в предыдущих, широко использовались подростки 14—15 лет, прошедшие месячную подготовку. Что касается представителей духовенства, прибывших на фронт, то они, по сообщению агентства ИРНА, «создали в окопах и блиндажах исламских сил обстановку пробуждения» (а точнее — мистической экзальтации).

В конце четырех этапов операции, длившейся почти до конца мая, иранские войска форсировали важную в стратегическом отношении реку Карун, освободили территорию площадью 5480 км², окружили и взяли Хорремшехр, вышли на государственную границу Ирана протяженностью 170 км. Это дало им возможность начать артиллерийские обстрелы иракской территории и совершать туда диверсионные рейды силами «стражей». В ходе операции, по иракским данным, было убито и ранено свыше 16,5 тыс. иракских солдат и офицеров, захвачено в плен около 19 тыс. человек (общая численность иракских пленных оценивалась в 40 тыс.). По сообщению иракского еженедельника «Алиф-Ба», основанному на иракских официальных данных, иранские войска только за период с 30 апреля по 14 мая 1982 г. потеряли убитыми 35 793 человека.

Успешное проведение операции «Бейт аль-Мокаддас» вызвало у иранских властей соблазн ввести войска на территорию Ирака. Уже 16 мая в ходе пресс-конференции премьер-министр Ирана Мусави заявил, что мир может быть обеспечен только падением президента Ирака Саддама Хусейна.

— Мы сделаем все, что с точки зрения ислама считается обороной,— сказал он, добавив, что расширение рамок войны «отвечает интересам нашей революции и исламской революции во всем мире».

26 мая находящийся проездом в Лондоне влиятельный министр нефти Ирана Гарази в интервью, данном корреспонденту Би-би-си, заявил, что свержение С. Хусейна является предварительным условием для начала мирных переговоров. Это требование впервые было выдвинуто в таком качестве.

4 июня, выступая на пятничной молитве на территории Тегеранского университета, президент Ирана Хамени назвал и сумму военных репараций, требуемых Ираном,— 150 млрд. долларов. (В дальнейшем эта сумма была снижена до 135 млрд., затем повышена до 163 млрд., а возможность ее оплаты странами Персидского залива — отвергнута.) Президент повторил и другое, ставшее уже официальным условие — лишение С. Хусейна власти и предание его суду.

10 июня Совет революционного командования Ирака после продолжавшихся несколько часов заседаний выступил с заявлением о согласии немедленно прекратить огонь и все военные действия, а также в двухнедельный срок вывести с территории Ирана все остающиеся там иракские войска. Поскольку иранская сторона отклонила это предложение, Ирак объявил об одностороннем прекращении огня. Но руководители Ирана осудили эту акцию, сославшись на свое стремление... перебросить иранские войска через иракскую территорию в Ливан для отражения начавшейся в то время израильской агрессии в эту страну. Заявление иракских лидеров о том, что проход войск через территорию Ирака тем более вызывает необходимость прекращения огня, было расценено как намерение получить «налог» с Ирана, взявшего на себя миссию «спасения ислама и мусульман». Договоренность о прекращении огня, по словам Хашеми-Рафсанджани, «играла бы на руку сионистским агрессорам».

20 июня Ирак объявил о намерении вывести остающиеся на территории Ирана иракские войска к государ-

ственной границе. В ответ на это Хомейни на следующий день выступил с заявлением о том, что вывод войск явился бы выполнением только одного из иранских требований, выдвинутых в качестве условий прекращения вооруженного конфликта, и что Иран поэтому будет продолжать военные действия. Новую инициативу Ирака иранские руководящие деятели квалифицировали как очередной «заговор» империализма и сионизма, направленный на спасение иракского режима. Общественному мнению внутри страны усиленно навязывалась мысль о необходимости продолжать войну до «полной победы», с тем чтобы «освободить иракский народ» и как можно скорее направить войска на ливанский фронт, ибо «путь на Иерусалим лежит через Багдад». С этой целью использовались и постоянно организуемые в Тегеране демонстрации иракских мусульман с требованиями установить в Ираке исламскую республику.

9 июля Хомейни снова сформулировал важнейшие условия окончания войны: иракские лидеры должны либо убить друг друга, либо совершить самоубийство с целью заслужить «прощение Аллаха». Был предусмотрен и третий «выход»: сдаться «нашей исламской власти», чтобы можно было «организовать суд и казнь». Путь для продолжения войны был открыт.

Вечером 13 июля 1982 г., невзирая на принятую накануне Советом Безопасности ООН резолюцию с призывом о прекращении военных действий, иранские войска численностью почти 80 тыс. человек перешли иракскую границу на участке фронта длиной 10 км и начали наступление в сторону Басры, второго по величине города и главного порта Ирака. В ходе новой операции, получившей кодовое наименование «Рамадан», Хомейни обратился к иракскому народу с посланием, призывающим его присоединиться к «исламским бойцам» и «свергнуть режим Саддама Хусейна».

Новый этап эскалации военных действий объяснялся в пресс-релизе, выпущенном 14 июля постоянным представительством Ирана при ООН, необходимостью «обеспечить защиту исламских земель, предотвратить дальнейшую агрессию со стороны Ирака и других союзников США и обезопасить от иракского огня города исламской родины, а также откликнуться на просьбы миллионов иракских мусульман, которые в результате жестокой политики иракского режима стали, по существу, узниками в своей собственной стране». Спустя два дня газета «Ин-

диан экспресс» отмечала: ничто не могло вызвать большего удовольствия Израиля, как новое обострение ирано-иракского конфликта, отвлекающего внимание от агрессии в Ливане и еще более разобщающего арабский мир.

По данным, просочившимся в западную печать, в иранском руководстве возникли острые разногласия по вопросу о вторжении в Ирак. Так, сообщалось, что начальник Объединенного штаба вооруженных сил Ирана генерал Захир Нежад был против очередной наступательной операции, поскольку считал, что иранские войска не в состоянии преодолеть оборонительные укрепления иракцев без поддержки артиллерии, танков и авиации. Однако большинство представителей гражданских властей и некоторые военные деятели делали ставку на превосходство в живой силе. Спор решил Хомейни, настаивавший на немедленном свержении иракского режима и создании в Ираке исламской республики.

Обуреваемое жаждой мессианства, иранское духовенство усилило пропаганду «освободительной миссии» Ирана в войне. «Стать мучеником — священный долг каждого мусульманина», — утверждалось в ходе всех намазов и проповедей. Для добровольцев, одариваемых единовременными пособиями, перед отправкой на фронт устраивались роскошные обеды: именно такая счастливая жизнь ожидает их на том свете, если они станут мучениками. По телевидению была показана мать, потерявшая на фронте двух сыновей; провожая на войну третьего, последнего, она говорила, что не желает для него иной судьбы, кроме как стать мучеником. Газеты пестрели заверениями мальчишек 12 лет и стариков о желании умереть за «правое дело ислама». Как и их предшественники, они своими телами разминировали минные поля, без артиллерийской подготовки шли в полный рост на иракские оборонительные укрепления.

Ни одна из наступательных акций иранцев, проведенных в июле 1982 г. в рамках операции «Рамадан», практически не дала тех результатов, на которые рассчитывало иранское руководство, — взять Басру и закрепиться на подступах к Багдаду. Иракцы позволяли иранцам проникнуть на 15—20 км в глубь территории Ирака, а затем атаковывали их с флангов и вновь отбрасывали к границе. В результате иранские войска смогли удержать лишь небольшой участок иракской территории, выдвинувшийся в глубину на 5 км. По данным еженедельника

«Алиф Ба», в ходе боев с 13 по 30 июля 1982 г. потери иранцев убитыми составили 27 255 человек.

Иранское руководство, судя по всему, не было обескуражено неудачей. Выступая 25 июля перед группой функционеров режима из провинции Хорасан, Хомейни заявил, что ввод войск на территорию Ирака не предусматривал оккупацию этой страны.

— Басра не является нашей родиной, наша родина — ислам, — сказал он. — Мы следуем принципам ислама, а ислам не позволяет нам оккупировать мусульманскую страну.

Председатель иранского меджлиса Хашеми-Рафсанджани в ходе пятничного намаза в конце июля утверждал, что война Ирана против Ирака носит оборонительный характер, а среди причин, побудивших Иран ввести войска на территорию Ирака, особо подчеркнул стремление иранского руководства положить конец военным действиям. В Ираке это комментировалось так: хочешь мира — готовься к войне.

После проведения операции «Рамадан» темпы военных действий на ирано-иракском фронте несколько замедлились. Но конфликт стал принимать характер войны на взаимное истощение сторон.

12 августа 1982 г. Ирак объявил о намерении потопить любое идущее в Иран иностранное судно, которое окажется в северной части Персидского залива, и сразу же начал претворять свою угрозу на практике. Спустя три дня последовало объявление о нанесении в будущем авиационных ударов по жизненно важным объектам в глубине иранской территории. Все это имело целью лишить Иран единственного источника доходов — от продажи нефти, которые позволяли ему обеспечивать себя вооружениями и запчастями к имеющейся военной технике. 27 августа иракские самолеты пролетели над Тегераном и Кумом, что, по словам военного командования Ирака, подтвердило способность его авиации достичь любой цели в глубине иранской территории.

В свою очередь Иран регулярно вел артиллерийские обстрелы иракских городов — Басры, Ханекина, Зурбати, а также засылал в расположение иракских войск диверсионные группы.

Несмотря на снижение темпов военных действий, потери сторон продолжали расти с каждым днем. В начале сентября 1982 г. иракское информационное агентство ИНА оценило число иранцев, убитых за два года войны,

в 207 тыс. человек. Командующий сухопутными войсками Ирана полковник Ширази в ходе интервью, данного газете «Этталаат» в конце сентября, заявил, что Ирак потерял только за последний год 40 тыс. убитыми и ранеными и столько же пленными. (В ходе всех операций года, по его словам, иранцы освободили 24 тыс. км² территории.)

В дальнейшем иранские войска неоднократно предпринимали попытки провести наступательные операции, заканчивавшиеся, как правило, крупными людскими потерями. Так, в ходе неудавшихся в целом наступательных акций на центральном участке фронта в районе города Мандали и на южном участке в секторе провинции Майсан иранцы, по данным Ирака, потеряли убитыми 1—4 октября 1982 г. 2540 человек, 5—6 октября — 2352, 2 ноября — 1345, 4 ноября — 2953, 6 ноября — 982, 8 ноября — 2572, 12 ноября — 738, 15—16 ноября — 3978, 25 ноября — 3500 человек. Результатом наступательных операций этого периода было занятие иранскими войсками территории в 300 км² к северу от новой линии фронта.

В феврале 1983 г. иранские войска предприняли на южном участке фронта новую наступательную операцию под кодовым названием «Валь-Фаджр». Но и эта операция, обошедшаяся Ирану в течение пяти дней 6—10 февраля, согласно иранским данным, жизнью 15 258 человек, не привела к заметному изменению военного равновесия, установившегося на линии фронта. Хотя Ирану удалось захватить около 400 км² территории Ирака, воюющие армии удерживали по обе стороны от линии фронта, соответствующей в целом границе между двумя странами, «карманы» примерно одинаковой величины, не превышающие по площади 1000 км². Однако существовавшие теоретически условия для достойного урегулирования конфликта путем переговоров по-прежнему не могли быть реализованы из-за неуступчивости иранской стороны, отвергавшей, как и раньше, все посреднические усилия международных организаций.

Между тем каждый день войны обходился все дороже и дороже обеим воюющим сторонам. 30 января 1983 г. Хомейни даже вынужден был обратиться к иранцам с призывом жертвовать деньги на ведение военных действий. Заявив, что на войну затрачиваются ежедневно сотни миллионов риалов, он признал, что бюджет не покрывает государственных расходов. После таких обра-

щений, повторявшихся и в дальнейшем, население оказывалось перед необходимостью сбора средств для ведения никому не нужной кровопролитной войны.

Военные действия самым серьезным образом отразились и на экологии Персидского залива. Так, в результате повреждения иранского нефтяного месторождения Ноуруз, подвергнувшегося 2 марта бомбардировке иракской авиации, в воды залива за один месяц вытекло более 150 тыс. баррелей нефти, образовавшей гигантскую пленку на площади в 240 миль в длину и 30 миль в ширину. Это создало угрозу для снабжения продовольствием, водой и электроэнергией целого ряда государств — Кувейта, Саудовской Аравии, Бахрейна, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов. Утечка нефти была перекрыта только в сентябре. Аналогичные случаи повторялись и в дальнейшем.

Во второй половине 1983 г. Иран провел новые ограниченные наступательные операции, сопровождавшиеся, как и предыдущие, большими людскими потерями. Согласно иракским данным, в ходе боев на южном участке в провинции Майсан 10—17 апреля иранские войска потеряли 14 982 человека убитыми; на северном секторе фронта в боях за стратегическую высоту Кардаманд в районе Хадж-Омран 21—29 июля — 8900; в районе иранского города Мехран 5—7 августа — 5695; на северном участке фронта в течение пяти дней октября — 19 239. В ходе этих операций Иран добился лишь отдельных успехов тактического характера.

В сентябре 1983 г. общие потери Ирана за три года войны оценивались иракским еженедельником «Алиф Ба» в 289 тыс. человек убитыми (из них в последний год — 82 тыс.). Свои потери иракские военные власти не называли, но утверждали, что соотношение между потерями Ирака и Ирана составляет 1:4. Проверить эти данные по-прежнему было невозможно, и общие оценки, фигурировавшие в западной печати, имели поэтому более широкий характер. 18 августа 1983 г. американская газета «Лос-Анджелес таймс» со ссылкой на сведения госдепартамента оценивала общее число погибших с обеих сторон цифрами от 175 тыс. до 500 тыс. человек, а раненых — 600 тыс. Соотношение между потерями Ирака и Ирана, по тем же данным, было равно 1:2,5.

Среди жертв войны большое число составляло мирное население, поскольку обе стороны вели беспощадную бомбардировку гражданских объектов на территории

враждебной страны. Однако Иран долгое время отказывался от предложения Ирака подписать соглашение, запрещающее такого рода действия, расценивая подобный шаг как «пропагандистский ход» с целью выиграть время.

— Нам не нужно навязанное прекращение огня, продиктованное сверхдержавами и предложенное униженным противником. До тех пор, пока наши требования не будут справедливым образом удовлетворены, мы будем продолжать нашу оборонительную войну,— говорил в июне 1983 г. президент Ирана Хаменеи.

— Я надеюсь, что народ... не устанет от войны. Война всегда была присуща исламу, она необходима ради справедливости,— утверждал тогда же Хомейни, предупреждая народ против «тайных попыток» отдельных лиц погасить «горячее желание» и впредь оказывать сопротивление Ираку. Ибо «действия на фронте представляют собой акт самопожертвования ради защиты достоинства мусульман и иранской нации».

9 декабря 1983 г. иранский парламент одобрил новые условия призыва на военную службу. Согласно принятому закону, служба в рядах вооруженных сил считалась обязательной для всех лиц в возрасте до 30 лет, а в особых случаях, в частности при всеобщей мобилизации,— до 60 лет. Основной срок службы должен был составлять два года, а в запасе — восемь лет. Резервисты первой и второй очереди могли быть призваны на военную службу в течение 10 лет. Переход к обязательной воинской повинности вместо проводимого ранее пополнения армии за счет добровольцев оказался необходимым ввиду резко усилившегося дезертирства и уклонения молодежи от вступления в вооруженные силы путем бегства в соседние страны.

В середине февраля 1984 г. иранские войска предприняли наступление на позиции иракских сил к западу от района между Дехлораном и Мехраном. Однако оно не принесло решающих результатов. Положение мало в чем изменилось и после наступления в конце февраля, обошедшегося Ирану, согласно иракским данным, почти в 10 тыс. убитых. 57 процентов среди наступавших иранских сил, признавал министр по делам «стражей» М. Рафик-Дуст, составляли подростки и юноши, которые шли на иракские оборонительные сооружения, вооруженные только легким оружием и гранатами, не имея ни артиллерийской поддержки, ни воздушного прикрытия; широ-

кие алые повязки на головах с надписями «солдат ислама» или «готов умереть» делали их похожими на японских камикадзе. Бой тех дней считались самыми ожесточенными за все годы войны.

К началу марта на каждой стороне фронта сконцентрировалось до 500 тыс. бойцов, готовых к битве, которая, по словам западных военных аналитиков, могла стать «второй верденской мясорубкой». Однако дело ограничилось начавшимся 6 марта контрнаступлением иракцев на захваченные ранее иранцами острова Маджнуш, расположенные в болотистых местах иракской территории в нескольких километрах от иранской границы. Их захват путем больших жертв обеспечил Ирану лишь создание плацдарма для будущего наступления. Но, углубившись в болота и оторвавшись от своих тыловых баз в надежде добраться до шоссе Басра — Багдад, иранцы стали легкой добычей иракских боевых вертолетов. В течение месяца Иран потерял, по западным оценкам, 12—15 тыс. человек убитыми.

Ожидаемая наблюдателями эскалация военных действий произошла не на сухопутной границе между Ираном и Ираком, а в водах Персидского залива, на который впервые за три с половиной года боевых действий по-настоящему распространился пожар войны. Если до этого только Ирак нападал на танкеры, следующие из главного нефтяного терминала Ирана на острове Харг, то теперь к таким же действиям стали прибегать и иранцы. 13 мая 1984 г. иранские истребители-бомбардировщики обстреляли ракетами два кувейтских танкера, а 16 мая напали прямо в саудовских территориальных водах на танкер, принадлежащий Саудовской Аравии. На середину июня 1986 г. в зоне военного конфликта пострадало до 200 судов разных стран.

Еженедельник «Ньюсуик» в конце мая 1984 г. писал: «Иранцы и иракцы, кажется, исполнены решимости обеспечить себе репутацию участников одной из самых безумных войн в истории человечества... Новой вехой в эскалации этого безумия стала «война против танкеров». Война на истощение превращалась, как писала «Юманите», в войну на истребление.

Военные действия между Ираном и Ираком стали выходить за рамки двустороннего конфликта. В частности, усилилось вмешательство США, постоянно заявлявших о своем нейтралитете, но еще в октябре 1983 г. срочно направивших в Индийский океан десантное оперативное

подразделение с 2 тыс. морских пехотинцев под предлогом защиты свободы судоходства через Ормузский пролив. Спустя четыре месяца, в феврале 1984 г., в непосредственной близости от Персидского залива находились авианосец «Мидуэй» и еще пять американских военных кораблей, а в самом заливе — столько же боевых судов ВМС США. В дополнение к этому Соединенные Штаты вели наблюдение за всеми самолетами в регионе при помощи базирующихся в Саудовской Аравии самолетов, оборудованных системой АВАКС. 26 февраля американский эсминец сделал предупредительные выстрелы по иранскому разведывательному самолету и выстрелы осветительными ракетами по иранскому военному кораблю. Это мотивировалось тем, что оба — корабль и самолет — подошли слишком близко к американскому эсминцу.

С начала июня вмешательство Соединенных Штатов в войну в заливе усилилось. Военные корабли США стали эскортировать танкер, следующий в Бахрейн за топливом для американской эскадры. 5 июня военные самолеты Саудовской Аравии, наведенные на цель самолетом системы АВАКС, пилотируемым американским экипажем, сбили над саудовскими территориальными водами два иранских истребителя-бомбардировщика. Во время операции самолеты Саудовской Аравии произвели дозаправку в воздухе с помощью самолета-заправщика американских ВВС, который был доставлен туда накануне вместе с 400 зенитными ракетами. В августе 1984 г. в районе Персидского залива и Аравийского моря находилось 11,5 тыс. американских моряков и солдат.

Вмешательство США способствовало обострению ирано-иракского конфликта. Индийская газета «Нэшнл геральд» еще 18 апреля 1984 г. писала, что «по мере того как конфликт приобретает кровопролитный характер, зловещая тень внешнего вмешательства со стороны США становится все длиннее... Подлинный мотив действий США состоит не в том, чтобы помочь странам Персидского залива, а чтобы утвердить собственное присутствие в этом жизненно важном районе. К этому США стремились в течение многих десятилетий, сейчас они нашли возможность для реализации своей цели».

Район Персидского залива напоминал действующий вулкан, который то клокочет и вызывает подземные толчки, то извергает расплавленную лаву.

6 июня 1984 г. тегеранская газета «Азадеган» сооб-

шила, что Иран объявил о введении «эксклюзивной зоны» в Персидском заливе. Это значило, что все торговые суда здесь будут обыскиваться, а суда, направляющиеся в Ирак,— конфисковываться. Ранее Ирак объявил аналогичную 50-мильную зону вокруг острова Харк, где находился иранский нефтеналивной причал.

12 июня, благодаря посредничеству ООН, между Ираном и Ираком было достигнуто соглашение о временной приостановке нападений на гражданские объекты. Иранские руководители выразили согласие пойти и на прекращение взаимных нападений на суда в Персидском заливе. Но, поскольку они по-прежнему отклоняли любые всеобъемлющие переговоры о мире, иракское правительство отказалось принять это предложение.

В дальнейшем наступательные операции Ирана носили ограниченный характер и, судя по всему, не привели к существенным изменениям линии фронта. 17—21 октября 1984 г., согласно иранским данным, «исламская армия» «освободила территорию в 50 км²», захватив ряд стратегически важных высот и уничтожив 3,7 тыс. солдат противника. По данным же Ирака, он сохранил свой контроль над подвергшейся иранским атакам территорией и нанес «исламским войскам» потери в 2,5 тыс. человек убитыми. Не случайно некоторые наблюдатели называли ирано-иракский конфликт «войной противоречащих друг другу боевых сводок».

В поисках выхода из тупика, сложившегося на фронте боевых действий, воюющие стороны с начала марта 1985 г.— в нарушение соглашения о прекращении ударов по гражданским объектам и мирному населению — открыли новый этап в «войне против городов». Ракетным обстрелам и авиационным налетам подвергались не только прифронтовые и пограничные города, но и густонаселенные столицы обоих государств, что повлекло за собой огромные жертвы среди гражданского населения. Только в городах Ирана, согласно иранским официальным данным, с 5 по 19 марта погибло около 2 тыс. мирных жителей и около 4 тыс. получили ранения (общие потери такого рода с начала войны, вызванные 153 иракскими ракетными ударами по 40 иранским городам и многим деревням, оценивались в 7 тыс. погибших и 30 тыс. раненых). Опасаясь обстрелов и бомбардировок, люди были вынуждены покинуть родные места или переселяться в палатки за пределами городов. В числе подвергшихся иракским бомбардировкам гражданских

объектов в Иране были строящаяся атомная электростанция в Бушире и сталепрокатный завод в Ахвазе. Объявление Ираком воздушного пространства Ирана зоной боевых действий вызвало выезд из иранской столицы более тысячи иностранцев.

Большие потери несли обе стороны и в ходе продолжавшихся одновременно с «войной против городов» сухопутных военных действий. Так, в течение 7—10 дней марта 1985 г. в результате боев в южных районах Ирака, согласно иракским данным, погибло около 25 тыс. иранцев и, по иранским данным,— более 12 тыс. иракцев. В результате этих боев иранские войска только на несколько километров расширили плацдарм, захваченный ими в феврале 1984 г. на островах Маджнун.

В конце марта 1985 г. иранское руководство заявило о своем согласии на взаимное прекращение нападений на нефтеналивные танкеры и гражданские объекты, но вновь отвергло всякую возможность прекращения огня на фронтах. 13 апреля в заявлении журналу «Пайяме энгелаб» Хомейни говорил, что не является сторонником «войны ради войны», но и не хочет «мира, который был бы хуже войны». В то же время иранские руководители не прекращали разговоров о намерении начать «решающее генеральное наступление», призраком которого витал в воздухе уже более года, с февраля 1984 г.

В конце мая 1985 г., после непродолжительного прекращения воюющими сторонами ударов по гражданским объектам противника, иракское командование приняло решение начать новый раунд «войны против городов». Это решение мотивировалось тем, что «иранский режим настаивает на продолжении войны, угрожает безопасности и стабильности региона». Авиационные налеты на гражданские объекты и ракетные обстрелы городов приняли еще более широкий и ожесточенный характер, чем прежде.

30 мая иракская авиация впервые за весь период войны атаковала иранский остров Харк — главный нефтеналивной порт Ирана в Персидском заливе. С 15 августа такие нападения стали производиться регулярно. При этом иракские самолеты каждый раз сбрасывали на остров по 4—6—8 тонн авиабомб, с тем чтобы создать препятствия тушению пожаров и ведению восстановительных работ.

Что касается «решающего генерального наступления» Ирана, то оно так и не было осуществлено в 1985 г. От-

дельные операции местного значения, несмотря на изменения Ираном тактики, в частности отказ от направления тысяч юношей и подростков в самоубийственные наступления, заканчивались опять же большими потерями без каких-либо существенных достижений. Так, 9 сентября 1985 г. в ходе боев на северном участке фронта, по иракским данным, Иран потерял более 2,5 тыс. человек убитыми, не овладев ни пядью территории Ирака. Как полагали зарубежные военные обозреватели, тактика регулярных диверсионных операций, направленных на устрашение иракских войск, и длительная отсрочка крупномасштабного наступления объяснялись перебоями с огневой мощью и тыловым обеспечением, возникшими из-за трудностей приобретения военного снаряжения на международных «черных рынках». В то же время Ирак значительно расширил и укрепил свои оборонительные сооружения, что вызвало в Тегеране новое чувство реальности в отношении риска, связанного с продолжением войны.

С осени 1985 г. положение как будто стало изменяться. Продолжая проводить вдоль всего фронта протяженностью более тысячи километров тактику ночных молниеносных рейдов, изматывавших противника и укреплявших моральный дух «исламских бойцов», иранские власти одновременно готовили новое крупное наступление. В провинциях активизировали свою деятельность десятки вербовочных центров для привлечения добровольцев из безработных подростков и городских рабочих, которым предлагались немалые денежные пособия; предприятиям государственного сектора было разрешено освобождать от работы для отправки на фронт десять (а позже — двадцать) процентов своего персонала. К зиме 1985/86 г. на полях сражений вновь было сосредоточено до полумиллиона человек.

Наступление под кодовым названием «Валь-Фаджр-8» началось в ночь на 9 февраля 1986 г. в районе реки Шатт-эль-Араб в южной части Ирака, близ границ Кувейта. Спустя два дня иранские войска, переправившись под покровом темноты по понтонным мостам и на паромках на иракскую сторону этой пограничной реки, захватили порт Фао и его окрестности, где был создан еще один обширный плацдарм площадью около 100 км². Новая победа была достигнута такой же большой ценой, что и предыдущие. Так, согласно иракским данным, за первые два дня боев в районе Фао было убито свыше 2,5 тыс.

иранских солдат, а 15 февраля в ходе боев на острове Маджнун — 4,4 тыс. 18 февраля главное военное командование Ирака сообщило об уничтожении значительной части иранских войск, форсировавших реку Шатт-эль-Араб, и окружении оставшихся частей. За месяц боев в районе Фао, по тем же данным, иранские вооруженные силы потеряли более 50 тыс. человек убитыми и значительно большее число — ранеными. Хотя установить достоверность приведенных сведений, основываясь на противоречивых сводках обеих сторон, почти невозможно, Иран, судя по всему, действительно утратил вскоре боевую инициативу и перешел к оборонительным боям.

18 февраля вопрос о новой эскалации ирано-иракского вооруженного конфликта стал предметом обсуждения на заседаниях Совета Безопасности ООН, созванных по просьбе группы арабских государств, обеспокоенных возможностью распространения войны на территории близлежащих стран. Иран отказался принять участие в обсуждении, сославшись на неспособность Организации Объединенных Наций в предыдущих случаях остановить расширение конфликта Ираком и заявив о своей решимости самостоятельно «наказать агрессора».

24 февраля Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию с призывом к Ирану и Ираку немедленно прекратить огонь, все военные действия на суше, на море и в воздухе, незамедлительно отвести свои войска к международно признанным границам и приступить к обсуждению всех аспектов конфликта путем посредничества или с помощью любых других средств мирного разрешения споров. В документе выражалась глубокая обеспокоенность продолжающимися военными действиями, ведущими к большим человеческим жертвам и значительному материальному ущербу, создающими угрозу миру и безопасности во всем регионе, а также нарушением гуманных норм и правил ведения войны, в частности применением химического оружия, бомбардировками сугубо гражданских объектов и населенных пунктов, нападением на нейтральные суда и пассажирские самолеты. Иранское информационное агентство ИРНА выразило протест по поводу принятой резолюции.

24 февраля 1986 г. началось новое иранское наступление («Валь-Фаджр-9») на северном участке фронта, которое, однако, не дало каких-либо существенных результатов. Уже 10 марта главное военное командование и министерство иностранных дел Ирака сообщили, что

иракские вооруженные силы освободили 95 процентов захваченной иранскими войсками территории на этом участке и что положение полностью стабилизировалось в пользу Ирака.

Последующие бои имели местное значение. В мае иракские войска смогли занять иранский пограничный город Мехран. Правда, уже через шесть недель иранцы освободили его. Продолжающаяся «война против городов» приняла небывалые ранее масштабы.

Резко возрос и материальный ущерб, наносимый войной Ирану. В начале октября 1985 г. иранские официальные представители оценивали его в 200 млрд. долларов. Отмечалось, что за время военных действий было, в частности, разрушено 118 834 дома в 51 городе и в 3091 населенном пункте. За это же время правительство израсходовало на восстановительные работы всего 3 млрд. долларов, значительная часть этой суммы пошла на строительство 82 тыс. домов. Согласно официальным данным за 1984 г., Иран направил на нужды войны свыше 43 процентов государственного бюджета, исключая связанные с военными расходами непрямые затраты различных министерств и ведомств.

В сентябре 1986 г. после нескольких неудачных па-ступательных операций местного значения, предпринятых Ираном в районах городов Хадж-Омран, Кут и Киркук, военные действия на фронтах вновь приняли позиционный характер. Одновременно Иран еще больше активизировал «войну против городов», в ходе которой подверглись усиленным артиллерийским и ракетным обстрелам густонаселенные кварталы главных иракских городов — Багдада, Басры и др. По данным иракского агентства ИНА, в течение первых 10 месяцев 1986 г. иранская артиллерия выпустила по Басре 5025 снарядов, действием которых было убито 104 мирных жителя (в большинстве — женщины и дети) и ранено 434 человека, разрушено 180 домов, повреждено — 400, а также около трех десятков школ, больниц и мечетей. Авиация Ирака основные удары направляла на важные экономические объекты в глубине иранской территории и нефтяные районы на южном побережье. Наибольшие разрушения были причинены экспортному району на острове Харк, который был почти полностью выведен из строя, в результате чего экспорт иранской нефти на некоторое время сократился более чем в 7 раз. Общие потери иранской нефтедобывающей промышленности за пять лет после

начала военных действий, согласно данным правительства Ирана, опубликованным газетой «Кейхан» 21 сентября 1986 г., составили более 160 млрд. долларов (в целом экономические потери — 309 млрд. долларов).

На заседании 8 октября Совет Безопасности ООН единогласно принял новую резолюцию, призывающую Иран и Ирак полностью и незамедлительно осуществить резолюцию от 24 февраля 1986 г. Однако военные действия между двумя странами продолжались по-прежнему. «Война против городов» все чаще дополнялась рецидивами «танкерной войны», нанесшей самый большой со времен второй мировой войны ущерб торговому судоходству. Только за первые 10 месяцев 1986 г. нападению подверглось около 70 кораблей различных стран. Правда, многократно обещавшееся «последнее, решающее наступление» Ирана было отложено до создания «всех необходимых условий».

Одно из таких условий состояло в концентрации на фронтах военных действий колоссальных резервов живой силы. По некоторым данным, к сентябрю 1986 г. на всех участках фронта под ружьем стояло около 650 тыс. человек. Не довольствуясь этим, иранские руководители поставили перед Корпусом стражей исламской революции задачу создания 500 боевых батальонов, укомплектованных ополченцами. 23 ноября 1986 г. президент Хаменеи заявил, что, поскольку, согласно новой, частичной переписи населения, его численность возросла до 48 млн., Иран ныне может выставить от 25 до 30 млн. бойцов. В конце того же месяца в Тегеране состоялась церемония проводов на фронт 100-тысячного «корпуса Мохаммеда».

«Национальный и исламский долг каждого иранца — вступить в ряды громадной народной армии», — заявил на этой церемонии президент в унисон с высказыванием имама 9 ноября во время приема группы «стражей» и военнослужащих. Хомейни тогда сказал:

— Война против Ирака будет продолжаться независимо от того, буду я жив или нет, ибо это — религиозный долг.

Между тем материальный ущерб, наносимый войной Ирану, продолжал расти день ото дня.

Представители Народной партии Ирана и Иракской коммунистической партии в журнале «Проблемы мира и социализма» в конце 1985 г. писали:

«Чтобы питать ненасытного молоха войны, трудящихся заставляют идти на все новые жертвы. Во имя «помощи фронту» их в различной форме облагают весьма обременительными поборами. Используются такие приемы, как насильственный сбор «пожертвований» деньгами и вещами из золота, вычеты из зарплаты, введение дополнительных налогов. Отменены или резко сокращены субсидии для поддержания цен на товары первой необходимости, свирепствуют дороговизна, инфляция».

Бессмысленная война между Ираном и Ираком, несущая опасность всеобщему миру, свидетельствовала о наличии сил, заинтересованных в ее продолжении. Мировая демократическая печать в этой связи прямо указывала на США и Израиль. Стянув к району Персидского залива мощный флот, американская военщина не ослабляла, а нагнетала напряженность в регионе. Израильское же руководство без обиняков заявляло, что ирано-иракская война идет на пользу Израилю, заинтересованному в том, чтобы ни одна из сторон не одержала решительной победы, чтобы военные действия между ними продолжались как можно дольше. Война затрагивала не только империалистические амбиции Пентагона и израильской военщины, но и интересы владельцев нефтяных компаний, торговцев оружием и банкиров (ежемесячные расходы Ирана на войну только в иностранной валюте составляли около 250 млн. долларов). Французская «Монд» в номере от 23—24 сентября 1984 г. писала:

«Это может показаться цинизмом. Но нельзя, однако, не констатировать, что нефтяные компании... сейчас, четыре года спустя после начала ирано-иракской войны, больше всего боятся ее прекращения. Ведь к ней все приспособились, и она в известном смысле улаживает кое-какие проблемы, надолго заморозив часть нефтедобывающих мощностей. Главным последствием установления мира было бы скорое появление на затоваренном ныне мировом рынке нескольких дополнительных миллионов баррелей нефти. А это грозило бы новым падением цен...»

«По правде говоря,— отмечал в конце мая 1984 г. американский еженедельник «Ньюсуик»,— восстановление мира создало бы трудности для торговцев оружием, банкиров и владельцев нефтяных компаний... Но коль скоро мировой экономике для того, чтобы нормально функционировать, нужна столь ужасная война, должно быть, в

ней что-то неладно. Если западные страны не в состоянии найти лучший способ регулирования своей финансовой системы,— значит, они вполне заслужили, чтобы она потерпела крах».

Иранский «религиозный истеблишмент» в своих действиях руководствовался, естественно, другим мотивом. Войну с Ираком он характеризовал как войну против США и сионизма, а не как войну против братьев-мусульман. Пытаясь сохранить атмосферу религиозного угара и подогреть воинственные настроения, он изо дня в день твердил одно и то же: эскалация Ираком военных действий лишь укрепляет решимость и силу духа иранского народа. В ответ на утверждения иностранных корреспондентов об известном им недовольстве народа, официальные деятели утверждали, что пострадавшие от бомбардировок «негодуют на тех, кто сбрасывал бомбы». Хомейни обращал внимание своих слушателей на то, что многие родители, вытаскивая останки своих детей из-под развалин разрушенных иракской авиацией домов, скандируют: «Война, война — до полной победы!»

Иностранные наблюдатели оценивали ситуацию несколько иначе. 15 мая 1985 г. специальный корреспондент французской «Монд» писал:

«В Тегеране власти прибегли к методам, опробованным после бомбардировок прифронтовых городов: всякий раз, когда какой-нибудь квартал подвергался сильному обстрелу, его оцепляли, а бульдозеры расчищали завалы. Затем прибывала съемочная группа телевидения, а хезболлахи перед телекамерой изображали местных жителей, «не желавших ничего, кроме продолжения войны до победного конца», тогда как настоящие жители квартала, пережившие такое тяжелое испытание, вовсе и не думали выходить на демонстрацию».

Относительно действительной реакции иранских родителей на гибель своих детей газета «Интернэшнл геральд трибюн» 4 февраля 1985 г. отмечала:

«Большое число жертв явилось следствием плохой подготовки наступлений. Это не ускользнуло от деревенских мулл, которые были вынуждены выслушивать разгневанных родителей. Некоторые муллы избрали рискованный путь и передали жалобы аятолле. В результате им был преподан урок верности режиму».

Для иранского руководства конфликт с Ираком стал «крестовым походом», представляющим пробный камень

веры, от которой нельзя отказаться, а культ мучеников был возведен в непререкаемую догму, к которой никто не мог проявить неуважение. Крылатая фраза одного из руководителей общества Ходжатие, произнесенная еще в ноябре 1981 г., — «Мученики войны на самом деле никакие не мученики; они попросту мертвецы» — считалась тем более святотатственной, что сам имам постоянно называл войну с Ираком «борьбой ислама с ересью». Повторив эту мысль в выступлении по телевидению 20 марта 1984 г. по случаю наступления мусульманского нового года, он сказал:

— Мы будем и впредь следовать этому пути, и с божьей помощью мы намерены дойти до конца, что бы там ни говорили Восток и Запад.

Позволив себе утешить тех, кто потерял в войне кого-либо из близких, имам назидательно добавил:

— Нужно знать, что все, чем мы обладаем, дается богом. И печалиться о смерти кого-либо — значит думать, что этот человек принадлежал нам. Но, если верить, что все принадлежит богу, можно сказать, что бог дал нам все блага и радости и может забрать их обратно. Жертвы войны были призваны богом. Если мы сумеем понять это, мы можем сказать, что это праздник и для всех тех, кто принес себя в жертву, для всех раненых и инвалидов. Это праздник для всех тех, кто потерял кого-то из близких, призванных богом к себе.

23 сентября 1985 г. корреспондент «Нью-Йорк таймс» по военным проблемам, ссылаясь на данные разведок стран — членов НАТО, отмечал, что в результате пяти лет боевых действий между Ираном и Ираком «число погибших приближается к одному миллиону. Согласно оценкам, Иран потерял от 420 до 580 тыс. человек, а Ирак — до 300 тыс.». По заявлениям же моджахединов, в ходе войны было убито и ранено около 1,5 млн. человек, а 2 млн. остались без крова.

В те сентябрьские дни в Тегеране в очередной раз проходила «Неделя войны». По улицам столицы непрерывным потоком шли раненые и вдовы, старики и юноши с кроваво-красными повязками на головах, символизирующими готовность к самопожертвованию, перебинтованные или передвигающиеся в креслах для инвалидов молодые люди, получившие ранения в ходе войны. Шли и те, кому еще только предстояло вкушать «радость мученичества». Об этом говорили белые саваны за их спинами, металлические «ключи от неба» на шее и та-

лисманы с надписью: «У меня есть особое разрешение имама вознестись на небеса».

И партиями отправлялись на фронт.

Ирано-иракская война длится уже шесть лет, в ходе ее обе стороны понесли и продолжают нести большие людские потери и огромный материальный ущерб. В результате этой войны оказался скованным антиимпериалистический потенциал обеих стран, усилился раскол арабского мира. Продолжение войны облегчает вмешательство империалистических сил в дела региона.

Советский Союз выступает за прекращение войны, за мирное урегулирование разногласий между Ираном и Ираком на основе уважения их территориальной целостности и признания существующих между ними границ.

Итак, правящее в Иране духовенство, казалось бы, добилось многого из того, чего хотело. Принцип государственного верховенства религиозных лидеров не был поколеблен, но ценой тому был отказ от провозглашенных ранее прогрессивных социально-экономических преобразований. Сохранилась в силе и догма об «исламской экономической системе», однако многие первоначально объявленные лозунги остались декларациями. Основной внешнеполитический лозунг «Ни Запад, ни Восток» и антикапиталистическая риторика не препятствовали развитию всесторонних экономических связей с мировым капиталистическим хозяйством и политических отношений с империалистическими державами. Война с Ираком рассматривалась во влиятельных тегеранских кругах как элемент сохранения жизнеспособности режима шиитской теократии, но одновременно она стала и фактором, способствующим росту оппозиционных настроений среди населения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ЧИСТИЛИЩЕ

(ВМЕСТО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В ноябре 1981 г. министр исламской ориентации Исламской Республики Иран, бывший, разумеется, религиозным деятелем, сделал весьма симптоматичное заявление. Как и всякая революция, сказал он, революция в Иране переживает сейчас переходную фазу между старым и новым порядком.

— Это чистилище, через которое мы проходим, — отметил министр, — является также опытным полем, на котором мы распознаем наших друзей и наших врагов.

В словах министра было много горькой правды по поводу и «чистилища», и «опытного поля», и «друзей и врагов». К тому времени, когда были произнесены эти слова, «тегеранская весна», пережив жаркое лето и слякотную осень, сменилась холодной зимой. Пришедшие к верховной власти клерикальные силы быстро перешли от задачи уничтожения шахского режима к задаче ликвидации своих союзников, которым недолго пришлось испытать иллюзорное чувство солидарности и общей цели. Исламская волна, безжалостно смыв с открытой политической арены всех противников теократического режима как из правого, так особенно и из левого лагеря, вознесла огромное здание безраздельного господства вез-

десущего духовенства. Иранский политический ландшафт, представлявший еще недавно бурлящую массу партий и влиятельных политических групп, стал похож на пустошь. Ни один участник той большой коалиции, за исключением очищенного от всех примкнувших элементов исламского движения, не получил доступа ни в центральные, ни в местные органы власти.

Политическую оппозицию постигла тяжелая участь. Одни из ее участников были казнены или убиты, другие брошены в печально известные тюрьмы без всякой надежды на судебный процесс (и тем более справедливый), третьи эмигрировали из страны, четвертые предпочли отсиживаться дома из-за опасения оказаться в камерах пыток или в числе смертников тюрьмы Эвин, пятые ушли в партизанские группы, периодически совершающие антиправительственные вылазки. Вопреки иллюзиям находящейся в эмиграции промонархической и либеральной оппозиции, считающей себя в Париже или Лондоне средоточием всех надежд, большинству населения Ирана она почти неизвестна, хотя ее стенания постоянно слышатся в коротковолновых передачах из столиц Ирака, Англии, США.

И все же оппозиционные настроения существуют — в армии, сражающейся под неусыпным оком «стражей исламской революции», среди низкооплачиваемых служащих и притесняемых женщин, среди рабочих и бедного люда, несущего на себе экономические невзгоды и тяготы войны, среди традиционно настроенного духовенства, выступающего против эксплуатации религии в политических целях, и многих других групп населения. Но эти настроения парализованы страхом. Большинство продолжает думать, скрывая свои мысли, — привычка, веками вырабатывавшаяся в стране, всегда бывшей оплотом деспотизма. Апатия и недовольство распространяются в городах по мере того, как экономические тяготы и военная кампания требуют все больше и больше жертв.

Повседневная жизнь горожан контролируется и регулируется множеством институтов, новых или преобразованных, более эффективных и всеобъемлющих, чем во времена шаха. Правда, деятели режима стали больше заботиться о своем престиже и внешней респектабельности исламской власти, несколько ослабили репрессивные методы.

Относительной стабилизации исламского режима в небольшой степени способствовала и его социально-полити-

ческая эволюция, несколько расширившая опору правящего духовенства. От потока религиозно-революционной риторики, сменившей в свое время имперскую манию шаха, осталось очень и очень немного: вера все чаще и чаще пасует перед прагматизмом. Правда, продовольственные карточки на некоторые основные виды продуктов по-прежнему позволяют массе обездоленных получать в длинных очередях более или менее прожиточный минимум по ценам, субсидируемым государством. Но одновременно резко возросли и проявления социального неравенства: магазины, как и в шахские времена, предлагают кричащие предметы роскоши, рестораны — изысканные меню, а те представители старых зажиточных слоев из северных кварталов Тегерана, которые не старались быть на виду во времена монархии, вновь, хотя и осторожно, выставляют напоказ свои богатства. Те же, кто разбогател при исламском режиме, и вовсе не стыдятся атрибутов своего нового благополучия. Журнал «Шпигель» 9 сентября 1985 г. писал:

«Иранцы раздосадованы также и тем, что в государстве мулл, которое вознамерилось ликвидировать «продажность этого мира», даже по мнению многих иранских специалистов, коррупция должностных лиц на всех уровнях приобрела в ряде случаев такие масштабы, которые напоминают о временах шаха.

Толстые пачки банкнот, врученные по назначению, помогают преодолевать необозримый лабиринт бюрократического аппарата, упрямство которого не всегда в состоянии преодолеть даже и министры со своими указаниями. Ведь толпы большей частью невежественных бездельников, находящихся на содержании у государства, которые, попивая чай и покуривая, сидят повсюду в министерствах, должны хотя бы внешне подтверждать свое право на существование».

«Формируется новая правящая группа, не менее высокомерная, чем прежде, — отмечал еще в июле 1983 г. журнал «Монд дипломатик». — Те, кто работают в учреждениях режима, мечетях, комитетах, исламских ассоциациях административных органов или предприятий, служат в корпусе «стражей революции», помимо своей заработной платы получают дополнительные льготы».

Идея «исламской республики» просвечивается в основном в пламени исламизации быта — то затухающем, то вновь разгорающемся — в зависимости от политических маневров власть имущих. Главные атрибуты этого

быта — строгая исламская одежда для женщин, олицетворяющая «высокие моральные качества», и небритые лица у мужчин, символизирующие постоянную «революционную готовность». Послабления и ужесточения, допускаемые в данном вопросе религиозными деятелями, имеют основание в том стихе Корана, в котором говорится: «Стирает Аллах, что желает, и утверждает; у Него — мать книги».

Не менее важная и неотъемлемая черта исламского быта — непрекращающаяся война с Ираком. Она ощущается повсюду: на первых страницах газет, пестреющих победными репортажами; в длинных телевизионных репортажах с фронта, умалчивающих о бесчисленных жертвах; религиозных проповедях, от пятницы к пятнице обещающих «близкую победу»; запущенных дорогах, по которым обездоленные, как и при прежнем режиме, бредут из деревень в города в надежде на лучшую жизнь; очередях у продовольственных лавок; вырисовывающихся на фоне неба силуэтах высоких кранов и ржавеющих скелетах недостроенных общественных учреждений; разрушенных артиллерийскими обстрелами и воздушными налетами зданиях; обшарпанных фасадах домов.

Но более всего война ощущается на разрастающихся с каждым днем по всему Ирану — в каждом городе и каждой деревне — кладбищах. В 1984 г. в Исфагане мэр города торжественно открыл «мемориал более чудесный, чем Персеполь» — гигантское кладбище, где захоронено 25 тыс. жертв войны и осталось свободное место еще для десятков тысяч людей. На тегеранском кладбище Бехеште-Захра все новым «мученикам войны», несмотря на разбивку все новых и новых квадратов, рассчитанных каждый на 10 тыс. могил, не хватает места подле «мучеников революции». Ставшее в известном смысле духовным средоточием нации, оно ежедневно привлекает тысячи соблюдающих траур и просто набожных посетителей. «Мученики, спите спокойно, никто не лишит вас вашей победы» — эти слова имама украшают ворота кладбища. А за воротами — семиярусный Фонтан мучеников, вода в котором по торжественным дням подкрашивается красной краской.

Но не все покоятся на мемориальной части кладбища. Те, кто погибли в тюрьме Эвин, похоронены в месте, называемом «участок проклятых» и напоминающем общую могилу. За ним не ухаживают, там нет цветов, которые могли бы возложить родственники казненных,

остающиеся в неведении о месте их погребения, там есть лишь мусор, сваливаемый, словно на помойку, членами «партии Аллаха».

В стране почти не осталось семей, которые бы избежали зловещей тени войны. И если раньше считалось, что военный конфликт с Ираком вызывает нехватку всего, кроме добровольцев на «мученичество», то в последнее время желающих попасть прямо в рай становится все меньше и меньше. Даже несмотря на то что их семьи получают денежную «компенсацию» и «карточку мученика», по которой можно приобрести дополнительное продовольствие по субсидируемым ценам и льготы при устройстве на государственную службу. Уклонения от военных призывов приобрели такие масштабы, что парламент принял закон о лишении соответствующих лиц гражданских прав, а их родственников — продовольственного снабжения. В то же время власти регулярно прибегают к таким способам финансирования войны, как «пожертвование» государственными служащими части заработной платы на нужды военных действий, неоплачиваемые сверхурочные работы и т. п.

Духовенство, провозгласившее в свое время лозунг «Война, война — до полной победы!», в последнее время то призывает население быть готовым к тому, что война будет тянуться десятилетиями, то обещает закончить ее в самое ближайшее время. Это — ответ на вопрос участников антивоенных демонстраций, скандирующих в противовес официальному лозунгу: «Война, война, а где же победа?»

Чистилище — так чистилище.

В словах министра исламской ориентации Ирана, приведенных в начале этого раздела, не было учтено самое важное: через чистилище проходит не только общественный «порядок», но и сама революция. Вспомним слова К. Маркса: «...Революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически»¹. Следовательно, временные поражения, отступления и зигзаги революции не могут быть основанием для пессимизма. Они не ослабляют, а закаляют волю подлинных революционеров, укрепляют в них веру в конечную победу, вооружают их новым опытом борьбы, способным оказать решающее влияние на исход грядущих классовых битв.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 205.

Положение в Иране свидетельствует о прозорливости слов относительно «путешествия через чистилище». Нет сомнения, что иранский народ, имеющий славные традиции демократической и антиимпериалистической борьбы, выстоявший и победивший в неравной схватке с монархическим режимом, проявивший способность преодолевать тяготы и лишения послереволюционного периода, сможет выйти из огня «очищения» и найти наконец путь, ведущий к свободе и лучшей доле.

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕАЛЫ И ИДОЛЫ (Вместо предисловия)	3
ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ КАТАСТРОФА	6
Крах шахского режима	—
НЕВОЛЯ ПУЩЕ ОХОТЫ	35
Американские эмиссары в Иране	—
ПОБЕДЫ БЕЗ ПРОСВЕТА	67
Трудный путь развития «исламской революции»	—
ТУПИКИ ВОСХОЖДЕНИЯ	124
Внутриполитическая борьба обостряется	—
НА ЗЫБКИХ ВЕРШИНАХ	196
Иран начала 80-х годов	—
ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ЧИСТИЛИЩЕ (Вместо заключения)	313

Семен Львович Агаев

ИРАН

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ
СОБЫТИЯ. ЛЮДИ. ИДЕИ

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *И. П. Башкирова*

Младший редактор *Т. В. Гуничева*

Художник *Б. Г. Попов*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Е. Ю. Тихомирова*

ИБ № 5524

Сдано в набор 21.10.86. Подписано в печать 26.01.87. А00012. Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 18,24. Тираж 50 тыс. экз. Заказ 2288. Цена 1 р. 30 к

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

